

Татьяна Устименко Дочь Господня

Экзорцисты – 1

Текст предоставлен автором <http://www.litres.ru>

«Дочь Господня»: «Издательство АЛЬФА-КНИГА»; М.; 2009
ISBN 978-5-9922-0350-9

Аннотация

Ох и не простое это оказывается дело – учиться на экзорцистку, набираясь благочестия в специализированном католическом монастыре. И вроде бы в молитвах я пока особо не поднаторела, а уже приходится утихомиривать ангелов, знакомиться с вервольфом, стрелять, драться со стригоями и спасать священный Грааль. В общем, по полной программе оправдывать звание избранной Дочери Господней, коей предназначено найти ключи от рая и ада. А между тем положение у нас неважнецкое – дети Тьмы замутили что-то непонятное и ушли составлять заговор. Ну да ничего, отобьемся, ибо мы еще «ушлее»!

Татьяна Устименко Дочь Господня

Все совпадения с реальными или библейскими именами и событиями являются случайными

*Сам Христос нам за командира,
Мы спецназ – истребители вампиров.
Группа «Сектор Газа»*

Пролог

Его Высокопреосвященство Анастасио ди Баллестро, кардинал Туринский легко перепрыгнул через две последние ступеньки и достиг лестничной площадки между третьим и четвертым этажами. Он поднял голову и оценивающе взглянул на оставшийся участок пути, крутыми витками спирально уходящий вверх. Несмотря на изначально взятый высокий темп бега и значительное расстояние, Его Высокопреосвященство даже не запыхался. Видимо, сказывались блестяще оправдавшие себя ежедневные утренние тренировки и правильно сбалансированное умеренное питание. Ди Баллестро без затруднений преодолел еще один лестничный пролет, удовлетворенно прислушиваясь к бурлению молодой силы, переполнявшей эластичные, отлично разработанные мышцы. Пропорциональным телосложением и рельефной мускулатурой кардинал выгодно отличался от всех прочих, безнадежно располневших членов Папской курии, составлявших ближайшее окружение Его Святейшества Бонифация XIII. В свои пятьдесят четыре года он выглядел от силы лет на сорок, идеально сохранив юношескую поджарость, так шедшую к его смуглому лицу с хищным орлиным профилем. Благородная седина едва посеребрила виски Анастасио, придав должный аристократизм этому утонченному представителю старинного дворянского рода, выгодно оттенив и высокомерно поджатый тонкогубый рот, и ноздри изящного очерка, и пламенные черные глаза, утопающие в тени пушистых ресниц. О, кардинал ди Баллестро по праву считался подлинным украшением замкнутого и чопорного Ватиканского двора, сlyвя одним из самых образованных и интеллектуальных прелатов. Да и Его Святейшество Бонифаций неизменно примечал и жаловал владыку Туринского, обязательно приглашая его как на торжественные заседания церковного совета, так и на традиционные дружеские чаепития, больше смахивающие на элитное сборище избранных. Вот уж где кардиналы от души предавались отнюдь не бдению и молитвам, а неумеренному греховному чревоугодию, так это именно на тех частных папских посиделках. Сам Бонифаций XIII – мужчина физически весьма крепкий и совсем еще не старый, нисколько не чуждался светских развлечений, уважая и современную музыку, и хорошие философские фильмы, и книги модных авторов, а превыше всего – увлекательную беседу. Впрочем, уж в чем, в чем, а именно вот в таких, совершенно не религиозных беседах на знаменитых тайных чаепитиях недостатка как раз и не наблюдалось. Да и сами эти неофициальные, порой даже крамольные разговоры всегда выходили столь же обильными и разнообразными, как и щедрый папский стол. А ведь чем там только не угощали! Сладостями из Перуджи и медом из Авиньона, наливками из Палермо и мармеладом из Падуи, мятными лепешками из Фоджи и золотистым изюмом из Генуи. И немудрено, что мало кто из великих прелатов святой католической церкви сумел сохранить стройность и бодрость тела при столь изысканном и калорийном питании. Кардинал Анастасио, совершенно равнодушный к предлагаемым лакомствам и вежливо принимавший из рук папского секретаря лишь чашечку зеленого чая без сахара, брезгливо косился на безобразно расплывшегося, разжиревшего Гуччо Одеризи, чьи внушительные тела вяло колыхались под красной шелковой сутаной. Или же на маленького кругленького Жана де Руво, обильно потевшего от третьей порции горячего шоколада с корицей. Папа Бонифаций хитро усмехался, скромно отщипывал ягодку винограда да принимался еще радушнее, чем обычно, потчевать своих прожорливых кардиналов. Лстивая, жадная до почестей и дармовых яств толпа церковных прихлебателей дружно славилась Его Святейшество, быстро опустошая обширный и богатый стол. И один лишь Анастасио проницательно замечал, как живой святой иногда предусмотрительно прикрывал веки, притушив острый, мудрый взгляд изумрудно-зеленых глаз. Но сладкоежки-кардиналы совсем не понимали, что на самом деле их прочно держат в ежовых рукавицах, приманчиво смазанных поверху мармеладом и пастилой, лишь для приличия учитывая искусственно спровоцированные мнения и советы членов курии. Безупречную тонзуру Его Святейшества окружали волнистые пряди золотисто-рыжих волос. В жилах папы Бонифация

текла вольнолюбивая польская кровь, иногда бурно пробивающаяся сквозь налет искусно наложенного смирения и благочестия. И тогда кардинал Туринский сокрушенно хмурился да вздыхал украдкой, сожалея, что Темный покровитель послал ему столь сильного врага, сумевшего собственными стараниями выделиться из провинциальных рядовых каноников и прочно занять священный папский престол. А неудовлетворенное честолюбие неприятно подсказывало Анастасию, что сам-то он, не смотря на родовитость и зажиточность, так и не сумел добиться желанного звания великого понтифика.

Впрочем, сейчас кардиналу было не до этого. Сильные ноги, облаченные в удобные кроссовки, ловко несли его по бесконечным лестницам великолепной ватиканской резиденции. Джинсы и легкая трикотажная рубашка, на время сменившие торжественное церковное облачение, как нельзя лучше подходили для нынешней судьбоносной миссии. На здоровье кардинал не жаловался, поэтому и ждал, скрывая нетерпение, когда наконец-то настанет долгожданный момент применить все свои, так долго накапливаемые выдержку, выносливость и хладнокровие. И вот назначенный час пробил сегодня, девятого числа девятого месяца две тысячи девятого года. Кардинал ди Баллестро бегом пересек длинную галерею, распахнул двустворчатые двери и начал второй этап своего долгого пути, сейчас уводящего его вниз, в сумрачные прохладные катакомбы, расположенные под зданием храма Святого Петра. Ибо именно там, еще с давних времен первых крестовых походов, и находились самые секретные, навечно скрытые от непосвященных глаз ватиканские хранилища.

Кардинал на секунду задержался перед пестрой флорентийской мозаикой, украшавшей холл галереи. Удивительнейшим образом подобранные кусочки цветного стекла в точности воспроизводили художавый до аскетичности лик Спасителя, глянувший на кардинала с безмолвной укоризной. Анастасию неуютно поежился под обличающим взглядом неживых, но таких осмысленных глаз.

«Эх, не было печали, взяли – да зачали! – презрительно хмыкнул он, отвечая Господу враждебным пренебрежительным взглядом. – Ну да ничего, и твоя власть не безгранична!» И он торопливо побежал дальше, бережно ощупывая два ключа, спрятанных на груди под ткань рубашки. Первый – обычная пластиковая пластинка от магнитного замка хранилища, а вот второй – старинный бронзовый, от серебряного ковчежца, оберегавшего священный манускрипт. Сегодня – девятого числа девятого месяца две тысячи девятого года, за девять минут до полуночи звезды наконец-то встанут в нужное положение, ознаменовав наступление лунного затмения, длящегося всего девять минут. Легендарное число – 999, на самом деле скрывающее темное знамение – 666. Число Зверя... На недолгое время Зверь проснется – тайный Темный покровитель обретет видимость полной силы, пускай и всего-то на краткие девять минут. Но и этого вполне достаточно. Ибо нынешней ночью огромный Ватикан уснул беспробудным тяжелым сном, ниспосланным в помощь кардиналу-отступнику. Замертво спят все, даже электронные устройства следящих камер видеонаблюдения, которые показывают на мониторах одни лишь помехи серого снега, надежно скрывающие путь Его Высокопреосвященства ди Баллестро. И никто, даже сам Господь, уже не в силах изменить предначертанное!

Кардинал открыл двери хранилища, быстро миновал собранные в нем чудесные сокровища и подошел к серебряному ящичку, стоящему на специальном, отдаленном от всего прочего возвышении. Бронзовый ключ со скрежетом повернулся в тяжелом замке. Анастасию трепетно протянул дрожащие от волнения ладони и извлек из ковчежца тонкую рукописную книжицу, переплетенную в нежную, бархатистую кожу нерожденных младенцев. Закрыв глаза, мысленно испросил благословения Темного повелителя и торопливо зашептал черную молитву:

– Властью Вельзевула, гневом Белиала, яростью Асмодея – заклинаю тебя, древний гримуар, содержащий память Тьмы и частицу души Люцифера, яви мне свое пророчество!

И будто услышав страстную мольбу предателя, книга ожила. На переплете медленно проступили неровные буквы, угловатые и страшные, словно выцарапанные когтем

неведомого чудовища, сложившись в немыслимую надпись – «Евангелие от Сатаны». Отступник испуганно задрожал и чуть не выронил запретный манускрипт. Книга раскрылась сама собой, угрожающе зашелестев пергаментными страницами. Внезапно подул ледяной ветер, наполняя хранилище могильным холодом и первородным, неуправляемым ужасом. Листы из человеческой кожи, пожелтевшие от времени и абсолютно пустые, переворачивались, двигались и шуршали, пока не замерли на середине тома. Кардинал осторожно достал из кармана склянку темного стекла, откупорил ее и капнул на страницу несколько капель крови непорочной девственницы, достать которую было совсем не просто. Алая жидкость тут же загорелась яркими искрами, плавно перетекавшими в буквы и слова, появляющиеся лишь на миг и почти сразу тающие бесследно. Кардинал читал взахлеб, боясь пропустить или забыть что-то важное. Его неожиданно охрипший голос торжественно раскатился под сумрачными сводами хранилища:

– ... и наступит смутное время. Воссияет на небосклоне звезда по имени Полынь – предвестница конца света. Разверзнутся хляби небесные, хлынут из Ада исчадия тьмы, а мертвые восстанут из могил. И явятся на землю дети Сатаны в сопровождении демонов своих, не убоясь карающих мечей ангелов смерти. Но выйдет против них Дщерь Господня, зачатая во грехе и несущая наследие падшей крови, но чином архангельским осененная. А в руках у нее будут ключи от Рая и Ада. И никому не ведомо – спасет ли она от гибели Царство Божие и человеческое, или же наоборот – приблизит наступление апокалипсиса...

Тут кровь в склянке закончилась, и буквы потухли окончательно. Кардинал задумчиво закрыл проклятую книгу и бережно убрал ее обратно в серебряный футляр.

– Дщерь Господня! – он недоуменно возвел глаза к низкому потолку, словно пытаясь узреть лик незнакомой девы. – Кто же ты, Дочь Господня, и где мне искать тебя?

Но ответа не последовало.

Часть первая

Глава 1

В распахнутое настежь окно веяло благодатной ночной прохладой. Я с наслаждением зевнула, чуть не вывихнув челюсть, и глубоко вдохнула свежий, бодрящий воздух. Привычно принялась, анализируя букет наплывающих ароматов. Так, что там у нас сегодня в наличии? Натренированное обоняние тут же услужливо выхватило незабываемый, пьянящий запах пробуждающейся от зимней спячки виноградной лозы, а еще – тончайшее амбре искристого снега со склона Альпийских гор, отдающее молодой травой и едва распустившимися первоцветами. Слава Всевышнему, я не уловила ни сладко-мертвенного привкуса теплой крови, ни тяжелого смрада гари и пепла. Значит, врагов поблизости не наблюдается, ведь ведьма всегда пахнет ведьмой, приторным зловонием злобного умысла и горечью нечистой совести. Но сейчас в спящем аббатстве царили благодать и умиротворение. Лишь с кухни чуть ощутимо тянуло легким чадом подгоревшей рыбы. Ну, ясно дело, опять наша стряпуха – толстая сестра Катерина, ночной трапезой грешную плоть тешит. Я проказливо улыбнулась. «Помните, дети мои – плоть слаба, зато дух силен!» – любит непритворно-пафосно изрекать в таких случаях наш главный экзорцист отец Бернард. А нерадивые студии украдкой прыскают в кулак и злорадно добавляют: «Если дух так силен, то почему же всегда в итоге выигрывают грешные, плотские устремления?» Мда-а-а, неувязочка, однако, получается. Ну да это все сухая теория. А на практике святой отец непререкаемо прав – никогда не ослабляй контроля духа над телом, приглядывайся и принимайся, бди. Не дай Господи – запахнет адскими соблазнами, да полезут из Тьмы твари нечистые и богопротивные, ибо Дьявол – не дремлет. Вот поэтому все мы, с самого юного возраста приучены мгновенно и безошибочно выделять из окружающего многообразного мира мельчайшие проявления хитроумных происков злейшего врага рода человеческого. И искоренять их без промедления. Ведь для этого нас здесь и готовят –

молодых экзорцистов!

Но сейчас-то все спокойно. Ну, почти все! Я недоуменно нахмурилась, пытаюсь понять, что именно и так не вовремя вырвало меня из сладких объятий сна задолго до начала утренних занятий. Бросила мимолетный взгляд на электронный циферблат, весело помаргивающий на прикроватной тумбочке: пять после полуночи. Небо на горизонте едва начинает нехотя окрашиваться в нежнейшие розовые тона. Рано-то еще как, даже сладкоголосые малиновки молчат и не торопятся заводить привычную предрассветную распевку. Я поправила сползшую с плеча бретельку ночной рубашки, перевернулась на другой бок и удобно прижалась щекой к сложенным ладоням, приготовившись посмотреть еще парочку снов, как вдруг... Да, именно этот надоедливый звук и испортил мое упоительное видение, в котором я, крепко упершись прикладом автомата в мешок с песком, щедро поливала смертоносным свинцом толпу мерзких упырей, жалобно корчившихся под ливнем освященных пуль. Правильно, туда им и дорога! А еще, нефига на ночь ужасы по телевизору смотреть... Я старательно зажмурила глаза, пытаюсь усилием воли вернуть себя обратно в царство древнегреческого бога Гипноса, но не тут-то было. Со стороны открытого окна повторно донесся протяжный мучительный стон. Я вмазала кулаком по ни в чем не повинной подушке, нехотя сползла с кровати и, не обременяя себя нашариваем куда-то затерявшихся тапочек, босиком прошлепала к окну...

Думаю – он давно уже устал и выбился из сил. Белоснежные, пышно оперенные крылья трепыхались часто и натужно, как у замученной птички колибри, зависшей перед цветком, но так и не сумевшей подобраться к вожденному нектару. Сравнение мне понравилось, хотя парящий за окном юноша больше смахивал не на изящную колибри, а на мокрую от пота взъерошенную курицу. Причем курицу, добровольно готовую на все что угодно, хоть на отправку в суп, хоть на жарку в гриле. Обильные и отнюдь не ароматные потеки пятнали ворот некогда белой туники. Очередная крупная капля пота повисла на носу утомленного юноши и, сорвавшись, оросила изрядно замызганный наряд. Я скептически хмыкнула. И какому дураку пришло в голову назвать пот ангелов божьей росой? Кажется, блаженному Августину. Вот именно, блаженному – это не иначе как от слова блажь. Ибо пахнет от замученных ангелов ничем не лучше, чем от обычных взопревших мужиков.

– Ну, как ты там, Казанова местного значения? – милосердно осведомилась я. – Поутихли, поди, гормоны-то? Ведь с полуночи здесь висишь...

Плененный ангел приоткрыл пересохший рот:

– Забери тебя адское пламя, Селестина! Тебе не кажется, что это слишком жестокое наказание за столь незначительный проступок? И чего ты за нее так цепляешься, за эту свою треклятую девственность? – хрипло каркнул он.

– Проклятиями сыплем, значит! Богохульствуем, значит! – ехидно подметила я. – А это, мой сексуально озабоченный друг, уже чревато чем-то гораздо большим, чем просто лишение десерта за обедом!

Ангел одарил меня обиженным взглядом огромных аквамариново-голубых глаз.

Я вздохнула и коротко пробубнила освобождающую молитву. Псалом кающейся Магдалины, удерживающий юношу в воздухе и не позволяющий ему опуститься на землю или сложить крылья, спал, ангел коротко всплеснул затекшими конечностями и чуть не рухнул вниз, но чудом успел зацепиться за оконную раму. Я хмыкнула, к месту вспомнив анекдот о том, что «на следующее утро чудо распухло и мешало ходить». Юноша всхлипнул, напрягая мускулы рук и тщетно стараясь самостоятельно удержаться от падения, и тут я усовестилась. Потянула его за грязную тунику, помогая вскарабкаться на подоконник. Ангел, стройный и гибкий, но вместе с тем мускулистый и широкоплечий, с трудом протиснулся в оконный проем и уселся, свесив ноги в комнату. Недовольно нахмурившись, я в упор разглядывала запыхавшегося поклонника. Ну вот спрашивается, чего я ерепенюсь-то, чего упираюсь? Какого рожна мне еще надобно? Ведь хорош парень – взора не отвести. Глаза голубые в половину лица, ресницы длиннее и гуще, чем у меня самой, кудри серебряные до пояса. А уж фигура! Весь мужской состав римско-греческого пантеона нервно

курит в стороне. Да по нему чуть ли не половина наших девчонок сохнет, а я все отнекиваюсь да отказываюсь... Я опять вздохнула.

Ангел криво усмехнулся, сгреб с тумбочки вазу с цветами, не глядя швырнул через плечо увядший букет и надолго присосался к узкому сосуду с чуть подтухшей водой.

– Натаниэль! – шокировано рывкнула я.

Ангел облегченно рыгнул, обдавая меня запахом гнилых левкоев, снял с губ квелый стебелек и бестактно утерся подолом драной туники. На краткий миг перед моими выпученными глазами мелькнули крепкие загорелые ляжки, эротично покрытые светлым пушком.

– А че сразу Натаниэль-то? – уже нормальным, глубоким и проникновенным баритоном возмутился ангел. – Да мне, если судить объективно, за подобное библейское страстотерпие, непременно должны внеочередной архангельский чин присвоить. Пять часов в воздухе! Беспосадочный перелет, покруче чем у знаменитого Чкалова! Ну и садистка же ты, Сел!

– Господь терпел и нам велел! – иронично подмигнула я.

Натаниэль натянуто улыбнулся:

– Сел, в тебе же благочестия ни на грош нет. Пренебрегаешь ты, дева, заповедями божьими. Не только отказываешься от проведения обязательного для всех экзорцисток ритуала получения личного ангела-хранителя, так еще и охранными молитвами ограждаешься! – голос ангела преисполнился праведным гневом, голубые глаза метали взбешенные молнии.

Но на меня подобные примитивные приемчики не действовали ни капельки. Я фамильярно потеснила потного ангела и тоже уселась на подоконник, скромно подбирая голые ноги под подол длинной муслиновой рубашки. Натаниэль жадно пялился на мои обнаженные плечи и грудь, едва прикрытую полупрозрачной тканью.

– Селестина, – вкрадчиво начал он, – ну, может, ты смилостивись и передумаешь наконец-то?

– На чей конец? – язвительно поддела я и упрямо мотнула головой, откидывая назад растрепанную гриву волнистых медно-рыжих волос. Несколько томительно долгих минут мои зеленые глаза хладнокровно выдерживали испепеляющий натиск его ангельских очей. Первым сдался юноша, он огорченно шмыгнул изящным носом и отвернулся. Я утешающее похлопала его по липкому плечу:

– Нат, ну неужели мы не можем остаться просто друзьями?

Натаниэль дернулся так сильно, что перья на его крыльях обиженно зашелестели. Он спрыгнул на пол и встал передо мной с видом ментора, картинно уперев руки в боки.

– Селестина, не мне учить тебя правилам! Согласно уставу, каждой экзорцистке положено иметь личного ангела-хранителя, и ритуал возможно осуществить лишь путем телесной близости, забрав девственность. Тебе же все равно рано или поздно придется выбирать одного из нас. Не я – так значит кто-то другой...

Я багрово покраснела, поспешно отводя взгляд от некоей части его тела, рельефно прорисовывающейся под тонкой тканью туники и наглядно свидетельствующей о непоколебимой готовности провести обряд сейчас же, прямо на этом подоконнике. Натаниэль растерянно ойкнул и прикрылся ладошками.

– Да пойми же ты, глупый, – виновато промямлила я, – ну не люблю я тебя, не люблю!

– Да при чем тут любовь? – вспыхнул выведенный из себя ангел. – Это же ритуал!

– А без любви не способна я этим заниматься! – я упорно отводила глаза. – Это уже изнасилование какое-то получается!

– Да ну, с чего бы это вдруг! – опешил юноша. – Ты просто закрой глаза и расслабься, а все остальное я сделаю сам! И к тому же, я-то ведь люблю тебя искренне и страстно!

Но я отрицательно помотала головой и на всякий случай крепко зажала подол ночной рубашки между плотно стиснутых коленок:

– Даже и не проси. Все равно я не стану опошлять вульгарным согласием твою

возвышенную любовь!

Натаниэль огорченно всплеснул руками и страдальчески возвел очи к потолку, недвусмысленно проклиная мое злополучное упрямство. А мне так и хотелось съязвить на счет того, как крепко он блюдет божьи заветы, заставляющие его лазить по ночам в окна девичьих спален с целью воплощения в жизнь хитроумного плана превратиться в личного ангела-хранителя одной упрямой рыжеволосой экзорцистки. К счастью, а вернее – на беду Натаниэля я никогда не пренебрегала практиками по защитным молитвам, в связи с чем крылатый ловелас и провисел недвижимо на подступах к моей кровати долгие пять часов. Мне же это грозило крупными неприятностями в виде недопуска к годовому экзамену по божьему слову. Осознав всю масштабность последствий своего безрассудного поступка, я приуныла. Видимо, эти душевные метания отразились на моем неумытом лице столь красноречиво, что Натаниэль ликующе расправил крылья и попытался неловко облапить меня своими гламурно загорелыми накачанными руками. Я возмущенно фыркнула:

– Да я лучше в монашки подамся, к кармелиткам. Там как раз девственность ценится превыше всего прочего и является обязательным условием для вступления в общину благочестивых сестер.

Ангел коротко хохотнул и подмигнул мне с самым скабрёзным видом:

– Аллилуйя Господу, даровавшему девицам доверчивость! Сел, неужели ты наивно веришь в хваленую непорочность божьих невест? Ну-ну! То-то Уриэль чуть ли не каждую ночь в монастырь летает. Говорят, сестра Аннунциата славится непревзойденной белизной кожи и пышной грудью шестого размера, а...

Но я торопливо зажала рот не в меру говорливого юноши своей крепкой ладонью:

– Ну и трепло же ты, Нат! Меня ничуть не интересуют подробности личной жизни твоего начальника! И вообще, уматывал бы ты подобру-поздорову, пока подъем не объявили и тебя не застукали в коридорах женского общежития.

Натаниэль молодецки повел красивыми плечами:

– Ну и что? Тебе же рейтинга в глазах сокурсниц добавлю. Весна ведь, экзамены на носу, самое подходящее время хранителями обзаводиться...

Донельзя раздосадованная его упертой, однобокой настойчивостью, я молча ухватила Натаниэля за руку, развернула к себе спиной, открыла входную дверь и пинком выпихнула упорствующего ангела из комнаты. Возмущенно встопорщенные крылья шумно пробороzdили дверные косяки, едва не вынеся резную дубовую створку. Я с грохотом захлопнула дверь, чуть не прищемив два белоснежных пера. Натаниэль разочарованно подергал бронзовую ручку, но, так и не дождавшись моей ответной реакции, тяжело вздохнул и неторопливо зашагал по длинному коридору, искоса бросая похотливые взгляды на запертые двери девичьих спален. Я прижалась ухом к замочной скважине, прислушиваясь и мысленно хихикая. Ну конечно, неужели такой завзятый сердцеед и красавец, как наш Натаниэль, покинет поле любовного боя без напускной бравады? Ведь всем известно, что весна совершенно одинаково действует как на котов, так и на молодых ангелов. Интуиция меня не подвела. Юноша остановился где-то вровень с секцией художниц, подготавливаемых для создания чудотворных икон, кашлянул, прочищая горло, и взревел, будто труба иерихонская:

Ты не ангел, но для меня,
Но для меня – ты стала святой,
Ты не ангел, но видел я,
Но видел я твой свет неземной!¹

Я восхищенно присвистнула – голос у ангела и в самом деле отменный, как и положено

¹ Слова из песни в исполнении певца А. Глызина.

по небесному чину. Куда там до него какому-то писклявому, но почему-то всенародно любимому Энрике Иглесиасу. К тому же песня «Ты не ангел» известного российского певца чрезвычайно популярна на факультете «промысловиков», где и обучается Натаниэль. Да и русский у него – безупречный. «Промысловиками» у нас в аббатстве привычно называли учащихся факультета «промысла божьего», а способностью к языкам и врожденной музыкальностью исконно отличались все сыны небесные.

Но талантов исполнителя не оценили. Одна из дверей распахнулась с угрожающим скрипом, и оттуда выглянуло жутко злое, заспанное женское личико:

– Дятел! Недоносок крылатый! Петух недощипанный! – в ангела полетела увесистая ортопедическая подушка, набитая гречишной шелухой. – Кастрат недоделанный! Иди, на крыше мявкай!

Натаниэль осекся на середине фразы. До меня донеслось его разгневанное сопение:

– Дура! Я тут, понимаешь, почти серенады пою, а ты...

Но звук нескольких смачных шлепков заметно поумерил пыл непревзойденного баритона. Я злорадно хмыкнула – рука у художниц тяжелая. Подошвы сандалий Натаниэля в ускоренном темпе защелкали по паркетному полу, судя по замирающему эху – удаляясь все дальше. И на прощание до меня долетела еще одна музыкальная импровизация, куда более фривольного содержания:

Кто с утра в грехе покается,
Не трепещет пред искусом,
От любви он зря не мается,
И грешит всегда со вкусом...²

«С утра?» – мелькнуло в голове. Я посмотрела в сторону окна. Солнце вальяжно выползло из-за туманной линии Альп, а на развесистой буковой ветке, как раз напротив моей комнаты, сидела нарядная малиновка и с видом оперной примадонны раздувала лазоревое горлышко, собираясь спеть гимн восходящему светилу. Я хлопнула себя по лбу. Так утро ведь уже! Торопливо стянула через голову длинное ночное одеяние, напялила футболку, шорты, кроссовки и выскочила в коридор. Вихрем промчалась по всему этажу, попутно стуча в двери подруг и призывая их на пробежку. Из спаленок раздавалось недовольное ворчание, сдобренное щедрой порцией весьма пикантных словечек. Я громко расхохоталась в ответ на сердитые пожелания: «Да пошла ты к чертям, Сел!», и резво сбежала по мраморной лестнице.

Стояло самое начало февраля. Весна в наших краях начинается довольно рано, уже в последних числах января растапливая скромные кучки скудного снега и пробуждая к жизни набухшие почки деревьев. Первые робкие ростки травы торопятся пробиться на свет божий, радуя глаз нежным цветом и девственной беззащитностью. К полудню столбик термометра достигает отметки в десять градусов, но сейчас, на рассвете, температура окружающего воздуха еще способна испытывать крепость духа и бодрость тела любого, излишне самоуверенного храбреца. Бр-р-р, а прохладно, вообще-то! Плюс пять, не больше. Я зябко поежилась и прибавила ходу. Вот вам и наглядный пример демонстрации силы воли. В феврале никто, кроме меня, не отваживается выскакивать на зарядку в шортах и футболке. Наоборот, все прочие обитатели аббатства усиленно кутаются в теплые джемперы и смотрят на меня, словно на ненормальную. Но, как учит мудрый сенсей Кацуо, дух воина никогда не приживается в хилом теле. А поскольку сильнее всего в жизни я мечтала называться именно настоящим воином, то мгновенно усмирила бунтующий от холода организм несколькими энергичными упражнениями и во все нарастающем темпе помчалась по усыпанной гравием

² Здесь и далее стихи автора

садовой дорожке. Мой излюбленный утренний маршрут три раза огибал невысокий холм, узким серпантином поднимаясь на его плоскую вершину, где размещался флигель аббата Ансельма, занимавшего пост отца-настоятеля. Я старательно выполнила китайскую дыхательную гимнастику и засмотрелась вниз, на подернутую зеленой дымкой долину.

Крохотный городок Салуццо, возле которого и располагается наша скромная обитель – аббатство ди Стаффарда, недаром называют прекраснейшей жемчужиной провинции Кунео и самым сердцем северного Пьемонта. Население городка не превышает двадцати тысяч человек, неповторимых достопримечательностей, кроме собора Сан-Бернардо, в нем нет, поэтому от наплыва туристов мы особо не страдаем. Само аббатство для посещений закрыто давно и безоговорочно особым указом Ватикана. Немногочисленные приезжие чаще всего интересуются развалинами моего фамильного замка, ныне превращенного в главную городскую тюрьму, хотя, на мой объективный взгляд, смотреть там, честно говоря, и не на что. Ничего выдающегося, обычная мрачная серая башня, одним боком выходящая на берег реки По, а другим – в предгорье Коттийских Альп. Скуотица смертная. Так что никакого возвышенного пиетета к своему наследственному землевладению я не питаю, хотя старый горбатый Джузеппе, наш главный экскурсовод и сплетник, при очередной случайной встрече всегда долго и старательно пеняет мне за открытое неуважение к родовым традициям. Типа уж кому-кому, а мне-то это совершенно не к лицу.

Вспомнив непритворный гнев восьмидесятилетнего зануды, я насмешливо хмыкнула и, отыскав глазами мрачную замковую башню, присела в низком реверансе. Будем же взаимно вежливы. Ты – древнее гнездо маркграфов де Салуццо, а я – Селестина дель-Васто, последняя наследная маркиза де Салуццо из семьи, ведущей род от графа Адальберта и Беатрисы, происходящей из линии савойских королей. Имя громкое, старинное и в наших местах – почти легендарное. Но на деле толку и пользы от титула – кот наплакал, а всяческих неудобств – полным-полно.

Я взгромоздилась на каменную садовую скамью; ее холодная и покрытая росой поверхность пророчила мне развитие скорого и бурного аднексита, сплела ноги в позе лотоса, соединила кончики указательных пальцев и попыталась сосредоточиться, мысленно открывая ментальные чакры влиянию космического астрала. Но то ли чакры у меня заржавели капитально, то ли разминалась я на этот раз не слишком старательно, но душевное очищение почему-то совсем не спешило снизойти на мою лохматую рыжую голову. Везет же Натаниэлю, вот он всегда и без особых хлопот умудряется впадать в сильнейший ментальный транс, особенно при виде пары стройных женских ног.

Я больно прикусила губу, сдерживая непроизвольно рвущийся наружу смех и невольно вспоминая коронную фразу отца Ансельма, весьма скептически относящегося, невзирая на папские эдикты, к пребыванию женщин во вверенной его надзору святой обители. «Пророчат бабы нам беду, а место ихнее – в аду!» – любит изрекать настоятель, неодобрительно помаргивая вслед кокетливым аббатским воспитанницам. Впрочем, молодые ангелы – важнейший объект неусыпного контроля и восхищения отца Ансельма – отнюдь не склонны разделять ханжеские принципы своих церковных пастырей. «Райские наслаждения, но искушения-то бесовские!» – так и читается в озабоченных мужских глазах. Может, монахи с канониками и являются для крылатых братьями по разуму, но чаще всего ангелов почему-то тянет к молоденьким сестрам по глупости. Взять, к примеру, хотя бы того же Уриэля... Тут я громко прыснула вслух. Кажется, его интимные похождения оставались тайной лишь для самого ангела. Впрочем, рядом с этим красавцем даже мне зачастую сложно оставаться равнодушной к его чарам, старательно направленным на ежедневную реализацию земных плотских грехов. Уриэль не пропускал ни одной юбки, так галантно и ненавязчиво обольщая прекрасную половину человечества, что, оказавшись поблизости от него, дамы обычно мгновенно заболевали сразу двумя душевными болезнями – манией величия и манией преследования. Хорошо хоть, что детей от подобных союзов никогда не рождалось. Но, с другой стороны...

И тут с небес наконец-то снизошло что-то мягкое и весьма увесистое, заставившее меня

с громким воплем свалиться с каменной скамьи.

Нет, это оказалась вовсе не божья благодать. Упитанная персидская кошка, гордость и единственная любимица пастыря нашего, отца Ансельма, возможно тоже уловившая эротические эманации посторонних размышлений, или же попросту одуревшая от весенних ароматов, скакнула прямо на меня с ветки развесистой липы, где она отсиживалась по каким-то своим неведомым кошачьим делам. Тяжеленькая дымчатая тушка, носившая благородное имя Стелла, с громким и дружелюбным мурчанием заползла на грудь поверженной жертвы, словно извиняясь за причиненное неудобство. Кошек я люблю, но без излишнего экзальтированного благоговения и сюсюканья, и всегда удивляюсь, наблюдая, как млеют женщины, получив комплимент, сравнивающий их с киской. Они-то, наивные, сразу воображают себя в роли очаровательного беззащитного существа, а отнюдь не в качестве истеричной, блохастой, гадящей по углам твари. Ведь каждый в первую очередь верит в то, во что ему хочется верить сильнее всего.

– Ладно уж, матушка аббатиса, – беззлобно извинила я глупое животное, называя Стеллу тем насмешливым прозвищем, которым и именовали ее проказливые студиясы, выразительно намекая на особые отношения, связывавшие, по их предположению, аббата и красавицу-кошку. – Мир, дружба, жвачка, и каждый остается при своем интересе. Договорились?

Но курносая кокетка протестуяще мяукнула что-то жалобное и просительно потерлась головой о мою ладонь. Мне сразу же стали понятны ее плачущие интонации – нежное ушко Стеллы уродовала глубокая царапина, несомненно, доставляющая животному сильную боль. Я немедленно поднялась с земли, бережно прижимая к груди раненую красавицу. Кошка доверчивым комочком сидела на моих руках, явно ожидая помощи и сострадания.

– Ах ты, несчастная, – жалостливо ворковала я, продираясь сквозь спутанные ветки кустарника. – Давай-ка я отнесу тебя к твоему хозяину, а он-то уж непременно вылечит это бархатистое ушко!

Утешая кошку таким нехитрым образом, я быстрым шагом приблизилась к флигелю, где находились личные покои отца Ансельма, намереваясь постучать в окно и с рук на руки сдать настоятелю его питомицу, тем самым заслужив хоть малую толику признательности обычно неприветливого и скупого на похвалы аббата. Но окно, ведущее в покои святого отца, оказалось приоткрытым. Более того, первые же слова, донесшиеся из комнаты и достигшие моего слуха, заставили меня присесть в тени огромного куста акации и трепетно вслушиваться, боясь пропустить хотя бы один звук. Кошка, видимо, тоже проникшаяся важностью момента, замерла, крепко вцепившись коготками в мою грязную футболку.

Первый голос, резкий и неприятный, принадлежал, несомненно, самому отцу Ансельму. Нет, я вовсе не собралась подслушивать, но фраза, долетевшая до моего острого слуха, сразу же вызвала холодок в душе и дрожь в коленках.

– Делегация стригоев прибыла перед самым рассветом, потому все переговоры перенесены на следующую ночь! – спокойным, обыденным тоном произнес настоятель, как нечто привычное четко выговорив страшное слово «стригой».

Я потрясенно обмерла...

Я тут же до крови прикусила язык, сдерживая рвущийся из глубины души крик. Кожа покрылась мелкими пупырышками озноба. Само грубое, резкое, смахивающее на свист бича прозвище «стригой» рождало в уме картину чего-то первородно-темного, непобедимого, как стихия, и жгучего, как яд. Слишком часто при чтении оккультных трактатов я сталкивалась с названиями различных, почти сказочных богопротивных тварей, к борьбе с которыми нас и готовили. Василиски, упыри, ундины, мавки, вурдалаки, волколаки и прочая мелкая шушера вызывали лишь слабое подобие улыбки на моих упрямых губах, будя недоверие и пренебрежение к разнузданному полету суеверного человеческого воображения. Но стригой... Уж слишком живой и пугающе правдоподобной выглядела копия портрета великого графа Дракулы – знаменитого Влада Цепеша, небрежно свернутая в тугой рулон и

глубоко засунутая в недра пыльного книжного шкафа. Я торопливо развернула случайно обнаруженный неподатливый холст и вздрогнула от пристального взгляда зеленых, высокомерно прищуренных глаз средневекового вельможи. Из-под высокой куньей шапки элегантно спускали длинные пряди темных волос, изысканно обрамляя узкое лицо с пренебрежительно оттопыренной нижней губой и сильным, властным подбородком. Нарочитая пышность костюма лишь подчеркивала реальность чрезмерно истощенного лица, вряд ли когда-либо принадлежавшего обыкновенному, посредственному человеку. Нет, в облике незнакомца проскальзывало что-то мистическое, сакральное... С трудом оторвавшись от гипнотического лица, я скосила глаза и почтала надпись под портретом, гласившую: «Писано в год 1465 от Р.Х. с сиятельного Влада Цепеша, воеводы Валашского». «Все верно, значит, это и есть он! – гулко бухнуло сердце. – Великий отец бессмертных вампиров, воспетый Бремом Стокером. Сам легендарный граф Дракула!»

Каюсь, я самым наглым образом выкрала из библиотеки никому не нужный портрет, испытывая странное и загадочное влечение к этому удивительному существу. С тех пор мои познания в области вампиризма значительно расширились. Я перечитала все книги, какие только смогла раздобыть, обшаривая самые отдаленные закоулки Интернета в поисках интересующей меня информации. Я также пересмотрела кучу фильмов, начиная от примитивных черно-белых с демоническим Бела Лугоши в роли грозного «Носферату – призрака ночи» и заканчивая современными – с чернокожим Уэсли Снайпсом, харизматично выступающим в образе благородного вампира Блейда. Но сказка продолжала оставаться всего лишь сказкой, так и не дав ответа на главный вопрос – существуют ли эти злейшие враги рода человеческого на самом деле? А если все-таки существуют, то откуда они взялись? И вот...

– Делегация стригоев прибыла перед самым рассветом, поэтому официальная встреча состоится следующей ночью! – буднично повторил отец Ансельм, словно акцентируя мое внимание на этом неординарном событии.

Я торопливо зажала ладонью несчастную кошачью мордочку, не рассчитывая на благоразумие и молчание Стеллы.

– Что понадобилось Проклятым на этот раз? – сухо поинтересовался брат Бернард, смиряя нотки возмущения и отвращения, против его воли все же проскользнувшие в голосе главного экзорциста.

– Крови, чего же еще! – хмыкнул настоятель. – Соглашение действует уже более двухсот лет. Думаю, за истекшие годы Дети Тьмы здорово соскучились по настоящей охоте.

– Но лицензии... – возмущенно начал экзорцист, но его прервал громкий мелодичный мужской смех.

– Жалкие подачки, – презрительно отчеканил третий собеседник, – вот что такое эти пресловутые лицензии! Они лишь разжигают непомерный аппетит. А мертвая кровь постоянно усиливает укоренившуюся жажду живой крови...

Живая и мертвая кровь... Я подползла еще ближе к стене флигеля, мучимая жутким любопытством. Никогда не слышала ничего подобного! И этот голос...

– Ваше Высокопреосвященство как всегда правы, – угодливо шепнул отец Ансельм. – Никто не сравняется с вами в начитанности и образованности!

«А-а-а! – внезапно осенило меня. – Не иначе, к нам в обитель лично приехал напыщенный кардинал Туринский, самый красивый и изысканный прелат святой католической церкви». Я наконец-то узнала этот елейный, медоточивый голос. Мне уже приходилось встречаться с Анастасио ди Баллестро, возглавлявшим торжественную службу на Рождество прошлого года в главном столичном соборе – Сидонской капелле. Той самой, где хранится легендарная Туринская плащаница. Я удостоилась высокой чести попасть в число лучших воспитанников аббатства, приглашенных на праздник. Меня совершенно очаровали резные балюстрады хоров, расписные створки древнего органа и щедро вызолоченный аналой. Но сам кардинал ди Баллестро не понравился мне категорически. Было в его лице что-то неуловимо порочное, двуличное. Некая затаенная скользкость души,

проглядывающая сквозь безупречно аристократичную, нарочито холеную внешность. Поддельная, сусальная красота лживого херувима. И вот именно этот красавец-кардинал выступил в роли папского легата, скрытно прибывшего в нашу скромную обитель. Все это настораживало и наводило на определенные размышления.

Вот черт, прости меня Господи! Углубившись в чувство антипатии к кардиналу, я легкомысленно пропустила часть беседы.

– Великая охота официально разрешена раз в год, в феврале, – продолжал невозмутимо разглагольствовать кардинал. – А в промежутках между сезонами донорские центры, принадлежащие Ватикану, уже не справляются с возросшими запросами новых кланов!

«Час от часу не легче! – я еще сильнее стиснула несчастную кошку. – Церковь что, сама снабжает стригоев кровью? Обалдеть!»

– Думаете, они потребуют пересмотра Соглашения? – возмущенно ахнул брат Бернارد.

– Уверен! – авторитетно подтвердил ди Баллестро.

– А я теперь вынужден терпеть присутствие мерзких отродий Тьмы в стенах своей благочестивой обители! – брюзгливо ворчал настоятель.

– Кстати, уважаемый брат, а где вы поместили графа Деверо? – словно невзначай поинтересовался кардинал деланно безразличным тоном.

– В бордовой комнате! – сердито ответил Ансельм. – Лучшие покои в аббатстве, только боюсь, они там все изгадят...

Про бордовую комнату мне уже доводилось слышать неоднократно, она находилась как раз над нами, на третьем этаже флигеля. Самые шикарные покои во всем аббатстве. Не велика ли честь для мерзких кровососов?

– Бойтесь их? – сочувствующе хмыкнул кардинал.

– Боюсь! – честно признался отец-настоятель. – Пусть в монастыре полно ангелов и сильных экзорцистов, но все равно, от одного взгляда этого дьявольского графа кровь в жилах стынет!

– В аббатстве готовят боевых экзорцистов? – с плохо скрытым удивлением в голосе воскликнул кардинал Туринский. – Я правильно вас понял, отец Ансельм?

– Воистину так! – горделиво выдохнул настоятель. – По высшему указанию самого папы, тайно и усиленно. И все равно – мне боязно ночевать под одной крышей со стригоями...

– Ну, зачем же так демонстративно не доверять нашей компетентной защите! – обиженно запротестовал брат Бернارد. – У меня много талантливых девушек. Взять хотя бы Оливию или Селестину...

– Женщины? – не поверил ди Баллестро. – Женщины становятся более сильными экзорцистами, чем мужчины?

Бернارد замялся.

– Да, Ваше Высокопреосвященство! – нехотя засвидетельствовал он. – Они более любимы Господом нашим и одарены им сверх меры...

Кардинал язвительно хмыкнул:

– Несправедливость, нонсенс! Не уважаю женщин! Как можно доверять тому, кто пять дней в месяц кровоточит, да все никак не сдохнет?

Я стиснула зубы, с трудом сдерживая гнев. Ах, как сильно вы не любите женщин! Уж не извращенец ли вы, неуважаемый прелат? Мстительные строчки мгновенно срифмовались сами собой:

Коль женщин ты совсем не любишь
То так и быть, Господь с тобой!
Себя грехом ужасным губишь,
Ведь ты, наверно... голубой!

А ди Баллестро продолжал изощряться в скабрезностях:

– Женщины есть по сути своей низшие создания, весьма похожие на вампиров. Всю жизнь только и занимаются тем, что сосут кровь из мужчин. Я склонен считать их грязные дни совсем не физиологической особенностью организма, а банальным выбросом излишков несправедливо употребленного...

Отец Ансельм, тоже не отличавшийся особой благосклонностью к женскому полу, глумливо захохотал. Я возмущенно дернулась, кусты предательски зашуршали.

– Слышите, что это? – встрепнулся кардинал.

Настоятель с криком выбрался из кресла и тяжелой походкой беременного бегемота протопал к открытому окну. Понимая, что сейчас меня обнаружат, я поспешно отодрала от себя пригревшуюся кошку и водрузила ее на спутанные клубки веток, начинавшиеся прямо под окном аббатских покоев. Дородная туша отца Ансельма перевесилась через подоконник.

– Да это же моя Стелла! – умиленно заворковал он. – Кис-кис! Иди к папочке, крошка!

Настрадавшаяся кошка переползла в комнату, утробно мяукая и скорбно жалуясь на все обиды, выпавшие на ее долю.

– Как это неблагоприятно, оставить окно открытым! – с упреком произнес кардинал. – Замнем щекотливую тему и займемся-ка заодно проверкой финансовой отчетности...

Оконная створка захлопнулась. Я облегченно выпрямила затекшую спину. Все-таки провести полчаса в кустах в позе зародыша – это будет куда посерьезнее утренней йоги. В голове зашевелились интересные мысли. Они собрались заняться бумагами, а это отнюдь не пятиминутное мероприятие. Это долго и муторно, и отнимет уйму времени. А плющ на стене флигеля, хоть и сухой, но толстый и прочный... Я задрала голову, оценивающе разглядывая природную лестницу, столь услужливо предоставленную в мое распоряжение. Что это – роковая случайность или же промысел Божий? Вот подходящий и вполне удобный случай воочию увидеть этих загадочных стригоев! Я поплевала на ладони и уцепилась за спускающуюся до самой земли гибкую плеть. Эх, была не была!

Как известно, дорога в ад всегда вымощена воистину благими намерениями, а любопытство относится к категории самых отвратительных и сурово караемых грехов! Но подобные разумные доводы, увы, не слишком часто приходят в голову взбалмошным рыжеволосым девчонкам. И как это выяснилось в последствии, совершенно напрасно!

Глава 2

Андреа задумчиво стояла у окна, не замечая, что тонкая сигарилла в янтарном мундштуке давно уже прогорела до самого фильтра и осыпалась на мраморный подоконник горкой невесомого серого пепла. Вечерняя свежесть оведала одухотворенное девичье лицо, казавшееся выточенным из драгоценного алебаstra. Прощальные лучи севшего за горизонт солнца еще подсвечивали лазурные воды Адриатики, расстилающейся за далекой линией последних домов элитного жилого квартала Санта-Кроце. Опасные полчаса, пришедшиеся на закат смертоносного светила, Андреа переждала в подвале, в специальной темной комнате, оборудованной удобной мягкой софой, лениво прислушиваясь к организму, апатично замедлившему все свои естественные процессы. В отличие от низших обращенных, стригойка совершенно не нуждалась во сне и отдыхе, лишь дважды в день, при закате и рассвете, избегая появляться под палящими лучами нарождающегося или умирающего солнца. Предвзвудки предвзвудками, но именно в эти полчаса ультрафиолетовое излучение, болезненно обжигающее нежную кожу Андреа, становилось поистине нестерпимым. Даже самый жаркий полдень, испаряющий искристый туман с поверхности Большого канала, не вызывал подобного физического дискомфорта. От прямого попадания трансформирующихся солнечных лучей она, конечно, не умрет, но ожоги рискует получить весьма обширные. Зачем же подвергать себя лишней опасности без особого на то повода? А вот низшие обращенные – морои (поднятые из мертвых), те и вообще могли появляться на открытом воздухе лишь в ночное время, проводя целый день в летаргическом оцепенении.

Ночь мягко вступала в свои законные права, призывая совершить прогулку, но, околдованная неувядающей, вечной красотой вечерней Венеции, девушка продолжала неосмотрительно стоять у широко распахнутого окна, вызывая восторженные реплики со стороны многочисленных гуляк, праздно фланирующих вдоль набережной. Молодой черноглазый гондольер, вызывающе подпоясанный алым атласным кушаком, кокетливо подчеркивающим его тонкий стан, послал красавице воздушный поцелуй, лишь в ее честь нарушая вечернюю тишину божественными трелями безупречного бельканто. Андреа благосклонно кивнула в ответ. О да, как и влюбчивый юноша, она тоже мечтала о повторной встрече, но о встрече совсем иного свойства. Стригойка закрыла глаза, пытаясь избавиться от навязчивого видения тонкой голубой венки, призывно пульсирующей на смуглой шее бойкого певца. Ах, с каким удовольствием прижалась бы она сейчас губами к этой загорелой коже, несущей солоноватый привкус морской воды, и пила живую, восхитительно теплую кровь. Живая кровь! Не то что этот... этот суррогат! Андреа не смогла подобрать более точного слова для описания того напитка, которым ей приходилось довольствоваться долгие годы, лишь на краткие десять суток с головой окунаясь в пьянящий круговорот Великой охоты. Десять волшебных ночей, совпадающих с карнавалом в Венеции! Ведь именно тогда для стригоев наступало желанное время реализации лицензий, выданных тем ненавистным лицемером, которого благоверные католики называют земным святым – верховным понтификом Ватикана. Только на десять быстротечных дней второй половины февраля Венеция окутывалась обезличивающей защитой пестрых карнавальных костюмов. И тогда уже ни Бог, ни Дьявол не способен был различить, кто именно скрывается под широким плащом-табарро: человек или стригой, охотник или жертва. Десять ночей разнузданного кровопролития, десять ночей свободы от унижительного Соглашения... Но ничего, – вишневые губы Андреа приподнялись в издевательской усмешке, обнажая белоснежные клыки, – скоро все изменится! Рухнут жалкие правила, навязанные выжившими из ума «Совершенными», придет время молодых кланов и наступит совершенно другая эпоха – эра стригоев! А пока придется смирить гордость и гнев. Нужно расчетливо затаиться и терпеть, все ту же и ту же сжимая кольца тщательно подготавливаемой мести на горле ослабевшего, ничего не подозревающего врага. И ждать, просто ждать!

Андреа неспешно пригубила надоевший напиток, маслянисто поблескивающий в бокале из драгоценного венецианского стекла. Недопитая капля, густая и тягучая, медленно скатилась по причудливо выгнутому краю сосуда, пятная длинные девичьи пальцы. Стригойка задержала глоток во рту, смакуя терпкую жидкость. Кровь – вот единственный изысканный нектар, достойный древних демонов мифической страны Ингиги, описанной в проклятом «Некрономиконе» безумного араба Абдула Аль-Хазреда, молоко ужасной богини Ламмашты – матери Тьмы. С чем можно сравнить вкус этого непревзойденного напитка, пьянящего сильнее знаменитого вина «Барбареско», одурманивающего приятнее любого наркотика, дарящего саму жизнь и непроходящую сияющую молодость. Андреа негромко застонала от восторга, смакуя вкус крови. Наслаждение, не сравнимое даже с объятиями самого искусного любовника и с жалобными, ласкающими слух воплями умирающего врага. Жизнь ради крови и кровь ради жизни.

Андреа разбиралась в группах крови столь же безупречно, как опытный дегустатор разбирается в сортах и возрасте хорошо выдержанного вина. По одной-единственной капле она могла безошибочно описать того, в чьих жилах ранее текла эта живительная жидкость. Могла рассказать о человеке все, начиная от года рождения и заканчивая его самыми потаенными, скрытыми пороками. Да и сами группы отличались друг от друга разительно, будто ягоды с виноградной лозы из различных виноградников. Кровь первой группы – самой старой на земле, принадлежавшей воинам и повелителям – чуть горьковатая, вязкая, как шоколад, сытная и питательная. Пища настоящих королей. Вторая группа, несущая терпкий привкус полевых трав и степных солончаков, беспокойная и непокорная – кровь охотников и кочевников. Третья – еще не перебродившая окончательно, слабая, словно яблочный сидр, суевливая, тонизирующая, насыщенная пузырьками воздуха, лопающимися на кончике языка

– кровь торговцев, путешественников, пилигримов. И наконец самая юная и редкая – кровь четвертой группы. Именно ею обладал сам Спаситель – Иисус из Назарета, сын Божий. Легкая, как тончайшие вина Шампани, опьяняющая животворящим дуновением океанического бриза, напоенная светом звезд и мудростью космоса – основа души богов и пророков. Именно этот благородный напиток Андреа всегда возжелала своим ненасытным естеством и неизменно предпочитала всем прочим. Именно носителей этой группы она, ведомая острым чутьем охотника, выслеживала в суматохе праздничного карнавала и увлекала за собой, чтобы насладиться в тишине и покое, посмаковать, выпить до последней капли...

Стригойка вздрогнула от предвкушения и попыталась обуздать разыгравшееся воображение, вызвавшее томительную судорогу внизу живота, наполнившее рот голодной слюной. Нет, ни один консервант, грубый суррогат, доставленный из донорского пункта, не может утолить извечной жажды стригоев и не способен заменить живую, горячую кровь. Эта кровь мертва! Андреа несколько мгновений брезгливо рассматривала недопитый бокал, а потом широко размахнулась и раздраженно выбросила его в окно, прямо в темную воду Большого канала. Проводила сосуд крепким словом и злобно расхохоталась в лицо ночной Венеции, переливающейся яркими, электрическими огнями.

Из всех многочисленных городов человеческого мира Андреа раз и навсегда остановила свой выбор только на одной Венеции – городе-сказке, городе-мечте, являющем удивительный симбиоз вековых традиций и вместе с тем всего остро модного, суперсовременного. Прекрасное видение, появляющееся на границе моря и неба, словно дивный корабль, пришедший из страны фей и остановившийся вдали от берега, как бы оберегая свое хрупкое очарование. Воздушный град, построенный на песчаных островах и укрепленный сваями из лиственницы, ставшими в воде прочнее камня; город, невесомо парящий над волнами искусственной лагуны Адриатического моря. Венеция, неповторимая в любое время года: в тумане осени, когда она романтична и таинственна, и при ярком летнем солнце, когда цветные витражи ее дворцов кажутся украшением в зеркальной оправе канала. Пестрые стены зданий, проступающие сквозь мелкую сетку зимних дождей, словно иссеченная трещинами гравюра старого мастера эпохи Возрождения. Просторная площадь Сан-Марко, каждую весну уходящая под воду в период обязательных сезонных наводнений, а в иные дни – густо заполненная тучами голубей, ставших ее неотъемлемым гомонящим атрибутом. Роскошный Дворец Дожей, поражающий воображение парадными залами и знаменитой капеллой, расточительно обставленный и украшенный полотнами Тинторетто, Веронезе, Тьеполо. Баснословные богатства, которые Андреа с радостью прибрала бы к своим рукам. Ненавистные церкви Санта Мария дей Мираколи и Санта Мария дела Салюте, настолько намоленные истово верующими католиками, что даже дующий с их стороны ветер обжигает сильнее песчаной африканской бури. А громадные мосты Риальто и Скарли, окруженные соблазнительными магазинчиками антиквариата... О-о-о, Венеция воистину являлась самым прекрасным городом, по праву носящим свои романтические прозвища – Безмятежнейшая и Королева каналов. А разве королеве стригоев не пристало жить в городе королей? Две повелительницы, достигшие полнейшего взаимопонимания и заключившие незыблемый, почти мистический союз. Венеция, и рядом с ней сама Андреа – высокая, стройная, белокожая и синеокая, словно дух природного божества, сошедший с пейзажа Каналетто. Хрупкая красота в сочетании с мощью, величавостью и мудростью, достойной истинных владык мира. Город, где живут воспоминания о прошлом, и вечно молодая стригойка, сама ставшая квинтэссенцией самых страшных легенд и преданий, созданных Францией, Италией и Румынией. Слишком многое их объединяло – Венецию и Андреа, и потому, куда бы она ни поехала, девушка очень скоро начинала скучать по этому величественному городу и по богатому палаццо ла Витиччи, принадлежащему ее семье. И возвращалась, постоянно возвращалась обратно – в Венецию...

Убаюкивающий плеск волн Большого канала всегда действовал на Андреа умиротворяюще. Вот и сейчас она властно смирila легкую дрожь тонких запястий, отягощенных золотыми фамильными браслетами, подошла к музыкальному центру и включила диск с «Временами года» гениального Антонио Вивальди. Музыка мгновенно наполнила просторную комнату, окутывая ее невесомой аурой таинственности. И тогда Андреа неожиданно для самой себя вдохновенно сорвалась с места, словно золотистый кленовый листок, подхваченный порывом ветра, и закружилась в такт тоненьким напевам скрипок и флейт. Ее мозг внезапно пронзила мысль о диком сплетении извечно противоборствующих элементов – ангельской музыки и танцующей под нее демонической плясуньи. Совершенное зло ничуть не уступает по притягательности совершенному добру. Черные локоны девушки развевались, синие очи зажглись кровавыми отсветами. Платье из серебристого шелка стремительно взвихрилось вокруг стройных ног, а музыка все плыла и плыла, унося вдаль...

– Браво, моя прекрасная госпожа! – восхищенный мужской голос безупречно вплелся в нежную мелодию. – Браво, синьорина дель-Васто!

Андреа радостно вскрикнула и остановилась.

– Рауль! – она постаралась вложить в это короткое имя все богатые колоратурные возможности своих голосовых связок, придавая пяти простым буквам очарование магического любовного приворота.

И призыв подействовал. Мужчина, носящий столь изысканное и благозвучное имя, послушно затворил дубовые дверные створки и шагнул в комнату. Плотно раздувая ноздри безупречно очерченного носа, Андреа дель-Васто неотрывно следила за высокой фигурой, медленно идущей по светлому паркету. Рауль оказался строен и широкоплеч, ухоженные темные усики капризно изгибались над аристократично изогнутой верхней губой. Глаза – немного сонные и припухшие, необычного темно-желтого цвета, вызывали ассоциацию со зрачками сытого тигра, лениво притаившегося в тростнике. От мужчины так и веяло затаенной опасностью и неприкрытым высокомерием. Отлично пошитый костюм от «Гуччи» ладно сидел на его атлетической фигуре, подчеркивая игру тугих мускулов. Заметив обращенный к нему женский взгляд, заинтересованный и откровенно возбужденный, Рауль усмехнулся – торжествуя, но почтительно. Это была его женщина, его королева!

Взгляды любовников скрестились. Противостояние длилось несколько кратких секунд, а потом мужчина уступил, как это случалось каждый раз, уважительно отводя взор в сторону.

– Мой! – страстно шепнула стригойка, подходя к Раулю и покровительственно лаская его мужественное лицо своими хищными белоснежными пальцами. – Мой красавец-граф Рауль Деверо!

Мужчина замер, трепетно смежив веки и отдаваясь в плен этих властных, собственнических прикосновений. Из-под прикрытия длинных пушистых ресниц он внимательно наблюдал за своей обожаемой повелительницей. Рауль прожил не одну сотню лет и имел возможность достаточно хорошо изучить женщин – как дворянок, так и простолюдинок. Когда-то ему довелось лично познакомиться и с капризной Франсуазой де Монтеспан, избалованной фавориткой французского короля Людовика XIV, и с блистательной Марией-Антуанеттой, чья недолгая жизнь оборвалась столь трагично, и с великолепной Гретой Гарбо. Он познал многих женщин, но никогда не встречал никого прекраснее Андреа дель-Васто, маркизы де Салуццо. Она поражала непредсказуемыми контрастами, очаровывала мнимой незащищенностью невинной девицы и одновременно пугала угрожающей грацией гибкого хищника, еще только вступающего в лучшую пору зрелого расцвета. Она оказалась истиной дочерью своего великого родителя, Темного покровителя всех стригоев – Того, кого вампиры знали как Отца, а церковники без излишних церемоний называли Дьяволом. В глубине ее синих глаз Рауль увидел что-то манящее, властно напомнившее ему сладкий вкус крови из Атонора – чаши Тьмы, испиваемой единожды в каждые десять лет, в момент повторения ритуала Бессмертия, и это что-то –

навсегда сделало его послушным слугой королевы стригоев.

– Мой, ты мой! – как приговор, нараспев произнесла Андреа, скрепляя слова страстным поцелуем. Клыки девушки оцарапали губы мужчины, а зубы Рауля слегка прикусили розовый язык Андреа. Прикосновение, сопровождающееся взаимным обменом каплями крови, дарящее блаженство намного более яркое, чем то, которое дает обычный акт плотской любви. Поцелуй стригоев.

– Принес? – взволнованно спросила стригойка, нехотя отрываясь от мужских губ, пахнувших выдержанным коньяком и дорогими кубинскими сигарами.

Граф Деверо коротко кивнул. Он приподнял правую руку, железная цепочка браслета, соединявшего его запястье с черным атташе-кейсом, мелодично звякнула. Андреа судорожно стиснула кулаки, борясь с нечеловеческим нетерпением, охватившим ее страстную душу.

– Показывай! – коротко приказала она.

Рауль усмехнулся, восхищенный ее самообладанием. Он достал из кармана маленький ключик, открыл и снял наручники, набрал несколько цифр на кодовом замке кейса и откинул стальную крышку чемоданчика, обтянутую шагреновой кожей. На бархатной подкладке лежал одинокий, свернутый в трубку пергамент. Андреа протянула тонкие пальчики и бережно развернула старинную рукопись. Быстро пробежалась взглядом по тексту документа и не удержалась от удовлетворенного вздоха.

– Эту печать невозможно подделать! Я ощущаю исходящую от нее энергетику!

Граф Деверо тоже глянул на документ и кисло скривился:

– Старофранцузский, да еще этот ужасный лангедокский диалект. Угловатый почерк церковника, причем писавший был уже в летах, страдал прогрессирующей близорукостью и закоренелым фанатизмом.

Андреа одобрительно улыбнулась уголками яркого рта:

– Дорогой, из тебя мог бы получиться неплохой графолог!

Мужчина польщено поклонился.

Стригойка снова развернула манускрипт и принялась читать вслух, легко продираясь сквозь дебри давно забытого языка:

«Ваше Святейшество! Как и было приказано, я лично учинил допрос коменданту павшей крепости Монсежур – еретику по имени Арно-Роже де Мирпуи. Под пытками отступник показал, что на заре в последний день штурма четверо людей тайно покинули цитадель, унося с собой сверток, в котором оказались спрятаны величайшие святыни нечестивых катаров. Преступников звали Гюго, Эмвель, Экар и Кламен. Несмотря на спешно отряженную погоню, поймать беглецов так и не удалось. А наставник катаров, епископ Бертран д'Ан Марти, уже будучи сжигаем на костре, проклял нас, истинных слуг церкви, безумно выкрикнув: «Да падет на ваши головы гнев Святой Чаши!» Поэтому я прихожу к однозначному выводу, что среди похищенных реликвий находилась и чаша Господа нашего Иисуса Христа, в которую благочестивый Иосиф Аримафейский собрал святую кровь, вытекавшую из ран мученика. Под чем подписываюсь – раб Божий легат Арнольд де Сато в день 18 марта 1244 г. от Р.Х.»

Рауль хохотнул:

– Так, значит, зря мы не поверили «Совершенным»! У старика де Пюи не достало бы духу и прозорливости чтобы обмануть тебя, любимая!

Андреа ответила высокомерным взглядом:

– Члены Совета давно выжили из ума. Но ничего, скоро их власти придет конец! Для того чтобы разорвать позорящее нас Соглашение с Церковью, мне осталось совершить всего две вещи – разбудить Сына Тьмы и открыть врата Ада!

Граф похвально кивнул, всецело соглашаясь со словами обожаемой повелительницы.

Стригойка взволнованно прошла по комнате, не выпуская из рук драгоценного документа.

– Кардинал ди Баллестро все так же уверен в том, что один из ключей от Ада – это и есть священный Грааль, и он хранится в аббатстве ди Стаффарда?

– Да! – Рауль иронично приподнял бровь. – Можно сказать, прямо в твоей родовой вотчине. Это ли не насмешка судьбы?

Андреа хрустнула пальцами:

– Ты недогадлив, мой дорогой граф. Я мало верю в насмешки судьбы, зато имею все основания подозревать нынешнего понтифика – папу Бонифация в поистине змеиной хитрости. Кардиналу Анастасио удалось попасть в подземное хранилище под собором Святого Петра?

– Да! – четко отрапортовал граф. – Отец нам помог. Ди Баллестро проник в главный ватиканский тайник, откуда и выкрал нужный твоей милости документ. Кроме того, он удостоверился, что, согласно записям в каталоге перемещений, Грааль уже более двухсот лет находится в Салуццо...

– Но почему? – перебила Андреа. – И зачем? Наше Соглашение с Церковью насчитывает этот же срок... – она нахмурилась, анализируя, сопоставляя и размышляя.

Рауль недоуменно развел руками:

– Церковники глупы. Их поступки не поддаются логическому объяснению!

Стригойка недовольно потерла лоб, раздосадованная нелепой фразой любовника.

– Это ты сегодня изрекаешь глупость за глупостью, – сказала она. – Повторяю: Бонифаций хитер, как старый лис. Что еще кардинал Туринский видел в хранилище?

– О! – глаза мужчины заблестели от жадности. – По его словам – много удивительного. Например, копье Лонгина, щепки от креста, стоявшего на Голгофе, погребальные одеяния Лазаря и прочие удивительные вещи. А сильнее всего меня удивило выражение лица кардинала при нашей последней встрече. После долгих расспросов он мельком обмолвился, что сумел прочесть одну древнюю книгу, длительное время считавшуюся утерянной, но, как обнаружилось, тоже спрятанную в ватиканском тайнике. Но он наотрез отказался рассказать, что именно ему удалось узнать со страниц этого раритета.

Андреа злобно хмыкнула:

– Ну хорошо, я сама разберусь с секретами Его Высокопреосвященства! Никуда он от нас не денется. Католическая церковь не очень-то жалует подобных ему отступников и ренегатов. А пройдоха Анастасио больше всего на свете жаждет стать новообращенным, хоть и называет нас «живыми трупами»... – тут Андреа не сдержалась и сардонически расхохоталась во весь голос.

Рауль равнодушно пожал плечами:

– Тебе виднее. Хотя лично я не нахожу никакого здравого смысла в этой старой истории с Граалем и связанным с ним проклятием, да и в оксюморонах не силен.

Но Андреа не слушала любовника, продолжая негромко разговаривать сама с собой.

– Нет, смысл обязательно должен быть. Хотя, конечно, под здравым смыслом каждый человек подразумевает только свой собственный. Но я во что бы то ни стало докопаюсь до скрытой здесь истины. Рауль! – она требовательно возвысила голос. – Поезжай в аббатство. И прихвати с собой нашего пронырливого союзника. Только смотри, никто не должен раньше времени догадаться о том, что вы действуете заодно! Пусть кардинал, как и ранее, представляет Ватикан, вроде бы он пока не допускал явных ошибок и еще не лишился доверия Бонифация.

– Но под каким благовидным предлогом мы заявимся в Салуццо? – недоуменно спросил Деверо. – Не поклоняться же святым местам?

Андреа одним отрывистым взмахом ладони отмела это неудачное подобие шутки.

– Мы давно знаем, что в аббатстве ди Стаффарда основан колледж, в котором обучаются ангелы. Там периодически появляются все высшие чины небесной иерархии. Добейся встречи с ними и поставь вопрос о пересмотре условий Соглашения, причем в жесткой ультимативной форме. Сам же между делом разузнай, почему Грааль хранится именно в Салуццо!

– Разузнать и забрать? – хищно улыбнулся граф, обнажая клыки.

Повелительница благосклонно потрепала его по щеке.

– Если потребуется, разбери аббатство по кирпичам и перебей всех крылатых выродков. Возьми с собой побольше наших лучших бойцов. А пока, – стригойка прищурилась, – я попробую кое-что разузнать о тайнах нашего хитрого друга Анастасио ди Баллестро, выведенных из какой-то там книги у нас за спиной...

– Но как? – еще сильнее удивился граф.

Андреа протянула руку и взяла с кресла изящный кожаный плащ.

– Газеты так и пестрят рекламой об удивительных способностях этой новоявленной ясновидящей, Маго Руфолли. Вроде бы, она принимает в офисе на улице Мурано, дом 13-б. Не совершить ли нам с тобой прогулку в мир человеческой мистики? – она насмешливо подмигнула Раулю.

Граф брезгливо сморщился:

– Фу-у-у, ты – и у какой-то шарлатанки ясновидящей? Даже не смешно!

– Ну, чем не приключение? – Андреа требовательно потянула графа за рукав пиджака. – Я умираю от скуки. Идем же!

Плющ оказался прочным. Я легко вскарабкалась до уровня третьего этажа, переступая из одной аккуратной петли, образованной переплетением сухих стеблей, в другую, не менее удобную. Правда, пару раз импровизированная веревка угрожающе затрещала, вынуждая меня испуганно прижиматься к холодной каменной стене, но все-таки не порвалась. В результате таких несложных манипуляций, я вскоре достигла нужного окна и уткнулась носом в плотно закрытые рамы. Да и само стекло оказалось столь надежно зашторено знаменитыми бордовыми гардинами, давшими название комнате, что внутрь не проникал не только мой заинтригованный взгляд, но даже мельчайший лучик дневного света. Я задумчиво почесала переносицу. Что за черт? Неужели легендарные стригои и в самом деле боятся солнца? В окне первого этажа, там, где проходило случайно подслушанное мною совещание, тускло светился монитор компьютера, и двигались неясные тени. «Вот здорово! – мысленно порадовалась я. – Значит, уважаемые прелаты всерьез увлеклись финансовой ревизией и вряд ли станут отвлекаться на что-то другое. Или других». Хотя к числу «уважаемых» персон мне почему-то очень не хотелось причислять велеречивого кардинала ди Баллестро. Ну не нравился он мне, и все тут!

Впрочем, подобные абстрактные размышления, конечно же, сами по себе весьма полезны – тренируют умственные способности, но к запертому окну они не имеют ни малейшего отношения. А вот процесс отпирания чего-то закрытого уже требует малой толики практических навыков.

– Я вам не какая-нибудь дура, у которой руки не из того места растут! – сварливым шепотом заявила я, борясь со смутным подозрением, что, как правило, наибольшие глупости в жизни совершаются именно с этими словами.

Упова на хваленую звукоизоляцию пластиковых стеклопакетов и проверенных столетиями толстых монастырских стен, я плавно протянула руку и старым воровским приемом вырезала круг на стекле с помощью крупного алмаза, красовавшегося в оправе массивного фамильного перстня, который всегда носила на пальце. Вот и пригодилась старинная игрушка на что-то более полезное, чем цепляние за колготки. Теперь я точно не сомневалась в том, что лучшие друзья девушки – это бриллианты! И нечего на себя напраслину возводить – умение проникать в запертые помещения является не только прерогативой различных криминальных элементов, но и неотъемлемой частью великого искусства ниндзюцу. Но в самой глубине души я все же ощутила мимолетный укол совести. Одуреть можно, фамильный символ благородного рода, украшенный вырезанным на латыни девизом «Ad honores» («Ради чести»), я использую для взлома жилища своего духовного пастыря. Хороша будущая экзорцистка, нечего сказать! И я тут же попыталась найти удобное оправдание, утешая себя мыслью, что совершаю богоугодное дело, пускай даже действуя далеко не самым благочестивым образом.

Первый стеклянный круг с легким звоном упал внутрь рамы, а второй – на складки

толстой портьерной ткани, заботливо уложенной на подоконник. Я просунула руку в образовавшееся отверстие, повернула ручку, открыла окно, отвела в сторону гардину и бесшумно залезла в комнату.

В первое мгновение меня ослепил переход от яркого дневного света к альковному полумраку тщательно затемненной комнаты. Я растерянно заморгала и стала протирать глаза, лишь еще сильнее заслезившиеся от этого бесполезного процесса. А затем зрачки мои привыкли к темноте, и я увидела...

Как известно, самый лучший способ избавиться от навязчивого искушения – это поддаться ему. Не нужно иметь семи пядей во лбу, чтобы самостоятельно додуматься до столь очевидного решения. Думаете, святая католическая церковь держится на праведниках? Могу вас заверить – ничего подобного! Могущество любой религии зиждется на сотнях и тысячах раскаивающихся грешников, не сумевших устоять перед искушением. Вот тут-то перед монахами, священниками, причетниками, канониками, епископами и прочими исполнителями воли Божьей и открывается огромный простор для бурной деятельности. Проповеди, исповеди и епитимьи, призванные освободить людей от скверны греха, так и льются, будто из рога изобилия. А народ, едва очистившись от предыдущего искушения, тут же спешит ввергнуться в новый, еще более тяжкий соблазн. И снова кается, обливая слезами подножие святого престола. Религиозный экстаз набирает обороты. А с небес на все это благосклонно взирает сам Спаситель, весьма довольный обильной жатвой искренних криков: «Верую, Господи! Прости, Иисусе!» – собираемой с душ и сердец паствы. Ибо так сладко поддаваться соблазну, зная, что рядом всегда есть кто-то всемогущий – кто поймет, поможет и простит. Да и сама я в настоящий момент отнюдь не являлась исключением из этого укоренившегося правила, ведь мое искушение немедленно предстало передо мной во всей своей воистину устрашающей красоте.

Он был темнокудр и необычайно белокож. Блестящие локоны вьющихся волос рассыпались по красной бархатной подушке, и этот ослепительный контраст цвета и фактуры завораживал. Тонкая полоска усиков над горделиво изогнутыми губами. Небольшие для столь крупного мужчины ладони смиренно сложены на груди поверх обшитой рюшами рубашки. Ни дать, ни взять – сама скромность и миролюбие. Длинные, аристократически точеные пальцы переплетены и защищают массивный золотой кулон. Я склонилась над спящим, наслаждаясь видом этой холодной, мрачной красоты. Больше всего он походил на какого-нибудь древнегреческого бога, настолько безупречными казались его лицо и фигура. И я почти уверовала в свое романическое предположение, если бы вдруг не заметила пары белоснежных клыков, слегка приподнимающих верхнюю губу зловещего красавца. Итак, старинные легенды обрели беспощадные очертания суровой реальности. Стригои существуют на самом деле! Я вздрогнула и поспешила отвести взгляд.

Поблизости от черноволосого божества так же недвижимо покоились еще двое мужчин, чья грубая, абсолютно лишенная налета мистицизма внешность наводила на здравую мысль, что им отводится всего лишь скромная роль слуг или телохранителей. Причем, второе казалось более вероятным, если учесть их одежду из кожи и наличие кобуры с пистолетами на поясе. Рядом же с облаченным в кружева красавцем я, к своему огромному удивлению, обнаружила роскошную рапиру, которую мой опытный в подобных вопросах глаз даже на вскидку сразу же отнес к работе знаменитых толедских мастеров 17 века. Клинок выглядел истинным произведением искусства и, безусловно, стоил баснословно дорого. Я недоуменно поскребла в затылке. Незнакомец имел внешность принца, носил наряд принца и в довершении ко всему – владел оружием и украшением, достойными настоящего принца. Клянусь ключами святого Петра – я набрела на самую величайшую загадку, которую только можно себе представить, и заберите меня все демоны преисподней, если я не собиралась ее разрешить. Но в следующий момент случилось непредвиденное...

Гонтор де Пюи проснулся сразу после захода солнца. Несколько минут он просто лежал, расслабленно прикрыв глаза и прислушиваясь к редким, медленным ударам своего

изношенного сердца. Он испытывал одурманивающую слабость и многовековую усталость, которая постепенно разжижала его проклятую кровь, делая ее похожей на воду, и словно песок скрипела в распухших от подагры суставах. То был песок Монсегюра, ставший прахом времени. Де Пюи покаянно вздохнул. «Во что же превратился ты, благородный рыцарь воинства Христова, принесший обет бедности и смирения на ступенях главного собора Тулузы? В тот далекий и безвозвратно прекрасный 1231 год в твоей душе еще жили вера и надежда. А ныне там клубится страшная Тьма...» Сухие пальцы старого рыцаря нащупали край гроба и ухватились на него, как за спасительную пристань, помогая поднять немощное тело из земли Монсегюра, до краев наполнявшей резной дубовый ящик. Мертвенные губы Гонтора изогнулись в презрительной усмешке. Ведь он уже многие столетия спал в нежных объятиях родной земли, помогавшей ему сохранить воспоминания молодости и ту последнюю каплю привязанности к чему-то живому, которая в какой-то мере до сих пор делала его человеком. Или – всего лишь его бледным подобием. Но именно это эфемерное отличие и проложило ту огромную пропасть, что отделяла «Совершенных» от молодых представителей новых кланов. Гонтор хмуро улыбнулся, поймав себя на мысли, что совсем по-стариковски готов назидательно сетовать – ох, уж эта нынешняя молодежь! А ведь точно так же перешептывались и у него за спиной в ту благословенную пору, когда ему минуло всего то двадцать пять лет, и он со всем пылом юности уверовал в проникновенные проповеди епископа Бертрана д'Ан Марти, приведшие его под стены Монсегюра. Но современная молодежь в наставлениях не нуждается. Ей нужна лишь кровь – горячая и сладкая, еще за миг до этого бурлившая в человеческих венах. Молодых стригоев уже не устраивает концентрированная плазма, согласно договоренности ежедневно доставляемая из церковных медицинских центров. Они брезгливо называют ее мертвой и, видит Отец, вполне созрели для того, чтобы нарушить Соглашение. Человеческая жизнь для них ничто, а сами люди рассматриваются как бурдюки, несущие несколько литров желанного напитка. Менталитет зверей – жестоких и голодных. Может быть, поэтому церковники и именуют стригоев – Проклятыми? Хотя как еще можно назвать существо – не имеющее ни совести, ни чести, ни родины?

Пальцы Гонтора привычно зашарили по груди, но растерянно замерли, так и не найдя искомого. Рыцарь вспомнил: святыню забрала она – девушка с черными волосами и огнем преисподней во взгляде. Новое дитя, зачатое от семени Отца и по воле его. Гибкая как змея, обманчивая словно морок и вкрадчивая будто яд, текущий в жилах всех стригоев. Она – Андреа, предсказанная повелительница, несущая в себе наследие Влада и разительно напоминающая первородного сына Тьмы – Себастиана. И де Пюи не смог отказать этой девушке. Сам не понимая, что делает, он снял с шеи медальон с драконом и древним девизом ордена «Justus et Pius» («Справедливый и благочестивый») и добровольно вложил его в ее преступные руки. Отрекся от власти, передав так долго несомые им полномочия вместе с титулом гроссмейстера катаров, верховного магистра ордена «draco». Глупец, жалкий глупец!

А какие блистательные надежды подавал поначалу сам Влад, последнее дитя, народившееся естественно, а не путем обращения. Долгожданный сын от белокурой Клариссы, также, как и сам Гонтор, вкусившей напиток вечной жизни из священного Атонора – чаши стригоев, дарованной Темным Отцом. Жаль, что подруга ушла столь рано. Там, в подвалах Монсегюра, их было тринадцать. Скучная горстка последних нестигаемых храбрецов, желавших одного – выжить любой ценой. Увы, цена оказалась слишком велика! Цена – от которой сейчас оставалась только усталость...

Гонтор де Пюи давно осознал, что возможность как следует отдохнуть появляется лишь тогда, когда уже полностью отсутствуют даже малейшие причины для усталости. Его постигла не столько слабость плоти, сколько полнейшая немощь духа, начисто отбивавшая желание двигаться, дышать, пить кровь и просто жить. И он посвящал свой многочасовой отдых тому, что пока имело над ним какую-то силу – воспоминаниям. Несмотря на возраст, память еще никогда не подводила престарелого рыцаря, каждый раз досконально рисуя

красочную и страшную картину пережитых событий, произошедших почти восемьсот лет назад...

Зима на стыке 1243 и 1244 годов выдалась голодной и кровопролитной. Прекрасный Лангедок, совершенно утративший свое прежнее поэтическое очарование, изнемогал под тяжестью междоусобной войны. Победоносные войска Симона де Монфора подобно острому серпу прошли по незасаженным полям, снимая обильный урожай отнюдь не зерна, а скоротечных человеческих жизней. Не щадили никого – ни женщин, ни детей, ни немощных стариков. «Бейте их всех, Господь своих узнает!» – беспощадным кличем разносилось над загубленными землями Южной Франции вместе с пеплом и гарью многочисленных пожарищ, призванных очистить души мятежных катаров. Лежала в руинах красавица Тулуза, полыхали костры в Альби, сытое воронье кружилось над развалинами Фуа, полностью исчез знаменитый Каркассон – а упрямые катары все так и не соглашались сдаться и отречься от своей богопротивной ереси. Но преданный сын Церкви, свежеиспеченный рыцарь де Монфор тоже не собирался отступать столь бесславно, возможно, излишне рьяно провозглашая догмы официальной Церкви и навязывая Слово Божье несговорчивым альбигойцам. И тогда около тысячи уцелевших в боях людей отошли в пятиугольное святилище Монсегюр и заперлись в его неприступных стенах. Осада длилась год. Две сотни «Совершенных» – рыцарей-еретиков против десяти тысячного войска святой католической церкви. Исход противостояния оказался предрешен заранее. Его Святейшество папа желал любой ценой заполучить великие святыни, по так и не проверенным, туманным сведениям попавшие в руки катаров. Но Церковь просчиталась... Катары действительно сумели сохранить священную Чашу, позднее названую Граалем – грубоватый и примитивный сосуд, вырезанный из куска кипариса не слишком-то поднатворевшими в такой работе руками Иисуса, сына плотника из Назарета. Сына Божьего... На утренней заре 15 марта 1244 года, в день штурма, четыре смельчака, напутствуемые епископом д'Ан Марти, тайно покинули крепость Монсегюр незаметно выбравшись, через подземный ход за ее пределы и унося с собой холщовый сверток, содержащий реликвии. По слухам, они отправились в Неаполь, надеясь испросить помощи и приюта у ордена тамплиеров. Вечером этого же дня последняя катарская твердыня пала. Епископ Бертран отправился на очищающий костер, так и не раскаявшись в своих греховных заблуждениях. Его сопровождали еще двести пятьдесят семь человек, уцелевших при штурме. Но кое-кому все-таки удалось выжить...

Крепость Монсегюр совсем не напрасно имела репутацию странного и загадочного места, полностью соответствуя ходящим о ней слухам и домыслам. Многие из ее строителей, особенно каменщики и землекопы, оборудовавшие подвалы и хранилища, умирали скорострительной и страшной смертью, мучаясь горловыми кровотечениями и ужасающими язвами по всему телу. Возникновение первых ритуальных камней, возведенных на месте будущей крепости, связывали с таинственными друидами, жрецами так и не прижившегося в этих краях культа бога Митры. Долгие годы затянувшейся войны за веру, а также безразличие Господа, так и не откликнувшегося на многочисленные призывы катаров, в итоге внесли раскол в казалось бы столь сплоченные ряды упрямых еретиков. Вольнодумцев было тринадцать, если, конечно, определение «вольнодумец» можно приметить к людям, добровольно отрекшимся уже и от неофициальных церковных догматов альбигойцев. Они принадлежали к самым известным дворянским родам Лангедока, отличались молодостью и красотой и не намеревались умирать во славу Господа Бога, отринувшего их от своего райского престола. Действуя в строжайшей тайне, основав свой маленький орден «draco», символом которого стал бессмертный дракон, замкнувший в кольцо само понятие вечности, они рыли второй подкоп, также ведущий за стены Монсегюра. Пребывая на грани отчаяния и страшась приближающейся смерти от рук воинства Симона де Монфора, они отвергли Бога – воззвав к Темному Отцу. И повелитель Тьмы услышал.

Хозяин Ада благосклонно снизошел к мольбам своих адептов, даровав им Атонор –

сосудобразный слиток в форме чаши из неземного серебристого металла, изливающий холодное свечение и оставляющий незаживающие ожоги на коже. Отступники выкопали его из земли Монсегюра, О, это воистину оказалась чаша самого Дьявола. По указанию Отца, тринадцать адептов (число которых и породило известную фразу «чертова дюжина»), принесли черную жертву, впервые вкусив человеческой крови, налитой в Атонор и тем самым приобретя неуязвимость и способность жить вечно. В обмен на бессмертие и невероятные свойства тела, Темный Отец попросил душу и плоть прекрасной девственницы Изабо д'Ан Марти – дочери епископа Бертрана, также отвергшей веру катаров. Он избрал ее своей невестой. Испившие жертвенной крови «Совершенные» уснули долгим сном и проснулись уже совсем другими людьми. А точнее, совсем не людьми. Отступники стали стригоями. Они прожили многовековую жизнь, драматично теряя одного за другим товарищей и супругов, отчаявшись иметь новый дом и новое потомство. Последним из рожденных от катаров стал Влад – сын верховного рыцаря-магистра ордена Дракона, великий воевода и господарь Валашский. Именно в нем дар Темного Отца развился в том страшном направлении, что давало ему возможность создавать новых детей темной крови (мороев – поднятых из гроба мертвецов) путем Обращения: укуса и дальнейшего испития напитка вечной жизни из ритуального Атонора.

Ряды стригоев множились. Новые кланы становились сильны и многочисленны настолько, что самый старинный враг – святая католическая церковь уже была вынуждена считаться с потребностями Детей Тьмы. Так было заключено Соглашение, дающее Детям Тьмы право на лицензии и Великую охоту раз в году – в период февральских карнавалов. А настоящих, изначальных «Совершенных» оставалось всего четверо. Сам первый гроссмейстер ордена Дракона – Гонтор де Пюи и его три верных друга – Пейре де Риталь, Раймунд де Вантор и Жерар ле Руак – знаменитый лангедокский менестрель. Четыре бессильных старика, хранивших тайну Монсегюра и красавицы Изабо д'Ан Марти. Они давно уже раскаялись в совершенном грехе и с огромным недовольством смотрели на кровавые притязания своих зловещих отпрысков – стригоев. А кроме того, они с трепетом ожидали свершения последнего пророчества Изабо – появления наследницы рода Влада Дракулы, великой королевы стригоев.

Гонтор де Пюи печально вздохнул, вновь отдаваясь во власть воспоминаний. Предначертанное свершилось. Его дальний отпрыск, его внучка Андреа пришла и лестью, смешанной с угрозами, вытянула из ослабевших рук старого рыцаря две бесценные реликвии – чашу и медальон. Да к тому же гроссмейстер понимал – стригойка что-то знает о Граале и Сыне Тьмы. Но лишь в полной мере овладев этими заветными тайнами, она сможет раскрыть Врата Ада и навечно установить на земле власть стригоев. Неся в себе последнюю искру катарской ереси, она намеревается жестоко поквитаться с чуждой ей католической церковью и отплатить за кровь погибших защитников Монсегюра, передавших ей свои полубезумные идеи. Время отнюдь не лечит нанесенные раны и обиды, оно делает их еще глубже и болезненнее. Время стократно обостряет жажду мести. Время затаивается, притворяется безобидным и терпеливо ждет назначенного часа. И теперь час расплаты пробил.

Глава 3

Я внезапно различила легкий скрежет ключа, поворачиваемого в дверном замке, и одновременно с этим, будто тоже расслышав этот неприятный звук, нарушивший его сон, прекрасный стригой неожиданно широко распахнул глаза, имевшие удивительный желто-топазовый цвет. На краткое мгновение наши взгляды встретились. Незнакомец угрожающе оскалился, во всей красе являя огромные белоснежные клыки. Его зрачки, вертикально-вытянутые, как у кошки, рефлекторно сузились – похоже, он испугался скудного дневного света, поступавшего в комнату из-за неосмотрительно приоткрытых мною гардин. Взор стригоя, почти осязаемый физически, жадно скользнул по моему лицу и горлу, вызывая неприятные склизкие ощущения. Тонкая морщинка прорезала высокое чело. «Я тебя

запомнил и уже не забуду!» – пообещала мне его выразительная мимика. Я брезгливо отодвинулась, неосознанно вытирая губы краем футболки так, словно вкусила чего-то запретного и неопишимо омерзительного. Было в его завораживающем взгляде какое-то древнее колдовство, притягательное и запретное, сладострастное и одновременно отталкивающее куда больше, чем все романы спятившего извращенца маркиза де Сада. А затем веки стригоя вновь плотно сомкнулись, черты разгладились, принимая прежний невинно-благообразный вид. Дверь начала медленно отворяться...

Понимая, что сейчас меня застукают прямо на месте преступления, я одним отчаянным рывком перемахнула через спинку дивана, на котором лежал стригой, и рухнула в узкий промежуток между бархатными валиками и обитой шелком стеной. Со всего маху треснулась лбом об угол электрообогревателя и сдавленно зашипела сквозь зубы, проклиная и прекрасного вампира, и свое злополучное любопытство. Неспешные шаги мягко прошелестели по ворсу ковра. Я вжалась в пол, стараясь слиться с паркетом и стать совсем маленькой и незаметной. Положив голову на бок, одним глазом осторожно посмотрела в щель между полом и днищем дивана. «Ага, – я иронично хмыкнула, – это явно не отец-настоятель. Тот, по причине излишнего веса и пингвиньего плоскостопия, предпочитает бесформенные войлочные туфли на упругой каучуковой подошве. И уж точно не брат Бернард, у которого не ноги, а лапы размера этак шестидесятого. Тем более, как проказливо перешептывались аббатские студиясы, главное оружие нашего великого экзорциста – это отнюдь не крест и молитвы, а его носки, от убойного запаха которых пачками мрут не только любые порождения ада, но и правоверные католики. Однажды экзамен по боевым псалмам оказался безнадежно завален всей нашей группой только потому, что разомлевший от летней жары Бернард, гордо восседающий за кафедрой, расслабился и... снял ботинки. Медики в лазарете долго ломали головы над причиной безудержной рвоты, прорезавшейся у двадцати молодых, физически крепких старшекурсников. Однако представшие моим глазам элегантные туфли из дорогой шагреновой кожи вовсе не походили на разношенные башмаки пожилого брата-экзорциста. Да и двигался обладатель модной обуви слишком легко и непринужденно. Ба, не иначе как сам кардинал Туринский поднялся в бордовую комнату, едва не доведя меня до инфаркта своим неожиданным появлением. Но что могло понадобиться щеголеватому прелату в покоях стригойского посланца? И тут мое любопытство возросло многократно, вызывая отчаянный зуд между лопатками и неконтролируемый приступ острой щеколки в носу. Боясь чихнуть и тем самым выдать свое присутствие в затемненной комнате я что было сил уткнулась лицом в обшивку дивана, вдыхая исходящие от нее запахи дезинфекции и нафталина. Но это не принесло ни малейшего облегчения.

Анастасио ди Баллестро быстро обшарил выдвижные ящики стола и, недобрым словом помяная крылья архангела Гавриила, приблизился к моему импровизированному укрытию.

– Неужели потерял? – голос прелата наглядно выдавал овладевшее им недовольство. – Где же эта чертова записная книжка? А во всем виновата моя аристократическая рассеянность!

«Ну, это ты себе польстил! – злорадно подумала я. – Всем давно известно, что забывчивость – признак отнюдь не дворянского происхождения, а банального старческого склероза», – но в этот миг в носу у меня засвербело еще пуще, и я торопливо зажала ноздри пальцами.

Раздался приятный шорох, какой возможен только от плотного соприкосновения шелковой сутаны с бархатом дивана. Очевидно, кардинал точно воспроизвел мое недавнее движение, склонившись над стригоем и внимательно вглядываясь в его обманчиво невинное лицо.

– Спи, друг мой! – отчетливо и неподдельно заботливо произнес невидимый для меня прелат. – До ночи еще далеко!

Услышав подобное, я настолько растерялась, что даже забыла про свой неблагонадежный нос. Я, часом, не ослышалась? Полноправный член Папской курии

называет поганого вампира «другом»! Причем, душевно так называет. Да это же просто немыслимо! Но кардиналу не было никакого дела до моего благочестивого негодования.

– А ночью, на переговорах, мы наконец-то покажем этим святошам, кто из нас по-настоящему достоин власти и крови! – экзальтированно бормотал кардинал. – Пришло время расставить все по своим местам!.. Но блокнот, мой блокнот с накладными и адресами, где же он? Возможно, завалился под диван? – кардинал резко нагнулся.

И тут мой предательский нос окончательно вышел из-под контроля. Осознав, что сейчас неминуемо случится одно из двух – либо ди Баллестро наткнется на мою шпионскую персону, либо громкое чихание провалит столь удачно начавшуюся диверсию – я не выдержала и решила на смелую импровизацию. Протянув руку, я вцепилась в тяжелую бордовую штору и рванула ее на себя. Медные кольца оконного карниза не выдержали, и гардина шумно обрушилась вниз, прямо на мою беспутную голову. Плотнo укутавшись в бархатное подобие роскошной патрицианской тоги, я с замогильным воем и пронзительным чиханием, окутанная облаком пыли, патетично восстала из-за дивана. Увидев бесформенное чудовище, возникшее практически из ниоткуда, кардинал громко икнул от неожиданности и смачно шлепнулся на пятую точку.

– У-у-у, апчхи! – устрашающе провозгласила я, почему-то, хотя и довольно к месту, вспомнив предание о легендарных шотландских призраках – баньшах. Да и, полагаю, именно сырые и зловещие холмы Северного Уэльса как ничто другое располагают к скорейшему развитию различных неприятных простуд и инфлюэнций. Ди Баллестро же, похоже, вспомнил что-то еще более страшное, потому что мелко перекрестился дрожащей рукой и вперед головой «рыбкой» нырнул под письменный стол. Я победно расхохоталась. Путаясь в гардине, повторно переметнулась через безмятежно дрыхнувшего стригоя и, мстительно оттолкнувшись кроссовкой от согнутой кардинальской спины, вылетела за дверь. Захлопнула тяжелую створку и облегченно отбросила кусок пыльной ткани, в складках которой я чуть не задохнулась. Мои пальцы случайно ощутили что-то гладкое и прямоугольное. Я заинтересованно поднесла к глазам найденный предмет. Им оказалась тонкая записная книжка с элегантно переплетенными вензелями «А» и «Б» на обложке. Не эту ли занятную вещицу искал кардинал? Я безотчетно засунула блокнот поглубже в карман шорт и запрыгала вниз по лестнице, мучимая насущным вопросом первостепенной важности – что за встреча назначена на следующую ночь, и кому бы такому всемогущему немедленно продать свою бессмертную душу ради того, чтобы оказаться в числе лиц, допущенных на тайную стригойскую вечерю?

К моему удивлению, бурные утренние события заняли не так уж много времени – всего-то лишь час с хвостиком. Я недоверчиво уставилась на циферблат любимых дешевых пластмассовых «Casio», совершенно дико смотревшихся по соседству с алмазным перстнем. Ну надо же, оказывается для того, чтобы влезть в запутанную историю, достаточно каких-то скромных пяти минут. А вот последствия подобной глупости, без сомнения, мне потом придется расхлебывать до конца своих дней. Я удрученно хмыкнула. За минувший час моя жизнь успела измениться кардинально, благодаря кардиналу ди Баллестро, случайно сподвигшему меня на создание столь блистательного каламбура. Нет, я, конечно, и раньше подозревала, что жить вредно и опасно, от этого умирают, но даже не рассчитывала лично напороться на столь злостное предательство и двуличие. А кардинал Туринский оказался самым настоящим предателем – дерзким и несправедливо везучим.

– Вот черт! – расстроено буркнула я, необдуманно осквернив свои губы упоминанием лукавого. – Что же теперь делать-то? Ну не могу же я и в самом деле вот так запросто пойти к нашему монастырскому начальству, чтобы во всеуслышание заявить – кардинал ди Баллестро предал Церковь и вступил в сговор со стригоями! Ага, разбежалась, так мне сразу и поверили! У меня же никаких доказательств на руках!

Проблема и впрямь казалась неразрешимой. До ночи оставалось всего ничего, а я даже представить себе не могла – чего же такого хитроумного мне предстоит придумать, чтобы

попасть в нужное место, то есть на засекреченную встречу со стригоями. Каким-то неведомым образом я понимала, что она чрезвычайно важна не только для нашего аббатства, но возможно, и для всего человечества. А еще я четко помнила, что минут через пятнадцать мне следует прибыть на лекцию по истории религии, но до занятий ли мне было сейчас? И тут план боевой операции сложился сам собой.

Я поднялась в свою комнату и спешно сменила шорты на более демократичные и идеально подходящие для любой ситуации джинсы. А затем тихонько, чуть ли не на цыпочках, проскользнула в общую столовую, надеясь незаметно урвать хотя бы кроху от остатков пропущенного мною завтрака. Я свято соблюдала очередное правило сенсея Кацуо: голодный боец – не боец. Мне повезло, на подносе сиротливо лежал последний, немного помятый сэндвич с сыром. Я только успела оголодало запустить зубы в ломоть свежей булки, сглатывая голодную слюну, как на мое плечо неожиданно опустилась тяжелая рука:

– Стоять, бояться! – голос грохотал, как раскаты грома. – А ты забыла, неудобина, что тот, кто не работает, тот не ест?

Я облегченно выдохнула и обернулась. Подобным неповторимым тембром почти мужского баса мог обладать только один человек на всем белом свете. Вернее – одна. Именно она-то и имела устойчивую и давнюю привычку именовать меня не иначе как неудобиной. И немудрено, ведь рядом с Оливией я всегда выглядела тощим веснушчатым недомерком – бледной пародией на настоящую женщину. А истинная представительница «слабого» пола, по меркам моей подруги, обязательно и всенепременно должна быть именно такой, как она сама – высокой белокурой валькирией с мощной талией, туго стянутой широким кожаным поясом, холодными, будто льдинки, голубыми глазами и рельефными бицепсами, угрожающе бугрящимися под постоянно закатанными рукавами белой хлопковой рубашки. Впрочем, уж к кому-кому, а к слабому полу Оливию если иногда и причисляли, то лишь с очень большой натяжкой. Невольно вспомнишь тут строки одного великого русского поэта, метко охарактеризовавшего: и коня из горящей избы на собственных плечах вынесет, и мужика наскоку подкует. Ну, или что-то вроде этого! Я буквально благоговела перед самобытной славянской литературой, считая ее ни много, ни мало восьмым чудом света. Поэтому исправно посещала факультатив по русскому языку, мечтая когда-нибудь прочитать Достоевского и Есенина не в адаптированном переводе, а в подлиннике.

А подружилась я с Оливией пару лет назад на почве хронической, страстной, доходящей до сумасбродства любви к оружию. Правда, если я предпочитала в основном мечи, да еще желательно из экзотической группы, близко знакомой только фанатичным коллекционерам или специалистам, – например такие, как слэшер или эспадон, то Оливия больше тяготела к огнестрельному, убойно-бронбойному оружию. Никогда не забуду нашу первую встречу, произошедшую в аббатском арсенале. Мне срочно потребовались патроны для моего «Глока», который я тогда едва успела получить и активно пристреливала в свободное от учебы время, привыкая к весу отличного пистолета. Удачная модель – удобная и не слишком тяжелая, масса чуть превышает полкилограмма. Как говорится, оптимальный вариант для хрупкой женской руки, именно то, что доктор прописал. Справедливо опасаясь, что меня подловят на краже патронов и поэтому не включив верхний свет, я почти на ощупь пробиралась между бесконечными рядами двухъярусных стеллажей, плотно забитых всякой всячиной. Судя по богатому ассортименту представленных боеприпасов, наше аббатство явно собиралось в самом ближайшем будущем ввязаться как минимум в третью мировую войну. Я оторопело рассматривала складские полки, дивясь буйной фантазии монастырского начальства. Тяжеленные ящики с противопехотными минами здесь вполне уместно соседствовали со связками хорошо обструганных осиновых кольев, а турецкие сабли в добротных ножнах – с грозным станковым пулеметом Дегтярева, нарочито скромно прикорнувшим под чехлом из брезента. Я восхищенно поцокала языком, вытянула из ячейки огромное американское армейское мачете, уважительно взвесила в руке и с вздохом сожаления положила на прежнее место. Ох уж эта моя совсем не женская любовь ко всему

колюще-режущему, начиная от перочинных ножииков и заканчивая совершенно неподъемным музейным топором-лабрисом. Нет, такая бандура только Джону Рэмбо подойдет – сахарный тростник в Гондурасе рубить. Остановлюсь-ка я лучше на изящных клинках сенсея Кацуо... Вспомнив мастера, я невольно загрустила. И к чему, спрашивается, он упорно вдальблывает в мою дурную голову идею о том, что каждый боец должен иметь собственный меч? Учебные катаны, хотя, безусловно, и относились к числу неординарных клинков, годились лишь для скрупулезного отрабатывания приемов школы Иайдо. Не ощущала я с ними той пресловутой духовной связи, которая, по словам старого японца, должна навечно соединить умелого бойца и его персональный клинок. Я долгими часами упоенно листала красочно иллюстрированные энциклопедии холодного оружия, пристально всматриваясь в фотографии знаменитых мечей, вздыхала и предавалась безудержным мечтам.

– Эх, мне бы вот эту саблю! – раскатывала я губы. – Ага, фиг тебе, дура наивная. Этот клинок принадлежал длинной династии османских султанов и стоит... Сколько-сколько он стоит? Да лопни мои глаза! Нет, лучше не смотреть – таких сумм просто не должно существовать в природе! Или вот эта потрясающая рапира. Она создана марсельским мастером Вийоном Батарди в 1734 году. Хм, купи лучше губозакаточную машинку, Селестина, да не зарься на клинок из коллекции французских королей. Клянусь стрелами святого Себастьяна, вот ей богу – распотрошу свой банковский счет, да и – эх! – куплю какой-нибудь раритетный меч!

Но у меня почему-то все не хватало дерзости отдать за палаш, рапиру или фламберг такую немереную кучу евро, что за нее спокойно можно было бы приобрести средних размеров городок, и так неосмотрительно разбазарить многолетние финансовые накопления моей семьи. Поэтому все эти смелые замыслы до сих пор так и оставались нереализованными, намертво затормозившись на стадии заветного мечтания. Впрочем, мастер Кацуо любит изо дня в день повторять одну и ту же, совершенно непостижимую моему разумению фразу, гласящую: не мы выбираем оружие, а оно выбирает нас. Но вот как это происходит на самом деле – я пока так и не поняла.

Итак, я осознала, что крутого спецназовца из меня не получится, и неохотно положила мачете обратно на полку. Убедилась, что разгрести эти завалы на ощупь – дело неблагодарное и никчемное, достала из кармана фонарик и нажала на кнопочку «вкл». Тонкий лучик бледного света переползал с коробки на коробку, еще сильнее сгущая темноту, обступающую меня со всех сторон. «Увы, – обреченно подумала я, – вот меня и настигла справедливая расплата за ненормированный перерасход патронов. Видимо, придется тащиться обратно к дверям и запалить потолочные светильники. Ибо в такой свалке сам черт ногу сломает!» К копытам лукавого я не испытывала никакого сочувствия, но вот своим драгоценным здоровьем рисковать не собиралась. Это только у ангелов и кошек по семь жизней, а у меня – одна, и поэтому прожить ее нужно так, чтобы не было мучительно больно...

Ой! Я налетела на высоченный стеллаж и громко охнула. И в самом деле – больно. Определенно, нужно предложить брату Бернарду всю отловленную мелкую нечисть типа тех трех недомерков-гомункулусов, что у него в лаборатории томятся, загонять на этот треклятый склад. Готова поспорить на что угодно – они здесь через полчаса сами успешно поубиваются, и нам даже никаких боевых молитв тратить не придется. Дешево и сердито. И главное, минимум хлопот по восстановлению потраченной ментальной энергии. А может, сюда и нашу прожорливую русалку перебазировать? А то эта бабища с селедочным хвостом хомячит в день по десять килограммов креветок и уже разъелась, пожалуй, до центнера живого веса. У нас тех, кто двойку на коллоквиуме огреб или еще как проштрафился, традиционно отправляют кормить эту подопытную дочь Нептуна, а кушает она, надо признать, весьма медленно и некультурно – громко чавкая и рыгая. Зрелище не из приятных. Поэтому весь наш курс дружно ненавидел сие главное украшение монастырского вивария. Хотя нет, от русалки брат Бернард не откажется даже ради спасения собственной души – у

нее же такой выдающийся во всех смыслах бюст, что даже сама сестра Аннунциата тихо дохнет от зависти. То-то главный экзорцист так любит медитировать в удобном кресле перед аквариумом со своей ненаглядной водоплавающей Памелой Андерсон... Нет, все-таки наш мир довольно справедливо Господом устроен – у каждого свои тараканы в голове, причем у некоторых – весьма крупные!

Лучик фонарика загроможденно метался по проходу между полками и ярусами, высвечивая острые края каких-то конструкций и угловатые предметы непонятного назначения. Я, кажется, окончательно заблудилась где-то в самом центре обширного склада. Может, пора начинать орать «помогите»? А то глядишь, недель через пяток найдут в этом лабиринте мой вдрызг переломанный костяк, начисто обглоданный крысами. Испугавшись подобной мрачной перспективы, я набрала побольше воздуха в легкие, широко открыла рот и зычно гаркнула требовательным тоном:

– Помогите, спасите – умираю!

– Между прочим, иудеи по пустыне египетской сорок лет блуждали – и ничего, не померли! – немедленно донесся до меня чей-то насмешливый отклик. – Чего вопишь-то как оглашенная, страшно поди стало?

– Так это, заблудилась я, кажется! – осторожно вякнула я, так и не определив поначалу, мужчине или женщине принадлежит этот необычно низкий голос. Лучик фонарика высветил что-то необъятно-монументальное.

– Если кажется – креститься надо! – наставительно усмехнулись из темноты. – Али ты нехристь какая богомерзкая?

– Ну вот еще, ничего подобного! – возмутилась я. – Я самая что ни на есть правоверная католичка!

– Ой, что-то я в этом сильно сомневаюсь! Худющая ты какая-то, бледнющая, рыжеволосая и подозрительно зеленоглазая. А ты часом не мавка?

– Да человек я, че-ло-век!

– Хм, – продолжала сомневаться темнота. – А может, тебя стукнуть разок-другой на всякий случай?

– Послушайте, как вас там, – непритворно вознегодовала я, – что вы себе позволяете? А вдруг вы сами носферату или волколак?

– Кто, я? – оскорблено взревел трубный голос. – Худобина, пигалица, да как ты смеешь...

И прежде, чем я успела вставить еще какую-нибудь реплику, полумрак внезапно сменился ярким светом, являя моему взору самое необычное существо из всех, кого мне когда-либо довелось встречать.

Источником столь внезапно наступившего просветления – как на территории арсенала, так и в моих мозгах, оказался мощный галогенный фонарь, зажатый в руке высокой широкоплечей женщины, хмуро нависшей над моей рыжей макушкой. Нет, я и сама никогда не жаловалась на недостаток роста, но незнакомая дама вполне могла позволить себе называть меня и худышкой, и коротышкой, и вообще как ее душевке будет угодно. Ведь против лома нет приема, а против такой девицы даже лом не поможет. Под два метра в высоту и чуть меньше в ширину, весом под сто пятьдесят килограммов, с длинными белокурыми косами и голубыми глазами истинной арийки. Настоящая скандинавская валькирия во плоти! Я обомлела, задрал голову и приоткрыв рот.

– Вот это да! – выдала я, шумно переведа дух и вновь обретая способность изъясняться внятно и членораздельно. – Офигенная находка. Клянусь золотыми локонами Марии Магдалины, вы – прямо живая копия Афины Паллады! Ну и приключенице, да это же просто именины сердца и пир духа какой-то!

– Дура! Можно подумать, ты мертвую копию греческой богини видела! – снисходительно рыкнула валькирия. – Мы в замкнутом пространстве находимся, кругом полно взрывчатых веществ, и поэтому применение воспламеняющихся газов категорически запрещено! Так что ты поосторожнее со своей пирдухой тут, худобина! Не дай бог что

случится – так мы и убежать не успеем, и улететь не сможем. Я сама давно уже утратила способность летать, а у тебя, думаю, и от рождения-то крыльев не водилось...

– У вас раньше были крылья? – не поверила я. – Так вы что?..

– Ну да, ангел я! – спокойно закончила девица.

Я потрясенно осела на ящик с противогазами, испытывая глубочайший шок. Пир духа отменялся!

Хорошая штука – скептицизм! Собственным глазам верить, конечно, можно и даже иногда нужно, но факты все-таки вещь упрямая и всегда говорят сами за себя. С особенностями божественной анатомии и физиологии ангелов я знакома на «отлично». Особи мужского пола непременно отличаются воистину небесной красотой, повышенной сексуальной тягой к человеческим самкам и наличием огромного запаса ментальной энергии, которой призваны делиться с той экзорцисткой, хранителем коей становятся согласно специфического плотского ритуала. Благодаря данной энергии, боевые молитвы экзорцисток и приобретают столь убойную силу в отношении любой богопротивной нечисти. Ангелы женского пола встречаются намного реже. Для того чтобы пересчитать тех из них, кто проживает в нашем аббатстве, запросто хватит пальцев обеих рук. Так же, как и юноши, девушки-ангелы всегда рождаются крылатыми, но если по достижении половозрелого возраста ангелица лишается девственности, то ее крылья просто опадают, будто осенние листья, делая свою бывшую владелицу обычной земной женщиной. Крылья старых дев остаются на месте, но постепенно усыхают, превращаясь в две никчемные, нелепо раскоряченные сухостоины, неловко торчащие из лопаток. Вывод один – если летать на них все равно уже невозможно, то лучше поскорее избавиться от этого мешающего убожества и жить себе спокойно. Если, конечно, не рассматривать две сухие оглобли в качестве наглядного свидетельства святости и непорочности. Впрочем, я всегда подозревала, что летать женщинам не позволяют две глобальные причины, известные всем: скучная проза жизни или же, что случается намного чаще, мужчины! Остается единственная доступная нам возможность – летать не телом, но душой. И сейчас, глядя на белокурую валькирию, я мысленно поаплодировала смелости неизвестного мне храбреца, осмелившегося лишиться девства столь внушительную женщину. Надеюсь, что сам он в ходе этого пикантного процесса не пострадал... И еще – приходилось безоговорочно положиться на собственные глаза, достоверно свидетельствующие о том, что ангелы не всегда бывают гибкими, стройными и изящными. Скажи мне об этом кто-то другой – ни за что бы не поверила. Я вообще на редкость скептическая особа, верую лишь в Спасителя нашего Иисуса Христа, да еще в реальные, ничем не опровержимые факты. И ни в коем случае во что-то другое! Вот такая гнусная привычка, если вдуматься!

Было уже хорошо за полночь, когда Андреа и Рауль пешком отправились в сторону дома 13-б, расположенного на улице Мурано. От палаццо ла Витиччи его отделяло пять кварталов, но синьорина дель-Васто не пожелала воспользоваться услугами гондольеров, бойко зазывавших молодую и богато одетую госпожу на борт своих изящных суденышек, обещая незабываемую прогулку под звездами, которые сегодня светили особенно ярко. Да, в сегодняшней ночи ощущалось что-то волнующее и таинственное. Андреа глубоко вдохнула влажный воздух, остывший от дневного удушающего жара, и отбросила с головы широкий капюшон тонкого кожаного плаща. Черные шелковистые волосы мерцающей волной рассыпались по плечам, удивительно контрастируя с серебристо-серым платьем и белым плащом. Сапфирно-синие очи стригойки игриво подмигнули кучке низкорослых косоглазых туристов, восторженно пялящихся на ее высокую, стройную фигуру и птичьими голосами лепечущих на плохом итальянском: «Buona sera, bella!». «Ишь, ты, – мысленно усмехнулась Андреа. – Еще смеют заигрывать со мной, недомерки. Желают красавице доброго вечера. А между тем кровь у этих азиатов плохая, невкусная...» Но при этом она воспитанно улыбалась и благодарила вслух: «Grazie!».

Граф Деверо, неслышной тенью скользивший следом за своей повелительницей,

высокомерно вздернул подбородок и проводил япошек голодным взглядом. До Великой охоты оставалось еще около двух недель. Он уже почти сожалел, что не уговорил стригойку воспользоваться слугами водного такси-мотонаве, рассчитывая на упоительные полчаса, проведенные в укромной роскошной каюте, но, к счастью, вовремя догадался, что сегодняшнее настроение Андреа вовсе не располагает к интимным сценам. И впрямь, нахмуренный белоснежный лоб девушки и опущенные длинные черные ресницы безмолвно свидетельствовали о том, что мысли прекрасной синьорины сейчас витают где-то вдалеке от верного поклонника, преданно следующего по пятам за ней. Точеные каблучки серебристых туфелек то начинали выбивать четкую размерную дробь, а то вдруг сбивались с отлаженного такта, выдавая перепады ее дурного расположения духа. Рауля безмерно возбуждала безупречная женственность Андреа. К примеру, она никогда не надевала вульгарных грубых штанов из непритязательного синего денима. Впрочем, она вообще носила только классику, предпочитая наряды, присущие прирожденной аристократке. Честно говоря, влюбленного графа неизменно восхищали любой жест, поступок или слово повелительницы стригоев. А уж в искусстве одеваться она и подавно не знала равных себе, так утонченно подчеркивая свою невероятную красоту мельчайшими деталями туалета, что Рауль совершенно терял голову, возводя свою госпожу в ранг высшего существа или бога. И надо отдать должное Андреа, они и на самом деле являлась почти богиней, сконцентрировав в себе всю власть и силу, доступную исключительно одним только первородным детям Темного отца.

Они неторопливо пересекли оживленный мост Риальто, изумивший их обилием народа, несмотря на поздний час с энтузиазмом штурмовавшего многочисленные магазинчики или же просто любующегося потемневшей водой Большого канала. Андреа снова опустила капюшон плаща, не желая привлекать внимания любопытных зевак. Но сама улица Мурано, получившая название в честь одноименного островка, уже отходила ко сну, гася фонари и закрывая витрины несчетных лавок прочными стальными жалюзи. Внимание девушки внезапно привлекло одно довольно скромное окно, украшенное единственным светильником в форме океанического моллюска-наутилуса. Совершенная форма стеклянной статуэтки пленяла идеальными пропорциями и восхитила даже столь опытного ценителя прекрасного, как Андреа. О, синьорина дель-Васто неоднократно посещала самые дорогие аукционы Сотби и Кристи, совершенно не напрасно прославившись опытным коллекционером старинного австрийского фарфора и живописи эпохи Возрождения. Почувствовав неудержимый зов сердца, подсказывающий, что в этой незаметной лавочке может скрываться настоящее чудо, девушка нетерпеливо толкнула слабо звякнувшую колокольчиком дверь и вошла внутрь.

Магазинчик оказался совсем крохотным. Могучие плечи графа Деверо едва вписались в узкий проход между витриной, побуревшим от времени дубовым прилавком и застекленным стеллажом с несколькими полками, где на складках черного бархата призывно голубели прозрачные стеклянные статуэтки. Андреа настороженно прошла вдоль выставленных на продажу экспонатов. Пара целующихся голубей, вставший на дыбы скакун с разевающеся гривой, пастушка с овечкой, кошечка с клубком, горделиво взлетающий на волне фрегат... Да, красиво! Отличная техника исполнения, филигранная четкость деталей, потрясающее качество самого стекла, кажущегося сгустком живого лунного света, да и цена немалая. Но все это не то, не то... Стригойка каким-то шестым чувством, далеко выходящим за грань обычного человеческого восприятия, ощущала ауру загадочной и древней силы, витавшей над этим непритязательным магазинчиком. Наличие некоего непонятного талисмана, предназначенного только ей – Андреа... Дверь в сумрачной глубине лавки неслышно приотворилась, и к прилавку шагнул сгорбленный, седой как лунь человек.

Приподняв бровь, девушка требовательно рассматривала временного владельца той вещи, которая вскоре по велению чуткого провидения должна была непременно перейти в ее руки. Стригойка это чувствовала. У старика имелось что-то неведомое. То, что с самого начала сотворения мира передавалось от человека к человеку, ожидая появления одной лишь Андреа.

Хозяин вежливо поклонился, с трудом сгибая скрюченную старостью и подагрой

спину. Сморщенное лицо, сплошь состоящее из морщин и рытвин и напоминающее печеное яблоко, расплылось в угодливой улыбке. Жидкие пряди седых волос рассыпались по лацканам старомодного суконного сюртука. На краткое мгновение Андреа вдруг уловила тонкий барьер ментальной защиты, скрывающий от нее истинные помыслы мужчины и придающий ему видимость этой вопиющей старческой беззащитности, но странное марево мелькнуло как светлячок и исчезло бесследно, вновь оставив перед ней того, кого и видели ее проницательные глаза – человеческую развалину, доживающую свои последние дни.

Старик судорожно затряс немощной головой, щуря подслеповатые глаза.

– Что угодно вашей светлости?

Андреа высокомерно хмыкнула:

– А ты не глуп, лавочник! Я начинаю верить, что твои зрачки еще не разучились отличать представителей благородного рода от обычных туристов, наводнивших древний город.

Распухшие пальцы хозяина суетливо зашевелились, извлекая из недр нагрудного кармана неряшливо скомканный грязный платок. Старик натужно отхаркнул вязкие нити мокроты и небрежно обтер вялые губы. Андреа брезгливо отодвинулась.

– Это не остатки зрения мне помогают, благородная синьора! – лукавая улыбка осветила сморщенное лицо. – Это чутье, весьма обострившееся за истекшие девяносто лет. Именно оно и позволяет мне безошибочно угадать щедрого покупателя, способного заплатить достойную цену за главную жемчужину моей коллекции...

– Покажи! – невозмутимо приказала стригойка.

Старик мучительно долго шарил под прилавком, тяжело грохоча створкой потайного сейфа, и наконец выложил перед ней продолговатый бархатный футляр роскошного золотистого цвета. Андреа ощутила острое подобие кратковременного электрического импульса, уколотившего ее в самое сердце. То был неоспоримый знак предвидения, сопровождающий случайные стечения обстоятельств, призванные непредсказуемо изменить нашу жизнь. Руки стригойки, действуя самостоятельно, но совершенно осмысленно, жадно потянулись и откинули крышку футляра.

Он покоился на парчовой подкладке, испуская столь ослепительное сияние, что Андреа восхищенно зажмурилась, едва смея дышать. Старик глухо хохотнул, вполне довольный произведенным на покупательницу впечатлением. Это был фиал – полный сосуд, выточенный из цельного куска горного хрусталя, безупречно прозрачного и чистого, словно вода в роднике. Небольшой – величиной с ладонь, и имеющий непривычную форму креста с петлей на верхнем конце. Андреа узнала его мгновенно: анх – египетский символ вечной жизни. Поперечная перекладка заканчивалась двумя резными пробками, закрывающими отверстия, предназначенные для вливания жидкости. Внутри сосуда шла едва видимая переборка, разделяющая резервуар на две симметричные половины. Стенки прозрачного флакона украшали овальные картуши с заключенными в них иероглифами. Не веря собственным глазам, Андреа разобрала архаично прописанные имена Исиды и Нефтиды.

– Что это, старик? – стригойка крепко сжала пальцы, не решаясь отпустить загадочный раритет. – Я знаю, эта вещь была создана задолго до возникновения христианского мира...

Старик умиленно промокнул слезящиеся глаза.

– Приятно встретить истинного ценителя! Прекрасная синьора знакома с египетской культурой?

– Более или менее, – коротко призналась девушка.

– О, тогда я расскажу! – радостно оживился хозяин, лицо его перекошилось, словно у одержимого бесами. – Великая праматерь земли Кеми – богиня Исида стала изначальным прообразом Богоматери христиан, а сын ее Гор, зачатый непорочно – один в один Спаситель наш Иисус Христос...

– И что? – грубо перебила его Андреа, содрогнувшись всем телом при упоминании имени Господа.

Но старик не заметил, или сделал вид, что не заметил произошедшего, и вдохновенно

продолжил:

– Исида и ее единоутробная сестра Нефтида олицетворяли две противоположные половины всего сущего – Свет и Тьму. Влив свою кровь в разные части фиала, они увидели – что переборка внутри сосуда растворилась, а соки их жизней смешались воедино, образовав раствор, ожививший убитого Осириса и даровавший ему власть и посмертное существование...

Услышал заветное слово «кровь», стригойка напряглась, как охотник, почуявший дичь.

– Старик, твоя история напоминает детскую сказку!

Хозяин эпилептично затрясся и разгневанно сжал кулаки, усеянные пигментными пятнами.

– Каждая сказка содержит долю истины! А вам известно ли, что Иосиф Аримафейский – тот, кто собрал кровь, истекающую из ран Христа, висящего на кресте, дал женам-мироносицам странной формы сосуд с елеем, коим они помазали бездыханное тело Господа... – парадоксы, вылетающие из слюнявого рта, подвергали сомнению душевное здоровье их автора.

– А после этого назаретянин воскрес и обрел невиданное доселе могущество... – шокировано протянула Андреа. Интуиция ей подсказывала, что старик искренне верит в каждое произнесенное им слово.

Рассказчик безмолвно кивнул, а потом снова торопливо затараторил, захлебываясь и глотая звуки:

– По легенде, именно этот сосуд помог царице Хатшепсут захватить власть, отстранить от престола молодого фараона Тутмоса и единолично править целые двадцать лет. А потом одна из прислужниц царицы выкрала фиал и передала его царю. Это стало концом Хатшепсут... Позднее фиал в форме анха унаследовал Эхнатон, фараон-отступник. Именно страх перед силой древнего раритета заставил его отвернуться от Исиды и Осириса и стать приверженцем бога солнечного света Атона. Но Исида отомстила. Колесничий Эйе обманно завладел фиалом, сверг династию, построившую новую столицу – Амарну, и вернул прежних богов. Говорят, фиал был тайно захоронен в могиле побочного сына Эхнатона – царевича Сменхкарры. А много лет спустя этот же сосуд нашел потрясатель вселенной Александр из рода македонских царей...

Но Андреа уже давно не слушала старика, будучи не в силах справиться с водоворотом собственных мыслей. Она осознала, какую огромную ценность имеет этот легендарный хрустальный фиал.

– Кто же создал столь поразительную вещь?

Старик склонил голову на плечо, улыбаясь таинственной и снисходительной улыбкой безумца.

– У Бога множество имен, но это не меняет его сущности. Дьявола тоже называют разными именами. А ведь когда-то давно Добро и Зло были братьями и творили мир вместе. Творили не только мир...

– Сколько? – хрипло выдохнула стригойка, понимая, что ни одна сила на свете уже не способна вырвать египетский анх из ее цепких рук.

Старик что-то черкнул на бумажке и с поклоном вручил записку Андреа. Девушка чуть не задохнулась от чудовищной цифры, но даже не осмелилась торговаться и послушно выписала чек на требуемую сумму.

Старик пристально смотрел вслед ушедшим покупателям. На его лице четко проступила печать жгучей неприязни, скрывающей еще более острое отвращение. Казалось, он на короткое время вдруг выплыл из неотвратимо засасывающего его омута сумасшествия. Он провел рукой по лицу, легко устранив тонкую силиконовую пленку, а вместе с ней и свои фальшивые морщины. Вытряхнул из-под сюртука накладной горб, выпрямил сухощавый, жилистый стан, стер с запястий разводы тонального крема, удачно имитирующие старческие пятна, собрал в пучок седые волосы и превратился в человека средних лет, еще чрезвычайно подвижного, гибкого как змея и полного скрытого огня. Он снял трубку телефона, искусно

стилизованного под девятнадцатый век, и набрал длинный номер, мало кому известный, кроме него. Ему долго не отвечали, но мнимый старик, так виртуозно принявший облик настоящего хозяина лавки, сейчас крепко спящего в задней комнате под воздействием ударной дозы снотворного, оказался на редкость терпелив. Наконец протяжные гудки ожидания сменились гулкой тишиной.

– Дело сделано, рыбка заглотила наживку! – непонятно отрапортовал фальшивый хозяин.

Но его услышали и поняли.

– Отлично! – сдержанно донеслось с противоположного конца провода.

Седовласый положил трубку на рычаг и хищно потянулся упругим торсом, с удовольствием расправляя сутуловатые плечи. Холодные серые глаза блеснули нездоровым азартом.

Колесо судьбы неудержимо раскручивалось, набирая обороты и ускоряя ход.

Глава 4

Все в нашей жизни подчинено определенным законам, которые неверующие люди называют слепым фатумом, а верующие – Божьей волей. Недаром древние греки даже естественную смену времен года объясняли циклическими колебаниями божественного настроения, придумав гениальную фразу: «Если все происходит так, как происходит, значит, это кому-нибудь нужно». Этапы человеческой жизни, сопровождаемые процессом умственного взросления, всегда подобны плавной смене природных сезонов. Как нежная весна сменяется цветущим летом, так юность незаметно переходит в зрелость, богатую подвигами и свершениями. Затем наступает золотая осень, дающая возможность пожать плоды щедрого урожая прожитых лет. А уж следом за осенью торопится седая зима с ее заслуженным отдыхом, уважением детей и мудростью, отданной потомству. Бог справедлив, он учит нас извлекать удовольствие и пользу из любого периода короткой, но насыщенной событиями жизни. Не будь глупцом и трусом, и жизнь твоя пройдет не напрасно. А после смерти твою брентную оболочку предадут земле, дух же примут в рай или ад и воздадут там по заслугам. Ибо умирает только плоть, но душа – бессмертна. Смелый и умный живет вечно, трус и глупец не живет вообще. Дожив до двадцати лет, я начала часто задумываться о смысле и форме бытия, пытаюсь понять путь, уготованный мне Господом, путь, который мне еще предстояло пройти. Мне четко указали – вот это друзья, а это – злокозненные враги всего рода человеческого, что охотятся за нашими доверчивыми душами, стремясь забрать их обманом, силой или подкупом. Враги, которые пользуются нашей боязнью физической смерти, обещая спасение плоти ценой гибели души. И глупцы порой соглашаются на такой неравноценный обмен, не ведая главного: тело, лишенное души, есть по сути своей ничто, мертвая никчемная оболочка. Души же, добровольно вобравшие тепло милосердия и свет добра, приближаются к Богу, уготовливая себе место на небесах. Души, попавшие в лапы к Дьяволу, становятся источником греха, служителями зла и тьмы. Дух должен быть светел, а помыслы – чисты. Ведь лишь тогда человек сможет достойно пройти свой жизненный путь, творя благие дела, идущие на пользу всему миру. Не слова и молитвы, не лицемерие и показные добродетели делают нас людьми, а только совершенные нами дела и благодарная память о них, намного переживающая отведенный нам земной срок.

Всеми фибрами души, всеми силами сердца и тела я интуитивно ненавидела мерзких тварей, служащих Сатане, а также всему лживому, гнусно притворному и омерзительно корыстному. Путь на ту сторону Добра прост и поначалу незаметен. Обмани – и Дьявол начинает потихоньку закрадываться в твою совесть, успокаивая ее приторно ласковыми оправданиями. Предай – и вот ты уже попал в ряды неисчислимого воинства Тьмы. Укради – и черти посчитают тебя своим другом. Путь греха заманчив и легок, путь добродетели труден и тернист. В любом из нас спит герой, и даже полубог, но возможно, с каждым днем все крепче и беспробуднее. Так проснитесь же, люди, пока еще не стало слишком поздно!

Обернитесь лицом в сторону яркого света, не закрывая глаза на любую, даже самую мельчайшую несправедливость, происходящую рядом с вами. И тогда наш мир станет чище и лучше.

У каждого из нас неизбежно формируется свой индивидуальный способ познания мира, включая все его соблазны и искушения. У каждого из нас своя цель в жизни. «Возлюби врага своего!» – учит милосердный Господь. «Возлюби врага своего наименее приятным для него способом!» – подчеркнуто смиренно добавляют экзорцисты. «Библия учит нас любить ближнего своего, как самого себя!» – нудно талдычит отец Ансельм. «А Камасутра объясняет, как именно это нужно делать!» – шепотом вторят проказливые студии. «Боевой молитвой искореняй врагов рода человеческого!» – вносит посильную лепту непоседливый Натаниэль. «Пулей-то оно намного сподручнее!» – категорически не соглашается упрямая Оливия. А я все думаю – достанет ли у меня сил найти свой правильный путь в жизни, сблечь друзей, помочь ближним, победить врагов и узреть свет истины.

Господи, дай мне силу – силу гореть без чада,
Вспыхнуть, гореть, погаснуть, если тебе так надо.
Вспыхнуть без разогрева – словно замкнулась клемма,
Вспыхнуть в свой час заветный над крышами Вифлеема.

Дай мне не быть пустышкой, дай же не быть огарком,
Путь мой борьбою станет, битвой, а не подарком.
Дай перед злом не гнуться – гордо стоять и смело,
Ведь не слова нас красят а, безусловно, дело.

Если случится горе – с другом беда случится —
Господи, дай мне силу – с другом теплом делиться,
Слабым прийти на помощь, тело спаси и душу,
Господи, дай мне силу – я перед злом не струшу.

Дай хрустала мне ясность, дай закаленность стали,
Не подогнуть колени, коль дуло к виску приставят.
Дай не нарушить слово, не поступиться честью,
На мелочь не разменяться – и не купиться лестью.

Господи, дай мне силу, пусть это и опасно,
Вспыхнуть, гореть, погаснуть – только бы не напрасно.
Господи, дай мне силу – путь свой пройти не зря,
Только добро и веру в сердце своем храня.

– А че это я не работаю-то? – невнятно возмутилась я на всякий случай, побыстрее запихивая в рот остатки сэндвича.

Оливия с менторским видом нахмурила пшеничные брови:

– Не бойсь и не давьсь, не отберу. Хотя тебя чем ни корми, а все не в коня овес! Ты чего занятия-то пропускаешь? От учебы отлыниваешь, да еще трескаешь тут так, что аж за ушами трещит. Неправильно это!

– Неправильно! – покладисто согласилась я. – А это правильно? – и тут из меня торопливой скороговоркой вылилась вся история с кардиналом ди Баллестро и спящим стригоем.

Оливия растерянно свела глаза к носу, одновременно нащупывая на поясе кобуру с любимой «Береттой» девятого калибра, с которой расставалась лишь в том случае, когда брала в руки уж совершенно убойный пистолет-пулемет УЗИ. Кстати, душ и туалет она тоже посещала во всеоружии. Недаром высоченную ангелицу в нашем аббатстве называли не

иначе как Богиней войны. Комната Оливии представляла собой хорошо укрепленный бункер – стены обшиты толстым слоем стекловаты и листами ДСП, в шкафу размещается импровизированный арсенал, под кроватью припрятан гранатомет. В монастыре воинственную Оливию недолюбливали – впрочем, вполне обоснованно не осмеливаясь смеяться над ней открыто. Называли параноидальной шизофреничкой, помешанной на личной безопасности. «На Бога надейся, а сам не плошай!» – добродушно ворчала Оливия, поймав чей-то очередной недоброжелательный взгляд. И как выяснилось впоследствии, именно ее натренированная бдительность и осторожность оказались тем решающим фактором, что в итоге спас наши жизни. Но в тот момент мы даже и не подозревали, в какую страшную историю окажемся втянуты всего через каких-то двое суток. Знали бы – подстраховались, подготовились бы. Ну, да так зачастую и случается – человек предполагает, а располагает один только Бог.

– Что делать-то теперь? – тихонько спросила Оливия, выводя меня из состояния задумчивого молчания. Кажется, наша Афина Паллада впервые попала в ситуацию, где оружие не решало ничего. – Может, в наглую зайдем с парочкой автоматов на этот брифинг и всех перестреляем к чертям собачьим?

Я выразительно покрутила пальцем у виска:

– Думаешь, все гениальное – просто? Но там будут присутствовать не только стригои, но и наши ангелы. И к тому же, мне нужна информация...

– Ну-у-у, – недовольно протянула Оливия. – На совещание допустят несколько человек из монастырского руководства и высших ангелов, а из них сведений не вытянешь.

И тут меня осенило:

– Оливия! – радостно возопила я. – Все гениальное и правда – просто! Мы добудем информацию именно у крылатых.

Ангелица смотрела на меня вытаращенными глазами.

– Полагаешь? – ее алые губы раздвинула несмелая улыбка. – А знаешь, я давно мечтаю поквитаться с Уриэлем! Что? О нет, ничего страшного, это чисто личное. Кстати, у меня в комнате имеются неплохие наручники и пара плеток.

Я фыркнула:

– Оливия! Ты там случайно, на досуге, мазохизмом не увлекаешься?

Ангелица густо покраснела.

– Ну, как знаешь, мое дело предложить! – она обиженно надула губы, хотя раньше всегда относительно спокойно воспринимала любые мои шуточки, даже самые дурацкие. Но, видимо, на этот раз я случайно задела ее за живое. Честно говоря, я давненько подмечала некоторое непонятное отчуждение, временами довольно заметно проявляющееся между командами двух признанных лидеров – Уриэля и Гавриила, но вроде бы Оливия всегда держалась обособленно, не торопясь принять чью-то сторону. Жаль, что я не сдержала язык, мне вовсе не хочется, чтобы между нами появилась стена недопонимания. Но, увы, на то, чтобы разбираться в проблемах Оливии, у меня сейчас банально не хватало времени. Поэтому я просто взяла подругу за руку и, преодолевая легкое сопротивление, притянула к себе, пристально всматриваясь в ее голубые глаза.

– Оливия, прости, пожалуйста! Видит бог, я не хотела тебя обидеть. Да и лезть в твою личную жизнь не собираюсь ни в коей мере. Но попытки ни к чему хорошему не приведут, я предлагаю совсем другое... – тут я встала на цыпочки, приникла к уху излишне рослой ангелицы и тихонько шепнула несколько слов.

Оливия коротко хохотнула:

– Здорово придумано! Одобряю!

Я польщено улыбнулась.

– Тогда идем к Натаниэлю, – но мысленно я дала себе клятвенное обещание когда-нибудь непременно докопаться до всех тщательно скрываемых тайн Оливии. Сложно сказать, почему меня так заинтересовало это мимолетное происшествие, но зачастую интуиция услужливо подсовывает нам готовые решения многих проблем именно тогда,

когда мы почему-то этого не замечаем, либо еще не обладаем навыками их правильного применения. Ну да каждый из нас, как известно, учится на собственных ошибках, опрометчиво игнорируя чужие.

Комната Натаниэля изнеженно купалась в теплых лучах полуденного солнца, отливая всеми оттенками небесно-лазурного и молочно-белого цветов. Светлый мраморный потолок изысканно гармонировал с голубыми шелковыми обоями и лаковой мебелью, испещренной серебристыми прожилками. Покажите мне любую на выбор комнату, и я с высокой долей вероятности скажу, какими именно качествами обладает ее постоянный владелец. Увидев ухоженное обиталище своего поклонника, я громко присвистнула от удивления. Несмотря на наши довольно близкие отношения, я никогда ранее не посещала этот райский уголок, совсем не без причины не доверяя скромности и добродетели красавца-ангела. А сейчас, глядя на открывшееся мне великолепие, я подумала, что подобные апартаменты скорее подошли бы какой-нибудь юной девушке, помешанной на чистоте и комфорте. По сравнению с ними моя собственная спальня невыгодно отличалась спартанской простотой и первостатейным бардаком, царящим на вверенных мне двенадцати квадратных метрах уже на следующий день после каждой генеральной уборки. Недаром же брат Бернард частенько отчитывал меня за злостные нарушения дисциплины, устава и порядка, налагая строгую епитимью в форме чистки картошки на монастырской кухне и опечаленно называя «ветром в юбке». Но суровый экзорцист неизменно ошибался в своих скоропалительных выводах. Из кухни меня изгоняли с регулярным и шумным позором, активнее чем какого-нибудь зловредного демона-суккуба, потому что с картошкой я расправлялась по-свойски: шестью резкими кинжальными ударами обрубая кожуру вместе с большей частью съедобной сердцевины. А юбки и подавно ненавидела самой лютой ненавистью – я не носила их с тех самых пор, как выросла из пеленок, убежденно предпочитая этим неудобным ухищрениям модных портных практичные и комфортные джинсы.

В центре бело-голубых покоев возвышалась широченная двуспальная кровать, на которой в эффектной позе свободно разлегся нагой Натаниэль, едва прикрытый уголком тонкой простынки. Оливия тут же развязно пихнула меня в бок, недвусмысленно намекая – мол, смотри, неудобина, от какого счастья ты отказалась! Правда, я так и не поняла, что более впечатлило воинственную валькирию: прекрасный юноша или же поистине умопомрачительное произведение искусных миланских мебельщиков.

На размеренно вздымающейся загорелой груди ангела чернел раскрытый том «Катехизиса», а рядом с кроватью небрежно валялось совершенно не уместное в этой комнате дарвинское «Происхождение видов». Оливия невежливым пинком перевернула знаменитый биологический опус, искренне недоумевая, чего это Натаниэль увлекся столь неподобающим ему чтивом. Ангел деликатно всхрипнул и перевернулся на бок, толстенный религиозный сборник вопросов и ответов звучно хлопнулся на пол. Простыня сползла, нескромно обнажая самое сокровенное... От неожиданности я вскрикнула. Натаниэль тут же раскрыл заспанные глаза.

– Аллилуйя! – привычно начал он. – Оба-на, если Магомед не идет к горе... – его красивые губы расплылись в победной улыбке. – Да ты никак передумала, Селестина...

– Не разевай на нее клюв, пернатый! – мрачно оборвала его Оливия. – Будь на то моя воля, я бы вообще всех вас кастрировала, начиная с ловеласа Уриэля...

– А вот и гора, легка на помине, – саркастично хмыкнул ангел, кокетливо прикрывая ладошкой причинное мужское место. – А как же тогда прикажешь поступать молоденьким экзорцисткам, в одночасье лишенными божественной помощи?

– Дурак наивный, вот наша лучшая защита! – безапелляционно заявила Оливия, любовно поглаживая вороненую рукоять «Беретты».

Ангел возмущенно приподнялся, хватаясь за смятую простыню, и только приоткрыл рот, намереваясь дать достойную отповедь самонадеянной валькирии, как я торопливо вмешалась в их отнюдь не мирную беседу, стремясь предотвратить назревающий скандал.

– Нат, ты с чего это вдруг взялся Дарвина читать?

– Да вот решил проверить, изменяла ли Ева Адаму, – склочно буркнул ангел, обвиняюще тыча пальцем в «Катехизис».

– С кем? – обидно гоготнула Оливия, явно сомневаясь в умственных способностях белокурого красавца.

– С кем, с кем! – сварливо передразнил ее возмущенный Натаниэль, шумно взмахивая крыльями. – А это вы своего Дарвина спросите, разлюбезного! Это ведь он, еретик поганый, утверждает, что люди произошли от обезьяны.

– Да что ты несешь, охальник? – пожарной сиреной взвыла шокированная ангелица, выставив острые ногти и угрожающе направив их в лицо Натаниэлю. – Вот я на тебя Гавриилу пожалуюсь!

– Ага, сейчас! – злорадно возопил ангел, замахиваясь злополучным томом антибожественной галиматии. – Люди-то, может, и от обезьян, а вот ты, толстомясая, точно от Кинг Конга!

Я безудержно хохотала, прикрываясь всеми позабытым «Катехизисом» и громко икая от смеха. Но Оливии было не до веселья. Всерьез разозленная валькирия тяжело прыгнула на кровать, жалобно скрипнувшую под ее немалым весом, и попыталась ухватить за предплечье яростно отбрыкивающегося Натаниэля. Растопыренные пальцы ангелицы вскользь мазнули по его обнаженному плечу, оставляя четыре кровоточащих борозды. Ангел взвыл от боли и ударил девушку мощным, широко распахнутым крылом. Клубок из двух переплетенных, рычащих и сопящих тел покатился на пол, рассыпая белоснежные перья и ключья разодранной простыни. Я бестолково хлопала ресницами, соображая – то ли бежать за кувшином холодной воды, дабы поумерить пыл противников, то ли разнимать их безотказным, но весьма шумным способом – выстрелом в воздух. Но внезапно в мою голову пришла гораздо более оригинальная идея.

– Спасайся, стригои идут! – заполошно заорала я, рискуя сорвать голос. – Хотят нам секир-башка делать!

Клубок мгновенно распался. Я насмешливо рассматривала Оливию – косы расплелись, блузка разорвана, под глазом стремительно наливается огромный лиловый синяк. Натаниэль держался победителем, с нарочитой небрежностью прикрываясь остатками простыни. Несколько маховых перьев на его крыльях висели только на честном слове, того и гляди выпадут.

– Хватит! – брезгливо поморщилась я. – Клянусь святой Агнессой, вам бы двоим в курятнике разборки устраивать. Шум, пух, перья... Стыд и срам, а еще – ангелы... Вроде, совсем разные, на первый взгляд, но если вдуматься – вы так между собой похожи...

– Конечно, похожи! – буркнула Оливия, отводя глаза. – Если поздно вечером арбуза поедим, так обязательно ночью оба в туалет побежим. А в остальном – ничего общего...

Нат обиженно засопел припухшим носом:

– Это все она затеяла! Подозреваю – от застарелой бабской зависти. Не может летать, ну и того...

– Ангелица робко прячет тело жирное в утесах? – язвительно подхватила валькирия. – Ты, Нат, и сам-то отнюдь не орел, и мозги у тебя соответствующие – птичьи!

Оскорбленный ангел засопел еще громче, не осмеливаясь соревноваться в остроте языка с Оливией, известной скандалисткой и задирой.

– Да я ничего, в общем-то, – уже более миролюбиво ворчал он, – я тебе давно советовал – садись на диету. Это, между прочим, по-дружески, по доброте душевной, так сказать. А летать все умеют, просто не у всех получается правильно приземляться...

Оливия презрительно скривила алый рот, приглаживая растрепанные косы.

– Ага, испугался, подлизываться начал. Ваша компания испокон веков трусостью славится. Почти шестьсот лет прошло, а вы не изменились ни на йоту...

– Шестьсот? – поперхнулась я.

– Ага! – валькирия величественно кивнула гордой головой. – Та битва при

Тырговиште... Никогда не забуду, как Уриэль и эти его приспешники, – тут она небрежно ткнула пальцем в сторону растерянного Натаниэля, – улепетывали во все крылья, оставив на поле боя множество раненых и, если бы не Гавриил – возможно, миром сейчас правили бы стригои. Вот тогда-то первый приближенный к Богу архангел и возвестил нам, что настанет день, когда явится миру дева...

– Оливия! – словно очнувшись, во всю мощь своих отнюдь неслабых легких оглушительно возмутился Натаниэль. – Ты чего несешь-то? Забыла, как отец Ансельм велел тебе язык за зубами держать, особенно в отношении Селестины?

Подруга тут же с клацаньем прихлопнула болтливый рот, и поспешно сделал вид, будто ничего не случилось.

– Ли-и-и-в..., – просительно протянула я, строя невинно-умильную мордочку. – Ну расскажи...

Нат показал Оливии кулак. Девушка виновато почесала в затылке:

– Неисповедимы пути господни! – примиряюще вздохнула она. – Всему свое время, Сел. Если тебе суждено узнать о чем-то, то не сомневайся – ты когда-нибудь об этом непременно узнаешь.

Меня чуть на части не разрывало от любопытства. Нат и Оливия определенно знали что-то особенное, причем напрямую касавшееся меня. А я даже приблизительно не представляла, о чем в целом идет речь, случайно ухватив жалкий кусочек информации, легкомысленно выболтанный подругой. Надо признаться, сегодняшний день, начавшийся с помощью любвеобильного ангела весьма рано и бурно, оказался излишне богат непонятными событиями, в корне изменившими неторопливое течение моего довольно скучного и однообразного существования. И, наверное, даже истый искатель приключений не очень-то обрадуется, внезапно ощутив себя главным героем запутанного квеста, причем в какой-то жутко сумбурной, глюкнутой версии. Но сейчас мне пришлось вынужденно смириться и мысленно внести еще одну пометку в свой блок памяти, отложив на потом и эту тайну. Массив непонятных и загадочных событий разрастался буквально на глазах. Поиск собственного жизненного пути неожиданно осложнился, обрастая различными независимыми от меня деталями. А до тех пор, пока я в них не разберусь...

– Селестина, да ты никак уснула? – два громких голоса вывели меня из философских размышлений, призывая обратно, в этот несовершенный, грешный, но такой интересный мир. – А как же стригои, чего они там опять затеяли?

Я подозрительно посмотрела на ангелов, уже вполне утихомирившихся и теперь чинно сидящих бок о бок на изрядно развороченной кровати Натаниэля. Что-то вид у них уж больно елейный. Притворяются, поди? Про стригоев вон вспомнили... Стоп, про кого – про стригоев?

– Обманщики! – гневно возопила я. – Лгуны двуличные. Я к вам, понимаешь, со всей душой, а вы... а вы... – у меня от возмущения даже дыхание в груди сперло. – Ну ладно Оливия, я с ней всего-то пару лет как подружилась. Но ты, Нат, как ты мог скрывать от меня такое?

– Ну вот опять, чуть что, так сразу Натаниэль! – кисло скривился ангел. – Я вечно крайний, что ли? А у меня, между прочим, тоже не всегда все аллилуйя, у меня еще и строгое начальство имеется, готовое, если что, сразу же по шее накостылять. Поступил четкий приказ – никому из молодых экзорцистов не рассказывать о существовании стригоев. Вот экзамены сдадут, обряд Причастия пройдут – тогда, пожалуйста, пусть кушают кровососов, сколько влезет – с булочкой и кетчупом. А пока – молчать...

– Это почему же? – искренне удивилась я. – Разве проклятые кровососы не являются нашими самыми страшными и жестокими врагами?

Нат согласно кивнул белокурой головой.

– Аллилуйя Господу, правильно говоришь, Сел. Да только стригои намного хитрее и сильнее, чем ты думаешь. Им ничего не стоит обманом или другим дьявольским соблазном заманить в свои сети наивного человека, еще не обретшего силу Причастия. Или, что того

хуже, юную девушку, не успевшую получить личного Ангела-хранителя. Ибо новообращенные стригойки – твари женского полу намного хитрее, беспощаднее и изворотливее, чем кровососы-самцы.

– А-а-а! – глубокомысленно протянула я. – Но тогда тем паче, кому-то из нас нужно обязательно попасть на сегодняшнее ночное совещание и узнать, с чем таким срочным стригои пожаловали в нашу святую обитель. Судя по регалиям спящего в бордовой комнате красавца, в иерархии Проклятых он занимает далеко не последнее место.

– Знаю, – нехотя ответил Натаниэль, – мне уже Оливия все рассказала о твоей утренней вылазке, пока ты тут медитации предавалась. Так что ныне от тайны остался один пшик, и молчать мне стало не резон. Только ерунда эта твоя затея – пробраться на тайную встречу. Уриэль бдительно следит за неразглашением ценных сведений и не допустит никакого, хотя бы самого мельчайшего промаха. Уриэль, он знаешь какой... – тут ангел осекся, уловив насмешливый взгляд Оливии. – Короче, из архангелов он самый крутой! – но фраза прозвучала как-то неуверенно.

– Ага, – ехидно откликнулась валькирия, – верим, верим. – Выше Уриэля – лишь звезды, а круче его – только вареные яйца. Хвостун ваш Уриэль, вот кто! – и она шепотом добавила еще несколько уже совсем обидных эпитетов.

Точеное лицо Ната налилось багровой краской возмущения.

– Да как ты смеешь возводить поклеп на первого советника самого Господа? – он не кричал, а почти шипел, бешено вращая выпученными глазами. – Неужели ты, женщина, совсем не боишься Божьего гнева?

– А вот вам всем! – Оливия смачно продемонстрировала толстые пальцы правой руки, нахально сложенные в увесистую дулю. – Чихала я на твоего Уриэля!

Натаниэль оскорблено нахохлился, становясь похожим на голодного злобного сыча.

– А ну-ка, хватит! – я требовательно хлопнула ладонью по краю матраса, жалобно скрипнувшего всеми своими патентованными ортопедическими пружинами. Из крыльев Ната выпало еще некоторое количество перьев. – Нашли подходящее время для выяснения личных отношений! Вот разберемся со стригоями сначала, а потом хоть глаза друг другу повыцарапывайте! А ну, слушайте меня...

Натаниэль и Оливия нехотя утомонились, прекратили сверлить друг друга ненавидящими взглядами и повернулись в мою сторону. Я приблизила губы к уху ангела и, улыбаясь самым премерзким образом, коротко изложила возникший у меня в голове план, ликуя, наблюдая, как челюсть красавца медленно отвисает с каждым моим словом.

– Аллилуйя, – шокировано выпалил Нат любимое словечко, едва дослушав меня до конца. – Сел, ты что, совсем сбрендил? Не согласный я ни в коем разе! Да что обо мне после этого друзья говорить станут? А девушки? Ты меня так совсем дискредитируешь в глазах молодых экзорцисток. Да надо мной сам Уриэль смеяться будет! И потом, на эту старую швабру даже упырь не позарится...

Но я одним командным взмахом ладони безапелляционно пресекла слабые протесты несчастного юноши. Рывком подняла его с кровати, критически оглядела со всех сторон и эффектно задрапировала в обрывки белой простыни, заматывая их наподобие тоги древнего сенатора. Коротковато конечно получилось, но так даже лучше. Эффектнее. Надо признаться, что голое загорелое тело, проглядывавшее сквозь прорехи самодельного одеяния, выглядело весьма сексапильно и придавало ангелу еще более соблазнительный, чем обычно, вид. Несколькими небрежными взмахами я пышно взбила его и без того шикарные локоны, цапнула с подоконника пестрый керамический горшочек с хилой геранью и сунула в послушно обмякшие руки.

– Вперед, мой победитель! – я развернула Ната к двери и довольно чувствительно пихнула в спину. – Над тобой не смеяться будут, а напротив – объявят народным героем и памятник еще при жизни воздвигнут...

Герою памятник воздвигли среди аллеи,

Для антуражу дали и клинок, и пушку...
Но стаи обнаглевших голубей
Красавцу часто гадят на макушку... —

вдохновенно продекламировала Оливия.

Нат обреченно всхлипнул и мученически раскорячился в дверном проеме.

— Садистки, не пойду я никуда!

— Ща как стукну! — с нехорошими интонациями пообещала Оливия.

Плечи юноши поникли.

— Да ты подумай получше, дурачок! — ненатурально увещевала я. — Ну, скажи, чем она плоха? Умная, стройная, красивая, добрая — да просто клад, а не женщина!

— Ага, так бы и закопал! — давилась хохотом вредная валькирия.

— Стервы! — тихонько выдохнул Нат и с левой ноги отрешенно шагнул через порог комнаты. — Аллилуйя! — донесся до меня его жалобный стон, медленно затихающий вдалеке.

— Со щитом или на щите! — в лучших традициях античных дам, провожающих на подвиг своих отважных воинов, прощально выкрикнула я вслед его удаляющейся фигуре и, опасаясь, что ангел передумает, быстро захлопнула резную дверь.

— Думаешь, получится? — скептически спросила Оливия, вытягивая из стоящего на столе блюда сочный персик и с упоением погружая зубы в его аппетитную мякоть.

— Не знаю, — сок второго персика брызнул мне на подбородок. — Подождем его возвращения. Вроде бы, старая гримза Ариэлла давно по Нату вздыхает... Да и харизма у него — дай Бог всякому!

— Харизма! — ехидно прищурилась ангелица. — Так ты все-таки успела ее разглядеть? Ну и какая она — такая? — валькирия вопросительно развела ладони, отмеряя примерно сантиметров двадцать — двадцать пять. — Или еще больше?

— Ну, зачем сразу все опошлять-то! — упрекнула я нескромную подругу. — Я же о размере... тьфу — о красоте души говорю, а не о том, на что ты намекаешь!

— Хорошо, пусть будет красота! Но что-то все равно не завидую я нашему рафинированному красавчику! — мстительно хохотнула Оливия и, не снимая сапог, бесцеремонно завалилась на благоухающую дорогим одеколоном кровать. — Ариэлла — она такая невзрачная... — тут ангелица скривилась с ярко выраженным чувством огромного личного превосходства. — Вот это и называется: ангелу чертовски не повезло!

Под козырьком подъезда голубовато сиял одинокий светильник, выполненный в форме магического шара. Андреа пренебрежительно поджала губы, дивясь столь вульгарной рекламной декорации.

— Почему бы не написать прямо — «здесь принимает ведьма»? — риторически спросила она у крикливо пышного фонаря, разглядывая запертую черную дверь. — Это точно дом 13-б?

— Точно, — подтвердил Рауль, обнаруживший латунную табличку, укрепленную на кирпичной стене. — И именно по улице Мурано. Все верно, дорога, нам сюда. А что, — он иронично приподнял бровь, — ты действительно веришь в ведьм?

— А ты веришь в подделки, мой любезный граф Деверо? — тоненько хихикнула девушка, пребывавшая после удачной покупки хрустального анха в прекрасном настроении. — Вопрос состоит в другом: верят ли ведьмы в нас?

— Гм, — картинно задумался Рауль. — Ну, во всяком случае, официально наше существование отрицают все, включая чопорную католическую церковь.

Андреа хитро улыбнулась.

— Обожаю неофициальные версии! — она нажала крохотную кнопку, сиротливо выделявшуюся на гладкой дверной поверхности.

Через секунду раздался мрачный музыкальный проигрыш и ожил незаметный взгляду динамик:

— Кто вы и что вам угодно? — поинтересовался лишенный интонаций голос.

– Меня зовут Андреа дель-Васто, и я желаю получить аудиенцию у госпожи Маго Руфолли по строго конфиденциальному, – тут стригойка игриво подмигнула Раулю, – делу.

– А мужчина с вами? – донеслось из динамика.

– Он мой телохранитель! – спокойно уведомила Андреа.

Несколько минут ничего не происходило, и девушка уже начала подозревать, что по какой-то неведомой причине их решили не впускать внутрь дома, как вдруг дверь негромко щелкнула язычком кодового замка и приглашающе приоткрылась.

Они прошли скупой освещенный коридором, затянутым черным бархатом и разрисованным серебряными алхимическими символами. Андреа сердито хмурила брови, брезгливо рассматривая эту примитивную экзотику, призванную поразить доверчивые сердца жаждущих чудес обывателей. Рауль равнодушно скользнул взглядом по приемной эксцентричной ясновидящей, крепко сжимая доверенный ему футляр с драгоценной покупкой, завернутый в обычный пластиковый пакет. Коридор тянулся метров на десять, заканчиваясь густой занавеской из позвякивающих нитей крупных стеклярусных шариков.

– Входите! – низкий грудной женский голос шел из-за занавеса. – Я чувствую ваши энергетические эманации!

Андреа язвительно хмыкнула, прозорливо подозревая, что осведомленность шарлатанки объясняется вовсе не ее паранормальными способностями, а возможностями удачно спрятанной камеры видеонаблюдения. Стеглярус зазвенел, раздвигаясь...

Маго оказалась женщиной средних лет, жгучей брюнеткой, плотной и коренастой. Андреа предусмотрительно прикрыла лицо складками капюшона и подошла к столу, за которым восседала ясновидящая, сделав Раулю знак остаться около входа в маскирующем полумраке. Наверное, хозяйка салона давно привыкла к тому, что подавляющее большинство ее клиентов желает сохранить инкогнито, поэтому не предприняла ни малейшей попытки поближе рассмотреть черты прекрасной посетительницы. Лишь на мгновение тяжелое лицо госпожи Руфолли исказила краткая гримаса острой зависти, вызванной стройной, высокой фигурой стригойки,двигающейся с тем ненавязчивым изяществом аристократки, которое невозможно приобрести никакими тренировками. Подобная грация бывает только врожденной. Но Маго умело справилась с эмоциями, снова принимая отвлеченно-любезный вид. Андреа гибко опустилась в низкое кресло напротив хозяйки, по другую сторону круглого стола, и слегка кивнула.

Бесформенная хламида, довольно неудачно имитирующая магическое одеяние, заколыхалась. Маго величественно возложила на скатерть короткопалые руки с накрашенными черным лаком ногтями и пододвинула к себе большой стеклянный шар.

– Что привело вас ко мне, синьора? – Руфолли тяжело навалилась на стол массивным бюстом, делая вид, будто усиленно вглядывается в магический шар. Последовало несколько неопределенных пассивных пухлых ладоней, приведших к возникновению красной светящейся точки, зажегшейся внутри стекла.

– Радуйтесь, сегодня духи благосклонны к вам, они откликнулись на мой призыв и готовы открыть будущее!

Андреа кусала губы, стараясь сдержать ехидный смех. Магией здесь и не пахло. В деревянной столешнице скрывался обычный проводок, подсоединенный к лампочке, свет которой и проникал через стеклянный шар – мистифицируя посетителей.

А ясновидящая продолжала колдовать. Шар переливался блеклыми разводами всех цветов радуги, полученными, по мнению Андреа, с помощью упаковочной фольги. В комнате раздавались нечеткие звуки, напоминающие не то заунывное дуновение кладбищенского ветра, не то – вздохи неупокоенных душ, блуждающих во мраке. Возможно, все эти трюки и оказывали сильное впечатление на доверчивых буржуа и падких на развлечения туристов, но Андреа они раздражали, заставляя сжимать кулаки и скрывать нарастающее возмущение.

– Вижу! – победно провозгласила шарлатанка. – Вы хотите узнать, разделяет ли ваш избранник то сердечное влечение, которое вы испытываете по отношению к нему!

Стригойка безмолвно кивнула, наслаждаясь разыгрывающимся представлением.

Маго глубоко вздохнула, закатила глаза и затрясла обвислым подбородком, усиленно изображая попытку установления контакта с потусторонними силами.

– Плохо ваше дело! – притворно искренне посочувствовала она, снова приходя в себя. – Ваш любимый временно связан с другой женщиной, но за триста евро, – голос обманщицы предательски дрогнул, выдавая жадность, царящую в корыстном сердце, – я изготовлю для вас сильнейшее приворотное средство, способное навсегда отвратить его от разлучницы!

Андреас хмыкнула, правдоподобно изображая сомнение и недоверие.

Вымогательница усилила нажим:

– Я могу призвать высших духов, это придаст вам уверенности в моих силах!

Андреа кивнула повторно, желая увидеть весь избитый репертуар мнимой ясновидящей.

Маго снова закатила глаза и затряслась еще сильнее. Видимо, она оказалась не совсем уж бездарна и неплохо владела чревоуещанием, потому что смогла заговорить, правда, не очень внятно, но все же проделывала это довольно искусно – не открывая рта и не разжимая губ.

– Внемли мне, женщина! – голос, донесшийся из утробы шарлатанки, стал низким и неузнаваемо глухим. – Я Сатана, князь Тьмы! Я мог бы выпить твою кровь и забрать душу, но я велик и милосерден...

И тут терпение Андреа закончилось. Жалкие потуги этой посредственной комедиантки выглядели оскорбительным плевок в сторону ее собственного могущества. Она сильным гневным пинком оттолкнула в сторону стол с фальшивыми атрибутами магического ремесла, молнией взвилась из кресла и схватила Маго за толстую шею, крепко сжимая гортань. Обманщица испуганно выкатила глаза, пытаясь кричать, но ни звука не вылетело из ее горла, пережатого с нечеловеческой силой.

– Ты, убогая лицедейка, – стригойка откинула капюшон плаща, сверкая клыками и наслаждаясь ужасом задыхающейся жертвы, – ты вздумала шутить с силами, о которых не имеешь ни малейшего понятия. Но я познакомлю тебя с моим Темным отцом...

Глаза Андреа встретились с расширившимися зрачками беспомощной женщины, околдовывая, гипнотизируя, пресекая возможность сопротивления. Грузное тело Маго вяло обвисло в кресле, и она лишилась сознания. Стригойка жадно приникла к жирной шее, высасывая теплую кровь, пьянящую сильнее вина. По комнате поплыл сладковатый, чуть гнилостный запах. Рауля, стоящего у входа, трясло как от приступа эпилепсии. Наконец госпожа насытилась и подозвала верного слугу, позволяя и ему вкушать алого напитка жизни и вечной молодости. Несколько минут спустя тело Маго Руфолли, трупно-синее и сухое, распростерлось на ковре с неловко разбросанными руками и ногами в гротескном подобии святого креста.

Андреа вынула из привешенной на пояс сумочки стальную иглу с вдернутой в нее шелковой нитью и несколькими неровными стежками ловко зашила рот мертвой гадалки. А затем одним ударом острых ногтей располосовала ее шею точно под подбородком, образовав темный, глубокий провал.

– Отец мой, – жарко зашептала стригойка, опуская на колени подле трупа, – приди, помоги своей любимой дочери! Будущее страшит меня. Направь руку мою, просвети мой разум, подскажи мне скрытую истину. Слишком много тайн вьется вокруг меня! Что узнал кардинал ди Баллестро? Какую загадку таит в себе древний хрустальный крест?

Внезапно труп ясновидящей слабо шевельнулся, мертвые глаза открылись. Но ничего земного не присутствовало уже в этих кроваво-красных зрачках, пылающих неугасимым огнем преисподней. Неровные края темного провала в горле натужно зашевелились, рождая звуки, складывающиеся их в слова. Андреа наклонилась к ране и прислушалась.

– Две дочери, – вещал темный дух, вошедший в изуродованное тело. – Дочь Тьмы и дочь Света. Две древних родственных крови, произошедших из одного источника, но разделенных на века, теперь снова слились воедино. Две сестры, рожденные силой земли

Монсегюра, но разделенные христианским Богом. Три ключа от Ада, оказавшиеся в руках этих дев. Это и узнал кардинал-отступник. Найди свою сестру, дочь моя... Истреби Дочь Господню, пока она не убила тебя...

– У меня есть сестра! – дико закричала Андреа, вцепляясь в плечи трупа и терзая бескровную, шуршавшую, словно бумага, плоть. – Но кто она, где мне ее искать?

Тело Маго Руфолли начало стремительно усыхать и крошиться, превращаясь в пригоршню серого пепла. И мгновение спустя в комнате осталась лишь растерянная стригойка, бессильно царапавшая грязный, засыпанный пылью ковер.

Глава 5

«Аллилуйя, вот уж повезло, так повезло! – мрачно размышлял Натаниэль, шагая по коридору служебного крыла. – А во всем виновата сумасбродка Селестина с ее безудержной фантазией!» Изорванная простыня сползала с бедра, нелепый горшок с цветами мешался, да и вообще капризный ангел, привыкший к всеобщему поклонению и восхищению, впервые за многовековую жизнь чувствовал себя дураком, и, надо признаться, это ему весьма не понравилось. Подумать только, его – первого красавца и соблазнителя (конечно, после Уриэля), отправили очаровывать какую-то старую замшелую деву, обладающую внешностью и характером гарпии. Натаниэль тяжело вздохнул. О-о-о, теперь-то он отлично понимал, почему женщины среди ангелов составляют всего-навсего десять процентов. Ведь прими в рай всех без разбору особ слабого пола – склочных, сварливых и безудержно болтливых, то чем тогда, скажите, рай будет отличаться от ада?

Наконец, преодолев немало крутых лестниц и заброшенных переходов, ангел достиг низенькой незаметной двери, находящейся в самом отдаленном подвале обширного старинного здания, отведенного под аббатство. Здесь располагалась прачечная со всевозможными машинками для стирки, сушками, гладками и прочими, неизвестными Натаниэлю заморочками. Впрочем, рассмотрев все подробности этого тайного мирка, белокурый красавец, до настоящего момента никогда не задумывавшийся о том, откуда берутся его чистые, надушенные лавандой простыни, белоснежные рубашки и безукоризненно отглаженные льняные брюки, ощутил даже некоторое уважение к женщинам, работающим в столь тяжелых условиях. Местный воздух казался излишне сырым и липким из-за повышенной влажности и густого запаха каких-то химикатов, а конденсирующиеся на потолке капли воды непрерывно стекали по каменным стенам, создавая на редкость неприглядный интерьер. «Прямо какие-то гестаповские катакомбы или же застенки средневековой инквизиции!» – мрачно подумал юноша, зябко передергивая голыми плечами. План, придуманный Селестиной, предполагал куда более романтическую обстановку и уж точно никак не вязался с этими угрюмыми казематами. Да и где он должен обольщать старую Ариэллу? Неужели на куче несвежего белья? Бред, никаких шансов на успех в таком случае у него не имеется, и вся задуманная операция пойдет насмарку. «А впрочем, – Натаниэль лихо тряхнул кудрявой головой, – не укусит же меня, в самом деле, эта престарелая прелестница? А если даже и укусит, то... наверное, не очень больно!» Ему невольно вспомнилось любимое изречение отважного Уриэля, гласившее: «Баб бояться – в бордель не ходить». А также старинные байки, рассказывавшие о том, как однажды златокудрого архангела застучали в спальне у королевы Елизаветы Английской. Хотя ту даму до самой смерти так и называли девственницей... Поэтому Натаниэль отважно приосанился, сложил губы в самую обольстительную улыбку и храбро толкнул осклизлую дверь с надписью: «Кабинет главной кастелянши».

За обшарпанным канцелярским столом, окруженным кипами неглаженного белья, восседала сама Ариэлла, подслеповато уткнувшись в древний, распухший от сырости гроссбух. Из спины деловой леди грозно топорщились две преогромные, обтянутые морщинистой кожей палки – отатки усохших крыльев, символ застарелой девственности, наглядно свидетельствующие о святости и непорочности своей обладательницы. Натаниэль,

видевший Ариэлла неоднократно, но всегда смотревший как бы сквозь нее, пристально разглядывал свою будущую пассию, стремясь обнаружить перечисленные Селестиной достоинства. Увы, нахальная девчонка не произнесла ни слова правды. Вместо стройности в фигуре пожилой дамы присутствовала удручающая худоба, наводя на вполне уместное сравнение с угловатым алюминиевым каркасом, обтянутым безнадежно вышедшим из моды платьем. Доброта никак не могла сочетаться с этим желчным тощим лицом, сильнее всего напоминавшим лошадиную морду со странно удлинненными бесцветными глазами и хрящеватым носом. Красота абсолютно не вязалась с нездоровой землистой кожей и жидкими волосами, небрежно скрученными в кривоватый пучок. Натаниэль печально вздохнул... Ариэлла онемела, ошарашенно таращась на прекрасный призрак, неожиданно возникший на пороге ее скромного убежища.

Сел оказалась права. Тощая ангелица уже многие сотни лет страдала от неразделенной и всегда тщательно скрываемой любви к обворожительному Натаниэлю. Стареют все, даже бессмертные ангелы. Когда-то, почти шестьсот лет назад, Ариэлла была юной и прекрасной девой, более воинственной, чем Оливия и более соблазнительной, чем сама Елена Троянская. Тогда у Ариэллы действительно имелся неплохой шанс привлечь внимание Ната, ведь на нее засматривались все – и могучий Гавриил, и черноволосый Самуил, и любвеобильный ветреный Уриэль. Но случилось нечто ужасное, поставившее Ариэлла перед мучительным выбором – или любимый скоропалительно скончается от полученных ран, или же она его исцелит, отдав свою жизненную силу. Ариэлла предпочла последнее. С той поры она в одночасье утратила сияющую молодость, уверенность в себе и мгновенно постарела, приобретя замашки трусоватой серой мышки. А недогадливый красавец Натаниэль выжил, даже не догадываясь о бесценном подарке, преподнесенном ему бескорыстно влюбленной девушкой. Ариэлла стыдилась своего вопиющего уродства, предпочитая прятать его от всех, скрываясь в недрах сырого подвала и проводя дни за стиркой рубашек, принадлежащих легкомысленному возлюбленному. Погрузив увядшее лицо в кружевные рюши, пахнущие его кожей и его бесподобными волосами, она грезилась об утерянном безвозвратно счастье. Но все это было неважно, ведь он жил и продолжал беспечно порхать в голубом небе, совсем не помышляя о ней – старой, безобразной Ариэлле. И вот теперь – чудо свершилось. Возможно, это благой Господь наконец-то услышал ее страстные мольбы и послал ей волшебное видение, имевшее облик того, кто затмевал все сокровища мира. И Ариэлла обмерла, не смея вздохнуть, не находя нужных слов, почти теряя сознание...

Натаниэль натужно улыбнулся и поставил цветочный горшок прямо на раскрытый гробсбух. Ариэлла вздрогнула.

– Вы... ты... – она бледнела, краснела и заикалась, – ты пришел жаловаться? Возможно, простыни оказались жестковаты или рубашки плохо прогладили? Только скажи, и я немедленно все исправлю!

– Нет, нет, что ты! – возмущенно запротестовал Нат, чувствуя себя в чем-то виноватым, не зная, куда деваться от взгляда этих водянистых глаз, светящихся обожанием и восхищением. – Наоборот, я подумал, что давно уже должен был поблагодарить тебя за труды и лично зайти, выразить признательность и сказать, что ты самая лучшая! – к его немалому удивлению, эти слова дались ему легче, чем он предполагал. – Спасибо тебе за заботу, Ариэлла!

Ангелица обмерла вторично. А затем по впалым женским щекам разлился смущенный румянец, делая ее почти красивой. Она нервно провела рукой по волосам и рефлекторно сдернула резинку, удерживающую на затылке туго стянутый пучок. Длинные прямые пряди рассыпались по хрупким плечам, оказавшись не такими уж жидкими и блеклыми, и приятно обрамили худое лицо. Ариэлла несмело улыбнулась, показав маленькие, безупречно белые зубки. Нат задумчиво склонил голову на бок, пристально рассматривая преобразившуюся женщину. Оказывается, глаза у нее пикантно миндалевидные, губы хорошей формы, просто бледные и потрескавшиеся, нос вовсе не хрящеват, а украшен премилой горбинкой, да и волосы отливают удивительным серебристым цветом. Он растерянно приподнял одну прядь,

с удовольствием вдыхая исходящий от нее запах свежей речной воды, и задумчиво провел пальцем по нежному, трепетно дрожащему подбородку. Это все дурное освещение виновато, понял ангел, именно оно придает этот ужасный землистый оттенок ее перламутровой коже. Ариэлла просто нужно хорошенько подкормить, приодеть и научить пользоваться косметикой, и тогда, пожалуй, она станет чудо, как хороша...

Ангелица послушно прильнула к его широкой груди, не смея поверить в происходящее. Нат медленно наклонил голову и поцеловал бледные губы доверчивой женщины. Поцелуй длился долго, полностью преобразив старую уродливую Ариэлла. Ее дыхание участилось, сердце забило сильнее, кровь прилила к лицу, глаза заблестели. Натаниэль отклонился, оценивая произошедшую перемену. Талия у ангелицы была неправдоподобно тонкой, а под грубым платьем обнаружились маленькие, восхитительно упругие груди.

– Аллилуйя, ты и правда, лучше всех! – совершенно искренне воскликнул Нат, жадно целуя ее снова и снова. – Нет, все-таки Сел права, ты – настоящее сокровище. И как это я не замечал тебя раньше?

Ариэлла рассмеялась тихим грудным смехом, взволновавшим не только сердце Натаниэля, но и другие, более интимные мужские органы.

– Так это она отправила тебя ко мне? О, я не забуду ее благодеяния! Чего же она хочет?

– Милая, – признался Нат, по-прежнему не выпуская из своих сильных рук ее гибкого девственного стана, – я дурак и сволочь! Ты имеешь полное право прогнать меня подальше и подарить свою прелесть более достойному поклоннику!

– Так ты мой поклонник? – тихо ворковала женщина, млея в объятия красавца. – Я ценю твою откровенность и прошу, расскажи мне всю правду.

Нат, мучимый раскаянием, чистосердечно признался, что по плану хитроумной Селестины должен был очаровать старую деву и под предлогом будущего свидания выманить у нее запасной ключ от кладовой, где хранились ритуальные одеяния ангелов. А уж там, выкрыв пару плащей и облачась в них, под видом одного из членов небесного капитула провести Селестину на тайную встречу со стригоями, назначенную на следующую ночь.

Услышав про стригоев, Ариэлла изменилась в лице.

– Нат, – она крепко сжала ладонь возлюбленного, – возможно, ты и не в курсе, но я тоже вхожу в состав капитула и могу запросто участвовать на любом совещании. Я дам Селестине свой собственный плащ и помогу изобразить меня, дабы она получила нужную информацию. Думаю, эта девушка умна и очень смела. Приезд стригоев не предвещает нам ничего хорошего, и наш долг состоит в том, чтобы расстроить их черные планы. Я помогу вам всем, чем смогу!

Натаниэль радостно усмехнулся. Ариэлла оказалась не только красива, но и чрезвычайно сообразительна, поэтому его внезапный интерес к этой женщине возрос многократно.

– Дорогая, – нежно шепнул он, – но мы с тобой встретимся еще, не так ли? Тебе не кажется, что твои усохшие крылья давно уже нуждаются в купировании?..

Намек был более чем прозрачен. Ариэлла целомудренно покраснела...

– Пойдем, я дам тебе плащи, – тихо ответила она, опуская ресницы – сказочно длинные и солнечно-золотистые, к полнейшему восторгу Ната. – Поговорим о нас позднее, сейчас важнее всего разоблачить козни стригоев.

Несколько минут спустя ангел покинул сырой подвал, унося с собой два свернутых плаща, а также бесчисленные поцелуи и наставления Ариэллы. Странно, но сейчас он ощущал себя по-настоящему счастливым. А ангелица вынула из ящика стола складной образок и жарко возблагодарила Господа, наконец-то щедро одарившего ее за долголетние молитвы и страдания. Аскетичный лик Иисуса смотрел строго, но немного иронично. «Не было бы счастья, да несчастье помогло!» – безмолвно подсказывали его добрые серые глаза.

Рыцарь Гонтор де Пюи предавался любимому занятию – воспоминаниям, когда дверь

его личных покоев сорвалась с петель и шумно грянулась об пол, не устояв перед напором разгневанной Андреа. Старик изумленно приподнялся в мягком кресле, но стригойка, на этот раз совершенно утратившая свою обычную сдержанность и элегантность, одним страшным прыжком преодолела разделяющее их расстояние и вонзила острые когти в его морщинистые запястья, пригвоздив к дубовым подлокотникам. Ее побелевшее лицо с неестественно расширенными зрачками угрожающе нависло над сухощавой фигурой престарелого патриарха, будя в нем давно позабытое чувство безотчетного страха.

– Предатель, – злобно прошипела Андреа, с наслаждением выплюнув это оскорбительное слово в лицо уважаемого всеми кланами гроссмейстера, – жалкий глупец, маразматик, выживший из ума святоша. Скажи, давно ли ты продался этим ватиканским крысам, отринув милости нашего истинного отца? Видимо, пример Иуды оказался чрезвычайно заразительным. Сколько же серебряников пообещали тебе?

Де Пюи предпочел промолчать, ожидая, пока она выговорится. Он мысленно пытался прикинуть, какие же из тщательно скрываемых фактов все-таки стали известны неистовой стригойке. Андреа отпустила руки патриарха, несколькими нервными резкими взмахами отряхнула запылившийся низ черной куртки, выдернула из-за стола тонконогий стул и уселась перед стариком, не сводя с него своих синих, светящихся недоверием глаз.

– Рассказывай! – властно приказала она, борясь с раздражением и картинно закидывая ногу на ногу. – Подробно и без утайки, – в длинных пальцах стригойки появился массивный портсигар, чиркнуло колесико золотой зажигалки. Андреа глубоко затянулась, выпуская к потолку ароматное облачко табачного дыма. – Я имею право знать все!

Рыцарь иронично приподнял седую бровь.

– О каком праве идет речь? Закон повелевает тебе хотя бы номинально подчиняться старшему в роду, пока ты не получила знак власти, дарованный Темным отцом!

Губы Андреа скривились в презрительной усмешке.

– Что мне закон? Я – выше закона!

Де Пюи удрученно покачал лысеющей головой.

– Не мы создавали законы мироздания, и не нам их отменять. Выше закона стоит правда, которую ты боишься признать.

– А выше правды? – небрежно спросила стригойка, тщетно пытаясь скрыть овладевшее ею беспокойство.

– Справедливость! – тихо, но твердо произнес Гонтор. – А за справедливостью следует милосердие, уступающее лишь любви. Но главное всего – Бог, ибо он есть и правда, и справедливость, и милосердие, и любовь в одном лице. Квинтэссенция самого смысла жизни.

При упоминании Бога Андреа дернулась и зашипела, словно получив сильный и болезненный ожог.

– Так вот в чем дело, я оказалась права. Ты предал отца, переметнувшись на сторону безродного выскочки из Назарета и его цепных церковных псов. Именно поэтому ты получил возможность жить в самом центре его власти – в Риме. И после всего этого ты еще осмеливаешься рассуждать о справедливости и правде? Подлый лжец!

Рыцарь тяжело вздохнул, устало смежив веки. Она не понимала, не хотела понять истинного положения вещей. Она жаждала крови и власти, напрочь отбывая здравый смысл и соображения морали, не заботясь о мире и равновесии. Она желала войны!

Гонтор давно уже раскаялся в содеянном, отказавшись от жизни и примирившись с Церковью, однако не осмеливаясь просить прощения у Бога. Да и заслужил ли он прощение? Наверное, нет, ибо его преступления все равно оставались слишком велики. Но он с испугом наблюдал, как начавшееся почти восемьсот лет назад противостояние все обострялось и обострялось, увлекая мир в пучину Тьмы. И если Ватикан с годами становился все лояльнее и терпимее по отношению к стригоям, готовый пойти на компромисс и разумные уступки, то молодые, сильно разросшиеся кланы, наоборот, исповедовали единственный, чудовищно жестокий принцип – все или ничего. Церковь принципиально прекратила преследование стригоев, позволив им жить своим замкнутым мирком, снабжая их кровью и лицензиями и

даже узаконив ежегодную Великую охоту. Но аппетиты Проклятых разрастались час от часу, заставляя их противиться Соглашению с Ватиканом, более двухсот лет назад подписанному между Гонтором де Пюи и тогдашним папой. Двести лет церковь неукоснительно соблюдала данные обещания. И вот теперь стригои пытались разорвать затянувшееся перемирие и жаждали пересмотра дарованных им прав, разрушая хрупкую основу своего спокойного существования, заботливо выстроенного Гонтором де Пюи.

Андреа легко прочитала мысли старого рыцаря и залилась обидным смехом.

– Ты безнадежно устарел, дедушка, твое время прошло! – она снисходительно потрепала слабую кисть, бессильно лежащую на подлокотнике. – Обещаю – теперь все пойдет по-другому!

Старик отрицательно мотнул подбородком. Андреа хищно осклабилась:

– Я хочу знать о Дочери Господней и трех ключах от Ада!

– Никогда, – холодно отчеканил Гонтор, – никогда ты не узнаешь этих великих тайн! Уходи!

– Хорошо! – вдруг неожиданно покладисто согласилась стригойка, поднимаясь на ноги. – Я уйду, но клянусь, ты еще пожалеешь о том, что предал свой народ!

Она обманчиво нежно положила руки ему на грудь и обожгла лоб старого рыцаря мимолетным поцелуем. Забота, граничащая с издевательством. А затем резко развернулась на высоких каблуках и, не прощаясь, покинула полутемную комнату.

Де Пюи задумчиво смотрел вслед несдержанной правнучке, не столько дивясь ее взрывному характеру, сколько вспоминая пророческие слова своего давно умершего друга – француза Жан-Жака Руссо, когда-то размашисто написавшего на полях очередного философского трактата: «Близится век революций!» Умница и провидец, страстный сторонник свободы вероисповедания, идей демократии и всеобщего равенства не учел одной страшной истины, хорошо знакомой «Совершенному» – ни одна революция не обходится без кровопролития. Именно в эти переходные периоды борьбы за власть и влияние на жизнь нации колесо правосудия непредумышленно нарушает свой размеренный ход, превращаясь в жернов Молоха, без разбору заживо перемалывающий как правых, так и виноватых. Руссо так и не сумел постичь сего печального побочного факта. Не понимала его и Андреа. А непонимание, в свою очередь, вело к бессмысленному росту численности жертв, чего старый альбигоец, заиклившийся на справедливости, не воспринимал категорически.

– Зря ты отрицаешь законы жизни, девочка! – печально вздохнул патриарх, жалея вспыльчивую девушку. – Ведь и они могут начать отрицать тебя! Но я попытаюсь исправить ситуацию – ради твоего же благополучия, пусть это и противоречит моим принципам...

Гонтор недовольно поморщился, нехотя протянул руку и взял со стола серебристую трубку сотового телефона, усилием воли преодолевая свою нелюбовь ко всем этим новомодным штучкам. Узловатый палец долго и неумело тыкал в неудобные кнопки. Рыцарь хмурился, но упорно продолжал набирать нужный ему номер, по странной прихоти судьбы оказавшийся именно тем самым, по которому совсем недавно звонил мнимый владелец лавки, продавший Андреа хрустальный анх.

– Слушаю! – прозвучал далекий приятный голос.

– Нужно встретиться, – хрипло выдавил де Пюи, – время пришло.

– Хорошо, – с готовностью отозвался его собеседник, – через два часа в кафе «Греко» на углу улицы Кондотти.

«Наивный простофиля! – самодовольно констатировала Андреа, чутко прислушиваясь к крохотному динамику. – Он даже не понял, что, изображая спонтанную ярость, я успела приколоть «жучок» на лацкан его пиджака. Так, значит, через два часа! С кем же он встречается?» – она распахнула дверцу машины, и еще до того, как ее стройные ноги скрылись в салоне белого лимузина, план сбора нужной информации уже четко выстроился в этой прекрасной и отнюдь не глупой головке.

Ежегодно тысячи туристов и паломников посещают самые знаменитые уголки Рима, Венеции и Турина, стремясь хоть немного приобщиться к святым таинствам Господним. Экзальтированные толпы народа собираются у стен самого большого купольного сооружения планеты – собора Святого Петра, выстроенного в наивысшей точке обширного ватиканского комплекса, вольно раскинувшегося на семи живописных холмах и берегах полноводного Тибра. В центре фасада этого величественного собора находится мраморный балкон, задрапированный тяжелыми пурпурными гардинами. По выходным дням и главным религиозным праздникам гардины раздергиваются, папа выходит на балкон и отечески благословляет собравшихся на площади католиков. Но, увы, большая часть благочестивых прихожан, набожно бьющих поклоны на площади, даже и не догадывается о существовании святыни, более легендарной, чем все памятники Ватикана вместе взятые, и тщательно запрятанной в подвале старинного аббатства ди Стаффарда на границе крохотного, ничем ни примечательного городка Салуццо. А между тем именно там хранится деревянная чаша, созданная руками Иисуса Христа – священный Грааль, вместилище веры, неуязвимости и бессмертия. Раз в год ее извлекают из гранитного саркофага и используют для проведения ритуала Причастия, дарующего силу молодым экзорцистам, призванным охранять незыблемые Божьи заветы. Два вооруженных клинками ангела постоянно несут почетный караул около Грааля, оберегая его от любого посягательства извне. Круглый зал освещается несколькими свечами, купаясь в сонном полумраке. Там упоительно благоухает миррой и ладаном, лики святых умиротворенно взирают с икон, и кажется – под этими сводами смиренно замирает само время, осознав свое бессилие перед могуществом хранимого здесь сокровища. Но сегодня все было не так...

Натаниэль и Оливия облачили меня в широкий белоснежный плащ с капюшоном, принадлежащий Ариэлле. Мягкие складки ткани скрывали лицо до подбородка, позволяя смотреть в узкие прорези для глаз. Никто не должен видеть лика ангела. Ариэлла принесла кусок толстой проволоки и ловко пристроила к моим плечам, довольно точно копируя высохшие остатки своих крыльев. Плащ жутко встопорщился, доставляя кучу неудобств. Ангелица оглядела меня с пристрастием и довольно усмехнулась:

– Молчи, держись в тени и не поднимай голову. Тогда все пройдет успешно – никто не заметит подмену!

– Думаешь? – засомневалась я. – А если Уриэль или Гавриил затеют со мной беседу?

Ариэлла смешливо прищурилась:

– Уж наверняка сегодня ночью им будет не до бесед с какой-то сестрой-отшельницей, к тому же они уже давно привыкли к моему обычному молчанию и кротости.

– Привыкли... – иронично протянул Нат, уже облаченный в плащ, идентичный моему. – Думаю, скоро мы преподнесем им неожиданный сюрприз!

Ангелица, заметно помолодевшая и похорошевшая, игриво хихикнула.

– Пистолет не забудь, – недовольно проворчала Оливия, весьма скептически отнесшаяся к моей сумасбродной идее нахально обдурить небесный капитул. – Вдруг пригодится!

– Еще чего! – громко возмутилась Ариэлла. – Там повсюду металлоискатели установлены, а всем известно, что высшие ангелы принципиально не пользуются огнестрельным оружием. На их освященные клинки электронные устройства не реагируют...

– Наши архангелы – жуткие консерваторы и педанты, – продолжала занудно брюзжать валькирия, – давно бы уж им пора поверить в то, что пуля намного действеннее мессы...

– Пуля – дура! – специально поддел ее Натаниэль.

Оливия схватила за рукоять «Беретты»:

– Может, проверим?

– Да хватит вам! – я поспешила утихомирить вспыльчивых спорщиков. – Почему между ангелами всегда возникает недопонимание?

– Гордые шибко! – откровенно признался Натаниэль.

– Отсюда все наши беды! – критично подвела итог Оливия.

– Вам пора, – Ариэлла взглянула на наручные часы. – Без пятнадцати минут полночь.

Ну, с Богом!

Мне быстро сунули в руки тяжеленную зажженную свечу и выпихнули в коридор, следом за Натаниэлем.

– Иди точно за мной, – сквозь зубы шепнул друг, – и повторяй каждый мой жест!

В ответ я пробубнила что-то неразборчивое. Терпеть не могу, когда у меня отнимают инициативу, заставляя действовать по чьей-то указке.

Мы пристроились в хвост немногочисленной вереницы, состоящей из нескольких облаченных в белые одежды фигур. Кажется, никто не обращал на нас особого внимания. На плаще Ната красовались символы небесного воина, приближенного к Уриэлю, а на моем – рисунок из двух перекрещенных ключей, знак Великой ключницы.

Цепочка из восьми посвященных миновала запутанное переплетение аббатских коридоров, неспешно спустилась в подземелье и через тяжелые створки металлических ворот вступила в Круглый зал, освещенный сотнями восковых свечей. Ангелы ритмично неразборчиво выводили какое-то заунывное песнопение, из которого лично я не поняла не слова, но довольно успешно подвывала в такт, ничуть не выбиваясь из общего хора. Мне никогда еще не доводилось бывать в тщательно охраняемом Круглом зале, поэтому я изо всех сил тарасилась через узкие прорези капюшона, стремясь разглядеть хоть что-то доступное моему взору. Но надо признать, увидела я не много.

В центре зала возвышался огромный гранитный куб, окруженный несколькими деревянными стульями с высокими спинками. Мы выстроились вдоль стены, продолжая держать все те же тяжеленные свечи и мрачно голосить надоевший до одури псалом. Так продолжалось несколько минут, показавшихся мне бесконечными. А затем двери зала распахнулись повторно, пропуская внутрь участников совета. Я увлеченно тарасилась на прибывших, пытаюсь пальцами свободной руки хоть немного расширить узкие прорези капюшона. Натаниэль украдкой дернул меня за рукав, жестом приказывая опустить глаза долу, но я, конечно же, не послушалась.

Делегацию возглавляли три архангела, выступавшие с непоколебимым чувством собственного достоинства и занимавшие верховные посты в небесной иерархии. Черноглазый и черноволосый Самуил, недаром прозванный «Яд Бога», как всегда пасмурный и хмурый, облаченный в темные эмалевые доспехи. А рядом с ним его полная противоположность – сладкоголосый Уриэль, по воле Господа нареченный метко и немного кокетливо – «Внемли мне, Бог». Да, златокудрому красавцу и болтуну Уриэлю обычно внимали все. Замыкал трио архангелов великий воин Гавриил – «Сила Бога», его лучший боец и правая рука во всех земных делах. За ними следовали толстый отец Ансельм, бубнящий охранные молитвы брат Бернارد и подлый кардинал-предатель Анастасио ди Баллестро. При виде него мы с Натаниэлем обменялись выразительными взглядами.

Но это оказалось не все, ибо за спиной кардинала показалась высокая фигура того самого стригоя, чей сладкий сон я так неосторожно нарушила не далее, как сегодня утром. Сейчас он уже не выглядел вялым. Облаченный в белую кружевную рубашку и парчовый колет старинного фасона, он напоминал сказочного принца, каким-то неведомым образом перенесенного в этот потайной зал. Общую картину немного портили постные широкоскулые морды его телохранителей, банальные и вульгарные до безобразия. На поясе стригоя мелодично позвякивала бесценная рапира, а на шее переливался крупный золотой кулон, изображавший свернувшегося в кольцо дракона, кусающего собственный хвост. Рассмотрев раритет подробнее, я невольно вздрогнула, наконец-то вспомнив давно вычитанную историю – кулон принадлежал роду Дракулы и являлся символом высшей власти среди кланов Проклятого народа. Посланец явно не относился к числу рядовых стригоев, поэтому и ожидаемый разговор избранных обещал стать не шуточным.

Участники ночного совещания чинно расселись по жестким стульям, хор ангелов наконец-то замолчал, и в зале установилась долгожданная тишина. Я немного сдвинула край капюшона, значительно улучшая обзор, и наострила уши, приготовившись смотреть и слушать...

Первым заговорил черноволосый стригой. Он кашлянул, крепко сжал в кулаке кулон с драконом и гибко поднялся с отведенного ему места, обводя собравшихся магнетическим взглядом темных, словно маслины глаз.

– Я – граф Рауль Деверо, прибывший в аббатство ди Стаффарда по воле моей повелительницы, главы всех стригойских кланов госпожи Андреа дель-Васто!

Услышав свое родовое имя, я громко икнула от неожиданности и только собралась возмутиться вслух, как Натаниэль требовательно наступил мне на ногу, призывая к молчанию. Я немедленно подавилась возмущенной репликой, чуть не откусив себе язык. Но мое удивление возросло стократно, когда я заметила, что странная фраза стригоя не произвела ни малейшего впечатления ни на архангелов, ни на монастырское начальство. Очевидно, за их спокойствием крылось что-то загадочное!

– Я облачен символами высшей власти и уполномочен требовать от небесного синода пересмотра условий Соглашения, действующего уже двести лет!

– Но позвольте, – немедленно встрял хмурый как грозовая туча Самуил, – этот договор был заключен без участия ангелов, только между главой Совершенных – рыцарем Гонтором де Пюи и святой католической церковью в лице папы! Мы не в праве изменять подобное соглашение!

Граф Деверо изобразил небрежное подобие снисходительной улыбки.

– Верховный понтифик всего лишь земной наместник вашего Бога. А вы, архангелы, его первые советники и приближенные лица. Мы заключим новое Соглашение, и папа примет его безоговорочно. Не так ли, кардинал Туринский?

Ди Баллестро замялся:

– Ну-у-у, думаю, что вы правы, граф! Скорее всего, папа не осмелится единолично оспаривать решение небесного синода.

– И чего же хотят кланы? – холодно спросил Гавриил, одаривая стригоя недобрым взглядом исподлобья.

– Справедливости! – по слогам отчеканил граф. – Мы желаем трехкратного увеличения поставок крови от гематологических центров, принадлежащих Ватикану, а также отмены лицензий на отбор жертв и упразднения десятидневной Великой охоты!

– Как, – радостно встрепенулся брат Бернард, – стригои полностью отказываются от охоты? О, это воистину справедливый и великодушный поступок!

Граф расхохотался прямо ему в лицо, ничуть не скрывая ни своих выпирающих клыков, ни чудовищного высокомерия.

– Что за бред? Стригой по многим параметрам несоизмеримо превосходят обычных людей, к тому же за последние столетия наша популяция чрезвычайно возросла. Почему же мы должны слушаться каких-то смертных святош? Или вашего Бога, которого мы не признаем? Мы желаем охотиться тогда, когда это будет угодно нам. А лицензии с разрешением убить предлагаем заменить охранными церковными грамотами. Людей, обладающих такими защитными документами, мы не тронем...

– Но это же чудовищно! – возмущенно ахнул отец Ансельм. – Вы способны истребить половину человечества и поставить нас на грань вымирания!

– Ничего подобного, – язвительно хмыкнул стригой. – Мы лишь уравнием права на выживание, а самых достойных представителей вашей расы наградим бессмертием, сделав своими слугами – мороями.

– А если мы откажемся? – нежно мурлыкнул Уриэль, легкомысленно накручивая на палец прядь своих золотых волос.

– Вспомни битву под Тырговишту, красавчик! – презрительно посоветовал ему стригой.

Уриэль повелся как мальчишка.

– Но там мы победили! – хвастливо заявил он.

– Да, но какой ценой? – издевательски спросил граф. – А теперь вы хотите новой

войны?

– Но ведь это стригои развязали ту страшную бойню! – запальчиво выкрикнул Самуил, утрачивая обычное самообладание. – Мы вас даже пальцем не тронули!

– Ага, поэтому били исключительно ногами! – вполголоса пробормотала я, но меня слышали. По ряду ангелов прокатились смешки одобрения. Граф недовольно нахмурился.

– Мы развязали? – наигранно поинтересовался стригой. – Что-то с памятью твоей стало, крылатый! Вспомни разгром Монсегюра и наших погибших предков, вспомни бой под Тырговишту, когда ангелы потопили в снаговских болотах самого выдающегося сына нашего народа – Владислауса Драгвилия, которого вы презрительно называете Владом Цепешем. Вспомни страшную ночь святого Варфоломея, когда католики беспощадно вырезали стригоев, именуемых протестантами. Вспомни французскую резню, прикрытую лозунгами революции, возглавляемую ревностным католиком Мюратом. Тогда вы сотнями казнили нашу аристократию, нашу элиту. Ведь вы не зря выбрали именно гильотину, не так ли? Или тебе еще мало приведенных мной примеров?

– А не ваш ли хваленый Дракула первым жестоко умертвил наших католических монахов – Ханса, Якоба и Михаэля? – тонким фальцетом возопил взбешенный Уриэль.

– Не ваш ли епископ-еретик Бертран д’Ан Марти призывал отринуть веру в Господа нашего Иисуса Христа и уверовать просто в синее небо? И наконец, не ваш ли рыцарь де Пюи принял помощь Дьявола? – поддержал его Гавриил. – Мы никогда не смиримся с происками темных сил! Ни на каких условиях!

– Да, да, ищите дураков! – снова встряла неугомонная я.

На этот раз, раздраженные летящими от стены смешками, в нашу сторону обернулись даже архангелы, пытаясь рассмотреть дерзкого шутника.

– «Многочисленны враги мои, и поэтому слово мое долгое время будет в презрении, но не исчезнет – верные сохранят его и передадут достойным!» – патетично процитировал граф. – Это слова из «Откровений Бальтазаха, пророка Дьявола». Но вы сокрыли мудрую книгу от глаз людских в хранилище Ватикана. А вы спросили свой народ – не хочет ли он добровольно уйти к Темному отцу и обрести бессмертие? Это вы, а не мы обрекли людей на скорбную участь слабых смертных тварей! Вы обманщики. Вы скрываете Грааль!

После этой реплики в зале началась форменная неразбериха. Архангелы воинственно нахохлились, повскакивали со стульев и закричали все хором, стараясь заглушить крамольную речь стригоя:

– Грааль нельзя показывать обычным смертным! – звонко доказывал Уриэль. – Из-за обладания им немедленно разгорится новая мировая война!

– Ваше бессмертие базируется на жизнях других людей – тех, кого вы убили! – колоколом гудел Гавриил. – Лучше райское бессмертие души, чем бессмертие бездушной плоти и последующий Ад...

– Разве мы бездушны? – хмыкнул стригой.

– Да! – безапелляционно изрек Самуил. – Вы проповедуете жизнь одного за счет насильственной смерти многих. А мы признаем благочестивую смерть праведника – как переход к высшей форме райского бытия. Убийство не есть добро, чем бы оно ни оправдывалось!

Граф закрипел зубами:

– Вы вымарали из своих религиозных книг неугодные вам места. Но я напомним: «... и молвил Сатана: сотворю я чудовищ, и будут они терзать род людской из века в век, пить кровь мужчин, женщин и младенцев, не щадя никого. И будут они долговечны, безжалостны и сильны, неуязвимы, хитры, храбры и коварны – так, что не сможет бороться с ними ни один из сынов адамовых». Библия, книга Притчей Соломоновых. Не это ли есть высшая воля?

Архангелы растерянно замолчали, не находя контраргументов.

Надо признаться, мне давно уже надоела эта пустая трепотня. Стригой оказался куда лучшим оратором, чем все наши делегаты. Мне стало обидно за свою веру, и поэтому я не

выдержала. Я зашвырнула в угол свечу, сдернула с головы капюшон плаща и открыто шагнула вперед.

– А в ответ на это Господь усмехнулся и заметил, что на всякую хитрую задницу по любому найдется свой штопор! – не задумываясь, выдала я, глядя прямо в лощеное лицо стригойского графа.

Зал содрогнулся от хохота. Ехидно хихикал красавец Уриэль, басовито ржал облаченный в доспехи Самуил, ровно гудел могучий Гавриил, а отец Ансельм и брат Бернард даже согнулись на своих стульях, держась за животы и утирая выступившие слезы.

Графа перекосило.

– Да как ты смеешь, дерзкая девчонка? – злобно прошипел он, хватая меня за руку. – Я узнаю тебя, я тебя уже где-то видел. Не в моей ли спальне? Ты прокралась туда незаметно и неосмотрительно пробудила меня от предрассветного сна... Ты не страшишься испытать гнев стригоев?

При упоминании о рассвете и спальне кардинал ди Баллестро побледнел и чуть не задохнулся.

– Не пугай, пуганные уже! – я ощутила ледяной холод, исходящий от пальцев графа, и торопливо выдернула свою кисть из его мертвой руки. – Не раз уже вам навалили и еще навалием!

– Кто же ты такая, если решаешься говорить так отчаянно? – спросил граф, сверля меня взглядом.

– Да почти никто, – я равнодушно пожала плечами, подчеркивая обыденность своих слов. – Смирная воспитанница монастыря, простая дочь Господня...

По рядам ангелов прокатился единодушный вопль восторга.

Стригой взвизгнул и отпрыгнул в сторону.

Монахи молитвенно сложили ладони, вознося хвалу Господу.

Я недоуменно хлопала ресницами, не понимая – чего такого необычного я сказала секунду назад.

Граф повелительно взмахнул рукой, призывая своих охранников и спешно отступая к выходу из зала.

– Мы еще встретимся, обещаю тебе это – Дочь Господня! – с непередаваемой интонацией поклялся он, рассматривая меня, будто ожившую икону. – И думаю, ты еще пожалеешь о своей сегодняшней наглости.

Дверь за стригоем захлопнулась.

Я обернулась к архангелам, обоснованно опасаясь заслуженной взбучки и ожидая немедленного наказания за наглость. Но к моему величайшему изумлению, Гавриил торжественно преклонил колено, восхваляя меня перед всеми:

– Приветствую тебя, Селестина, возлюбленная Дочь Господня, осознавшая свою судьбу!

И все ангелы послушно склонили головы, слаженно повторяя нараспев:

– Да славься навеки, Дочь Господня!

Кажется, я временно утратила дар речи...

Глава 6

Весна пришла в Рим неожиданно. Еще пару дней назад ночные минус два или минус четыре непременно затягивали тонким ледком лужи на площади Чинквеченто и развешивали щедрые гроздья изморози на разноцветных трубках неоновых вывесок модных магазинов. В первые утренние часы ледок приятно хрупал под ногами, к обеду превращаясь в грязную подтаявшую кашу, неряшливо налипавшую на сапоги и ботинки торопящихся по своим делам горожан. Но, инстинктивно почувствовав приближение долгожданного потепления, на карнизах уже всю ворковали одуревшие, раздувающиеся от страсти голуби, пытаясь

привлечь внимание скромных серых голубок, равнодушно снующих в поисках хлебных крошек. Старый платан, сиротливо притулившийся на углу улицы Виа-дель-Корсо и всю зиму выглядевший темной, безнадежно мертвой корягой, неожиданно ожил и выпустил узкие стрелки первых зеленых листочков. Уверенно перебивая тяжелый смог автомобильных выхлопов и едкий застоявшийся запах не утилизированных пищевых отходов, долетающий из ближайшей пиццерии, в воздухе тонко повеяло утонченной, едва уловимой свежестью и чистотой. Лица прохожих, еще не успевших отойти от затяжной зимней депрессии, по-прежнему оставались мрачными и сонными, но замелькавшие тут и там светлые шелковые шарфы стали тем первым, несмелым мазком веселых весенних красок, который ненавязчиво внушал – зима закончилась. Наверное, нужно было пережить немало таких ранних скороспелых весен, чтобы научиться ценить и безошибочно понимать эти слабые, нерешительные признаки наступившей оттепели. Наверное, нужно было испытать немало горя, счастья и разочарований, чтобы научиться благодарно откликаться на безмолвный призыв природы и благоговейно лелеять самое величайшее чудо, возможное в этом шумном и суматошном мире, – чудо пробуждения новой жизни.

Мужчина, неторопливо шествовавший по слитно гомонящему и переполненному народом городу, в полной мере подходил под определение человека, познавшего и постигшего все тщательно скрываемые таинства жизни и смерти. Поэтому каждую вновь наступающую весну он любил заранее и ждал всегда, как никто другой. А тем более весну, предстоящую стать для него последней. Именно по этой весомой причине он и покинул сейчас удобный салон своего шикарного «Роллс-ройса» и с огромным наслаждением влился в беспокойный людской поток, особенно остро ощущая витающие вокруг запахи и настроения. Распространяя незримую, почти магическую ауру власти и уверенности в себе, он легко пробирался в толпе, расступавшейся при его приближении с каким-то неосознанным, но явным уважением, неизменно переходящим в восторженное благоговение. Два широкоплечих телохранителя бесшумно следовали за этим человеком, настороженно лавируя среди царящего на улице столпотворения и ни на минуту не выпуская из поля зрения немного сутуловатую, но еще сильную спину своего хозяина. А обтянутая драповым пальто спина и впрямь доставляла им немало беспокойства – то надолго застывая перед приметной витриной антикварной лавки, а то, наоборот – необоснованно рискованно перебегая дорогу прямо перед бампером возмущенно гудящего автомобиля. Да, этот человек действительно вел себя слишком рассеянno и легкомысленно, что объяснялось на удивление просто – он направлялся в кафе «Греко», попутно пытаясь если ни физически, то хотя бы душевно подготовиться к предстоящей, довольно необычной и непредсказуемой по последствиям встрече. К встрече с врагом, настолько непримиримым и закоренелым, что он давно уже стал ближе самого верного друга, а пожалуй, и ближе родного брата. В кармане у этого мужчины лежали документы на имя Луи-Клермона де Тюрго, двадцатого апреля тысячу девятьсот двадцатого года родившегося в небольшом французском городке Сен-Ло, но в настоящее время имеющего итальянское подданство. Надо сказать, что господин Тюрго, столь увлеченный многоцветным городским ландшафтом, выглядел намного моложе своих восьмидесяти девяти лет, и производил впечатление человека еще вполне крепкого и на здоровье не жалующегося. Под добротным, но не броским пальто скрывался немного старомодный двубортный костюм спокойного серого цвета и кашне в крупную клетку, свободно обвивающее мощную, отнюдь не старческую шею. Выцветшие голубые глаза пытливо смотрели из-под полей фетровой шляпы, прикрывающей обширную лысину, обрамленную скудными прядями совершенно седых волос. В галстук поблескивала агатовая камея, искусно выточенная в форме свернувшегося в кольцо дракона. Господина Тюрго часто принимали за состоятельного, отошедшего от бизнеса коммерсанта, спокойно проживающего честно заработанный капитал. На самом же деле мужчина, называющий себя Луи-Клермоном де Тюрго, имел и другое, истинное, но мало кому известное имя – Гонтор де Пюи и являлся катарским рыцарем, благородным лангедокским дворянином, живущим уже около восьмисот лет, одним из четырех «Совершенных», гроссмейстером ордена Дракона,

отцом знаменитого Влада Дракулы и старейшим патриархом стригоев. А внешность... внешность часто бывает так обманчива.

А в это же самое время, примерно за шесть часов до событий, произошедших в аббатстве ди Стаффарда, по другой улице, так же ведущей к кафе «Греко», двигался еще один мужчина, немного опережая рассеянного господина Тюрго. Он обладал намного более импозантной внешностью, не разменял еще и шести десятков лет, но точно так же подвергался бдительному и неусыпному контролю со стороны опытных охранников. Именно по поручению личного секретаря этого человека в кафе уже приготовили специально заказанный отдельный кабинет и сервировали легкий вегетарианский ужин на две персоны, заботливо присовокупив к маринованным грибам «фуньи», баклажанам «меланцане» и артишокам бутылку изысканного белого «Негрони». Лысую макушку второго господина, окруженную волнистыми рыжими прядями, венчала шелковая скуфейка, создавая обманчивый образ удачливого юриста или успешного торговца ювелирными редкостями. Его новый, безупречно элегантный плащ еще носил следы аккуратно споротого ярлычка от самого дорогого магазина готовой одежды «Ла Риноскенте», но костюм, пошитый на заказ у элитного римского портного, стоил целое состояние. На пальце холеного незнакомца красовался золотой перстень с черной жемчужиной, некогда служивший главным украшением весьма обширной коллекции драгоценностей знаменитого кардинала-отравителя, зловещего Чезаре Борджиа. В венах мужчины текла свободолюбивая польская кровь, и около тридцати лет назад он звался каноником Збышком Мошковецким из Катовице. Ныне же это худощавое, подвижное и удивительно умное лицо было знакомо многим из сильных мира сего, и принадлежало Верховному понтифику святой католической церкви, наместнику Бога на земле, приемнику апостола Петра, Его Святейшеству папе Бонифацию XIII. Внешность действительно зачастую является чрезвычайно обманчивой и ненадежной вещью...

Великий понтифик – естественно, прогуливающийся по Риму инкогнито, уже сидел за столом и одобрительно вертел в руках бутылку вермута, когда легкая раздвижная дверь, отделяющая кабинет от общего зала, слегка приоткрылась, пропуская высокую худощавую фигуру старого рыцаря. Телохранители обоих уважаемых синьоров остались снаружи, напряженно вытянувшись по разные стороны двери и настороженно обмениваясь враждебными взглядами. Укромный уголок этого известного кафе, некогда посещаемого Байроном, Стендалем и Вагнером, гарантировал полное уединение, являясь самым подходящим местом для столь тайной и важной встречи. Вернее, являлся бы, если бы в тщательно продуманный и успешно воплощенный план не вкралось одно неприятное и весьма существенное «но». Господину де Пюи, человеку, приверженному давно устаревшим законам благородства и чистосердечия и поэтому страшно далекому от различных современных технических ухищрений, призванных удовлетворить чье-то нездоровое любопытство, и в голову не пришла мысль о необходимости сменить пиджак. Ничуть не догадываясь о хитроумной проделке Андреа, имевшей место в его доме, он прибыл на встречу с папой Бонифацием именно в том самом костюме, в лацкан которого ловкая стригойка умудрилась незаметно и аккуратно воткнуть тонкую иголку электронного жучка. А поэтому сейчас, сидя в салоне своего автомобиля в сотне метров от входа в кафе, Андреа, благодаря проявленной находчивости и предусмотрительности, оказалась третьим, идеально незаметным и неожиданным свидетелем разговора, совершенно не предназначавшегося для ее ушей.

– Заходи, друг мой! – Папа Бонифаций гостеприимно развел ладони, одним приветливым жестом предлагая и великолепно сервированный стол, и мягкие бархатные диваны. – Располагайся, чувствуй себя как дома!

Гонтор де Пюи церемонно поклонился, сдержанно благодаря за оказанную вежливость. Странно, но слово «друг», так легко слетевшее с губ Верховного понтифика,

ничуть не отдавало наигранностью или лицемерием. Судьба капризна и непредсказуема. Она совершенно напрасно развела по разные стороны одной крепостной стены двух этих мужчин, по сути удивительно созвучных как в области сложной жизненной философии, так и в части личных идейных убеждений. «Скажи мне, кто твой враг, и я скажу – что есть сам ты», – любил частенько повторять глава католической церкви. И как оказывается, совсем не беспочвенно. Враг, подобный рыцарю де Пюи, сделает честь любому! Хотя, видит Бог, если бы Гонтор не был стригоем, папа с огромным удовольствием назвал бы его своим самым близким и дорогим соратником. Так что произнесенное им приветствие прозвучало вполне искренне, и на самом деле являясь таковым!

– Благодарю! – рыцарь бесшумно опустился на упругие диванные подушки. – Признаюсь, я не ожидал, что потребность в подобной встрече все-таки возникнет! – его седая голова печально качнулась.

Бонифаций понимающе вздохнул:

– Возможно, мы еще сможем изыскать подходящий компромисс и предотвратить грядущее кровопролитие?

На сухом лице рыцаря отразилось сомнение:

– После того, как Андреа узнает все правду, ее будет уже не остановить!

– После того, как Селестина узнает всю правду – и ее будет уже не остановить! – в тон ему ответил Верховный понтифик.

– Дочь Тьмы против Дочери Господней? – скептически вздернул бровь Гонтор де Пюи. – Сестра против сестры? А мы? Неужели мы тоже последуем их примеру и нарушим установленное перемирие?

– Никогда! – возмущенно выкрикнул Бонифаций, призывно протягивая над столом свою холеную ладонь. – Видит Бог, этот мир обошелся нам слишком дорогой ценой. Предлагаю объединить усилия...

– Согласен! – старый альбигоец принял предложенную руку и скрепил договоренность чистосердечным пожатием. – Мир нужно сохранить любой ценой и ни в коем случае не допустить начала новой войны. Только по силам ли это нам, двум старикам?

– «... и наступит смутное время. Воссияет на небосклоне звезда по имени Полынь – предвестница конца света. Разверзнутся хляби небесные, хлынут из Ада исчадия тьмы, а мертвые восстанут из могил. И явятся на землю дети Сатаны в сопровождении демонов своих, не убоясь карающих мечей ангелов смерти. Но выйдет против них Дщерь Господня, зачатая во грехе и несущая наследие падшей крови, но чином архангельским осененная. А в руках у нее будут ключи от Рая и Ада. И никому не ведомо – спасет ли она от гибели Царство Божие и человеческое, или же наоборот – приблизит наступление Апокалипсиса...» – торжественно процитировал папа. – Все во власти Господа, друг мой!

– Аминь! – тихонько и немного виновато закончил стригой.

Большую часть свечей уже потушили, и Круглый зал почти опустел. Вереница ангелов, облаченных в белые ритуальные одежды, неслышно покинула тайное убежище, всего несколько минут назад ставшее безмолвным свидетелем трагических событий, разыгравшихся не без моего посильного участия. Мы торжественно сидели вокруг гранитного куба. Я – растерянная и расстроенная, едва начинавшая осознавать катастрофические последствия произнесенных мной слов, серьезно сосредоточенный Гавриил и отец Ансельм – безмятежный и светло радостный.

Я первой не выдержала затянувшегося молчания.

– Это что же получается, – сипло выдавила я, смущенно отводя глаза, – я только что объявила войну стригоям?

Архангел протестующе громыхнул своими сверкающими доспехами.

– Не казись понапрасну, Селестина. Ты единственная из всех нас смогла найти нужный, точный и предельно краткий ответ на наглые угрозы стригоя! Он ведь четко дал понять – кровососы не собираются мириться со сложившимся раскладом сил и требуют

срочного передела полномочий. А самое страшное то, что они откуда-то узнали о святом Граале, хранящемся в аббатстве, и скорее всего уже не остановятся ни перед чем, а попытаются немедленно захватить древнюю реликвию!

Отец Ансельм коротко кивнул, полностью поддерживая Гавриила.

Я почти физически ощутила, как волосы мои встают дыбом, не выдержав напора закипающих от умственного напряжения мозгов.

– Стоп! – я едва удерживалась от истеричного смеха. – Да вы никак пытаетесь убедить меня в том, что Грааль существует на самом деле?

Гавриил, всегда отличавшийся сдержанностью и немногословием, посмотрел на меня укоризненно, заметно раздосадованный глупым недоверием, но предпочел действие словам, неуловимо быстро нажав на какой-то резной элемент гранитного куба. Верхняя поверхность того, что казалось идеально монолитным и нерушимым, вдруг натужно покачнулась и с легким шорохом отъехала вбок, являя моему взору небольшой тайник, высеченный внутри каменной глыбы. Архангел опустил руку в глубину открывшегося отверстия и извлек на свет Божий небольшой предмет, замотанный в простую холщовую тряпицу. Он молча протянул мне этот загадочный сверток, а я совершенно бездумно приняла его в свои чуть подрагивающие от волнения ладони.

– Сними защитный покров! – с усмешкой приказал Гавриил, видя, что я так и собираюсь сидеть неподвижно, ощущая волны тепла, струящиеся сквозь тряпицу.

Я послушно подчинилась.

Это оказался деревянный кубок, потемневший от времени и выполненный как-то неумело – возможно, второпях. Его внутренняя поверхность отливала странным багряным отсветом, словно бы впитавшимся в неровные стенки. След крови Господней? Я содрогнулась от благоговения. Верила ли я собственным мыслям и чувствам? Возможно, нет, но... Чаша доверчиво лежала в моих слабых ладонях, испуская удивительное тепло, проникающее в каждую клеточку, в каждую частицу напряженного тела. Невероятное спокойствие и умиротворение снизошли на мою душу, наполняя меня верой и пониманием: Грааль – вот он, он и правда существует. По побледневшему, торжественно вытянувшемуся лицу струились тихие слезы просветления... Гавриил вынул Чашу из моих рук и завернул обратно в холст.

– Поняла? – скорее констатировал, чем спросил он.

Я не ответила, но ответа и не требовалось.

Отец Ансельм мягко взял меня за подбородок, заставляя посмотреть прямо ему в глаза. Странно, но сейчас он совсем уже не казался мне тем напыщенным вздорным толстяком, каким неизменно виделся всем монастырским воспитанникам. Суровая морщинка залегла между его требовательно нахмуренных бровей, щеки подобрались, нос заострился. Передо мной внезапно возникло лицо умное, хитрое и в высшей мере серьезное. А я-то всегда относилась к настоятелю с пренебрежением, считая занудой и извращенцем.

– Селестина, – проникновенно произнес настоятель, – пришло время раскрыть тайну твоего предназначения, час истины пробил!

И неожиданно меня охватил безотчетный страх. Холодная волна ужаса разлилась по спине, опоясывая спазмами предчувствия и обреченности. Осознание пришло само. Я внезапно поняла, что все, происходившее со мной ранее, случалось не просто так, а являлось лишь первым признаком чего-то важного и судьбоносного. А учили, воспитывали, готовили меня отнюдь не зря и не без причины. Эти навязчивые образы, возникающие в купели со святой водой, стоило лишь мне склониться над ней, чтобы омочить пальцы после исповеди, – образы странные и непонятные, в которых мне виделись звенящие мечи, чьи-то оскаленные клыки, испачканные в дымящейся крови, карие мужские глаза, опущенные густыми ресницами, и смуглый воин, осененный заревом огненных крыльев... Все это закономерно несло какой-то высший потаенный смысл. И, вероятно, совершенно не случайно мастер Кацуо занимался уроками боевого искусства иайдо именно со мной, и только со мной одной. И не просто так я умела творить боевые молитвы лучше всех своих

сокурсников, ничуть не испытывая потребности в помощи личного Ангела-хранителя... Нет, скорее всего, мне уготовили какую-то особую участь, которой я, однако, вовсе не ждала и не желала...

– Не хочу! – обреченно заорала я, иступленно вырываясь из цепких рук отца-настоятеля. – Это ошибка, страшная ошибка...

Гавриил громко рассмеялся:

– Глупости! – мощное тело архангела буквально содрогалось от приступов безудержного веселья. – Никто еще в этом мире не смог так просто уйти от своего предназначения, от своей судьбы. А впрочем, ты и сама все знаешь!

– С чего это ты взял? – опешила я. – Я знаю, что я ничего не знаю!

Архангел глумливо хмыкнул и извлек из кармана несколько замызганных, жутко обтрепанных листов бумаги, при ближайшем рассмотрении оказавшихся не чем иным, как моей тетрадкой по Божьему слову, которую я бесследно посеяла пару месяцев тому назад.

– Читай! – сварливо буркнул Гавриил, раскрывая тетрадь посередине и бросая мне на колени.

Я послушно зашевелила губами.

– Вслух читай! – еще настойчивее рыкнул Гавриил.

Я испуганно замямила, спотыкаясь и проглатывая слова:

Течет рекой людской поток...
А я уже в который раз,
Не в силах слить набора строк
Для описанья мертвых глаз,

Я в ужасе в толпе стою...
Стараясь, лишь бы не кричать:
«Вы все у смерти на краю,
На вас проклятия печать».

Любуюсь внешней красотой...
Но чувствую, как неспеша,
Сливаясь с мрачной пустотой,
В них разлагается душа.

Я словно в дьявольской игре...
Чудовищ страшных смрадный рой
Злорадно ржет на адском дне:
«Так насладись и ты игрой!»

Возможно, все предрешено...
Ни автомата, ни клинка,
Мне в этих играх не дано,
Лишь крест кладет моя рука.

Сжимается чудовищ круг...
А за спиною – лишь стена.
Давно погиб последний друг,
Я у стены стою одна.

Впитает и меня поток...
Успеть бы, трепетной рукой,
Черкнуть поспешно пару строк:

«Господь, прими. Даруй покой».

– Боже, спаси и помилуй! – оторопело выдохнула я. – Это еще что такое? Почерк мой, вне сомнения, но не помню, когда и зачем я это написала?

Гавриил довольно хмыкнул, победно подмигивая отцу Ансельму. Настоятель радостно потер ладони.

– Молитва! – снисходительно пояснил архангел. – Причем, очень сильная и энергетически действенная! Ты сама ее написала на уроке, во время лекции. Написала неосознанно, как это сейчас модно говорить среди молодежи – «на автопилоте»!

– И чё? – я недогадливо вытаращилась на ангела.

– Да ничё! – насмешливо передразнил меня Гавриил. – Такое под силу лишь высшим серафимам, вот чё! Бестолочь Уриэль, к примеру, на подобное не способен! Ты – избранная Дочь Господня, осененная архангельским чином, призванная возглавить воинство небесное в решающей битве со стригоями! Вот чё! Понятно?

– Мама! – обморочно пискнула я. – Спаси меня, Матерь Божья! Как же я это все сделаю?

Отец Ансельм пожал плечами, красноречиво намекая – да уж постарайся, придумай – как.

Я испустила отчаянный стон обреченности.

– Ага, согласна, значит! – покровительственно хлопнул меня по плечу архангел. – Ну, то-то же!

Собеседники давно уже воздали должное утонченной, но легкой трапезе, и сейчас на столе оставались лишь бутылка светлого вермута да плоское фарфоровое блюдо, наполненное фруктами. Гонтор де Пюи задумчиво повертел в руке тонкостенный бокал, любясь переливами янтарной жидкости, медленно перетекающей по дорожному муранскому стеклу. Пальцы старого рыцаря чуть подрагивали, потому что все сказанное до этого момента, несомненно, являлась лишь неторопливой, искусственно затянутой прелюдией к ожидающему их настоящему и нелегкому разговору, приведшему двоих пожилых мужчин в уединенный кабинет кафе «Греко». Папа Бонифаций с доброй усмешкой наблюдал за любимым другом-недругом, удивляясь его невероятной выдержке. Выдержке и терпению, закаленными столетиями долгой и бурной на события жизни. Возможно, Бонифаций завидовал? А кто бы на его месте не позавидовал тому, кто имел возможность лично следить за витиеватыми поворотами человеческой истории, знакомыми Церкви только по книгам и летописям. Причем, тайным книгам и тщательно скрываемым летописям. А иногда даже и напрямую вершить эту самую историю! Верховный понтифик сердито хмыкнул, на краткое мгновение представив, что могло бы случиться с миром, опубликуй Ватикан запретные документы, скрываемые в его подземных хранилищах... «Нет, это просто невозможно, немыслимо! Сознание большинства людей весьма напоминает разум так и не повзрослевшего до конца подростка, совершенно не готового к адекватному принятию преднамеренно скрываемых от него фактов. Грааль, копьё Лонгина, частицы обшивки Ноева ковчега... Истинно верующие совсем не нуждаются в вещественном подтверждении своей веры, а неверующие миряне скорее всего не поверят и собственным глазам, ехидно назвав представленные им доказательства ловкой подделкой и фальсификацией! Искренняя вера заключается не в молитвах, знамениях, чудесах и обрядах. Вера есть то, что живет в душе, сердце и разуме человека, освещая его жизненный путь и удерживая его от проявления чего-то низменного или недостойного. Вера в Бога неразрывно связана с верой в обычного человека, в его необычно возвышенную суть и сущность! Частица Бога живет в каждом из нас. И все-таки...» – Бонифаций вздохнул, мучимый вполне обоснованными сомнениями.

– Друг мой! – Папа ловко наклонил узкое бутылочное горлышко над бокалом Гонтора де Пюи, так же, как и он, очарованный тягучим движением ароматных капель. – Я давно хотел тебя спросить, да все не решался и откладывал, что же на самом деле произошло под

городом Тырговиште в 1476 году?

Рыцарь поднял удивленный взгляд.

– А ты разве не знаешь? Но как же тогда создавались ваши знаменитые Ватиканские летописи? Неужели они умолчали о столь значимом для людей и стригоев событии?

Тень едва сдерживаемого недовольства на мгновение омрачила умное высокое чело Великого понтифика.

– Тебе приходилось встречаться с Уриэлем?

«Совершенный» кивнул.

– Ну, тогда ты должен помнить, что наш прекрасный архангел – личность в высшей мере самолюбивая и безмерно амбициозная! – иронично усмехнулся папа. – И он ой как не любит сознаваться в допущенных им промахах! Обычный эгоцентричный недостаток самоуверенного существа, присущий всем без исключения – ангелам, людям и стригоям. Поэтому в наших летописях, отредактированных высшим Небесным синодом, той легендарной битве отведено всего два скромных и скупых абзаца. Суть сводится к главному – ангелы и люди победили, злодей Дракула оказался разбит. Добро и Церковь восторжествовали. Но мнится мне почему-то – именно с тех тщательно замалчиваемых событий и начался тот странный, продолжающийся и по сей день, непримиримый разлад между Уриэлем и Гавриилом. Но почему именно с них?

Почему? При упоминании о дорогом его душе образе Влада Цепеша уголки бесцветных губ старого рыцаря печально поползли вниз. Нет, время не излечило застарелых душевных ран. Оно лишь притупило боль, задвинув ее в глубь потаенных закоулков хорошо натренированной памяти, сделав глухой, непроходящей и ноющей. Но де Пюи понимал, что папа не зря пригласил его на эту судьбоносную встречу, предлагая открыть старые тайны. Откровенность с его стороны предполагала наличие ответной откровенности со стороны Верховного понтифика. Поэтому рыцарь закрыл глаза, дабы воспоминания стали еще более отчетливыми, обрели необходимую для повествования яркость – и медленно заговорил...

Его последний сын – Владислаус Драгвила, именуемый также Владом Дракулой или Владом Цепешем, «колосажателем», никогда не отличался ни объективным терпением, ни присущей многим монархам снисходительностью, ни, тем более, исповедуемым христианами милосердием. Сильнее всего в этом мире он любил кровь, горячую человеческую кровь. И именно он в итоге оказался повинен в том, что священное имя «Совершенных» было забыто, сменившись страшным, зловещим прозвищем – стригой. Презрительным названием того, кто приходит под покровом ночи, отнимает силу, подчиняет своей воле и забирает жизнь. Не щадит никого – ни детей, ни женщин, ни стариков. Именно по его вине, по вине наследника благородной жертвенной веры война между Церковью и «Совершенными», чуть поутихшая после чудовищного разгрома Монсегюра, разгорелась вновь, став еще кровопролитнее, еще непримиримее. До момента появления Цепеша католическая церковь вполне могла торжествовать, имея полное право приписать себе роль единоличного властителя над умами и сердцами людей. Вера в Господа приобрела характер непоколебимых доктрин. Ведь даже храмовники-тамплиеры, последние из унаследовавших реликвии и учение «Совершенных» альбигойцев, канули в небытие, во главе с магистром де Моле сгорев на инквизиторском костре Еврейского острова. Жалкие остатки этого некогда могучего ордена бесследно рассеялись по свету, ересь была искоренена, Грааль надежно укрыт в церковных хранилищах. В христианском мире Европы воцарилось единство, смирение и благолепие. Но неожиданное появление Дракулы спутало все карты.

Он стал последним свежим ростком, казалось бы, погибающей, уходящей в прошлое Темной крови. Ростком сильным и бурным. Он основал новые кланы, стремительно разрастающиеся, набирающие мощь. До его рождения стригои оставались немногочисленными, размножаясь лишь естественным путем. Дракула подарил миру бессмертные чары своего укуса, бесчисленно множа ряды новообращенных адептов. И к тому же, он первый смог создавать послушных слуг своей веры путем оживления мертвых тел,

вливая в них капли стригойской крови. Страшных, разлагающихся тел, поднятых из смрадного зева могилы. Так возникли морои. Он также дал жизнь неисчислимому количеству детей, зачатых от человеческих женщин, но посредством Причастия из Атонора приобрели качества и сущность стригоев. Он отвергал политику тихого, незаметного существования, которого придерживался его родной отец – Гонтор де Пюи. И если от «Совершенных» Темный властелин не потребовал почти ничего, кроме девственной плоти Изабо д'Ан Марти, то стригои служили ему истово и кроваво, в полной мере оправдывая название Проклятых. Мир раскололся на две половины – на людей и стригоев. Гонтор де Пюи не принадлежал Свету, но и не ушел во Тьму. Его уделом стало великое серое Ничто, да редкие церемонии Причастия, заключающиеся в испитии крови жертвы из Атонора – Чаши Тьмы. Причастие ради жизни, раз в год. Проклятые же изначально принадлежали Тьме душой и телом. И они самозабвенно пили кровь, пили все чаще, пили ежедневно – ради удовольствия, а не ради выживания. Пили ради молодости и бессмертия, ради власти, ради силы... Пили смерть ради жизни, не замечая, что сами они уже давно стали чем-то намного более страшным и отталкивающим, чем смерть. Ибо души их, напитанные злобой и жадой, умирали без надежды на возрождение, навечно заточенные в бессмертных, но не живых телах. Гонтор и трое его соратников оказались в роли отвергнутых, номинально все еще являясь патриархами клана и старейшими существами в роду стригоев. «Совершенные» восприняли этот факт как величайшую насмешку судьбы и самый страшный итог своей длительной борьбы за убеждения. Они раскаялись и заключили Соглашение, связавшее стригойские кланы и святую католическую церковь нерушимыми взаимными уступками и жесткими обязательствами, включающими: право на Великую охоту, ежедневные поставки крови и лицензии на убийство определенного количества людей. И Соглашение действовало очень долго, обеспечивая видимость мирного сосуществования двух противоположных рас – людей и стригоев. Но ничто не может длиться бесконечно. Сбылось древнее пророчество – две ветви проклятой крови опять слились воедино, породив двух дочерей, которым суждено было нарушить шаткое равновесие, ввергнув мир в пучину новой войны. Начиналась новая эра, эра стригоев!

«Счастливы народы, чьи летописи производят скучное впечатление», – некогда написал философ Монтескье. Но эти справедливые слова ни в коей мере не относились к судьбе многострадального валашского народа, ибо зима 1476 года оказалась тем особенным периодом, коему суждено было навсегда остаться одной из самых страшных страниц в хрониках правления Влада Цепеша. Битва при деревне Поенари, возвышающейся на противоположном берегу бурной реки Арджеши, поставила точку в затяжной войне между Дракулой и его взбунтовавшимися вассалами. Чаша людского терпения переполнилась, бурно излившись через край. Бесконечные злодеяния, творимые Цепешем, превысили само понятие «человечность», ввергнув страну в волну раздора и ужасающую разруху. Он, светлейший воевода Угро-Валахии, правитель герцогств Амлас и Фэграш, стал олицетворением тотального зла и первородной Тьмы, а поэтому вполне закономерно отторгся собственными подданными как чуждое им существо, инородный изверг, враг рода человеческого. Дракула бежал, но был пойман и провел немалый срок в плену у короля Венгрии – Матьяша Хуньяди, на сестре которого – юной княгине Дагмаре он женился несколько лет назад.

Но ход истории не поддается прогнозам и нередко поворачивается вспять, резко и непредсказуемо. Дракула вышел из заточения и на первое время стал героем и освободителем, сумевшим избавить страну от боярского произвола. Но это продолжалось недолго. А затем все вернулось на круги своя. Он мстил. Беспощадная рука, крепко сжимающая рукоять бесценного толедского клинка, подарка императора Сигизмунда, опустилась на головы ослушников, верша торопливый суд – как праведный, так и неправедный. Первыми казнили убийц его малолетних сыновей от прекрасной венгерской княгини, а среди них, с особой жестокостью – знатного боярина Дрогнева, живьем

закопавшего в землю младшего из рода Дракулы – княжича Мирго. После этого жажда убийств завладела Владом целиком и полностью, утратив характер некой необходимости для выживания и превратившись в навязчивую манию. В 1457 году, насмехаясь над генуэзскими посланцами, прибывшими ко двору владыки Валашского, Дракула приказал с помощью гвоздей накрепко прибить к их головам не снятые перед ним скуфейки, сопровождая экзекуцию заносчивыми словами: «Вы снимаете шляпу лишь перед Богом, а при мне посмели остаться в скуфейках! Но ведь я и есть ваш Бог, я – господарь Дракула!» А позднее его вопиющее высокомерие возросло многократно, завершившись требованием заменить иконы в церквях на его светлейший портрет.

Зимние холода сковали землю непробиваемым ледяным панцирем, налету замораживали дыхание, толстой попоной узорчатой изморози серебрили бока загнанных, взопревших от скачки коней. Клинки примерзали к ножнам. Тетивы луков лопались от стужи, издавая пронзительный звон, сильно напоминающий человеческие стоны. Пальцы синели и не гнулись. Все живое затаилось, пытаясь сберечь последние крохи драгоценного тепла. А воинство Дракулы, согретое свежей людской кровью, побеждало, заключив смертоносное соглашение с холодом, мраком и снегом. Но когда силы бойцов уже почти иссякли, архиепископ города Тырговиште воззвал к Господу Иисусу Христу, умоляя его спасти последних уцелевших детей рода человеческого, освободить их от стригоев. И Бог внял мольбам своего преданного слуги. Воссияло небо заревом белым, и спустились с небес ангелы, облаченные в серебристые латы. А вел их воин красоты невероятной, и звался он архангелом Уриэлем. Но и это воинство не смогло противостоять неистовому Дракуле, дрогнуло и отступило, неся чудовищные потери.

– Трус! – громыхнуло с небес. – Трус и неженка!

И тогда божий слуга Гавриил, правая рука Господа, явился на поле брани и разбил ряды нечестивых стригоев. Уриэль же с тех пор затаил обиду и гнев.

Немало Проклятых полегло в той страшной сече, не избежав карающей длани архангела Гавриила. Сам же воевода Влад Дракула, оставшийся в одиночестве и загнанный в топи близ монастыря на острове Снагов, сопротивлялся отчаянно, но скончался от полученных ран. Его погребли в освященной монастырской земле, в наглухо закрытом свинцовом гробу, вбив в сердце осиновый кол и отрубив голову, оскалившуюся белоснежными клыками. Гонтор де Пюи лично участвовал в похоронной церемонии, скорбя об участи неразумного сына...

Все это старый рыцарь и рассказал Верховному понтифику, с трудом подбирая нужные слова, борясь с горем и гневом, навсегда поселившимися в его истерзанной душе.

– А в 1932 году гроб Дракулы вскрыли, – тихо добавил Бонифаций, – но он оказался пуст...

– Я знаю, – нехотя промолвил рыцарь. – Выжившие стригои откопали могилу и похитили священные для них останки. Они имеют огромную ценность, без этих реликвий нельзя пробудить первоначального Сына Тьмы...

– Так она жаждет именно этого? – спросил папа, имея в виду Андреа.

Де Пюи медленно кивнул:

– Думаю, что да! У нее есть Атонор, и она станет искать святой Грааль – второй ключ, открывающий Врата Ада и Рая. Она хочет установить на земле власть Тьмы, власть расы стригоев!

– Хорошо! – Папа довольно откинулся на спинку дивана. – Мы будем следить за нею, мы сумеем вовремя перехватить Сына Тьмы и упокоить его навечно! Я специально подкинул ей третий ключ от врат – хрустальный анх, ведь лучший способ защиты – это нападение! Пусть отныне события развиваются по спланированному нами сценарию.

– Ты совершил страшную ошибку и зря недооцениваешь Андреа! – удрученно покачал головой старый рыцарь. – Она слишком хитра, она станет охотиться за Граалем и сумеет обмануть твоих сторожей. А после того, как в ее руках окажутся все три ключа... – он

помолчал, а затем посмотрел прямо в глаза своего собеседника, – после этого даже сам Бог не сможет противостоять силе Проклятых!

– Ну, это мы еще посмотрим! – самоуверенно улыбнулся папа. – Грааль спрятан надежно, да и пришло уже время призвать Дочь Господню, полностью готовую к войне со стригоями!

Но Гонтор продолжал уныло мотать седой головой:

– Андреа намного хитрее, чем ты думаешь...

«О да, – насмешливо подумала стригойка, прислушиваясь к миниатюрному динамику. – Лживый церковник, ты даже не представляешь, насколько я хитра и дальновидна!»

Белый лимузин, так замечательно вписывающийся в пейзаж весеннего Рима, неторопливо двигался по шумным улицам, направляясь в аэропорт Леонардо да Винчи. Местечко Фьюминичи, расположенное всего в тридцати двух километрах от столицы, всегда поражало Андреа своей удивительной неповторимостью и дразнящей мощью, связанной с гулом садящихся и взлетающих самолетов. Узкие полосы, расположенные на специально насыпанной территории, построенной на месте разработанных и заброшенных еще в античное время соляных копий, вдавались прямо в море. Белоснежный аэробус кампании «Вива ля Италия» легко оторвался от земли, беря курс на Венецию. Андреа возвращалась домой. Она непринужденно откинулась на спинку удобного кресла, ловя на себе восхищенный взгляд молодого бизнесмена, сидящего в соседнем ряду. Брючный костюм цвета кофе с молоком безупречно подчеркивал совершенную фигуру девушки, эффектно оттеняя матовую, словно бы светящуюся изнутри кожу. Андреа прислушалась к исходящим от мужчины волнам восторга и желания, почти мурлыкая от переполняющего ее ощущения победы и едва сдерживаемого ликования. Он тоже летел в Венецию. «Что ж, это хорошо! – удовлетворенно подумала стригойка. – Я непременно приглашу его на чашечку чая, настала пора отменить ограниченное правило лицензий и перестать употреблять отвратительную мертвую кровь. Наше время пришло. Наступает эра стригоев!»

И она одарила очарованную жертву своей самой обворожительной улыбкой.

Глава 7

Человеческий мозг, напрямую управляющий всеми функциями нашего организма, и по сей день остается самым загадочным и малоизученным органом, усиленно сопротивляющимся многолетним изощренным изысканиям современной науки и медицины. Все эти сложнейшие спектральные анализы, томограммы и компьютерные сканирования так и не смогли пока дать полного и детального представления о потаенных нейролептических процессах, ежесекундно происходящих в губчатой массе, состоящей из нервов и кровеносных сосудов, находящихся под черепной коробкой любого живого существа. Неоспоримо лишь одно – именно там и обитает та незримая, не овеществленная субстанция, которую и принято называть человеческой душой. Те, казалось бы, столь малозначительные семь граммов, на кои каждый из нас становится легче сразу же после установления факта смерти. Человек способен перенести разрыв селезенки и удаление печени, перелом позвоночника и остановку сердца, но именно после угасания деятельности мозга процесс умирания становится окончательным и необратимым. Мозг, только он и именно он – дарует нам всю полноту физической и духовной жизни с ее поистине неограниченными возможностями и особенностями. Благодаря мозгу мы любим и страдаем, прощаем и ненавидим, возводим воздушные замки и пишем стихи, сочиняем музыку и создаем картины. Мы просчитываем и анализируем, совершаем ошибки и строим козни, раскрываем преступления и умалчиваем о грехах. Недаром даже самые яркие события земного существования во многом уступают богатой игре человеческого воображения, подкрепленного логикой, дедукцией и поистине дьявольской хитростью.

Приглушенный свет ночника, абсолютно не способный осветить все обширное пространство богато обставленной комнаты, давно сдался на милость непроницаемой тьмы, отвоевав у нее один крохотный уголок, ограниченный поверхностью письменного стола и круглой диванной подушкой, мягко прогнувшейся под небольшим весом стройной девичьей фигуры. Андреа всегда предпочитала темноту, словно по замыслу высших сил созданную специально для любви и размышлений. Скупой луч рассеянного света, едва пробивающегося через зеленый шелковый абажур, освещал ее длинные ноги, сплетенные в напряженной позе, наморщенный белоснежный лоб и гибкую руку, рассеянно сжимающую раскрытый блокнот. Стригойка думала. Тысячи разрозненных идей и сомнений бродили в ее пронизательном мозгу, воплощаясь на бумаге в скупые строчки доводов и аргументов. Решительная, безупречно ровная линия перечеркивала страницу, деля ее на две равные половины, озаглавленные «да» и «нет». Под «да» Андреа записывала то, что ей уже стало известно, а под «нет» – то, что еще предстояло узнать в будущем, пытаясь построить связную картину происходящих событий. Девушка внимательно присмотрелась к исчерканной страничке, подставленной под свет ночника и принялась вполголоса перечитывать написанное, словно советуясь сама с собой.

– Так, что же мы имеем на нынешний день; надеюсь, я ничего не забыла? Соглашение между Церковью и советом «Совершенных» сильно ограничивает как власть, так и разрастание стригойских кланов. Ватикан не соглашается увеличить поставки крови или выдачу лицензий, сдерживая размеры нашей популяции угрозой банального голода. Поэтому, если мы хотим бороться за свое будущее, то пересмотр «Соглашения», составленного около двухсот лет назад, неизбежен. С этим мне все ясно! – Андреа ухмыльнулась, довольно блеснув клыками, и передвинула палец на следующую колонку букв.

– Второе, – продолжала рассуждать она. – Требование пересмотра условий перемирия неизбежно приведет к обострению отношений с церковниками. На нас начнут давить, а возможно, и вообще попробуют истребить всех стригоев по принципу: нет вампира – нет проблемы. Что же мы, в таком случае, можем противопоставить Ватикану? А вот что! – острый ноготок, почти прорвав бумагу, подчеркнул следующий написанный карандашом абзац. – Если мы разбудим первородного сына Тьмы и откроем врата Ада, то власть наша станет нерушимой. Для этого мне нужны три ключа, два из которых я уже имею: Атонор и хрустальный анх. Третий – Чаша Христа хранится в Салуццо, и добыть его я поручила графу Деверо. Но на этом, – тут стригойка недовольно качнула ногой, – все понятное заканчивается. Перейдем к области домыслов!

Грифель карандаша переместился ко второму столбцу, проведя жирную итоговую черту.

– Итак, у меня имеется сестра, именуемая также Дочерью Господней, и происходящая, как и я сама, из рода дель-Васто. С этим фактом связано какое-то древнее пророчество, но как подобное могло стать возможным – я не понимаю. Не понимаю, убей меня серафим! – Андреа грубо выругалась, чувствуя, как некоторое облегчение снисходит на ее воспаленный разум. – Так же вполне вероятно, что Ватикан не более моего осведомлен о загадочной личности сына Тьмы и о его нынешнем местонахождении, поэтому он и позволил действовать мне, для наживки передав в мои руки хрустальный анх. Надо признать – довольно ловкий ход! К счастью, вовремя подслушанный разговор Гонтора и папы позволит мне разрушить все планы врагов, воспользовавшись их же собственным оружием. Самое важное сейчас – заполучить Грааль, обезвредить девчонку и хоть что-нибудь да разузнать про этого легендарного сына Тьмы! Вот так-то, господа церковники. – Андреа злобно хохотнула и метко запустила блокнотом в стоящую возле стола корзину для бумаг. – Не знаю, как у вас, а у меня уже есть ценные идеи, которые я не замедлю привести в исполнение.

Внезапно тишину полутемной комнаты прорезал резкий телефонный звонок. Андреа неохотно извлекла мобильник, но недовольная гримаска, уродующая прекрасное лицо, сразу

же разгладилась, как только она увидела, что источником несвоевременного вызова оказался Рауль Деверо.

– Я слушаю, говори! – властно произнесла стригойка, поднося трубку к уху.

Голос графа звучал глухо, отрывисто и часто перебивался каким-то посторонним шумом и отдаленными криками.

– Я в аббатстве, – рапортовал граф, – нам удалось установить, что Грааль используется для подготовки экзорцистов. Кардинал помог. Кроме того, здесь мне повстречалась одна нахальная девчонка, которую ангелы называют Дочерью Господней...

Услышав последние слова Рауля, Андреа даже подпрыгнула на диване от неожиданности и нетерпеливо вскрикнула:

– Я надеюсь что вы, конечно же, добыли Грааль и убили девчонку?

Граф злобно выругался.

– Мы разрушили монастырь и перебили почти всех его обитателей, но негодная девка пропала вместе с Чашей!

Минут пять Раулю пришлось выслушивать возмущенные вопли своей госпожи, несущиеся из телефона. Но затем Андреа взяла себя в руки и немного успокоилась.

– Я бы могла сурово наказать тебя за проваленную операцию, если бы не хорошая новость о том, что ты уничтожил это экзорцистское гнездо! – призналась стригойка. – Даю тебе последний шанс исправить допущенную промашку. Выйди на связь с Конрадом и сделай заказ от моего имени!

– Ты сама знаешь, какой платы потребует проклятый ликантроп! – недовольно буркнул Рауль, в глубине души понимая, что другого выхода у них нет.

– А мне наплевать! – звонко рассмеялась Андреа. – Пообещай ему любое вознаграждение, какое он захочет. Пропади оно все пропадом, пообещай ему даже амулет Луны в качестве оплаты. Действуй!

Она нажала кнопку отбоя и мысленно поздравила себя с правильным решением. «Отныне погоня за беглянкой станет проблемой наемника-вервольфа, потому что за амулет он согласится вырезать сотню людей, да еще отдаст в придачу свою мохнатую волчью душу. А от Конрада, – тут Андреа не сдержалась и азартно фыркнула от удовольствия, – еще никто и никогда не уходил!»

Я потратила часа два, почти свихнула себе мозги и исчеркала пару листов бумаги. Очень удобный способ, кстати; недаром нам его так советовали мудрые учителя: если хочешь разобраться в собственных мыслях – выпиши на листок все соображения по требуемому вопросу и составь схему их взаимодействия. Проблема тут же выкристаллизуется. В принципе, почти так оно и случилось в моем случае – проблема обрела объемность, но ясности по большинству интересующих меня пунктов от этого не прибавилось. Я задумчиво тарасила на измятый обрывок тетрадного листа и усиленно грызла ни в чем не повинный карандаш. Обида на друзей и монастырское начальство, скрывших от меня столько тайн, давно прошла. В конце концов, намерения у них были самыми что ни на есть благими. А правда и откровенность – совсем не то блюдо, которое все воспринимают спокойно и адекватно. Чистую правду – ее, как ректификат, перед употреблением водой, то есть болтовней разбавлять требуется. Но сейчас правда впервые предстала передо мной без прикрас, во всей своей с трудом усваиваемой форме, совершенно парализовав мои и без того, признаться, скудные умственные способности. Вот поэтому и сидела я с замороченным видом перед листком с записями, схватившись руками за голову, что, впрочем, еще не значило взяться за ум. Как известно, все самое худшее в жизни происходит в далеко не самый подходящий момент. Так случилось и со мной. То, что мы видим, зависит от того, куда мы смотрим. Я пыталась заглянуть в будущее, но оно казалось мне в высшей степени расплывчатым и неопределенным. Поэтому я растерянно хмыкала и переводила затуманенный тяжелыми умственными раздумьями взгляд на предмет куда более реальный и объективный, а точнее – на листок с собранными мной фактами. Через два часа

напряженной работы мозга я получила следующую картину.

– Хоть стой, хоть падай, – неразборчиво бубнила я, рефлекторно почесывая всклокоченную макушку в надежде немного промассировать кипящие от напряжения мозги, – по словам Гавриила выходит, что я – архангел. Хм, свежо, конечно, предание, да вот что-то верится в него с трудом. Крыльев у меня даже в младенчестве не водилось, матушку свою – Амелию дель-Васто, скончавшуюся десять лет назад, я пусть смутно, да помню. Серьезно моим воспитанием матушка и не занималась никогда, но, руку даю на отсечение, к небесным чинам никакого отношения не имела. Кстати, почему это стригойская повелительница носит мою фамилию? Она мне кто – сестра? Разрази меня гром, я уже сомневаться начинаю – не кровососка ли я тоже? – и я с некоторым опасением потрогала свои клыки. – Да вроде бы все в порядке! В чем же тогда здесь загвоздка? Чудеса, да и только! А впрочем, после Грааля я, кажется, готова поверить во что угодно. Нет, придется, наверное, взять кого-нибудь из ангелов за грудки, притиснуть плотненько к стенке, приставить к носу дуло «Глока» да выпросить самым подробным образом. Авось сразу перестанут хвостом вертеть и расколются. А то ишь, обрадовались, осознала я, мол, самостоятельно судьбу свою и готова теперь возглавить воинство Божие в праведной войне со стригоями! – Я возмущенно сплюнула себе под ноги и растерла слюну носком кроссовки, медитативно наблюдая, как плевков бесследно впитывается в серый песок, устилающий не шибко чистый закуток заднего двора.

Я сидела на крылечке аббатской поварни, пребывая в неприятном соседстве с мусорными бачками, доверху наполненными кухонными отходами, овеваемая не очень-то аппетитными запахами. Но зато, как я справедливо рассудила, в столь замечательном месте меня уж точно искать не станут и от стратегически важных размышлений не оторвут. Но, наверное, дурной пример оказался на редкость заразительным, потому что мои мысли особой оригинальностью не отличились и, по образу тупикового дворика, пришли в подобное же безрадостное состояние – в тупик, выхода из которого не предвиделось. Я скомкала листок с записями и запустила им в ближайший помойный бак. У меня покамест не находилось достаточно веской причины не верить собственным предчувствиям. А предчувствия говорили об одном – стригои несомненно предпримут наглую попытку силой добиться того, в чем не особенно преуспели на дипломатическом поприще сорванных мной псевдомирных переговоров. В конце концов, война есть не что иное, как продолжение политики, только другими средствами. А единственной целью войны всегда является мир. Но мир, созданный по замыслу кровососов, меня не устраивал ни в коей мере. «Хочешь мира – готовься к войне!» – любит повторять сенсей Кацуо, нещадно гоняя меня по тренировочной площадке. И судя по интенсивности занятий боевыми искусствами, именно к войне меня и готовили!

«К войне! – я мгновенно прозрела и даже звучно хлопнула себя по лбу. – К ней он меня и готовил. Конечно, а как же иначе! Значит, старый японец обязательно должен знать что-то важное!»

Я как ошпаренная вскочила с крылечка и, чуть не сбив с ног толстую кухарку – сестру Катерину, вышедшую во двор с ведром картофельных очисток в руках, бегом устремилась прочь, вниз по склону холма, направляясь к белевшему вдалеке домику с раздвижными оконными заслонами-сёдзи, затянутыми рисовой бумагой. Потому что именно там и проживал мой любимый учитель – великий мастер иайдо сенсей Кацуо.

В воздухе ощутимо витал пряный аромат ранней весны. День праздника Сэцубун, знаменующий разделение сезонов, уже прошел, поэтому мастер Кацуо привычно распрощался с холодным зимним периодом, демонстративно сменив теплые, подбитые ватой хакама на более легкие – летние. И совсем не беда, что свежий ветерок тайком все-таки нет-нет, да и забирался в широкие штанины, обдавая ноги учителя дерзкими прикосновениями холода. Старый японец лишь шурил и без того узкие глаза, снисходительно посмеиваясь над бессильными ухищрениями погоды и с удовольствием прихлебывал подогретое сакэ, налитое в тонкую фарфоровую чашечку периода Мэйдзи. Сегодняшний день казался ему по-

особому ярким и напряженно пронзительным, странным образом напоминавшим незабвенные часы затишья перед схваткой у заставы Фува, или даже обманчиво спокойное утро, предшествовавшее битве при Сэкигахаре, произошедшей в далеком 1600 году. Именно такая вот глухая тишина, не нарушаемая ни щебетанием птиц, ни шелестом листвы, неизбежно наступает перед чем-то страшным и значительным, словно сама природа напряженно умолкает, торопясь насладиться последними доступными ей минутами мира и спокойствия...

Старый японец вздохнул, неторопливо отхлебнул любимый напиток, тут же заев его кусочком тэмпуру из сваренных в масле креветок. Еще ни разу этого опытного воина не обманывало его натренированное чутье, загодя предупреждая о приближающейся битве. Вымуштрованная интуиция бойца, спавшая последние двадцать лет, неожиданно-негаданно пробудилась сегодня утром и теперь бурлила где-то в глубине сердца, то взывая отчаянным ревом походной трубы, то резко бухая гулками ударами храмовых тамбуринов, подсказывая, что грядущая битва должна стать последней в его жизни, и ничего с этим уже не поделаешь, ведь на все воля солнечной богини Аматаэрасу. Впрочем, зачем жалеть о прошлых годах? Он прожил своё. Цель его жизни достигнута, задание богов исполнено, бесценные знания переданы в молодые, но достойные и надежные руки. Хотя немного жаль вот этих распускающихся листьев вишни, так и просящихся на свиток кисти Сэйхо, ничуть не уступающих по красоте гибкому сплетению ветвей, окружавших Храм Небесного дракона в центре Киото, да прозрачной синевы небес, многократно воспетой в стихах непревзойденной поэтессы Мибунэ. А сильнее всего ему жаль оставлять одну вон ту высокую худощавую девушку с волнистыми рыжими волосами и нефритовыми глазами хэйанской красавицы, торопливо сбегающую по зеленеющему склону холма. «Клянусь волшебным окуном бога Эбису, очень жаль», – и старик снова неторопливо отпил сакэ, изгоняя из души последние следы сомнения и печали...

– Учитель! – громко закричала я и замахала руками, заметив на веранде сухощавую фигуру сенсея Кацуо, спокойно попивающего сакэ и любующегося первыми распускающимися листьями в своем бережно взлелеянном саду. – Учитель, мне нужно с вами поговорить!

Я тут же увидела, как тонкие губы старого японца слегка дрогнули, что у него всегда служило знаком приветливости и высшей степенью внимания. Проницательные черные глаза, окруженные веером тонких морщинок, прищурились в снисходительной усмешке: он с одного взгляда правильно расценил и мою растрепанную прическу, и потертые джинсы, заменяющие традиционное кимоно-монцуки, обязательное на наших занятиях. Я умерила прыть и последние несколько шагов, отделяющие меня от выглядевшего игрушечным домика, прошла степенно и важно, завершив их вежливым ритуальным поклоном. Сенсей благосклонно кивнул, гостеприимным жестом указал на место рядом с собой, на плетеной тростниковой циновке, и радушно придвинул блюдо с румяными рисовыми колобками – суси. Я взяла палочки, выбрала кусок поаппетитнее и, не колеблясь, отправила его в рот, искоса разглядывая лицо учителя, молодо разрумянившееся от прохладного февральского ветерка. Словно только что познакомившись со своим наставником, я пристально рассматривала впалые щеки, плотно обтянутые желтоватой кожей, узел туго стянутых на затылке черных волос, щедро посеребренных седыми прядями и, кажется, в первый раз в жизни задумалась о возрасте мастера Кацуо.

– Много, – спокойно ответил старик, угадав мои мысли. – Тануки живут очень долго, но и они не способны отвратить нависшую над ними руку старости.

– Тануки? – я покопалась в памяти. – Кажется, так в Японии называют добрых оборотней? Так ты барсук или енот?

Сенсей тоненько рассмеялся.

– Я в первую очередь – верный слуга великой богини Аматаэрасу, приведшей меня в это благочестивое убежище Светлого бога христиан. Но прошу тебя, Селестина-тян, не

заставляй меня принимать облик старого, толстого, облезлого енота! Поверь, в этом нет ничего эстетичного.

– Ну и что в этом странного? – необдуманно выпалила я. – Оказывается, я сама – вообще архангел!

Старик рассмеялся еще громче.

– Я знаю, девочка. Сегодня особенный день – день открытий. Но это еще совсем не повод для того, чтобы нарушать наши основные заповеди.

– Это какие такие заповеди? – недовольно буркнула я, занятая следующей порцией вкусного кушанья. Каюсь, за десять лет обучения мне так и не удалось полностью постигнуть невероятное и совершенно не логичное, на мой взгляд, мышление мастера иайдо.

– Ну, как же? – чуть наклонил голову сенсей. – Помнишь, я рассказывал тебе легенду о мастере и его нетерпеливом ученике?

– Вы рассказывали их очень много, – улыбнулась я.

Кацуо отставил чашечку и повернулся ко мне:

– Один раз на склоне священной горы Фудзиямы сидели знаменитый мастер Ямада Хаясидзаки и его любимый ученик – Тоётоми. Юноша увидел стаю диких гусей, летящих над вершиной горы, и возбужденно закричал: «Смотрите, учитель, гуси летят!» Но мудрый мастер даже не взглянул на птиц и поправил ученика: «Неправильно, нужно говорить так – гу-у-у-си ле-е-е-тя-я-ят...» Поняла?

– Поняла! – послушно ответила я. – Это и есть основные заповеди воина – не проявляй эмоции, всегда сохраняй спокойствие и выдержку!

– Правильно! – довольно кивнул сенсей. – Мастер Хаясидзаки мог по праву гордиться своим учеником, он усвоил все уроки и стал легендарным самураем Тоётоми Хидэёси. А ты, Селестина-тян, станешь...

– Кем я стану? – чуть не подавившись, громко завопила я, хватая Кацуо за край хакама и требовательно дергая.

Но вместо ответа старый японец приподнял угол тростниковой циновки, достал из-под нее спрятанный там сверток и вложил в мои дрогнувшие от волнения руки. Я осторожно развернула полотняный платок-фуросики и извлекла невиданный по красоте дайсё – набор из двух боевых клинков.

– Эти мечи некогда принадлежали императорам из рода Фудзивара, имевших божественное происхождение, шедшее от самого бога Амано Коянэ. В них заключена частица светлой силы. Волей богини Аматаэрасу, я, будучи совсем молодым воином, однажды спас от поругания ее храм на горе Нара, выстроенный принцем Сётоку-тайси, основателем Страны Восходящего Солнца. В награду богиня сделала меня своим служителем – тануки, и подарила эти клинки. Теперь я хочу передать их тебе. Японские мечи служат не для того, чтобы убивать или увечить людей. Их предназначение – поддерживать власть и защищать народ, подавлять зло и изгонять дьявола. Меч – душа самурая, который носит его как символ служения своему долгу. Меч постоянно напоминает о долге тому, кто служит добру. Не забывай об этом, Селестина-тян.

Клинки жгли мне руки. Я нерешительно потянула из ножен катану, вглядываясь в покрывающий лезвие узор, изображающий возрождающуюся из пламени птицу. Это оказался великолепный иайто – боевой меч подлинного виртуоза иайдо – искусства мгновенного извлечения меча из ножен с одновременным нанесением удара. Меч бойца, Аумеющего как убивать с первого удара, так и милосердно дарить пощаду. Едва заметные выемки-долы на его лезвии издавали леденящий душу свист, слышимый при движении. Катана, несомненно, была очень стара, создана еще в период Токугава, который и называют подлинной эпохой культа иайдо, и в полной мере передавала дух неуловимого термина «югэн», означающего красоту, лежащую в глубине вещи и не стремящуюся выйти на ее поверхность. Подаренная мне катана обладала скромным обаянием воистину дорогой и редкостной вещи. Прикоснувшись к ее рукояти-цука, обтянутой шершавой кожей морского ската, я сразу почувствовала то незримое духовное единение с мечом, о котором

неоднократно говорил мастер Кацуо. Это был мой меч, многие сотни лет ждавший именно меня и предназначавшийся только мне одной! Исходя из гравировки в виде феникса, формы лезвия и проковки стали, я сделала вывод, что катану выполнили в стиле ямасиро-дэн, отличавшемся грациозностью, легкостью и гибкостью. Судя по всему, этот клинок изготовил сам легендарный отец мечей Муримаса Сандзо, о чем я и сказала сенсею Кацуо. Довольный моими знаниями, старик полностью подтвердил смелую догадку.

– Обрати внимание на золотую отделку ножен-сая, выточенных из сладко благоухающего ствола магнолии. На круглую золотую гарду-цубу. Истинное мэй-имя этого меча-кэна – Кото «старый». Им сражались великие императоры и самураи. Второй клинок-вакидзаси зовут Кайсу «удар». Теперь они принадлежат тебе как носительнице воли богини Аматаэрасу и ее земной аватаре.

Произнеся эту удивительную речь, мастер снял с себя пояс-оби из акульей кожи, трижды обвил им мою талию и вставил в него оба клинка, как и положено по этикету – лезвиями вверх. Я недоуменно погладила бесценное оружие:

– Сенсей, значит вы знали обо мне и моей связи с этим кэном еще много лет назад?

Кацуо довольно кивнул седой головой:

– Помни, ученица, что зло многолико. На родине я долго сражался с кровожадными пожирателями трупов кицунэ – приспешниками Тьмы. Они полностью истребили мой род, а мне самому лишь чудом удалось выжить и избежать печальной участи стать пищей демона. Повинуясь приказу богини Аматаэрасу, я покинул Страну Восходящего Солнца и добился аудиенции у Верховного понтифика католической веры. Я рассказал ему о видении, ниспосланном мне богиней. Оно гласило о том, что однажды в итальянской земле родится девочка, которой по воле Светлого бога суждено стать защитницей всего рода человеческого и возглавить армию, выступившую против стригоев. Но оказалось, что папа и сам в курсе пророчества богини и готов оказать мне помощь и содействие. Он направил меня в аббатство ди Стаффарда и через несколько лет поручил обучать тебя, Селестина-тян. Я сразу понял, что ты и есть возлюбленная дочь моей богини, ведь неугасимая солнечная энергия сказывается в каждом твоём поступке и слове. А теперь скажи, чувствуешь ли ты в себе силу, дарованную Иисусом?

Я хмуро кивнула:

– Сложив воедино все, что мне довелось узнать и, присовокупив к этому собственные видения и ощущения, я невольно начинаю верить как в реальность происходящего, так и в предопределенность своего жизненного пути! Но что мне следует делать дальше?

Но учитель не ответил. Он поднялся с циновки-дзё, низко поклонился и ушел в дом, плотно задвинув за собой перегородку-фусума, тем самым давая мне понять, что наш разговор окончен. Я осталась одна, еще сильнее, чем прежде, озадаченная вновь открывшимися неожиданными фактами.

Кардинал Туринский Анастасио ди Баллестро разъяренно ворвался в отведенную ему комнату, попутно стирая с лица приторно-благочестивое выражение поддельной святости. Краем глаза он подметил, что сопровождавшие его монахи во главе с самим отцом-настоятелем уже скрылись за углом коридора, и от души шарахнул тяжелой дубовой дверью о планку косяка. Никогда еще до сегодняшнего дня прелат не испытывал столь всеобъемлющего чувства гадливости. Гадливости по отношению к самому себе. Замок жалобно щелкнул, створка протестующе загудела, со стены неряшливо осыпалась часть помпезной фрески – изображающей похотливого царя Ирода, на золотом блюде подносящего красавице Саломее голову убиенного Иоанна Крестителя. Потолочная люстра покачнулась. Но от всего содеянного увы, Его Высокопреосвященству легче не стало. Кардинал длинно и скабрёзно выругался, неприязненно косясь на острые сосцы чернокудрой Саломеи, чем-то разительно напомнившей ему въедливую стригойскую повелительницу, госпожу Андреа дель-Васто. Ди Баллестро присмотрелся к фреске внимательнее и понял – чем. Змеиной гибкостью стройного тела и отвратительно злорадным прищуром

миндалевидных глаз. Да, и еще откровенно плотоядным выражением смазливой личика. Подобно распутной библейской интриганке, Андреа тоже была готова сожрать всех и вся, причем как буквально, так и фигурально.

– Чтоб тебя ангелы в Раю на куски порезали, ведьма! – воодушевленно пожелал папский посланец, имея в виду, конечно, не давно почившую в бозе иудейку, а здравствующую и поныне хитроумную стригойку. Но этого Его Преосвященству показалось мало, он схватил со стола карандаш и мстительно подрисовал библейской красоте здоровенные оскаленные клыки. Плюхнулся в кресло и с видом эстета полюбовался своей мальчишеской проделкой. Рисовал кардинал неплохо – клыки шли Саломее необычайно, изрядно прибавив сходства с проклятой кровосоской. И вот теперь кардиналу полегчало. Он снова поднялся на ноги, скинул прямо на пол алую мантию, белый стихарь и расшитую галуном наголовную биретту, оставшись в джинсах и тонкой клетчатой рубашке. Налил из стоящего на столе графина бокал недурственного местного вина, омочил губы и задумался...

Надо признать, встреча с ангелами произвела на ди Баллестро противоречивое, но, безусловно, неизгладимое впечатление. Ишь до чего папа и крылатые воины додумались! Вот уж чего Его Преосвященство не ожидал, так это того, что скромное провинциальное аббатство окажется превращено в столь продуктивную школу по созданию боевых экзорцистов. Нет, чего уж скрывать – многие тайные молитвы, недоступные обычным священникам, причетникам и клирикам, и правда, несут в себе огромную убийную силу, не уступающую как мистической магии Темного отца, так и гипнотическим способностям рядовых стригоев. Но вооруженный древними знаниями экзорцист способен не только запросто упокоить любую богопротивную нечисть, но и даже единолично убить довольно опытного кровососа.

Вспомнив о кровожадных союзниках, к которым кардинал не испытывал ни малейшей симпатии, пастырь брезгливо вздрогнул и поспешил запить неприятные мысли ароматным красным вином. Мда, экзорцисты представляли собой реальную угрозу, явно не принятую в расчет даже коварной Андреа. Для их воспитания требовалось немалое умение, помноженное на природный талант адепта. Плюс божественная сила священного Грааля.

Вторым неприятным открытием стало то, что именно в этой захолустной обители Анастасио и отыскал случайно ту самую девушку, о которой упоминалось в «Евангелии от Сатаны» – Дочь Господню. Впрочем, граф Деверо оказался далеко не дураком и придумал неплохой план, для осуществления которого кардиналу пришлось спешно извлекать из чемодана парадное облачение да осенять высшей благодатью все аббатские помещения, включая кладовые и поварню. Отец-настоятель, жирный Ансельм, впал в восторг от оказанной кардиналом чести. Ну как же, сам владыка Туринский освятил весь монастырь, не пропустив ни сохнувшее на веревках белье, ни коробка с картофелем, ни даже огромный котел с овощным рагу, которое готовилось к ужину. Вот именно этот пресловутый котел кардинал и благословил тщательнее всего, призывая милость Господню на скромную монастырскую трапезу. Отец Ансельм даже прослезился от нахлынувшего на него благолепия, замороженный хорошо поставленным баритоном Анастасио.

Вспомнив о поварне, кардинал поспешно извлек из рукава пустой стеклянный пузырек, завернул его в листок бумаги, измельчил ударами каблука и сыпал в корзину для мусора. И поди теперь что-нибудь докажи! Рауль Деверо, подсунувший церковнику ядовитое снадобье, гарантировал, что все попробовавшие сегодняшний ужин либо впадут в глубокий сон, либо и вообще безболезненно отправятся к своему Создателю. Благословляя рагу, Его Преосвященство незаметно подсыпал отраву в котел, ловко сыграв предназначенную ему роль. А сейчас ему оставалось одно – ждать наступления ночи да гадать, кого из обитателей аббатства случайно минует страшная участь, уготованная стригоями. И что-то похожее на запоздалое угрызение совести тихонько заворочалось на дне продажной кардинальской души.

Первым, что я почувствовала, стал запах дыма, горький и назойливый. Он настойчиво лез в ноздри, насильно вырывая меня из сладких объятий сна. Не смея поверить собственным ощущениям, я вдохнула глубже и закашлялась. Резко распахнула глаза, недоуменно следя за багровыми отсветами, пляшущими на оконном стекле. Тонкие струйки дыма просачивались под дверь, стелясь по полу клубящимся рыхлым слоем гнилостно-серой мари. Сердце рывками бухало в груди, много раз повторяя один и тот же тягучий вопрос, идущий по кругу, словно сбой на граммофонной пластике – что же это такое, что же это такое? Запертая дверь и плотно закрытый стеклопакет ограждали меня от шума и еще давали некоторую надежду на то, что все происходящее – всего лишь досадное недоразумение, вызванное чьей-то оплошностью и отказом системы пожаротушения. Но панический животный ужас, напроць отменяя слабые, успокаивающие доводы рассудка, уже рвался наружу, грозя излиться воплем горя и отчаяния. Твердя себе, что все не так плохо, как мне кажется, что ситуация просто не может быть столь чудовищной, я повернула оконную ручку и одним рывком откинула стеклянную створку. Какофония звуков ударила слитной адской волной, чуть не отшвырнув меня вглубь спальни. Среди яростного треска ненасытного пламени, пожиравшего учебный корпус, расположенный ниже по склону холма, я различила частые автоматные очереди с вплетающимися в них одиночными пистолетными выстрелами, отчаянные крики людей, погибающих страшной смертью, и перекрывающий их ликующий вой стригоев. Я почти физически ощущала плотное облако темной магии, не имеющей ничего общего с лучезарной энергетикой наших молитв, куполом накрывшее все аббатство. Особенно исступленно оно концентрировалось над правым крылом, в котором жили молодые ангелы.

– Натаниэль! – отчаянно вскрикнула я, почти теряя сознание от шквала предсмертных эманаций, непрерывным потоком идущих от запертого и полыхающего здания, где сейчас заживо сгорали сотни молодых жизней. – Иисус, как мог ты допустить подобное? – высунувшись в окно, бешено вопила я, понимая, что ни Бог, ни архангелы не способны узреть происходящее, обманутые демонически-непроницаемой завесой стригоевской волшбы.

И в этот же самый миг что-то вдруг ослепительно полыхнуло, неся шквал невыносимого жара и чудовищный грохот. Пол под моими ногами покачнулся, осколки выбитых ударной волной стекол больно впились в левую руку от локтя до запястья, которую я автоматически выставила перед собой, прикрывая лицо. Меня резко отбросило к противоположной стене и ощутимо приложило затылком об угол телевизионной тумбы. Во рту появился солоноватый привкус крови, все поплыло перед глазами, превращаясь в убыстряющуюся череду разноцветных, размазанных в пространстве полос. «Они взорвали арсенал!» – успела подумать я, проваливаясь в вязкую пелену небытия...

– Селестина! – зычный голос, громко выкрикивающий мое имя, вывел меня из забытья. – Сел, да открой же дверь!

– Сейчас, – промычала я, силясь подняться на ноги. «Интересно, сколько времени я провалялась без сознания?» – мысль вскользь промелькнула в раскалывающейся от боли голове и отошла на второй план. Запах гари усиливался, становясь нестерпимым.

– Селестина, ты там жива? – продолжали колотиться в дверь.

Сквозь монотонный гул, наполняющий череп и укутывающий его ровным слоем шершавой, раздражающе колючей стекловаты, я смогла наконец-то опознать нетерпеливый голос подруги. Медленно перебирая руками по стенке, я все-таки добралась до двери и повернула ключ. Оливия вихрем ворвалась в комнату, возбужденно блестя глазами, кажущимися особенно яркими на фоне закопченного до черноты лица и гремя под завязку набитым рюкзаком.

– Эй, да тебя контузило! – она схватила меня за подбородок, заставляя поднять голову.

Я зашипела от боли:

– Навроде того...

– Ничего, – ободряюще ворчала ангелица, копаясь в рюкзаке. – Голова – это кость, а кости ничего не сделается!

Я криво усмехнулась, намереваясь возразить Оливии, что раз болит – значит, не такая уж там сплошная кость, но в это самое время подруга с воплем радости вытащила из рюкзака аптечку, а из нее – одноразовый шприц, наполненный какой-то мутной жидкостью. Я не успела даже охнуть, как она с размаху вонзила иглу в мое плечо, прямо через рукав ночной рубашки, и нажала на поршень.

– А это не наркотик случайно? – запоздало поинтересовалась я, опасливо рассматривая опустевший шприц.

– Не-а, – махнула косами ангелица, – смесь транквилизаторов по моему личному рецепту, ноу-хау практически, новое слово в фармакологии. Называется «Ангельская дурь»!

Я хотела было возразить, что, судя по названию, это и есть самый забойный наркотик, но предпочла благоразумно промолчать, не решившись спорить с агрессивно настроенной подругой, рискуя заработать еще одну порцию реанимационного зелья. Но надо признать, мозги эта дурь прочищала отменно. Уже через пару минут в голове у меня прояснилось, тело налилось кипучей энергией.

– Лишь бы потом отходняка не случилось! – чисто из вредности ляпнула я, благодарно помаргивая. – Оливия, ты гений!

– Кто бы сомневался, – нахально поддакнула ничуть не смущенная комплиментом валькирия. – Собирайся, нужно выбираться из монастыря, пока мы тут не задохнулись.

И действительно, дым в комнате сгустился до состояния тумана, вызывая резь в глазах и надсадный лающий кашель. Я оторвала от простыни две полосы ткани, смочила водой из кувшина, одной завязала себе рот и нос, а вторую – предложила Оливии.

– И чего я не взяла противогазы? – риторически спросила валькирия, извлекая из рюкзака отличный камуфляжный костюм, дополненный металлокевларовым бронежилетом и бросая обмундирование на стол. – Примерь-ка, вроде бы твой размерчик!

Форма подошла идеально.

– Ты успела посетить арсенал? – спросила я, шнуруя высокие десантные ботинки. – И скажи, какого вообще черта творится в аббатстве?

– Успела, – нахмурилась валькирия, рассовывая по карманам запасные обоймы от «Беретты». – И прошу тебя, не поминай этих богопротивных тварей, итак у нас тут кровососов выше крыши!

– Так что с аббатством? – напомнила я, затягивая вокруг талии кожаный оби и закрепляя под ним оба клинка – Кото и Кайсу.

– Улетные ножички! – завистливо шмыгнула носом подруга, восхищенно разглядывая кэн и вакидзаси. – А на аббатстве можно отныне ставить крест – прости меня Господи за такой мрачный каламбур. Нет теперь аббатства...

– Ясно, – протянула я, до конца осознав тот факт, что мстительные стригои устроили ночной налет на нашу скромную обитель и полностью разгромили небесное ополчение. – Но какого черта наши прославленные бойцы не смогли дать достойный отпор и полегли, как бычки на скотобойне?

Повторное упоминание врагов рода человеческого вызвало новую гримасу негодования на лице Оливии, однако на этот раз она предпочла обойтись без нотаций.

– Думается мне, что здесь не обошлось без отравы. Потому что все, кто присутствовал на ужине в трапезной, уснули беспробудным сном.

– А ты сама? – недоуменно подняла бровь я.

– А я, это... – подруга покраснела, словно я застукала ее за какой-то хулиганской проделкой, – я на диету села, как Натаниэль и советовал...

– Та-а-а-к, – задумчиво протянула я, – я тоже не ужинала, опоздала, да и мастер Кацуо меня, видать, не зря заранее накормил. Неужели он что-то чувствовал? – и тут я вникла в смысл последней фразы ангелицы. – Натаниэль! – я горестно вздрогнула, вспомнив пламя, пожиравшее жилой корпус белокрылых летунов. – Так он погиб?

– Не-а, – Оливия улыбалась от уха до уха, будучи не в силах скрыть охватившей ее радости. – Этот ловелас у себя не ночевал, и на ужине его тоже не было. Стопудово, он к Ариэлле подался, в ее подвальную каморку, и похоже, им там совсем не до еды было!

«Вот ведь чудо! – мысленно подивилась я, наблюдая за лицом подруги. – Странные все-таки создания эти ангелы! Как с сородичем сталкиваются, так сразу собачиться начинают. А на деле оказывается, что они друг за друга искренне переживают!»

– Думаю, они уцелели, если только их в подвале не завалило, – продолжала разглагольствовать ангелица, копаясь в изрядно похудевшем рюкзаке. – Пойдем их искать?

– Непременно, – откликнулась я, осторожно высываясь в коридор. – И не забудь про Грааль, он не должен попасть в руки стригоев!

– Ты собираешься таскать его с собой? – шокировано ахнула валькирия, шагая следом за мной. – Да неужто ты не понимаешь, что из-за него они и разрушили все аббатство? Тот, у кого будет находиться Чаша Христова, станет объектом охоты всех кровососов!

– Понимаю, – откликнулась я, стараясь рассмотреть в плотной пелене окутывающего нас дыма ступеньки лестницы, чтобы не навернуться со второго этажа. – Но ты можешь предложить другой вариант? Мы просто обязаны спасти Грааль и передать его в руки Верховного понтифика!

– Ну и дура же ты, Сел! – сугубо в воспитательных целях окрысилась Оливия, виновато отводя глаза, чтобы только не признать мою безоговорочную правоту. – Так и стукнула бы тебя! – и она картинно замахнулась кулаком.

Но я понимала, что угроза прозвучала лишь для проформы, неся скрытый оттенок солидарности и уважения к моей решительности защитить самую легендарную реликвию нашей веры.

Я торопливо сбежала по лестнице, уже свыкаясь с мыслью, что мирная учеба в аббатстве закончилась, безвозвратно канув в Лету. Скорее всего, все экзорцисты, кроме меня, погибли. А тот, кто уцелел, вступал в период жестокой войны за выживание всей человеческой расы.

Начиналась эра стригоев.

Мы вывалились за порог спального корпуса и с облегчением сорвали с лиц надоевшие мокрые тряпки, впитавшие в себя немало сажи и копоти. Циферблат на моем запястье показывал два часа ночи, но на улице оставалось светло как днем. Здание арсенала полыхало вовсю, выстреливая снопами ярких искр. Жутко воняло горелым пластиком с примесью кислого запаха тола. В тот самый момент, когда мы с Оливией показались на крыльце, в глубине оружейного склада прогремел второй взрыв, правда, не столь сильный, как первый. Валькирия многословно помянула всю стригойскую родню до третьего колена включительно, жалея загубленные боеприпасы. Я как вкопанная застыла на ступеньке, пытаясь сориентироваться и сообразить, что следует предпринять в первую очередь. Только я хотела сказать, что, красуясь на крыльце, мы представляем собой очень хорошую мишень, как короткая автоматная очередь выбила каменную крошку из декоративной колонны прямо возле моего уха. Мы обе кубарем скатились со ступеней.

– Оливия, – заорала я на бегу, с ужасом ощутив удар пули, к счастью, пришедшийся в закрытую бронежилетом грудь, – колись, в твоем волшебном мешке с подарками есть что-нибудь посерьезнее моего «Глока»? А то я с этой карманной пукалкой много не навоюю!

– А то ж! – довольно ослабилось чумазое лицо подруги. – Причем, учти, я не извращенец Санта-Клаус, я подарки и без чтения стишка раздаю! Держи! – она ловко выхватила из рюкзака какой-то громоздкий предмет и перебросила в мои руки.

Я подхватила подарок на лету. «О, просто замечательно! – я хмыкнула. – Можно было догадаться, что валькирия и шагу не ступит без своих любимых игрушек!» Я закинула на плечо ремень УЗИ, шестидесяти четырехзарядного пистолета-пулемета израильского производства, и почувствовала себя увереннее. УЗИ – серьезная штука, у меня сразу плечо перекошило. И как Оливия эту тяжесть на себе регулярно таскает, ума не приложу.

– Лив, – хохотнула я, – у тебя там, случаем, танка нет?

– Нет, – невнятно просипела подруга, вешая на шею сразу два автомата фирмы «Хеклер-и-Кох» и отбрасывая опустевший рюкзак. – Наш нерасторопный отец-настоятель их не закупил, и как оказалось – зря!

Среди застилающих двор клубов дыма и пламени метались какие-то темные фигуры. Я не целясь пальнула в них пару раз на всякий случай, прекрасно понимая, что если это стригои, а в обойме УЗИ находятся обычные патроны вместо освященных, то ничего кровососам не сделается. У меня за спиной ангелица что есть мочи лупила из автомата, по моему, как это ни парадоксально прозвучит, от души наслаждаясь происходящей бойней. Богиня войны наконец-то очутилась в своей стихии.

Позволив валькирии прикрывать меня с тылу, я на минутку опустила узкое оружейное дуло, всегда напоминавшее мне клюв хищной птицы, и прищурила слезящиеся от дыма глаза. Так, вон то большое темное пятно прямо перед нами, от которого еще долетают редкие звуки выстрелов, – учебный корпус. За спиной у нас – спальный блок экзорцистов. Догорающие справа руины – обиталище ангелов, ставшее одной огромной братской могилой. Значит, по левую руку от меня скрывается во мраке не вызвавший интереса стригоев хозяйственный флигель со злополучной поварней и комнатками немногочисленных ангелиц. А еще – с тем самым искомым подвальчиком, где обитает Ариэлла – «умывальников начальник и мочалок командир», сама до недавнего времени чем-то напоминавшая старую мочалку. Да простят меня Натаниэль и поэт Самуил Маршак.

– Туда, – я хлопнула по плечу не на шутку увлекшуюся перестрелкой Оливию, – отступаем по направлению к подвалу.

– Вот уроды! – рывкнула ангелица, швыряя на землю опустевший рожок и спешно перезаряжая оружие. – Да их тут не меньше сотни!

– Потом посчитаем и посчитаемся, – пообещала я, увлекая рвущуюся в бой подругу к маленькой незаметной двери, через которую обычно вносили и выносили корзины с бельем. – Вот найдем Натаниэля и решим, что нам делать дальше.

Пропихнув Оливию вперед себя, я едва успела сделать несколько шагов вглубь прохода, настороженно ступая по истертым за столетия каменным ступеням, как вдруг близкий взрыв, сотрясший стены флигеля, внезапно поднял нас вверх и резко бросил на пол коридора. Комья земли и острые обломки кирпичей щедро застучали по спинам, в голове зазвенело. «Две контузии в течение одного часа – это, пожалуй, уже перебор!» – вяло подумала я, медленно переводя себя в сидячее положение и выплевывая набившуюся в рот грязь. Рядом премерзко ругалась Оливия, осторожно ощупывая разбитый нос.

– Ты в порядке? – теперь наступила моя очередь интересоваться состоянием подруги.

– Ерунда, до свадьбы заживет! – вынесла вердикт валькирия, прижимая к переносице холодное лезвие ножа. – Очевидно, какая-то скотина заметила, как мы юркнули в эту дверцу, и метнула гранату нам вслед.

– Коридор позади нас обвалился, – я оценила нанесенный взрывом ущерб и поднялась на ноги. – Так что в ближайшее время преследовать нас не станут, а это, наверное, стоит твоего травмированного носа.

Оливия посмотрела на меня как-то не очень доброжелательно. Вот уж никогда бы не подумала, что наша валькирия так яро радуется о своем внешнем виде!

Минут пять мы петляли извилистыми проходами, освещая дорогу карманными фонариками и пытаюсь разобраться в нагромождении каменных блоков, заваливших и без того узкие переходы. Наконец, миновав несколько дверей, Оливия, гораздо лучше меня знавшая планировку этого корпуса, вывела нас к довольно неприметной дверке, окованной внушительными поржавевшими железными полосами.

– Здесь! – валькирия решительно направила указательный палец в сторону мощной створки. – Личная комната Ариэллы.

Я корректно постучала.

Из-за двери не доносилось ни звука.

– Нат, хватит дурить, открывай! – сердито рывкнула ангелица, сильно гнусава в разбитый нос.

– Сова открывай, медведь пришел! – шутливо поддержала я с аристократичным прононсом, образовавшимся по причине пыли, набившейся везде куда можно и куда нельзя. Я конечно же отдавала себе отчет в неуместности подобных шуточек, но предпочла выкрикнуть что-то нейтральное, пусть и мало подходящее к нынешней плачевной ситуации – опасаясь напугать чувствительную Ариэллу.

Но, увы, никто ни кинулся открывать запертую изнутри дверь. Очевидно, наши доводы показались весьма неубедительными для забаррикадировавшихся в комнате влюбленных. Мы с Оливией растерянно переглянулись.

– Какого черта! – недовольно буркнула валькирия, пиная дверь ногой. Упоминание нечистого ее уже ничуть не корбило.

Как выяснилось тут же, дверь лишь внешне выглядела прочной, на деле она оказалась прогнившей насквозь. Трухлявые доски не выдержали напора атлетически сложенной девицы, с первого же удара бесславно уступив грубой силе.

– Что и следовало доказать! – самодовольно провозгласила Оливия, делая шаг в освободившийся проход. Я последовала за ней.

Внезапно в наши лица буквально врезалось непроницаемое облако, состоящее из каких-то белых, непереносимо вонючих крупинок, заставляющих чихать и кашлять, а затем на мою многострадальную макушку обрушился чудовищный удар, снова переводя меня в лежащее положение...

Помнится, однажды наш хулиганистый Уриэль весьма аргументированно, хотя излишне многословно излагал восхищенным молодым ангелам, что женщины практически ничем не отличаются от собак. Точно так же безоговорочно преданы своему хозяину, так же, как и брехливые шавки, часто лают по пустякам и так же хорошо выполняют команду «лежать». Может быть, эти циничные высказывания все-таки оказались не лишены некоторой доли здравого смысла, а?

Конрад Майер задумчиво поскреб широкую, обильно заросшую черными волосами грудь, поставил на компьютерный стол початую банку пива «Бавария», пару секунд поколебался, но все-таки нажал кнопку включения системного блока. Фривольно, как хорошей знакомой, подмигнул изображению аппетитной блондинки на мониторе и, справедливо рассудив, что все ресурсы компьютера продолжают загружаться еще некоторое время, отправился на кухню, предусмотрительно прихватив с собой недопитое пиво. Проходя через коридор, он не удержался, чтобы не полюбоваться в большом настенном зеркале своей поджарой фигурой, для пущего эффекта немного втягивая живот и напрягая бицепсы и трицепсы. Но, нужно признать, втягивать-то по большому счету было нечего. Вредная привычка, заключающаяся в частом и бессистемном употреблении пенистого хмельного напитка, полностью искупалась регулярными походами в спортзал и ежедневными утренними пробежками. «Ну, почти ежедневными!» – не стал лукавить господин Майер, поглаживая свежевыбритую голову. Отрастить волосы Конрад пытался уже неоднократно, но каждый раз, с отвращением глядя на жесткую щетку, криво расплзающуюся по вискам и затылку, плевался в сердцах, вновь обриваясь до стерильной гладкости бильярдного шара. Впрочем, отсутствие волос не только придавало ему некую inferнальную загадочность, весьма броскую на фоне нынешнего повального увлечения длинными шевелюрами, но и, по фанатичным заверениям прекрасной половины человечества, выгодно подчеркивало красоту его мужественного лица. «А лицо – да, не подкачало! – Конрад довольно крикнул, рассматривая в зеркале свои высокие скулы, твердый подбородок, нос красивого очерка и мягкие карие глаза, опущенные длинными черными ресницами. – Вот так-то, господин рыцарь!» – после чего он саркастично оттянул резинку атласных спортивных трусов, отпустил ее, позволив звонко щелкнуть по рельефному прессу, и важно прошествовал в святая святых своей римской квартиры –

вместительный пищеблок, плотно заставленный разнообразной бытовой техникой. Конрад уважал комфорт.

Там он засыпал в кофеварку порцию свежесмолотого мокко – горьковатого, но стопроцентно мужского, достал из холодильника еще одну банку любимого пива и щелкнул пультом, включая плазменную панель небольшого телевизора. Уткнувшись в недра хладоагрегата, он игриво дернул обтянутыми алым атласом ягодицами, приветствуя очаровательную Бьянку, популярную ведущую новостей на первом канале крупнейшего итальянского телевизионного холдинга. Видимо, фигуристая брюнетка тоже не осталась равнодушной к прелестям Конрада, потому что немедленно расплылась в заученной улыбке и защебетала тонким голоском:

– По уверениям нашего собственного корреспондента, вид выгоревшего дотла аббатства являет собой поистине удручающее зрелище, производя неизгладимое впечатление даже на самых стойких и опытных в подобных делах пожарников.

– Ага, знаем мы ваших хваленых пожарных, – иронично ответил Конрад, продолжая стоять к Бьянке спиной, и с подозрением обнюхивая извлеченный из холодильника кусок ветчины. – Да они при одном виде обгорелого трупа мыши в обморок падают!

Наверное, ведущая тоже не очень-то доверяла компетентности провинциальных служб спасения, потому что скорчила скорбную мордочку и продолжила излагать сводку новостей.

– Среди множества тел пострадавших удалось опознать личности многочисленных обитателей аббатства – монахов и послушников. Но, как нам стало известно из достоверных источников, среди руин также обнаружены трупы каких-то странных, с трудом поддающихся научной классификации существ, что позволило сделать выводы об участии аббатства ди Стаффарда в проведении запрещенных законом вивисекционных опытов над животными. Благополучный городок Салуццо еще не видал столь громкого скандала! Личный секретарь папы римского Бонифация XIII уже выступил с официальным заявлением о непричастности Римской католической церкви к творимым в Салуццо противоправным действиям!

– Ну, молодцы, просто молодцы! – ехидно прокомментировал услышанное Конрад, наконец-то признав ветчину пригодной к употреблению, педантично нарезая ее ровными ломтиками и выкладывая на раскаленную сковородку. – Я, милочка, церковников знаю давно и хорошо, поэтому могу уведомить вас, синьорина Бьянка, что там, в Салуццо, явно не обошлось без вмешательства иных рас. Причем, видимо, там приключилось что-то действительно масштабное, раз Ватикан не успел своевременно подчистить улики и вынужден теперь так яро открешиваться от несчастных убиенных монахов. Так что, милая Бьянка, – он со вкусом разбил на сковородку одно за другим целых пять яиц, – забудьте-ка вы об этом злополучном ди Стаффарда и приходите ко мне завтракать!

Но в ответ ведущая, анорексивно замученная низкокалорийной диетой, не одобрявшей такого термоядерного избытка холестерина, кокетливо улыбнулась и исчезла с экрана, уступив место накаченному молодому человеку, принявшемуся увлеченно рассказывать о соревнованиях по футболу. Мужчин Конрад не любил, к футболу дышал равнодушно, поэтому он переключил телевизор на музыкальный канал и с аппетитом в одиночку принялся за гигантскую яичницу с ветчиной, запивая ее частыми глотками пива. Утолив первый утренний голод и подбирая хлебной корочкой последние капли оливкового масла, господин Майер снова и снова пытался понять, что же именно так насторожило его в рассказе Бьянке, не давая выветриться из головы этой, в общем-то совершенно пустяковой новости. И лишь попивая крепкий кофе, Конрад неожиданно прозрел, да причем так внезапно, что с воплем: «Вот ведь черт!» – подпрыгнул на табуретке, чуть не опрокинув чашку с мокко на свои щегольские трусы. Он вспомнил.

Дай бог памяти, но это произошло лет этак сто двадцать назад, при пра-пра-прежнем Верховном понтифике, когда Конрад еще поддерживал некоторую видимость деловых отношений с всемогущей ватиканской канцелярией. Именно тогда Майер получил от Церкви специфический заказ, сводившийся к поимке некоего резвого суккуба, посмеявшего

докучливо навязывать свое любвеобильное общество одному из особо приближенных к папе кардиналов. Надо сказать, суккуб оказался (вернее – оказалась), прехорошенькой и весьма фигуристой рыжеволосой девицей – как раз во вкусе самого Конрада. Настолько сексапильной, что отважному рыцарю стоило огромных душевных мучений развоплотить столь очаровательное существо. Но демон был силен, и Конраду понадобилось нечто большее, чем просто освященные в ближайшей церкви пули и ножи. Да и как на беду дата охоты пришлась как раз на полнолуние. И если бы не ковчежец с частицей мощей святого отца Ионифана, известного экзорциста и усмирителя плоти, не миновать бы Конраду острых когтей демоницы. Вот именно тогда он и попал в тайное хранилище Ватикана, битком набитое всяческими чудесными вещами. Впоследствии, так и не сойдясь в цене за истребленного суккуба, рыцарь самочинно оставил себе заветный ковчежец, неоднократно после этого спасавший ему жизнь. Но главное заключалось не в этом. Пребывая в хранилище и восхищенно пялясь на то, что большинство верующих искренне считают сказками и небылицами, рыцарь полушутливо-полусерьезно спросил папского секретаря о том, не хранится ли в этом местечке сам святой Грааль. И получил столь же несерьезный ответ: дескать – хранился лет ...дцать назад, да вот пришлось передать его в Салуццо, мол, он там нужнее. Тогда Конрад не придал особого значения услышанному, посчитав туманное высказывание всего лишь проявлением оригинального чувства юмора пожилого ватиканского секретаря, всегда бывшего себе на уме. И вот сейчас что-то неожиданно щелкнуло в мозгу охотника, переключив мысли на это давно позабытое название – Салуццо!

Рыцарь рассеянно запихнул грязные тарелки в посудомоечную машину, извлек из холодильника очередную банку пива и почти галопом устремился обратно в спальню, к компьютеру, влекомый каким-то нехорошим предчувствием. Компьютер, телевидение и огнестрельное оружие принадлежали к той не слишком-то большой группе современных вещей, которые Конрад считал полезными и достойными внимания. Все прочее, по его мнению, за истекшие столетия сильно деградировало и выродилось, привнося в размеренное течение жизни массу досадных разочарований. Вот взять, к примеру, пиво – за последние лет семьдесят-восемьдесят его совсем разучились варить, причем, совершенно не стесняясь выдавать за сей благородный напиток какую-то омерзительную бурду, сверх меры напичканную вредными для здоровья консервантами и суррогатами.

Но, пожалуй, единственным, что за прошедшие столетия ничуть не проиграло, а даже заметно выиграло, были столь любимые Конрадом женщины. Он обожал их всех – чопорных брюнеток, тупо-сексуальных блондинок, рассудительных шатенок и, конечно же, взбалмошных, безудержно эмоциональных рыжеволосых дам. А ведь именно такая рыжеволосая девица и стала источником удивительного долголетия Конрада, подарив ему этот неожиданный презент в комплекте с нечеловеческой силой, отменной реакцией и неприятной зависимостью от лунных фаз. Конрад был вервольфом. Каждое полнолуние его волчья сущность требовательно просилась на волю, доводя своего обладателя до состояния невменяемой одержимости, часто называемой «амок» – когда все его нервы болезненно реагировали на малейшее раздражение, грозя начать обращение от любого мало-мальски возбуждающего фактора. За миновавшие столетия он научился стабильно контролировать собственное тело, сумев подчинить железной воле, казалось бы, абсолютно не управляемый процесс преобразования в волчий облик, даже в самые напряженные моменты оставаясь человеком, но все равно – неизменно страдая в разгар полнолуний жуткими головными болями и вспышками трудно управляемой ярости.

А ведь все начиналось так хорошо. Правоверный католик, происходивший из обедневшего, но благородного немецкого рода рыцарей фон Майеров, Конрад в 1307 году добился высокой чести вступления в орден тамплиеров, получил белый плащ шевалье и даже нес службу в парижском Тампле – штаб-квартире великого магистра Жака дэ Молэ. Лишь чудом ему удалось избежать ареста, охватившего подавляющее большинство братьев, и в одиночку скрыться среди простонародья, затерявшись в многочисленном Париже. И только спустя многие десятки и сотни лет, накапливая и анализируя информацию, Конраду стало

понятно, что ужасная участь, постигшая орден «нищенствующих рыцарей Христа и Храма Соломона», оказалась вызвана горячим желанием папы Климента V и короля Франции Филиппа Красивого захватить святой Грааль, якобы переданный тамплиерам несколькими чудом уцелевшими альбигойцами. Теперь-то, в двадцать первом веке, Майер не сомневался, что Ватикану удалось таки заполучить бесценную реликвию. Но тогда, в пятницу тринадцатого октября, Конрад еще ни о чем не догадывался, с трудом оторвавшись от преследования королевских рейтар, переодевшись в одежду свинопаса и тайно выбравшись через окно кухни на задний двор Тампля. Иногда Конрад сам осуждал себя за проявленное в тот день малодушие, но ведь тогда ему едва минуло двадцать лет, и с тех пор он отлично усвоил зловещий, но не ясный обычным людям смысл вкладываемый в фатальную дату – пятница тринадцатое.

Став свидетелем жесткой казни схваченных и оклеветанных тамплиеров во главе с магистром де Молэ, заживо сожженных на костре Еврейского острова напротив королевского дворца, Конрад в ужасе бежал в родную Лотарингию. Пробираясь под отчий кров, он охотно и неосмотрительно воспользовался гостеприимством рыжекудрой хозяйки захудалого полуразрушенного замка, пригласившей его переночевать. Той необычной ночи было суждено навсегда запечатлеться в памяти опального тамплиера.

Стоял промозглый, холодный декабрь 1314 года. Семь лет минуло с момента ареста тамплиеров, семь долгих лет скитался Конрад из страны в страну, пытаясь хоть чем-то помочь невинно осужденным братьям. О, теперь он казался уже далеко не тем наивным и восторженным двадцатилетним мальчишкой. Страдания и лишения закалили плоть, частично иссушив утратившую опору душу. Но ничего не получилось. Уже одно только проклятое слово «тамплиер» вызывало волну негодования и агрессии со стороны тугодумов вилланов, а именем Жака де Молэ в деревнях пугали непослушных детей, поставив его в один ряд с демонами и прочей богопротивной нечистью. Помощи не нашлось нигде. Конраду оставалось одно – смиренно заползти в старый отцовский замок, попытаться все забыть и начать жизнь заново, с нуля.

Проводив в последний путь Великого магистра, рыцарь Майер бережно хранил горсть смешанной с прахом земли, собранной на пепелище Еврейского острова. Но теперь Конрад ехал домой. Деньги закончились так давно, что он уже как-то привык обходиться без них. Одежда прохудилась, превратившись в лохмотья нищего, а верный конь едва переставлял ноги от голодухи, вяло бредя сквозь слепящий снег с дождем, начисто скрывший от глаз грязную, набухшую колдобинами дорогу. Отощавший до состояния скелета скакун пал в тот самый момент, когда впереди забрезжил смутный огонек, а вместе с ним и слабая надежда на спасение. Ни единой слезинки не выкатилось из ввалившихся от истощения глаз бывшего тамплиера, почти завидовавшего единственному другу, отошедшему в иной, лучший мир. Бросив на дороге труп Буцефала, Конрад, едва не теряя сознание, плелся вперед, стараясь не упускать из вида то вспыхивающий, то робко затухающий огонек. Наконец, замерзнув почти до смерти, он достиг уродливого, рассыпающегося от старости замка, густо припорошенного свежеснеженным снегом.

Двери ему открыла сама хозяйка – рыжеволосая, симпатичная и далеко еще не старая, по ее словам – вдовевшая уже пять невыносимо долгих лет. Как в полусне принимал продрогший и оголодавший Конрад ее заботы – сначала внушительную бадью с горячей водой, а затем и одежду покойного супруга, пришедшуюся почти впору высокому и широкому в кости рыцарю. Нежась в клубах влажного пара, поднимающегося над неприятельской ванной, Майер с горестным вздохом рассматривал свои худые руки и ноги, утратившие прежнюю мощь. Ведь когда-то он легко орудовал тяжелым двуручным мечом и, будучи еще совсем молодым сержантом, успел прославиться в двух Крестовых походах, участвуя в отвоевании у неверных сарацинов великой святыни – обломков истинного Креста, когда-то стоявшего на Голгофе и впитавшего кровь и пот Господа нашего Иисуса Христа. Но теперь внешний вид могучего рыцаря, за отвагу и стремительность получившего у врагов уважительное прозвище Ифрит, удручал. Рыжекудрая хозяйка с

умильным ворчанием заботливо оттирала жесткой мочалкой многочисленные шрамы и отметины, покрывающие ослабевшее и исхудавшее тело. А последовавшая за ванной обильная трапеза вконец разморила буквально засыпающего на ходу гостя. Съев огромный ломоть хорошо прожаренного мяса, совсем уже позабытого на вкус, Конрад с трудом добрел до спальни и вниз лицом рухнул на свежие полотняные простыни. Он рассчитывал проспать как минимум до полудня следующего дня, но разбудили его намного раньше...

Полная, круглая как блин луна скупое светила в высокое окно, затянутое неровными кусками мутного, дурно выполненного стекла. Предметы обстановки плавали в густых полутенях, приобретая вид синих мрачноватых неровных пятен замысловатых, а порой и пугающих форм. О, эта загадочная волшебница-луна, молчаливая наперсница тайных влюбленных и неоценимая сообщница ловких ночных татей. Небесное светило, с незапамятных времен олицетворяющее силу мстительной и древней богини Гекаты, властительницы мертвых душ, рыскающих на перекрестках трех дорог в поисках неосторожной жертвы. Пособница ведьм и колдунов, освящающая тайную мистерию ночного шабаша. Недаром ее узкий серпик является талисманом приверженца магометанской веры, закоренелого и непримиримого врага всех истинных христиан. С самых молодых ногтей Конрад неосознанно побаивался лунного света, приписывая его очаровывающие, смущающие душу свойства козням лукавого Дьявола. И как выяснилось впоследствии, не без причины.

Утомленного рыцаря разбудило откровенно похотливое прикосновение маленьких женских ручек. Пухлые пальчики собственнически скользнули по распростертому на ложе мужскому телу, требовательно остановившись в области паха. Сквозь ускользающие обрывки сна Конрад подумал о том, что многие из его братьев по оружию имели жен и любовниц, да и он сам никогда не давал обета безбрачия. Он вспомнил чернокудрую и черноокою чаровницу Эсфирь, щедро дарившую ему свои несдержанные ласки в далеком Иерусалиме, но настойчивое внимание хозяйки отогнало давнее увлечение, являя действительность, во сто крат более сладостную и доступную. В свете луны Майер заметил жадно приоткрытые алые губы, тянущиеся к его лицу. И он не стал мучить отказом столь любезную и привлекательную хозяйку. Сжав в объятиях полный, но соблазнительно гибкий стан, он страстно ответил на горячий поцелуй. Сорванная его сильными руками женская сорочка белой птицей порхнула на пол. Не в силах совладать с разливающимся в чреслах огнем желания, Конрад трепетно завис над нежной плотью, распаленный близостью момента соития... как вдруг страшная судорога сотрясла все члены прекрасного тела хозяйки замка, сопровождаемая внезапным появлением жестких черных волос, пробивающихся через бархатистую кожу бедер и груди. Пораженный гость наблюдал, как фигура женщины скрючилась, а лицо, наоборот, вытянулось, приобретая очертания мерзкой волчьей морды, ощерившейся набором острых клыков. С воплем ужаса Конрад спрыгнул с кровати. Черная как смоль волчица недовольно зарычала, на полусогнутых лапах осторожно приближаясь к замершему у камина рыцарю. Майер схватил увесистую кочергу, во весь голос взывая к Господу, и в этот момент волчица прыгнула...

Два движения слились в одно. Конрад неожиданно почувствовал в руках остатки былой силы, и это спасло ему жизнь, позволив раскрыть череп демонической твари. Обливаясь кровью, оборотень рухнул на пол, успев в момент падения все-таки дотянуться и ухватить клыками обнаженное мужское предплечье. Конрад зажал неглубокую рану, истово вознося благодарственную молитву и радуясь чудесному спасению. Наутро он покинул проклятый замок, найдя на конюшне холеного жеребца и малую толику денег в комнатах запасливой хозяйки. Саму же рыжекудрую бестию, после кончины немедленно обретшую прежнюю красоту и статью, он собственноручно похоронил в саду замка, прочитав несколько успокоительных слов на ее могиле. Конрад продолжил путь домой, с облегчением полагая, что весьма легко отделался от свалившегося на его голову приключения. Но так продолжалось лишь до следующего полнолуния.

Страшная трансформация, совпавшая с полной фазой луны, настигла Конрада в лесу, обратив его в чудовищное создание, обуянное жадой убийства. Домой Майер так и не вернулся. С тех пор он безропотно нес уготованный ему крест, приспособившись к своему получеловеческому-полуживотному естеству и облику. Конрад стал вервольфом, со временем даже научившись находить некоторые приятные стороны столь необычного существования. Хлебнув всякого в жизни, он постепенно приобрел репутацию непревзойденного наемного убийцы и опытного охотника за всякой нечистью, принимая поступающие к нему многочисленные и хорошо оплачиваемые заказы. Этим Конрад и жил.

Но бывший рыцарь вполне мог гордиться тем, что никогда еще не спровадил на тот свет кого-то не заслужившего, по его беспристрастному мнению, столь страшной участи и никогда не шел на сделку с собственной совестью. Он всегда тщательно собирал необходимую информацию, разносторонне характеризующую будущую жертву, и неоднократно случалось так, что категорически отклонял выгодный заказ, не сочтя его приемлемым для своих моральных принципов и правил. Благодаря этим качествам Конрад зарекомендовал себя как человек в высшей степени честный и справедливый. Его уважали, боялись, а зачастую даже ненавидели. Число его врагов звалось легионом, вынуждая из соображений личной безопасности соблюдать безупречную секретность, иметь несколько великолепно укрепленных квартир и научиться искусно замечать следы. Мало кто из заказчиков знал его в лицо, никто из закадычных друзей даже и не догадывался об истинном образе жизни этого обаятельного улыбчивого парня. Ни одна из его часто меняющихся пассий не гостила на конспиративных квартирах Майера. Но при всем этом не испытывающий стеснения в средствах рыцарь нередко участвовал в различных благотворительных акциях, жертвуя немалые суммы денег на детские приюты и хосписы для больных раком людей. Конрад часто влюблялся, но еще ни разу не любил по-настоящему. Он имел вполне симпатичную и респектабельную внешность, в глубине души всегда оставаясь кровожадным и необузданным оборотнем. Ведь слишком часто наш внешний облик ничуть не соответствует тайному содержанию душ, являясь всего лишь умело используемой обманчивой иллюзией. Случается, что волк имеет облик привлекательного молодого человека безупречного телосложения, а хрупкий белокурый херувим таит в себе повадки и замашки мерзкой, паразитирующей на доверчивых существах гидры. Внешность обманчива, а внутреннее содержание подобно драгоценной жемчужине, скрытой глубоко под раковиной и мягкими тканями глубоководного моллюска. Гармоничное соединение зримого и незримого навсегда остается конечной, но труднодостижимой целью нашего земного бытия. Сложно сказать, достиг ли семисотлетний вервольф этой гармонии, но бесспорным являлось одно – Конрад стал чрезвычайно противоречивой, непредсказуемой, сложной и запутанной натурой. Натурой, болезненно мечущейся в поисках потаенного смысла своего долгого и весьма бурного существования.

Глава 9

– Ой, ой, ой! – жалобный голос буквально ввинчивался в мою невыносимо ноющую голову. – Нат, что же ты натворил-то?

– Здрассти, а почему это я? – возмущенно отозвался хорошо узнаваемый грудной баритон Натаниэля. – Это же была твоя идея – засыпать врагов стиральным порошком и огреть по голове валиком для отбивания белья!

– Так ведь врагов! – сердито шипела Ариэлла, пытаюсь оправдаться.

– А мне некогда их сортировать! – отчаянно огрызнулся ангел. – В добавку ко всему, здесь темно, как у черта в заднице, да еще и ситуация стрессовая! И кстати, до сегодняшнего дня у меня вообще врагов не водилось.

– Зато теперь появились! – мрачно констатировала Оливия, вытирая носовым платком слезящиеся глаза. – Двое, вернее – две!

– Вот уж точно – святая простота! – хихикнула я, вытряхивая из волос белые крупинки

стирального порошка. – Нат, черт бы тебя побрал, я ведь совсем недавно перхоть вывела. Усвой, пожалуйста, на будущее: если у тебя совсем нет врагов – значит, ты плохо разбираешься в людях!

Натаниэль печально кивнул.

– А что там наверху случилось-то? – обеспокоенно поинтересовалась Ариэлла, испуганно прижимаясь к широкоплечему юноше.

Я несколько секунд молча разглядывала ее тоненькую фигурку, изумленная невероятной метаморфозой, произошедшей с ранее неприметной старой девой. Лишившись высохших остатков крыльев, Ариэлла утратила и свою неказистость. Теперь передо мной стояла юная дева – хрупкая и стеснительная, окутанная искрящимся облаком длинных пепельных волос, сквозь струящиеся пряди которых радостно сияли голубые, как незабудки, глаза. «Вот ведь что любовь с людьми делает!» – про себя подивилась я.

Воспользовавшись моей задумчивостью, Оливия в нескольких словах, по-военному коротко и емко обрисовала сложившуюся ситуацию. Нат печально присвистнул. Ариэлла сдавленно охнула и с размаху села на огромную кипу скомканных простыней.

– Аллилуйя! – привычно буркнул ангел. – Значит, стригои захватили аббатство! А нам-то что теперь делать?

– Давайте отсидимся в этой комнате, – тонкие пальцы Ариэллы просительно ухватились за мое запястье, голубые глаза лучились надеждой. – Здесь безопасно. А к утру кровососы все равно уберутся из монастыря.

Я мрачно хмыкнула:

– Не хотелось бы тебя разочаровывать, пугливая ты наша, но сейчас важнее другое – не *когда* стригои покинут аббатство, а *с чем* !

– Грааль! – поняв намек, схватился за голову Натаниэль.

Ариэлла побледнела пуще прежнего.

– Сел, – пролепетала она заикающимся голосом, – нельзя допустить, чтобы величайшая христианская святыня попала в руки наших злейших врагов. С ее помощью они смогут открыть Врата Ада!

– Та-а-ак! – я невольно сжала кулаки. – Так вот из-за чего, оказывается, разгорелся весь сыр-бор! Значит, стригоям срочно понадобился апокалипсис? Но почему именно сейчас?

– Не знаю, – пожала худыми плечиками Ариэлла. – Но мне довелось читать о каком-то пророчестве, связанном с девицей Изабо д’Ан Марти, Вратами Ада и истинным Сыном Тьмы. А в Венеции проживает несколько престарелых монахов-госпитальеров, курирующих лечебницы и центры переливания крови, находящиеся под патронажем Ватикана. Эти монахи исполняют функции летописцев и непременно должны владеть нужной нам информацией.

Я отрешенно уставилась в потолок. В моей голове начинал складываться некий, пока еще весьма расплывчатый и запутанный план действий. Итак, мы четверо, не иначе как по промыслу Божьему, отказались от отравленного ужина. Я – потому что воспользовалась гостеприимством мастера Кацуо, Оливия села на диету, а влюбленные Нат и Ариэлла предпочли угощение несколько иного свойства. И поэтому мы выжили. Отныне перед нами встала труднейшая задача – спасти святой Грааль от лап ненавистных стригоев, тем самым разрушив их коварные замыслы по установлению на земле власти Тьмы, и вернуть Чашу в хранилище римской католической церкви. Но я даже не представляла, цел ли еще Грааль и в каком состоянии находится сейчас коридор, ведущий к Круглому залу, где еще совсем недавно проходила встреча со стригойским посланцем.

– Я знаю дорогу! – облегченно ответила Ариэлла, выслушав мой вопрос. – Я отведу!

Но, увы, этому благому намерению было не суждено осуществиться. Узкая винтовая лестница – единственная, по которой можно попасть в засекреченную часть монастыря, и без того ветхая, не выдержала многочисленных взрывов, вызвавших оседание старинного фундамента, и обрушилась окончательно. Нашим разочарованным взглядам предстал заваленный камнями провал – все, что осталось от сводчатого, выложено кирпичами

коридора. От руин тянуло холодом, опасностью и запахом тлена.

Я зябко поежилась:

– Да нам эти камни и за неделю не разобрать!

Оливия успокаивающе похлопала меня по плечу:

– Сел, не грусти, есть еще одна дорога!

Я недоуменно воззрилась на подругу:

– А ты уверена?

Валькирия замялась:

– Не так, чтобы очень. Но я ведь не зря выбрала для проживания комнату, которую все остальные посчитали слишком маленькой и неудобной. Просто некогда в ней обитал один из строителей этого крыла монастыря, и он оставил после себя карту... ну, или то, что я посчитала чем-то, напоминающим карту.

– Не может этого быть! – скептически заявила Ариэлла, внимательно прислушивающаяся к словам валькирии. – Да, не спорю, бытует предание, что под монастырем существует обширная сеть катакомб, часть из которых ведет к Круглому залу. Но нет никаких доказательств того, чтобы легендарный фра Винченце – гениальный архитектор и любитель всяческих загадок, проживал именно в твоей комнате и оставил путеводитель.

– Я докажу! – строптиво нахмурилась Оливия.

Лестницы наверх здания, в отличие от ведущих вниз, оказались в несколько лучшем состоянии. Мы не без труда вскарабкались на третий этаж, наполненный удушливым дымом. Электрическое освещение отрубилось начисто, пожарища во дворе догорали, поэтому на верхних этажах царила крошечная тьма. Передвигаясь на ощупь и изредка перекликаясь сдержанным шепотом, мы все-таки добрались до комнаты Оливии и поспешно ввалились внутрь. Хозяйка неприятного обиталища торопливо опустила жалюзи и зажгла свечу. Пока я оглядывалась, Натаниэль и Ариэлла с голодным урчанием жадно набросились на пачку галет и бутылку минеральной воды, предложенных им гостеприимной валькирией.

Помещение и на самом деле оказалось столь крохотным, что с трудом вмещало лишь узкую панцирную кровать, застеленную байковым армейским одеялом, на которой сейчас устроились наши влюбленные, и массивный резной шкаф из какой-то ценной породы дерева. В углу находился небольшой ящик, заменявший Оливии стол.

– Что там? – я указала на ящик пальцем.

– Взрывчатка, – спокойно ответила подруга, поднимая крышку и выуживая немного прямоугольных брусков. – Так и думала, что пластид нам еще пригодится.

– Однако! – приподняла бровь я. – Зачем это?

– Ну и недогадливая же ты, – беззлобно проворчала подруга, извлекая из шкафа пару запасных обойм к пистолету и несколько отличных метательных ножей. – Как же ты без взрывчатки в Круглый зал попадешь? Там знаешь какие ворота?!

Почесывая в затылке, я разместилась на ящике. На мой взгляд, задуманная нами акция все больше и больше приобретала оттенок рискованной авантюры. Оливия примостилась рядом.

– Вот смотри, – она для наглядности начала загибать пальцы прямо у меня перед носом. В скудном свете свечи ее лицо казалось необычайно строгим и решительным. – Когда я вселилась в эту комнатку, меня чрезвычайно поразил тот факт, что стены оказались дополнительно укреплены с помощью листов ДСП и даже обшиты слоем стекловаты. Думаешь, это было сделано просто так?

Я задумчиво наматывала на палец свой длинный рыжий локон. Сообщение подруги явно несло в себе важное и рациональное зерно.

– Подобное возможно лишь в двух случаях, – медленно начала я, тщательно взвешивая каждое слово. – Если нужно укрепить комнату и обезопасить тех, кто засел внутри, или, – тут я взглянула прямо в глаза Оливии, – чтобы те, кто находится в комнате, не расслышали и не увидели чего-то, расположенного за стеной!

– Верно! – довольно осклабилась подруга. – Явно кто-то умный до меня постарался. Дополнительная звукоизоляция. Сама знаешь, в старых подземных коридорах может шуметь вода, может возникнуть сквозняк. Люди, посвященные в тайну подземных катакомб, оказались отнюдь не глупы и удачно скрыли секретный ход, начинающийся в этой комнате.

– А где стена толще всего? – нетерпеливо перебила я.

Оливия аж мурлыкнула, довольная моей сообразительностью.

– Здесь! – она указала в сторону кровати. – И еще, гляди! – она поднесла свечу к дверке шкафа. – Ничего не замечаешь?

Я вгляделась. Правая створка имела украшение в виде слегка выпуклого орнамента на какую-то библейскую тему – группа людей в длинных одеждах окружила одного, почти условно очерченного двумя дугообразными линиями, напоминающими крылья! В руках этот центральный персонаж сжимал схематично набросанную посудину...

– Так это же ангел, а в руках у него Грааль! – воскликнула я.

– Правильно, молодец, художина! – хмыкнула Оливия. – А теперь смотри на левую дверцу, – она чуть передвинула подсвечник. – Тебе не кажется, что рисунок должен быть симметричным?

Я вспомнила, что вся мебель в аббатстве действительно имела идеально симметричные украшения, выполненные очень изящно и искусно. Но на дверке шкафа в комнате Оливии красовался идеально обозначенный круг, густо исчерченный пересекающимися линиями, который я бы не рискнула отнести к произведениям искусства. Просто абракадабра какая-то! И это и вправду напоминало, напоминало...

– Карта! – шепнула я. – Клянусь покровом Марии Магдалины, это карта!

– Ага! – поддакнула Оливия. – И еще, – она распахнула шкаф и указала на не приметную надпись на боковом ребре дверцы, – читай...

– Винчен... – с трудом разобрала я несколько полустершихся букв на церковной латыни, выписанных по-готически остро и обрывисто. – Ты добила меня окончательно! Вот это да! А ну-ка, помоги...

И мы с Оливией, поднатужившись, дружно выломали створку старинного антикварного шкафа.

Итак, мучимый вполне обоснованными догадками, которые, как всем известно, являются гораздо более весомым поводом для беспокойства, чем просто не оформившиеся до конца сомнения, Конрад вернулся в спальню и уселся перед приветливо светящимся в полумраке экраном компьютера. Недовольным взором вскользь он окинул беспорядок в комнате, которого не могли скрыть даже полуопущенные жалюзи. Здоровый немецкий педантизм Конрада немедленно взбунтовался против удручающей неряшливости, но любопытство оказалось сильнее, поэтому после недолгой психологической борьбы с самим собой Майер пофигистски махнул рукой на бедлам и нажал на значок включения электронной почты. Набрал довольно неоригинальный пароль «вервольф. собака» и немного растерянно уставился на три десятка непрочитанных писем. Сказать откровенно, переписываться по «мылу» Конрад не любил и мог неделями вообще не подходить компьютеру, за исключением тех редких случаев, когда, умертвив какую-нибудь очередную злобную, но весьма симпатичную тварь, он ударялся в черную меланхолию и тогда зависал по несколько часов на самом разнузданном порносайте. Последний подобный случай произошел пять дней назад, когда ему пришлось убить потрясающе красивую инфермальную демонессу, по совместительству подвизавшуюся ведущей манекенщицей в известнейшем римском Доме мод. После этого Конрад ушел в глухой запой, на некоторое время совершенно выпав из размеренного течения жизни. Но именно многострадальная спальня господина Майера, обставленная модным дизайнером, в полной мере испытала на себе перепады настроения своего непредсказуемого владельца. И вот теперь он мрачно взирал на шеренгу пустых бутылок из-под коньяка, выстроившихся под кроватью попеременно с алюминиевыми пивными банками, на повисший на люстре носок и примотанную к ручке кресла прядь длинных черных волос,

принадлежавших убиенной демонессе.

– Трофей, мать его! – буркнул рыцарь, чувствуя, как поднявшееся после завтрака настроение опять стремительно скатывается в аут. – Проклятая работа, так ее разэтак! Гребаная жизнь, чтоб ее! И жить неохота, и застрелиться – лень!

Первым делом Конрад послал запрос в банк, интересуясь, переведены ли на его счет деньги, обещанные за убийство демонессы. Вся сумма оказалась в наличии, суля вервольфу по меньшей мере год беззаботной жизни, но при этом – отнюдь не свободной от мрачных воспоминаний и позднего сожаления о загубленной красоте. Ведь красота, в конце концов, тоже имеет право быть злобной. Конечно, легко рассуждать о праведности некоторым вполне благочестивым лицам, занимавшимся богоугодным спасением заблудших душ и тел, которые (лица, конечно) и заказали девицу. Ясно, что сеять доброе, светлое и вечное значительно проще, чем пропалывать его каждый день. А физически и морально обременительная доля прополки всегда доставалась исключительно Конраду.

«Ты обязательно попадешь в Рай, сын мой! – вспомнил вервольф нудные интонации своего заказчика. – Бог по справедливости воздаст тебе за дела!» «Ага, как же! – иронически усмехнулся Конрад про себя, насмешливо салютуя распятию на стене своей «Баварией» и снова потягивая пиво. – Знаем мы, где находятся самые теплые райские местечки. Да, да, именно там – как раз возле Ада! А с моим то хваленым долголетием мне в Рай даже по туристической путевке не попасть! Да, я вообще-то и не тороплюсь...»

К идее существования Рая и Ада Майер издавна относился с изрядной долей скептицизма, предпочитая повторять, что «на тот свет мы завсегда успеем, мы еще и на этом толком не прожили». После многочисленных перипетий своей странной и запутанной судьбы он пришел к неоднозначному выводу, что если Рай и Ад все-таки существуют, то в первую очередь в душе любого из нас. Причем у каждого они принимают сугубо персонифицированную форму, зависящую от особенностей характера и менталитета индивидуума. Ну а пока, не рассчитывая вскорости на получение посмертных апартаментов в виде именного облачка или раскаленной сковороды, вервольф постарался максимально комфортно обустроить свой земной уголок.

Последние десять лет он проживал в старинном и очень живописном районе Рима, выкупив целиком весь верхний этаж добротного построенного семиэтажного здания и создав себе некий закрытый от постороннего доступа пентхаус, имеющий все необходимое, включая бассейн и вертолетную площадку. При этом он дополнительно владел и весьма хорошими конспиративными квартирами в еще нескольких крупных городах Италии, в том числе Венеции, Милане и Неаполе. Но все равно – большую часть времени между выполнением заказов Майер предпочитал проводить именно в шумном и многолюдном Риме, отсыпаясь днем, а ночами отрываясь в компании друзей на знаменитой дискотеке «Буш» на Виа Гальвани. Там всегда предлагали приличную выпивку и закуску, а также совершенно невероятных девиц на любой вкус и цвет – в большинстве своем абсолютно распушенных и неприличных. Впрочем, Конрада это устраивало.

Еще раз недовольно глянув на бардак в спальне и глубокомысленно рассудив, что в период затяжной борьбы с алкоголем ему еще и не такого дербалызнуть доводилось, Конрад вернулся к чтению почты. Первым ему на глаза попалось письмо от некоей Эрвелины, которая в ультимативно-требовательной форме вопрошала, когда же «похотливый лысый козел» соизволит вернуть ее розовые трусики, стоявшие, между прочим, пятьдесят евро. Рыцарь бережно провел ладонью по своей бритой голове, искренне изумляясь, во-первых, странности женского мышления, ибо лично ему никогда не доводилось слышать о существовании лысых козлов (с обвинением в похотливости он согласился сразу и безоговорочно), а во-вторых – странной дороговизне женского белья. Обдуманно взвесив все «за» и «против» и осознав, что столь легкомысленно относящаяся к его прическе и своим трусикам девица не способна чем-либо впечатлить серьезного мужчину, он без зазрения совести навсегда удалил письмо Эрвелины как из памяти системного блока, так и из своей собственной.

Далее он наткнулся на жуткую мешанину из разномастных рекламных объявлений, навязчиво предлагающих приобрести буквально все на свете – начиная от светящихся в темноте презервативов и заканчивая эксклюзивными спортивными автомобилями.

– Спам придумали боги в отместку за наши молитвы! – вполголоса посмеивался Конрад, очищая ящик. – И вообще, чего это я так напрягся? Естественно, за несколько сотен лет способны заржаветь даже самые железные нервы, а безошибочная интуиция рано или поздно даст сбой. Наверное, зря меня зацепило это злополучное местечко – Салуццо... – и в этот самый момент Конрад увидел ТО самое письмо. Совершенно неосознанно он ощутил, как шерсть на его груди встает дыбом, а из горла рвется безудержное волчье рычание.

Наша жизнь представляет собой не что иное, как сумбурное переплетение сложных и подчас совершенно непредсказуемых событий, по большей части спонтанных и неожиданных. Чаще всего мы планируем одно, а на практике получаем совсем другое, и ладно еще, если не диаметрально противоположное. Срабатывает великий постулат: человек предполагает, а Бог располагает. Но так обычно происходит лишь на первый, непритязательный и дилетантский взгляд. На самом же деле все в жизни намного сложнее. Судьба, эта недремлющая пряжа, без устали тклет обширное полотно бытия, увязывая в единое целое, казалось бы, абсолютно несовместимые нити отдельных человеческих жизней. Продуманное свыше переплетение этих нитей и образует объемный рисунок нашего мира. В этой бесконечной картине вполне удачно, хоть и контрастно, сочетаются нити закадычных друзей и непримиримых врагов. Под влиянием ловко снующего ткацкого челнока завязываются узоры любви и ненависти, дружбы и соперничества, складываясь в канву жизни и смерти. Пряжа пристально следит за равновесием вплетаемых нитей, сознательно не допуская утончения или утолщения полотна в сторону Добра или Зла. Ткань бытия должна непременно оставаться однородной, прочной, уравновешенной, целостной и нерушимой. И горе тем дерзким нитям, которые из одного только своего самонадеянного желания вдруг начинают запутываться, рваться или завязываться в узлы, желая лично выплести новый узор. Ибо тогда пряжа-судьба может разгневаться, взять тяжелые железные ножницы и беспощадно вырезать часть уже сотворенной ею ткани, и плохо придется тем зазевавшимся нитям, которые попадут под ее карающую руку. Ибо то, что нам самим кажется всего лишь запутанным и неудачным фрагментом, может в итоге оказаться наиважнейшей частью хитроумно задуманного и виртуозно воплощенного Божьего промысла.

Случается так, что иногда сильнее всего нам мешают именно те люди, которые ни во что не вмешиваются. Гонтор де Пюи давно постиг эту немудреную истину на собственном, весьма прискорбном опыте. Он понимал: его время безвозвратно ушло вместе с эпохой оберегаемых им жизненных принципов, основанных на благородстве, чести, совести и выживании ценой малой крови. Великий магистр никогда не понимал вкуса власти и совершенно не дорожил этим, казалось бы, эфемерным атрибутом своего плотского существования. Рядом с ним всегда были верные друзья и соратники, и даже, какое-то время, любимая женщина. Физический и ментальный мир, окружающий бессмертных «Совершенных», казался незыблемым. О, конечно, первые стригои, четко осознававшие доставшуюся им участь, тоже страдали. От морального падения на душе неизбежно появляются синяки. Но они, стригои-рыцари, сделали все возможное для того, чтобы это падение не стало слишком глубоким и не длилось бесконечно. Они искренне чтити человеческую мораль и жили в соответствии с нормами и принципами, диктуемыми обществом людей. Будучи особенными, они все-таки не стали ярко выраженными изгоями, сумев создать уникальный по своей природе симбиоз, воистину достойный их изначально рыцарской природы. Да, они тоже пили кровь. Но всегда при этом совершали что-то по-настоящему полезное для человеческого сообщества, являющееся равноценной заменой потребленному жизненному ресурсу. И старый рыцарь мог привести немало примеров подобного взаимодействия.

Взять хотя бы ту страшную парижскую ночь с двадцать третьего на двадцать четвертое

августа 1572 года, ночь, ставшую брачной для молодого Генриха Наваррского и прекрасной Маргариты Валуа, но оказавшуюся смертельной для многих тысяч французских протестантов. Среди них, кстати, было немало детей Темного отца унаследовавших кровь Дракулы и бежавших из Румынии. А ведь попадались в рядах протестантов и простые смертные, отвергшие каноничное учение официальной католической церкви. Но кровавая воспитанница иезуитов, королева Екатерина Медичи люто возненавидела и тех, и других. Возможно, сказывалась банальная зависть к ускользающей от титулованной отравительницы молодости и красоте? Но так или иначе, а меловые освященные кресты на дверях стригойских домов не позволили их обитателям выйти наружу и избежать страшной резни, произошедшей в ночь святого Варфоломея. Рыцарь Гонтор де Пюи, уже в те давние времена носивший имя виконта Луи-Клермона де Тюрго, протестантского дворянина из Беарна, используя собственную власть, силу и опыт, сумел спасти наравне со своими собратьями и множество невинных человеческих жизней.

Следует признать, что всю долгую историю возвышения и становления могущественной католической церкви вполне можно считать историй ее многолетней борьбы со стригоями. Борьбы, одинаково измотавшей и утомившей обе стороны. Ватикан яростно подавлял распространение нежелательной ереси, несущей бессмертие тела без участия милости Господа нашего Иисуса Христа или даже вопреки оной. «Цепными псами католической церкви» называли непримиримых врагов альбигойских заветов, создавших Святую Палату инквизиции. Без устали пылали очищающие костры, разожженные в Италии кардиналом-викарием Антонио-Джулио де Сантори и великим инквизитором Микеле Гизлиери, позднее ставшим папой Пием V. Приговоренные к сожжению стригои до отказа заполнили главную ватиканскую тюрьму – мрачный замок Сан-Анжело. Из осужденных не выжил никто. Точно так же свирепствовали угодные Церкви аутодафе и в средневековой Испании, засыпанной пеплом бесчисленных пожарищ, благословленных генеральным инквизитором Томасом де Торквемада. Да Церковь особенно и не стремилась разделить пьющих кровь и обычных грешников, справедливо полагая, что одна форма ереси не сильно отличается от другой. Клич Симона де Монфора, некогда взметнувшийся над стенами Монсегюра: «Бейте их всех, Господь своих узнает!», продолжал зловеще парить над христианским миром.

После Варфоломеевской ночи наступило напряженно затишье, омраченное лишь судом над прекрасной стригойкой – графиней Елизаветой Батори, внушавшей Церкви столь сильный ужас, что ее просто заживо и наспех погребли в стенах собственного замка, объявленного заколдованным. Гонтор частенько задумывался – лежит ли еще хрупкая, рыжеволосая Елизавета в недрах глубокого подвала, замурованная в толстостенный каменный гроб и погруженная в многовековой летаргический сон? Лежит, наверное. А ведь несколько капель свежей человеческой крови вполне способны вернуть ее к жизни...

Спокойный период длился чуть более двухсот лет. Стригои успели окрепнуть и значительно расширить свои кланы. А затем настал судьбоносный 1789 год. Ватикан предпринял новую попытку остановить распространение Детей Тьмы. Безумный провинциальный священник Жан-Луи Жиро, фанатичный сторонник Робеспьера и Дантона, жестоко заклеил погрязшую в лени и похоти, вырождающуюся французскую аристократию. Началась революция. Отныне балом правило принципиально новое изобретение, способное быстро и навечно упокоить сотни и тысячи стригоев – ее величество Гильотина. О, это шло в разрез со всеми устоявшимися традициями и убеждениями. Испокон веков простолюдинов без зазрения совести привычно обрекали на самый плебейский способ казни – удушение через повешение, осужденным же на смерть дворянам элегантно подносили чашу с ядом, растворенным в хорошем красном вине. Но вожди революции знали точно, сколь великое множество стригоев затесалось в ряды утонченной французской аристократии, и поэтому не пожелали рисковать, грубо отсекая головы всем без разбору, не утруждая себя проведением изматывающих судов и следствий. Надежно и чрезвычайно дешево. Принцип Симона де Монфора не подвел и на этот раз. В те годы Гонтору де Пюи

почти чудом удалось избежать участи, постигшей многих казенных стригоев. Он выжил сам, при этом еще и спася немало благородных французов. С тех пор он безвыездно проживал в Риме.

Непрерывно вращающиеся жернова технического прогресса стали слишком весомым и существенным фактором, и Церковь вынуждена была принять во внимание все нарастающий ход развития техногенной цивилизации. Изобретение огнестрельного оружия создало дополнительную угрозу для выживания всего человеческого рода. Пули и порох были способны истребить столь огромное количество жизней, какое не уносили ни инквизиция, ни эпидемии, ни пресловутый стригойский аппетит. Отныне войны велись слишком кровавым способом. То, чего не добились величайшие дипломатические умы, спокойно сотворило последнее достижение современной демократии: винтовка, – перед которой одинаково равны и правые, и неправые. Наступило время перемирия, взаимных уступок и вынужденной адаптации. Так было заключено Соглашение, примирившее Ватикан со скрытным существованием стригоев.

Многие годы силой своего авторитета и умением использовать мягкие уговоры вместо грубого давления Гонтору де Пюи удавалось сдерживать все увеличивающиеся аппетиты значительно разросшихся стригойских кланов. Тихая мышьяная возня среди разрозненных и территориально разобщенных группировок не особенно его волновала, поскольку все они признавали единоличную власть великого магистра. Но так продолжалось лишь до появления Андреа. Пророчество, произнесенное полубезумной, умирающей от кровотечения Изабо д'Ан Марти и казавшееся не более чем бредом выжившей из ума жертвы, неожиданно начало сбываться. Стечение обстоятельств, должное предшествовать исполнению пророчества, всегда выглядело столь странным, что, по мнению Гонтора, больше смахивало на ирреальную фантасмагорию. И, тем не менее, это произошло. Две древние катарские крови, одна из которых служила Тьме, а другая – Граалю, разделенные случайно и непреднамеренно, соединились вновь. На свет появились две сестры – Дочь Тьмы и Дочь Господня, призванные по высшему промыслу судьбы изначально стать непримиримыми врагами, олицетворяющими мирообразующие силы Добра и Зла. Двадцатилетняя Андреа, долгожданный ребенок из рода Дракулы, в полной мере была наделена магией Темного отца, и вокруг нее начали немедленно спланиваться все стригойские кланы. А с той самой поры, как она угрозами и вымогательством завладела древними артефактами – Атономом и кулоном Дракона, власть окончательно ускользнула из рук магистра, отныне оказавшегося в роли никчемного, медленно умирающего старика. Да он и сам призывал смерть на свою седую голову, безмолвно ужасаясь приближению новых кровавых времен. Андреа торопливо устанавливала свои порядки, полностью перекраивая существующий мир и отторгая условия мирного Соглашения. Ничего не подозревающее человечество ожидали страшные потрясения. Согласно пророчеству Изабо, записанному в «Евангелие от Сатаны», наступлению апокалипсиса должны были предшествовать несколько безошибочно узнаваемых признаков. И ранняя и аномально теплая весна, обманчиво радующая жителей Рима, являлась одним из них. Но хуже всего оказалось то, что прозрачно голубеющий февральский небосклон неожиданно прорезало появление огромного, необычно окрашенного метеорита, медленно направляющегося к Земле. То воссияла зловещая звезда, называемая Полынью и знаменующая скорое приближение конца света.

Я согнала с кровати разомлевших от сытости влюбленных и, примерившись, изо всех сил ударила автоматным прикладом в стену, казавшуюся идеально монолитной и однородной. Удар породил гулкое эхо, за перегородкой оказалась пустота.

– Вот видишь! – наставительно подняла палец Оливия. – Я не ошиблась, за стеной скрыт тайный ход!

Натаниэль изумленно выпучил голубые глаза, Ариэлла восхищенно пискнула.

Валькирия решительно закатала рукава, поплевала на ладони и оттеснила меня

накачанным плечом. Против этих перекатывающихся под гладкой кожей бицепсов никакая стена не смогла бы устоять, у этой тоже не имелось ни малейшего шанса. Ловко орудуя ножкой, отвинченной от железной кровати, ангелица с первой попытки проломила фальшивую стену, вздымая облако пыли. Я чихнула. Оливия включила фонарик и посветила в образовавшийся провал. Где-то вдалеке, на уровне первого этажа, журчала вода. Открывшийся нашим взорам узкий облицованный камнем ход круто спускался вниз, в непроглядную темноту подземелья.

– Аллилуйя! – экзальтированно промычал Нат. – Вывести на третий этаж вход в катакомбы – это... это невероятно!

– Страшно! – жалобно протянула Ариэлла, робко заглядывая за обломки стены. – Похоже, этот проход ведет напрямик в Ад!

– Не говори глупости! – фыркнула Оливия, внимательно разглядывая доску с картой. – Я уверена, что с помощью этого прохода мы непременно доберемся до Круглого зала!

– Мне бы твою уверенность! – хмыкнул скептик Нат. – А другие варианты у нас имеются?

– Не-а! – я мягко отодвинула колеблющегося ангела и первая шагнула на лестницу, спускающуюся вглубь провала. – Поторопимся! Думаешь, чем сейчас стригои занимаются? Спорим на бутылку рома, что тоже ищут Грааль!

– Ладно, ладно! – покладисто проворчал друг, вешая на плечо автомат и протягивая руку Ариэлле, не рискующей самостоятельно перебраться через раскуроченные остатки стены. – Убедила! Если уж тебе, Сел, так не терпится сложить голову во славу Божию, то я пойду с тобой и...

– Болтун! – подпихнула его в спину Оливия. – Сразу видна школа выпендрейника Уриэля!

– Уриэль – доблестный воин! – громко возмутился Нат.

– Чистейшая правда! – елеинным тоном издевательски протянула валькирия. – А как ее запятали...

Нат тихонько ругнулся, недобрым словом поминая весь упрямый женский род. Почти выведенная из себя их привычной перебранкой, я только скрипнула зубами и быстро пошла вперед, предоставив ангелам выбор – спускаться вниз или же остаться в спальне и препираться до Судного дня. Спорщики немедленно предпочли первый вариант, прикусив болтливые языки и чуть ли не бегом устремляясь следом за мной.

Давным-давно заброшенный тайный ход оказался местом чрезвычайно неприятным, насквозь пропитанным аурой зловещего мистицизма и почти роковой обреченности. Да еще я совершенно не к месту вспомнила старинные и несомненно имеющие под собой реальную почву предания, что средневековые строители тайных сооружений частенько практиковали весьма распространенную традицию не оставлять живых свидетелей подобных проектов. Готова поспорить – не иначе как и здесь не обошлось без чего-нибудь душещипательного, типа заживо замурованных каменщиков или прикопанных в дальнем уголке излишне любопытных монахов. Бр-р-р, жуть-то какая несусветная! Еще только привидений нам не хватало!

– У-у-у! – дурашливо провыл Натаниэль, очевидно, не менее моего проникшийся заупокойным духом сего прелестного местечка.

– Дурак! – вздрогнула вроде бы не робкая Оливия. – Ща как стукну!

Нат издевательски заржал, довольный произведенным эффектом, но тут же испуганно замолк, потому что порожденное его голосом эхо гулко раскатилось по извилистым коридорам столь глумливо-уродливой гаммой отвратительных звуков, что всем нам стало по-настоящему жутко. Возможно, суеверная Ариэлла оказалась не так уж и неправa, приписывая этим бесконечным переходам совсем не случайную близость к преддверию Ада. Да и могли ли обычные человеческие руки создать столь дьявольский лабиринт?

Мои наручные часы свидетельствовали, что уже около часа мы безрезультатно

блуждаем по запутанным пересечениям сводчатых галерей, совершенно нелогично переходящих в узкие, почти крысиные ходы, нагромождения непонятных комнатшек, забитых заплесневелой рухлядью, и вырытые прямо в земле норы полуразрушенных катакомб. Дверная створка с картой помогала мало. Очевидно, за долгие годы забвения этот потайной подвал частично разрушился и просел, и теперь сильно отличался от своего первоначального варианта. Мы явно двигались в никуда, надеясь лишь на собственную смелость, везение и Божью помощь, хотя сомневаюсь, что последняя способна проникнуть в подобное место.

– Мы все здесь умрем! – обреченно шепнула уставшая Ариэлла, измучено усаживаясь на продолговатый, присыпанный желтой глиной холмик, притаившийся в боковой нише.

– Причем, ты окажешься первой, кого настигнет эта печальная участь! – насмешливо осклабилась Оливия.

– Почему? – вздрогнула Ариэлла.

– Ты сидишь на могиле! – иронично хмыкнула я, эгоистично наслаждаясь явным испугом не в меру трусоватой ангелицы. – Не пора ли тебе отбросить прежние неврастеничные привычки и стать увереннее в себе?

С пронзительным визгом Ариэлла вскочила с холмика. Потревоженный ее резким движением, он начал стремительно разваливаться буквально у нас на глазах, обнажая скорбные останки погребенного под ним мученика. Мы увидели потемневший череп, издевательски осклаивший желтые зубы, и лишенные плоти фаланги пальцев, покаянно перекрещенные на провалившихся, изъеденных червями ребрах. Внезапно среди костей блеснуло что-то яркое. Я заинтересованно склонилась ниже, с отвращением вдыхая сладковатый запах тлена. На шее покойника красовался изумительный красоты крест, выполненный из серебра и усыпанный крупными рубинами. Понимая, что скорее всего совершаю непростительное святотатство, я осторожно приподняла голову усопшего и вытянула витую нашейную цепочку, запутавшуюся в прядях неистлевших, длинных черных волос. Оливия восхищенно присвистнула.

– Великий приор Джулио Винченце, милостью Господа нашего – верховный экзорцист и эрайя! – прочитала я дрожащим от благоговения голосом.

– Sì, синьорина! – победно выдохнула Оливия. – Видишь, я оказалась права! Это тот самый фра Винченце!

Потрясенно икнул Натаниэль.

– Лив, – тихонько спросила я, – а что такое – эрайя?

– А я знаю? – вопросом на вопрос ответила подруга. – И вообще, такие вещи лучше не трогать и мертвых – не грабить, поэтому сейчас же положи крест обратно!

Я согласно кивнула и начала медленно опускать крест на грудь покойника, придерживая за цепочку. Внезапно почва под моими ногами шевельнулась. Истошно завизжала впечатлительная Ариэлла. Я едва успела отпрыгнуть в сторону, как весь участок могильного захоронения пришел в движение и начал проваливаться куда-то вниз, едва не увлекая меня за собой. Покойник прощально взмахнул костлявой дланью и исчез из поля зрения. Процесс оказался необратимым и занял не более пары секунд. Я, не веря собственным глазам, хлопнула ресницами, но на месте недавней могилы уже образовалась глубокая яма, постепенно наполняющаяся мутной водой.

– Обалдеть! – прокомментировала увиденное Оливия. – Похоже, щедрый фра отказался от креста и эффектно презентовал его тебе, художина!

Я с сомнением воззрилась на подругу:

– Ты так считаешь? А...

Но внезапно раздавшийся грохот не дал мне договорить. Пол пещеры закачался. От края бездны, поглотившей останки умершего, заструились тонкие разломы, плавно перетекающие на стены и свод коридора. С потолка посыпались мелкие камни.

– Бежим! – панически заорала валькирия. – Начинается обвал, сейчас все эти потолочные глыбы рухнут нам на головы!

Не сговариваясь, мы резво рванули вперед, торопясь покинуть опасный коридор. Я бежала последней, крепко сжимая в руке серебряный крест.

Испуг и интуиция сделали то, чего не смогли совершить логика и рассудок. Не помню точно, сколько мы бежали. Тяжеленную дверцу от шкафа пришлось бросить, потому что пол под нашими ногами рушился, издавая страшные засасывающие звуки и образуя иззубренные провалы немыслимой глубины. Серая, отдающая тухлятиной жижа заливала ноги по щиколотку, неся с собой трупки дохлых крыс и обглоданные временем человеческие кости. Трубное эхо, созданное нашими испуганными голосами, изощрялось вовсю, пугая адской симфонией не поддающихся идентификации звуков, лишь еще сильнее нас подстегивающих и заставляющих ускорять эту безумную гонку на выживание. Стены за нашей спиной, сложенные из многотонных каменных блоков, сворачивались, будто листы ломкого картона, осыпая плечи острой дробленой крошкой. А иногда, падая и раскалываясь, стены обнажали столь невероятные картины, что я только успевала потрясенно вскрикивать на бегу, отказываясь верить глазам – шокировано расширенным и чуть не вылезающим из орбит. За одним из поворотов внезапно обнаружилась крохотная белоснежная часовенка, прозрачная насквозь и, казалось, целиком выточенная из бесценного алебаstra. Вход удивительного сооружения венчала изящная маска в виде утонченно-печального женского лица, правая сторона которого носила облик юной, прелестной девушки, а левая имела вид безобразной, костлявой старушечьей физиономии. «Господи! – судорожно успела подумать я. – Неужели это и есть давно утерянная Часовня Смерти, о которой мне приходилось читать в запрещенных апокрифических свитках Белой монашеской конгрегации? Но ведь Ватикан объявил слухи о Белых монахах – Братстве смерти всего лишь мистическим вымыслом?» А в другой раз я внезапно узрела ровные ряды стройных надгробий, плавно уходящие вдаль и теряющиеся в темноте. Но кого хоронили в таком странном месте? Ответа на этот вопрос не знал никто из нас. И я невольно задумалась – сколько же еще неизвестных тайн скрывают заброшенные катакомбы, расположенные под аббатством ди Стаффарда? И возможно, оно совсем не случайно было выбрано в качестве обители ангелов и будущих экзорцистов?

Мы мчались из последних сил, жадно хватая воздух широко раскрытыми ртами, задыхаясь и хрипя от прилагаемых усилий. Едкий пот заливал глаза, в боку у меня кололо, перед глазами плыли кровавые круги. Мне казалось – еще один шаг, и я не выдержу, упаду и умру раньше, чем моя предобморочно кружащаяся голова коснется земли. И это несмотря на все ежедневные тренировки под руководством мастера Кацуо! А ведь другим приходилось еще хуже... Наверное, одна только несгибаемая валькирия Оливия могла без вреда для себя выдерживать этот изматывающий марафон. Жалобно стонал загнанный Натаниэль, утомленно всхлипывала неженка Ариэлла. И вот в тот самый момент, когда я поняла, что уже не смогу сделать еще хотя бы один шаг, путь нам неожиданно преградили высокие железные створки. Видимо, ведомые наитием и благим промыслом Божьим, мы все-таки умудрились достичь тайного Круглого зала.

– Стоп! – спокойно скомандовала Оливия, по-моему, даже ничуть не запыхавшаяся. – Да не падайте вы сразу на пол, дурни! Походите медленно, сделайте несколько дыхательных упражнений, а то так и до инфаркта недалеко!

Но, не слушая ее, Ариэлла сразу же рухнула как подкошенная, а Нат, держась за грудь и согнувшись в три погибели, заморенно утирал пот с лица, сыпля отборными ругательствами.

– Да уж, ангел – не птица, летает – и матерится! – язвительно констатировала валькирия.

Я заинтересованно рассматривала огромные ворота, запертые внушительным кодовым замком:

– Кто знает нужную комбинацию цифр?

– Ну, ты даешь, Селестина! – искренне возмутился Натаниэль. – Это же строго засекреченная информация, ею только Самуил с Гавриилом владеют!

– Упс! – разочарованно выдохнула я. – И как быть?

– А вот так! – насмешливо ответила Оливия, неторопливо извлекая из кармана продолговатые брусочки пластида. – С моей точки зрения, так наши архангелы часто делают что-то себе во вред... – она замолчала, занятая прикреплением детонаторов.

– Знаем мы твою точку зрения, – Нат неодобрительно покачал головой, наблюдая за решительными действиями ангелицы, но в глазах у него плескалось с трудом скрываемое восхищение. – Прицел автомата, вот твоя излюбленная точка зрения! Поэтому ты и одинока. Поэтому Уриэль и...

– А ну-ка, хватит языком трепать не по делу! – торопливо оборвала его моя подруга, видимо побаиваясь, что Нат сейчас сболтнет что-то лишнее. – Одиночество – первый признак силы! Геть отседова, все быстренько отходим назад и прячемся вон за тот камень...

Мы торопливо подчинились. Умолившись за прикрытием, я уже в который раз с нездоровым любопытством подметила, что Оливия всегда поспешно пресекает любые разговоры, хоть немного касающиеся ее и Уриэля. А ведь наверняка это неспроста... Но мои отвлеченные размышления прервал Нат, пихнувший меня в бок и глазами указавший на Оливию. И я невольно залюбовалась мастерскими действиями талантливого подрывника.

Валькирию недаром называли богиней войны! В ее движениях сказывался отточенный годами опыт. Подумав несколько секунд, она без колебаний разместила брусочки взрывчатки на поверхности массивных ворот не наобум, как это показалось нам, а по сложной, одной ей известной схеме. Очевидно, она точно высчитала траекторию необходимого приложения ударной волны, способной нарушить целостность столь прочной конструкции. Затем отошла и присела рядом с нами...

– Уши ладонями зажали! – коротко приказал ангелица, достав из жилета маленький пульт. – Раз, два, три! – она нажала на красную кнопку...

Коридор сотряс мощный взрыв. Оливия одобрительно крикнула. Правая воротная створка с надсадным скрежетом вышла из вмурованного в стену паза и криво повисла наискосок к нам, удерживаемая язычком замка.

– Потрясающе! – восхищенно захлопала в ладоши Ариэлла. – Просто супер!

– Мда! – многозначительно протянул Натаниэль. – Аллилуйя!

– Прошу! – сияющая Оливия жестом фокусника указала на взломанные ворота. – Сел, тебе туда!

Я осторожно просочилась в щель между створок, предоставив более габаритным Нату и Оливии немного попытеть, расширяя проход. Круглый зал выглядел совершенно необитаемым, освещенный всего двумя-тремя свечами. Кроме нас в нем не было никого. Исчезли даже ангелы-охранники, денно и ночно несущие почетный караул около Грааля. Строгий лик Христа хмуро взирал с распятия, похоже, весьма недовольный нашей оголтелой самодеятельностью.

«Благослови, Господи! – мысленно шепнула я, торопливо крестясь и виновато шмыгая носом. – Ведь все во благо твое. Защити и помоги недостойным детям своим, дай им силы противостоять жестоким стригоям!» Аскетичное лицо Иисуса, со страдальчески закусенными губами и терпеливо склоненной на бок головой, пошло тенями, и мне показалось, что Господь то ли силится сказать что-то предостерегающее, то ли пытается меня вразумить. Я вздрогнула и невольно попятилась...

– Здесь! – Оливия остановилась возле гранитного куба. – Здесь хранится святой Грааль, который не каждый смертный в руки взять смеет!

– Почему? – тихо спросила я, все еще завороченно не отводя глаз от креста. Но Господь безмолвствовал, видимо, давая понять, что предостережение предназначалось одной мне.

– Лишь архангелы могут безнаказанно прикасаться к Божьей Чаше! – торжественно объявила Ариэлла.

– А как же тогда стригой? – не поверила я.

– Не ведаю, – растерянно моргнула ангелица. – У них есть своя темная магия, нам не

подвластная. Селестина, не медли, доставай Грааль.

Я задумчиво обошла вокруг каменного саркофага, скрывающего реликвию.

– Как же это открыть? Не вижу ничего похожего на замок. Помнится, Гавриил нажимал на какой-то выступ на боковой поверхности куба, но вот на какой именно? Лив, у тебя еще остался пластид? – с этими словами я извлекла из ножен Кайсу и непочтительно постучала им по верхней грани саркофага.

– Да ты что, Селестина! – почти заорал Натаниэль. – Врывать Грааль!

– А бесполезно! – тряхнула гривой волос Ариэлла. – Тут не взрывчатка нужна, а сила Слова Божьего!

– Это как? – не поняла я.

– А вот так! – улыбнулась ангелица. – Сел, ты же избранная Дочь Господня и умеешь творить молитвы. Позови Грааль, он послушается и доверчиво придет в твои ладони!

– Позови? – совсем обалдела я. – Как я его звать-то буду? Кис-кис или цып-цып, что ли?

– А вот это уже тебе виднее! – усмехнулась Ариэлла.

Я задумалась...

– Думай, Андреа, думай! – прекрасная стригойка прижала к вискам тонкие белые пальчики, напрягая изощренный мозг. – Темный отец, помоги, подскажи, как выманить негодную девку в нужное нам место?

Воткнутая в светильник ароматическая курительная палочка тихонько затрещала, испуская невесомое облачко коричневого тумана, отдающего запахом амбры и пачули. Андреа радостно вскрикнула, пристально всматриваясь в сгустившийся дымок. Отец услышал мольбу любимой дочери и пришел на помощь. Облачко расплылось и расширилось, превращаясь в неясную схематичную картинку. Прищурившись, стригойка с трудом рассмотрела изображение своей же пластиковой карточки VISA с ярко вспыхнувшим названием банка. Андреа рассмеялась и радостно прищелкнула пальцами, дымок тут же бесследно развеялся.

– Спасибо, Отец! Как же ты милостив и умен. И почему я сама не догадалась? Этим миром правят деньги, без них проклятая Дочь Господня и шагу ступить не сможет!

Андреа достала телефон, набрала хорошо знакомый номер управляющего банком «Grandi Italy» и, представившись синьориной дель-Васто, в безупречно аристократичной манере попросила не скрывать сведения о последних проведенных ею денежных операциях в Венеции. Магия ее чарующего голоса, как всегда, подействовала безотказно. О, Андреа любила и поистине умела манипулировать людьми!

– Теперь ты знаешь, где меня искать, сестрица! – злобно прошипела стригойка, закончив переговоры по сотовому. – Теперь ты обязательно заявишься в Венецию, причем к самому началу карнавала. Смотри же, не опоздай!» – и она предвкушающе облизнула яркие губы, намеренно выставляя клыки. Большая охота в этом году обещала стать очень приятной!

Я положила руки на каменный куб и закрыла глаза. Что же хотел услышать от меня священный Грааль? Могла ли я сказать что-то важное этой величайшей христианской святыне? В Граале жила частица крови и души Иисуса Христа, он мог даровать бессмертие и силу тем, кого счел достойными этого величайшего дара. Но кто из нас имел право называться справедливым и безупречным носителем искры Божьей? Обрести бессмертие – значило навсегда стать воином христовым, защитником Добра, Веры и неугасимого света Истины. Той Истины, которую нужно было найти в самом себе, взрастить наперекор всем препятствиям и бескорыстно подарить людям. Истина и Бог живут в душе каждого из нас, сподвигая на благие дела. В этом и состоит высшая суть существования любого человека! Молитва родилась независимо от меня, птицей взлетая к своду Круглого зала.

Я искала истину в Раю,
Я в молитвах проводила ночи,
Я постом сушила плоть свою,
И Господь заглядывал мне в очи.

Я искала истину в Аду,
Я вершила тайные заклатья.
Но пророчит совесть мне беду,
И сулит тяжелые проклятья.

Я искала истину в грехах,
Отвергая Демона и Бога,
Но душа расплакалась в стихах,
Истекая рифмами убого.

Я искала истину в любви,
Той, что ярче солнечного света,
Но сомненье вспыхнуло в крови,
Я опять осталось без ответа.

Я искала истину в судьбе,
И она откликнулась ехидно:
«Человече, Истина – в тебе!
Хоть, возможно, это и не видно»

Крышка каменного куба покачнулась и плавно отъехала вбок. Я опустила дрожащие от волнения руки вглубь саркофага и извлекла завернутый в холстину Грааль, с трепетом ощущая исходящее от него тепло.

Глава 10

Испытывая почти непреодолимое чувство острой неприязни, Конрад кликнул мышкой и выбрал неожиданное послание, приведшее его в состояние раздражения и недоумения.

– Что могло понадобиться от меня этим... – вполголоса бормотнул рыцарь, будучи не в состоянии сразу подобрать подходящий эпитет, способный точно передать его неоднозначное отношение к автору полученного письма, – этим чертовым кровососам? Сто лет не общался с Раулем и готов не видеть и не слышать его до второго пришествия Иисуса Христа! Мерзкие они твари, эти стригои! – и Майера передернуло от отвращения.

Нет, он, конечно, и сам был тварью еще той, невольно перешедшей на сторону Зла, проклятой Господом Богом, в полнолуния мучительно жаждущей человеческой крови и плоти, и так далее и тому подобное. Однако при этом он всегда старался соблюдать разумный нейтралитет. Но стригои, по меркам Конрада, вообще стояли вне каких-либо рамок и законов. А вернее, начисто отменяли любые установленные не ими правила, относясь к смертным людям так пренебрежительно, что это граничило с самым оголтелым цинизмом. «Или садизмом!» – нахмурился Майер, отвлеченно взирая на текст письма графа Деверо и силясь заставить себя прочитать хотя бы строчку. Конрад заранее был уверен – ничего хорошего это послание не несло, а вот плохое – запросто, причем, в поистине неограниченном количестве.

Много лет тому назад, ощущая себя одиноким, отвергнутым нормальным обществом изгоем, Конрад попытался сблизиться с крупнейшим из стригойских кланов, номинально возглавляемым Раулем Деверо. План бывшего рыцаря удался, и некоторое время их с графом даже связывали довольно близкие отношения, чем-то напоминающие дружбу двух мужчин,

имеющих примерно одинаковые жизненные интересы и ценности. Но чем лучше узнавал вервольф аристократичного стригоя, тем больше удивлялся его ненасытной кровожадности, давно перешедшей в манию, в самоцель. А еще больше дивился его жажде власти над всем живым и неживым, власти над миром, в котором, по убеждению Рауля, стригои скоро должны были царствовать единолично. И Конрада охватил ужас, постепенно перешедший в открытое неприятие официальной доктрины и менталитета стригоев, а впоследствии переросший в неприкрытое отвращение и ненависть. Майер постарался быстро и бесповоротно разорвать свои отношения с кланом, бесследно испарившись из поля зрения амбициозного графа. И вот теперь Рауль прислал ему письмо!

«Столько лет молчания, равнодушия и забвения, – философски размышлял Конрад, расслабленно раскручиваясь в удобном кресле и пытаясь восстановить ровное биение возбужденного пульса, – и вдруг мне написал сам великий и ужасный граф, правая рука этой их молоденькой повелительницы, за очень короткий срок сумевшей заполучить абсолютную власть. Как же, наслышан, наслышан я об этой их неповторимой синьорине дель-Васто, не иначе как явившейся из самих глубин Ада! Чего это вдруг они обо мне вспомнили? Ведь я никогда не покушался на их распроклятый образ жизни и не давал знать о себе так давно, что они, по идее, уж должны были начисто позабыть о самом факте моего существования. О, они всегда воспринимали меня довольно отстраненно и холодно, пренебрежительно называя несчастным ликантропом, волосатой тварью, не способной совладать с доставшимися мне животными инстинктами. Ну а сами-то они кто, если не жалкие выродки-кровососы, думающие лишь о крови? Что же им от меня понадобилось? Я никогда не вступал с ними в открытую вражду и заказы на стригоев не принимал принципиально. А значит, письмо стопроцентно не содержит угроз или завуалированных попыток свести старые счеты. Что же тогда?» – И будучи не в силах превозмочь овладевшее им любопытство, Конрад повернулся к монитору и принялся читать загадочное письмо.

Найти выход из подвала оказалось довольно просто. Нас вел священный Грааль. Надежно упрятав за пазуху небольшой холщевый сверток, я бдительно прислушивалась к исходящим от него энергетическим импульсам. Да, Чаша Христова и в самом деле являлась чудом из чудес. Мне мнилось, что тонкие стенки деревянного сосуда дружелюбно вибрируют в такт ударам моего сердца, наполняя меня удивительным спокойствием и уверенностью в собственных силах. Мне грезилось – еще миг, и я попросту взлечу над развалинами аббатства, изливая на спящий мир яркие лучи нежности и всеобъемлющего сострадания ко всему сущему. Мне захотелось немедленно творить добро – помочь обездоленным, накормить голодных и обогреть отчаявшихся. Божья благодать вошла в мою душу, настоятельно требуя поделиться ею со всем миром. Отныне меня вел путь воина Христова, до последнего вздоха, до последней капли крови готового отстаивать Господние заветы. И видимо, что-то такое, неземное и необычное появилось в выражении моего лица, что тройка сопровождающих меня ангелов прекратила свои обычные разборки и препирательства, поглядывая по сторонам на редкость смиренно и покаянно. И это тоже было чудом.

Грааль безошибочно выбирал путь среди запутанного нагромождения руин, пульсирующими всплесками тепла указывая правильную дорогу. Вскоре мы достигли разлома в стене, выведшего нас наружу, во двор сгоревшего монастыря. Судя по слегка потускневшим звездам, до рассвета оставалось недолго. Дым ночных пожарищ немного развеялся, окрашивая в серые тона хмурое, уже чуть-чуть светлевшее на востоке небо. От величественного монастырского комплекса остались жалкие развалины, ничем теперь не напоминавшие о прекрасных средневековых строениях уникальной обители ангелов и экзорцистов.

– Там, где проходят стригои, умирает все живое! – со слезами в голосе выдавила Ариэлла.

– Сволочи! – куда более емко припечатала прямолинейная Оливия.

Нат недовольно сопел, сердито и угрожающе хмуря белоснежный лоб. Взгляд его огнем пылающих глаз, словно притянутый магнитом, упорно возвращался к обгорелым остаткам общежития ангелов, ставшего братской могилой для слишком многих его собратьев. Натаниэлю не терпелось покончить с врагами. Меня же сильнее всего беспокоили многочисленные тени, ловко шнырявшие среди развалин. Оставаться во дворе становилось чрезвычайно опасно. Я увлекла друзей в спасительную тень разрушенного портика.

– Слушайте меня! – прошептала я, делая знак всем сблизить головы и не упустить ни слова. – Мы знаем про стригоев следующее: даже высшие из них не переносят некоего часа на закате и восходе солнца. А их отвратительные слуги-морoi и вообще активны только в темное время суток и весь день вынуждены проводить в каком-нибудь затемненном укрытии. Это дает нам пусть сомнительный, но единственный шанс успешно уйти от погони и затеряться в городе. Бежим сейчас, и мы обязательно оторвемся от преследователей в час рассвета.

– А отсидеться здесь до восхода солнца мы разве не можем? – спросила робкая Ариэлла, что есть силы вжимаясь в грудь кирпичей.

– Увы! – огорчила ее я. – Видишь, тени постепенно приближаются. Это значит, что стригои продвигаются в нашем направлении, методично обыскивая всю территорию монастыря. Уверена – они ищут Грааль. И их слишком много. Нужно бежать немедленно, пока нас еще не заметили, и мы сможем избавиться от погони за счет внезапности, ошеломя противника эффектом неожиданности. Это даст нам некоторое преимущество.

– Да! – поддержала меня валькирия. – Я не крыса, чтобы отсиживаться в норе. Лучший способ защиты – это нападение!

– Воинственная ты моя! – криво усмехнулась я. – Нападать мы не станем, а проведем грамотно спланированное тактическое отступление. Хорошо?

Оливия нехотя наклонила голову, вынужденная ответить согласием.

– У тебя есть план? – спросил Нат, озираясь по сторонам. – Тогда излагай его скорее, время не ждет!

– Предлагаю разбиться на две группы и сбить противника с толку, – принялась растолковывать я, стараясь, чтобы мои доводы прозвучали предельно кратко и убедительно. – Ты спасаешь Ариэлла, а мы с Оливией – Грааль. Вы добираетесь до Салуццо на автомобиле, а там встречаемся на центральной площади у фонтана. Жду вас ровно на рассвете.

– В Салуццо? – ахнул Нат. – Но на чем? Стригой сожгли все наши машины!

– Не все! – прошипела я. – Мой «фиат» стоит в лощине за домиком мастера Кацуо, я специально отогнала его туда вчера, собираясь смотаться с Оливией на ночную дискотеку. Вот и пригодилось мое злостное нарушение монастырской дисциплины. Бери! – я вытащила из кармана связку ключей и сунула ее в ладонь ангела. – И запомни: у фонтана!

– А вы? – жалобно шепнула Ариэлла. – На чем поедете вы?

Я усмехнулась.

– Первым эту лощину облюбовал наш сексуально озабоченный милашка Уриэль, любитель поздних прогулок по женским монастырям! Я уверена, он летал туда отнюдь не на своих распрекрасных крыльях, и даже не на крыльях любви...

Оливия вполголоса рассмеялась.

– Ты права, для этого наш пижон слишком ленив!

– Ну, значит договорились, – с облегчением подвела итог я. – На счет три выскакиваем из убежища и бежим вниз по склону холма, к домику сенсея!

Друзья согласованно кивнули, полностью одобряя предложенный мною план. Я неторопливо начала отсчет, мысленно прикидывая, все ли я учла, не забыла ли чего?

– Один – два – три. С Богом, вперед!

Текст письма оказался следующим:

«Я, граф Рауль Деверо, от имени великой повелительницы стригоев – ее милости синьорины Андреа дель-Васто, приветствую свободного охотника, рыцаря Конрада Майера. Ситуация вынуждает нас воспользоваться вашими услугами. Если господин Конрад соизволит принять заказ на поимку интересующей нас особы с последующей транспортировкой ее в особняк главы клана, то наша благодарность будет безгранична и подкреплится выплатой любого вознаграждения, сумму которого вы можете установить сами. С уважением – Р.Д.»

К письму прилагался постскрипtum, корректно уведомлявший: «Настоятельно советуем не отказываться от столь выгодного предложения».

Прочитав сие послание, Конрад совершенно рефлекторно потянулся к банке с пивом, отхлебнул и задумался так надолго, что уставший ожидать его решения компьютер ушел в глухую непонятку, на всякий случай прикрывшись аляповатой картинкой скрин-сервера. Наконец Майер глубоко вздохнул, смял в ладони опустевшую банку и решительно наступал короткий ответ: «Какую особу требуется изловить?»

Деверо откликнулся незамедлительно:

«Рыжеволосую послушницу аббатства ди Стаффарда, что расположено в предместье захудалого городишко Салуццо, именуемую Селестиной дель-Васто, а чаще – Дочерью Господней. Существенно – девица нужна нам живой и невредимой».

Конрад громко присвистнул. «Кто она?» – коротко спросил он.

Последовала откровенная фраза: «Экзорцистка и дальняя родственница синьорины Андреа».

Сказать, что рыцарь испытал шок – означало не сказать ничего. Он так и не смог придумать правдоподобное объяснение того факта, как экзорцистка, да еще избранная Дочь Господня, каким-то поистине невыразимым образом смогла вдруг оказаться родней стригоям, оставаясь при этом человеком и правоверной католичкой. Подобный случай не имел известных Конраду прецедентов и вполне мог считаться экстраординарным. Чувствуя, что он каким-то боком вдруг совершенно случайно оказался замешан в событиях, способных повлиять на дальнейшую судьбу всего человечества, Майер отправил еще одну фразу: «Вы готовы оплатить мои услуги по высшему тарифу?»

«Да», – такого ответа он и ожидал.

Пальцы Майера, замершие на клавиатуре, мелко задрожали. Он просто не посмел взять и вот так сразу, безоговорочно поверить в выпавшую ему удачу. Конрад давно уже знал о существовании редкостного артефакта, согласно греческой легенде – некогда хранившегося в знаменитом храме Артемиды Эфесской и способного избавить любого оборотня от пагубного влияния лунных циклов. И он также слышал о том, что заветный талисман попал в лапы стригоев, весьма им дороживших. Следовало действовать решительно, но осторожно. А точнее, безупречно дипломатично. Ведь именно дипломатия и является тем редкостным умением так виртуозно и незаметно послать в задницу любого собеседника, чтобы услышать в ответ не ругань, а благодарное «спасибо».

«Видимо, девица значит для вас очень много. В качестве оплаты я желаю получить то, что имеет для меня равную ценность!» – выдвинул требование Конрад.

«Амулет Луны, вы его получите», – пообещал Рауль.

Конрад откинулся в кресле, буруеваемый противоречивыми эмоциями. С одной стороны, заветный талисман даровал бы ему новую жизнь, а с другой – он отлично понимал, что Дочь Господня напрямую связана с Граалем и недавней, горячо обсуждаемой средствами массовой информации резней, учиненной стригоями в Салуццо. Ввязаться в это предприятие – значило влипнуть в неприятности, подобным которых в его беспокойной судьбе еще не случалось. Но Грааль всегда оставался именно той вещью, которая стала прямой причиной гибели его братьев-тамплиеров и бесповоротно изменила дух и тело самого Конрада. Майер отчетливо понимал, чем может закончиться для всего мира эта новая, чудовищная афера стригоев. Да ничем хорошим! Ведь тогда-то, заполучив Чашу Христову в свои загребушие лапы, кровососы уж точно устроят кровавый террор всем, кого не сожрут сразу.

Глаза Конрада заблестели. Его переполняли гнев и странная горечь, а вместе с тем слабая надежда на то, что непредсказуемая фортуна наконец-то повернулась к нему лицом, предоставив уникальную возможность искупить все совершенные грехи и вернуться в лоно христианской церкви. А жажда искупления намного перевешивала его желание получить амулет Луны. Нет, определенно, он непременно должен участвовать в этом странном деле, чутко анализируя и контролируя ход событий.

«Я согласен», – отписал Майер.

«Отлично! – ответил граф Деверо. – По нашим сведениям, девица сейчас направляется в Венецию. Встретимся там. Высылаю фото. Благодарю за согласие сотрудничать».

Конрад долго рассматривал изображение, выползшее из щели принтера. Худошавое девичье лицо, обрамленное густой копной медно-рыжих кудрей. Высокий чистый лоб, нос с горбинкой, брови взлет над прозрачными, изумрудно-зелеными глазами. Симпатичная, но не более того. К примеру, до шикарных красоток в «Буше», ей далеко. Но было в этом лице нечто такое, что мгновенно запало в очерстневшую душу Конрада, вызывая неосознанное желание спасти, защитить, сохранить рыжеволосую незнакомку. Некая одухотворенность, похожая на надлом раненого сердца, и удивительное свободолюбие, подобное порыву, зовущему в полет перелетных птиц...

– Селестина! – тихо промолвил Конрад, привыкая к необычному имени и бережно укладывая портрет девушки в прозрачную пластиковую папку. – «Небесная» значит! Ну-ну... – он отключил компьютер и пошел собирать дорожную сумку. Самолет на Венецию вылетал через два часа.

Я всегда считала, что Бог дает нам разум исключительно для того, чтобы благополучно разрешать возникающие в жизни проблемы. Но в пику всем моим наивным убеждениям оказалось, еще и для того, чтобы эти самые проблемы создавать. Как это мгновенно выяснилось на практике – хорошие мысли, безусловно, способны приходить в мою голову, но почему-то они делают это совершенно не вовремя и с огромным опозданием, способным стать роковым. Бег по открытой местности, да еще под ливнем пуль, является самым дурным и опасным занятием, которое только можно придумать. В полной мере я осознала всю несостоятельность своего идиотского плана лишь тогда, когда получила в защищенную бронежилетом спину несколько пуль, чуть не сбивших меня с ног. «Офигенные синяки мне обеспечены!» – совершенно не к месту подумала я, хотя какие там к черту синяки – радовалась бы, что жива осталась!

– Стрелять по ногам, брать их живыми! – спохватившись, громко заорали за нашими спинами.

Рядом болезненно вскрикнула Оливия.

– Ты ранена? – испугалась я, оборачивая к подруге разгоряченное от бега лицо.

Валькирия взбешенно зарычала, оскаливая крупные, безупречно белые зубы.

– За собой последи, худобина! Ерунда, по икре вскользь задело, пустяковая царапина! – Она обернулась и ответила короткой автоматной очередью. Кто-то коротко вскрикнул.

– Вот так вам! – удовлетворенно рыкнула ангелица, умудрившись изобразить пальцами правой руки лаконичный, но весьма обидный жест. – Уроды, трупоеды ночные!

Мы вихрем летели вниз по склону кажущегося бесконечным холма, мысленно молясь об одном – только бы под ступню не попал какой-нибудь злополучный камень. Ведь именно такие случайные мелочи способны менять ход истории, стирая хрупкие жизни людей, будто ластиком с бумаги. К счастью, все обошлось.

Я не понимала, почему стригои так стремятся захватить нас живыми? Снайперами они оказались никудышными, и тактика стрельбы по ногам себя не оправдала. Впрочем, неужели я жалею о промахи своих врагов? Пули во множестве свистели вокруг нас. Оливия все порывалась остановиться и принять бой, но я упрямо тянула ее за рукав, ругаясь сквозь зубы на неумную воинственность своей агрессивной подруги. Ангелица вырывалась и отвечала отнюдь не смиренно. Ариэлла тоненько визжала на одной нудной ноте, напоминая

работающую электродрель, но при этом так быстро переставляла стройные ноги, что Натаниэлю приходилось напрягать все доступные ему силы, чтобы не отстать от любимой.

– Нат! – возмущенно заорала я. – Кончай юродствовать! Хватай Ариэлла, поднимайся на крыло и лети к машине. Нас не жди...

Ангел сильно хлопнул себя по лбу, напрочь забывшему о дарованном ему умении летать.

– В лепешку разобьюсь, но до машины долечу! – он мгновенно подхватил легонькую как перышко Ариэлла и резко взмыл вверх.

– Вот дурак-то, прости меня Господи! – хохотнула Оливия. – Пора бы мне перестать надеяться на то, что мужчины способны когда-либо поумнеть!

– Почему? – невольно изумилась я, сбиваясь с шага.

– Потому что это самая опасная форма оптимизма! – осклабилась циничная валькирия, вовремя подхватывая меня под локоть и не позволяя упасть. – Мужчины, они же как дети. Или неисправимые дураки... – как-то не очень логично добавила она, провожая взглядом удаляющегося Ната.

– Кто как обзывается, тот сам так и называется! – донеслась с неба наивная реплика.

– Никогда не спорь с дураками, – наставительно добавила я, пытаюсь сдержать глупый смех, совершенно не уместный в подобной ситуации. – Иначе люди могут не заметить разницы между вами.

– А то ж! – серьезно закончила Оливия, подмигивая с заговорщицким видом.

Крутой спуск закончился, резко перейдя в небольшую, заросшую низкорослыми вишневыми деревьями лощину. Я всегда считала это укромное местечко самым красивым на всей территории аббатства. Но так было до сегодняшней ночи. Стригои не пощадили тонкие раскидистые стволы, густо усеянные первыми, едва отошедшими от зимней спячки листочками и пышными гроздьями божественно благоухающих, нежных бело-розовых бутонов. Посетив в последний раз мастера Кацуо, я запомнила его ухоженный садик именно таким – буквально охваченным неповторимой вьюгой только что распустившихся цветов сакуры. Никогда в жизни я не видела более прекрасного зрелища. Но так было до сегодняшней ночи. Потому что сейчас мирная картина изменилась разительно. Стволы деревьев почернели и обуглились, а от изящного домика осталось несколько убогих головешек, еще курившихся едким черным дымком. Моя трепетно взлелеянная сказка погибла безвозвратно. А чуть поодаль от того места, где ранее начинались ступеньки крыльца – лежало тело моего учителя, грубо прошитого длинной пулеметной очередью. Сухонькая ладонь старика все еще упрямо удерживала рукоять старинной катаны, оставшейся верной своему хозяину даже после смерти. Так вот о какой неразрывной связи меча и человека втолковывал мне учитель! Лицо сенсея Кацуо носило отпечаток искреннего удовлетворения и странной покорности судьбе. Так обычно выглядит человек, честно выполнивший возложенную на него миссию. Я глухо вскрикнула и упала на колени подле трупа великого мастера иайдо. Он все-таки не отступил, не сдался, а дорого продал свою жизнь. Рядом с почти разорванным пополам телом старого японца небрежно валялись три обезглавленных трупа, скорчившихся и безобразных, еще сжимавших в руках обнаженные рапиры. Видимо, лишь огнестрельное оружие смогло противостоять мастерству опытного самурая.

Губы мои задрожали, слезы горя выступили на глазах и потекли по щекам, превращаясь сначала в два ручья, а затем и в бурный поток. Я зарыдала в голос, не в силах сдержать отчаяния, вызванного гибелью любимого учителя, ставшего для меня другом и воспитателем.

– Идем! – жалобно попросила Оливия, подхватывая меня подмышки и насильно поднимая на ноги. – Нас догоняют. Не думаю, что Кацуо одобрит, если ты разделишь его участь. Я уверена, он готовил тебя не для этого.

– Прощайте учитель! – тихо произнесла я, наклоняясь к мертвому телу, в последний раз целуя его в лоб и закрывая веки выпуклых черных глаз, задумчиво смотрящих в небо. –

Пусть примет вас богиня Амаэрасу, наша лучезарная покровительница. А я, – я подняла голову к блекнущим звездам, предчувствующим скорое приближение рассвета, – я отомщу ...

– Идем! – торопила меня ангелица. – Ему уже ничем не поможешь!

Я еще раз оглянулась на развалины покинувшей меня сказки, пытаюсь посильнее ожесточить осиротевшее сердце, и побежала дальше. О, клянусь – когда-нибудь я найду того, кто убил сенсея Кацуо и самолично прослежу, чтобы его черная душа отправилась напрямик в Ад!

Приближаясь к тому месту, где я обычно оставляла машину, мы услышали лишь пронзительный визг шин и удаляющийся рев двигателя.

– Они успели! – улыбнулась валькирия. – Это хорошо!

– А мы? – спросила я. – Думаешь, я не ошиблась и Уриэль нас не подведет?

– Ну-у-у, – злопамятно протянула подруга, – я бы не стала излишне полагаться на этого хвастуна и бабника, но кажется – ты оказалась права, смотри! – она откинула в сторону несколько наваленных на дерево ивовых веток и восхищенно присвистнула. – Этот пижон Уриэль всегда выбирает самое лучшее!

Я подошла ближе. В тени низкорослого бука, почти склонившегося к земле и образовавшего своей пышной кроной некое подобие естественного гаража, стоял великолепный «Кавасаки-Вулкан» – мощный мотоцикл с объемом двигателя в полторы тысячи кубических сантиметров. Призывно поблескивали никелированные детали, хищно серебрились обтекаемые бока грациозно вытянутого корпуса, призывно темнело удобное сиденье – обтянутое натуральной кожей. Идеальное слияние красоты, силы и скорости.

– Это же зверь, а не машина! – влюбленно выдохнула Оливия. – И бензину полный бак и ключ на месте. Едем!

– А ты умеешь его водить? – опасливо спросила я, усаживаясь на второе сиденье и обхватывая подругу за талию.

– Спрашиваешь! – усмехнулась Оливия, опуская стекло шлема. – Держись крепче! Ну что, покажем стригоям высший пилотаж?

Я проказливо ухмыльнулась.

– Нас могут убить. Ты не боишься? – наиграно равнодушно спросила Оливия, выжимая рукоять газа. Мотоцикл взревел, будто все демоны Ада.

– Не боюсь! – выкрикнула я, наклоня голову и пряча лицо за плечом подруги. – Лучше семь раз погибнуть, чем один раз подохнуть!

– Ну, тогда аллилуйя, как любит говорить Нат! – рассмеялась Оливия. – С нами – Бог!

Сухие комья земли веером брызнули из-под колес, ветер ударил мне в лицо, заставляя прижмуриться от удовольствия. «Вулкан» подпрыгнул как живой и могучим рывком вынес нас из лощины, навстречу приближающимся преследователям.

Наше эффектное появление верхом на впечатляющем стальном коне стало полной неожиданностью для совершенно не ожидавших ничего подобного стригоев. А они-то наверняка уже праздновали победу, загнав нас в укромную лощину, заканчивающуюся хорошо просматриваемыми склонами двух холмов, образующих закрытый тупик. Стригоев было четверо. Распрекрасный граф Деверо собственной персоной в роли главнокомандующего, вооруженный лишь рапирой, а с ним – трое тяжело оснащенных боевиков, один из которых небрежно держал на плече ручной армейский гранатомет. Мы встретились лоб в лоб. Сворачивать оказалось некуда.

– Ой, мать божья! – только и успела пискнуть я, утыкаясь лицом в широкую спину Оливии.

–! – вдохновенно выдала подруга, налегая на рукоять газа.

Я совсем близко увидела бледную растерянную физиономию графа Деверо, медленно открывающего рот и силящегося родить какую-нибудь подходящую к ситуации команду. Гранатометчик упал на одно колено, наводя на нас массивное дуло страшного оружия.

– Нет! – опомнившись, жутко заорал граф. – Не убивать!

Стрелок нервно покачулся. Я вжала голову в плечи. Оливия пронзительно взвизгнула истошным ведьминым визгом.

– Дави! – дико, не своим голосом завопила я.

Оливия радостно гыкнула и газанула до предела...

Переднее колесо мотоцикла вильнуло вправо, сбивая с ног зазевавшегося парня с автоматом, в шоке смотревшего на нас панически расширенными зрачками. Хрупнули ломаемые кости, окровавленное тело стригоя сложилось пополам и бесформенным кулем отлетело в сторону.

– Вообще-то я имела в виду – дави на тормоз, – виновато пробормотала я, оглядываясь назад.

Но в этот момент гранатометчик опомнился, мстительно выкрикнул какую-то неразборчивую фразу, дернулся и выстрелил... Что-то воющее, окатывающее волной нестерпимо раскаленного воздуха пролетело нас самыми нашими макушками, врезалось в склон холма и расцвело бутоном оранжевого пламени. Мою спину ощутимо обдало жаром и ужасом: смерть не дотянулась до нас всего лишь на полметра. «Вулкан» тяжело завибрировал всем корпусом, норовя завалиться на бок, но Оливия невероятным усилием сумела удержать, а затем и выровнять мотоцикл. Я шумно выдохнула. Мимо промелькнуло взбешенное, мертвенно-бледное лицо графа, стремительно уплывая назад.

– Оторвались! – хрипло шепнула Оливия. – Господи, спасибо тебе – оторвались...

Я предпочла промолчать, мучимая здравыми сомнениями. По-моему, наши неприятности только начинались.

Скоростной «Вулкан» неумолимо пожирал километры пути. До Салуццо оставалось не так уж далеко. Небо над нашими головами постепенно наливалось топазовой дымкой приближающегося рассвета. Звезды гасли одна за другой. На горизонте уже смутно маячили высокие шпили городской ратуши. Тишину пустой трассы нарушили гулкие удары колокола собора Сан-Бернардо, призывающего прихожан на утреннюю мессу.

– Пять тридцать утра! – шепнула я, наклонившись к уху подруги. – Солнце взойдет примерно через двадцать минут...

Оливия проводила мрачным взглядом тележку молочника, наполненную опрытными бидонами и запряженную понурым сонным осликом, очевидно – направляющуюся на городской рынок.

– Вот ведь как оно бывает, – пробило на философию меня, – столь мирная картинка обыденной сельской жизни ничуть не вяжется с бойней, произошедшей в аббатстве.

– Вся жизнь – война! – сдержанно пожала плечами Оливия. – А мы на ней – солдаты. Ты Чашу-то не потеряла?

– Нет, – я бережно поправила за пазухой сверток с Граалем. – Конечно, нет. Но все равно бред какой-то получается! Подумай сама – мы с тобой на краденном мотоцикле, одни, на ночной дороге, с Чашей Христовой... Черт, да Гаррисон Форд в роли отважного Индианы Джонса нервно курит в стороне!

– Ну, – справедливо возмутилась валькирия, – предположим, что транспорт мы не воровали, а взяли на прокат. А насчет бреда – чего только на войне не случается...

– Мда, – задумчиво протянула я, отводя рукой растрепавшиеся волосы и начиная смутно проникаться осознанием того, в какую нереальную историю мы влипли. – Боюсь, это еще цветочки, ягодки нас ждут впереди.

– Стригоев бояться – в Рим не ходить! – криво усмехнулась Оливия.

– Почему это в Рим? – удивилась я.

– Ну, как же? – в свою очередь опешила подруга. – Грааль нужно срочно доставить в Ватикан, ты же сама хотела сделать именно это?

– Э-э-э... – я просто разрывалась между двумя важнейшими китами своего сознания: «хочу» и «должна». – Может, чуток повременим с Римом и отправимся в Венецию к братьям

госпитальерам за недостающей информацией?

– Больная ты на всю голову, худобина! – мрачно констатировала валькирия. – Носиться из города в город с Граалем, на который стригои итак уже начали слетаться, как мухи на мед, это же настоящее безумие! Того и гляди, погоня объявится... – она не успела закончить начатую фразу. Мирное спокойствие едва зарождающегося утра разорвала громкая автоматная очередь.

– Вот дьявол! – возмущенно выкрикнула ангелица, прибавляя скорости. – Помяни нечистых тварей. и они сразу же тут как тут. Дождались!

Я обернулась. Нас догоняли два черных джипа с тонированными стеклами. Из окна одного из них угрожающе торчал вороненый крупнокалиберный ствол.

– Гони, Лив! – заорала я.

Мотор «Вулкана» обреченно взревел, вытягивая из своего железного нутра все подвластные ему лошадиные силы. Но автомобили не отставали, уверенно сокращая разделяющее нас расстояние. И тогда я решилась.

– Лив, сворачивай влево! – требовательно скомандовала я, указывая нужное направление рубящим взмахом ладони. – Срежем по полям. Другого выхода нет, на шоссе они нас догонят через пару минут. Я знаю короткую, но давно заброшенную дорогу, идущую через виноградники и подземный туннель. Он выведет нас прямо к городу, а уж там они не осмелятся нападать на нас прямо под носом муниципальной полиции.

– Наивная! – недоверчиво пробурчала подруга, тем не менее послушно сворачивая с трассы. – Как же, держи карман шире – не осмелятся!

«Вулкан» съехал с асфальта и запрыгал по ухабам. Два джипа последовали за нами.

Дальнейшая сцена весьма ненадежно сохранилась в моем возбужденном сознании, поражая гротескной пародией на дешевый голливудский боевик, при создании которого режиссер и сценарист значительно сократили бюджет фильма, вульгарно сэкономив на спецэффектах и привлечении квалифицированных каскадеров. Примитивное подобие дороги, идущее через поле, петляло безбожно. Я намертво вцепилась в жилет Оливии, рискуя слететь с сиденья вместе с ним. Мотоцикл бросало из стороны в сторону, иногда укладывая на бок и почти вытряхивая из нас душу. Ангелица на все лады поносила стригоев, я вынужденно молчала, потому что при очередном прыжке нашего стального коня прикусила язык. Позади сдавленно рычали моторы джипов, выражая возмущение абсолютно непроходимой местностью. Преследователи так и не оставили идею во чтобы то ни стало нагнать нас. Иногда у меня создавалось впечатление, что все это происходит не с нами, а с некими сумасбродными киношными персонажами, всерьез решившими расстаться с жизнью, причем весьма болезненным и обременительным способом.

– Господи! – вдруг совершенно не своим голосом выкрикнула Оливия. – Нам конец...

Я заглянула вперед, через ее плечо и завизжала. Дорога впереди резко обрывалась, прегражденная глубоким извилистым оврагом, на дне которого валялись обломки бетонных блоков, ржавой стальной арматуры и прочий строительный хлам. Страшный провал отделял нас от начинающегося за ним спасительного туннеля, ведущего на скоростное шоссе до Салуццо. Преодолеть неожиданное препятствие было равносильно самоубийству. Но мы не остановились...

– О-о-о! – самозабвенно закричала Оливия, сильным рывком задирая вверх руль мотоцикла.

– А-а-а! – отчаянно завопила я, начисто забывая о прикушенном языке и мысленно прощаясь с жизнью.

«Вулкан» птицей взлетел в воздух, содрогнулся всем корпусом и мгновение спустя успешно и даже относительно мягко приземлился на противоположный край оврага.

– Ну, ни хрена себе аттракцион, полеты во сне и наяву! – потрясенно выдала Оливия.

Первый из преследующих нас джипов не сумел затормозить, свечкой взмыл над оврагом, тяжело перевернулся вверх колесами и громоздко рухнул вниз, напоравшись на балки, ровным слоем устилающие его дно. Сначала до нас донесся жирный чмок удара, а

затем раздался приглушенный хлопок взрыва. Пламя взвилось до небес. Второй джип сначала опасно завис на самой кромке обрыва, но затем, жутко скрипя тормозами, умудрился таки отъехать назад, на безопасное расстояние...

И в этот миг, совершенно неожиданно, золотистое солнце – не по-весеннему раскаленное и жаркое, резво поднялось над вершинами Альп, заливая землю спасительными потоками животворящего света. Я увидела, как быстро потемнели и так густо тонированные стекла автомобиля, изнутри закрываясь плотными планками металлических жалюзи. Джип превратился в неприступный ковчег, надежно оберегающий от смертоносных солнечных лучей скрывающихся в нем стригоев.

– Поехали, – Оливия приглашающе похлопала меня по плечу. – Их сейчас из машины и консервным ножом не выковырнешь. Воспользуемся удобной возможностью и смотаемся подальше.

Мы выбрались на шоссе и взяли курс на Салуццо.

«Первый раунд за нами!» – подумала я, мстительно желая стригоям подохнуть как можно скорее, заживо сварившись в своем плотно закупоренном джипе.

Главную городскую площадь патриархального Салуццо испокон веков украшал позеленевший от времени бронзовый фонтан, изображающий ангела с печально поникшими крыльями и кувшином, из которого изливалась струя прозрачной холодной воды, поступающей из артезианской скважины. По каменному, влажному от брызг парапету чинно расхаживали важные голуби, недовольно косившиеся бусинками глаз на странную парочку, усевшуюся на бортике и совершенно не обращающую внимания ни на что вокруг. Хотя вполне вероятно, что птиц привлекали не сами влюбленные, а кусок пшеничного багета в пальцах у девушки, наполовину объеденный и раскрошенный. А то, что юноша и девушка были влюбленными, не вызывало ни малейшего сомнения. Юноша частенько и весьма заботливо поглядывал на девушку – чумазую, в испачканном пеплом камуфляже, а сама она и вообще практически не сводила с него восторженных глаз.

– Милая Ариэлла, – увещевал высокий белокурый юноша, – умоляю тебя, успокойся. Поверь, Селестину и Оливию не так-то просто взять не только голыми руками, но даже с применением ракет «земля-воздух»!

– Да-а-а! – плаксиво тянула пепельноволосая очаровашка, тонкая и хрупкая, как тростинка. – Но стригоев там слишком много. Что могут сделать две беззащитные девушки против кучи мерзких кровососов?

– Беззащитные? – картинно поднял бровь Натаниэль. – Ты сказала – беззащитные? – он заржал демонстративно звонко, перегибаясь через бортик фонтана, дрыгая ногой и чуть не падая в воду. – Ну, Селестина, конечно, еще туда-сюда, но Оливия – это же настоящая чума, а не баба!

Ариэлла насмешливо фыркнула.

– Ой, ладно тебе ерничать, я прекрасно знаю, почему ты с ней постоянно пикируешься. А все из-за того, что Уриэль...

Нат оборвал подругу ненатуральным покашливанием:

– Дорогая, давай не будем вступать в сердечные проблемы моего патрона, он с ними и без нас разберется!

Ангелица равнодушно пожала красивыми плечиками:

– Да ради Бога!

Нат обеспокоенно наморщился, возбужденно ерзая на мокрых камнях.

– А ты не думала, что все произошедшее с нами этой ночью – судьба? О, – он горделиво расправил плечи и выпятил грудь, – я всегда подозревал, что мне уготована высшая доля, роль избранного воина Христова, призванного охранять святой Грааль... И вот судьба сама пошла мне навстречу, предоставив шанс проявить себя.

Девушка иронично фыркнула в кусок багета.

– Милый, ты слишком экзальтирован! Я намного старше тебя и по опыту знаю – если

судьба идет к вам навстречу – значит, вы движетесь в противоположных направлениях. Судьба – та еще стерва, и совсем не факт, что она готовит тебе возможность проявить себя во всей красе. Скорее ты сложишь свою буйную голову в грядущей войне со стригоями...

– Стригой пи... – грязно выругался Нат, добавив еще несколько крепких словечек и в сердцах ударяя кулаком по парাপету. Голуби возмущенно всплеснули крыльями.

– Какое точное определение, браво Нат! – раздался насмешливый женский голос, и к парочке неторопливо подошли еще две девушки, отличающиеся столь же неопрятным внешним видом.

– Аллилуйя, вы живы! – радостно воскликнули Нат и Ариэлла, бросаясь обнимать вновь прибывших.

Глубиная стая прожорливо накинута на всеми позабытый кусок хлеба.

– Ну, Нат, ты и отмочил! – весело хохотала я, безмерно восхищенная его выпадами в адрес мерзопакостных стригоев, в настоящий момент вынужденных отсиживаться в затемненной машине, спасаясь от прямых солнечных лучей.

Ангел скромно потупился, на самом деле заметно обрадованный моей похвалой.

– Он прав, – ухмыльнулась Оливия, – кровососы – редкостные извращенцы!

– Ой, мужчины, почему же вы так люто ненавидите геев? – утрированно слащавым голосом манерно пропищала я, складывая губы бантиком и делая глупое лицо. – А ведь они вас так любят, так любят...

Нат прыснул. Ариэлла засмеялась в голос. Оливия смотрела на меня со снисходительной заботливостью, как любящая мать на малое, несмышленное дитя. «И эта проказница и есть избранная Дочь Господня, осененная небесной благодатью? – читалось в ее насмешливо прищуренных глазах. – Что-то не шибко верится!»

Со стороны мы, грязные и ободранные, наверное, производили на редкость несуразное впечатление: обликом вполне смахиваем на беженцев, чудом выживших при авианалете, но смеемся и балагурим, словно расшалившиеся дети. На наше счастье, было еще слишком рано, город только начинал просыпаться, распахивая запертые на ночь ставни и отключая уличные фонари. А мы... Мы в то время, пожалуй, и не думали, что это последние спокойные минуты, предваряющие грядущие горести и испытания, и оставались именно детьми, пока еще не разучившимися непредвзято радоваться любой незначительной мелочи.

– Хорошо, – я похлопала в ладоши, призывая друзей взять себя в руки и стать серьезнее, – посмеялись и хватит. Пора приступать к решительным действиям. Двигаем на вокзал и покупаем билеты на поезд...

– Идем, – Нат уже зашагал вниз по улице, но остановился, недоуменно оглядываясь на неподвижно стоящих девушек. – А в чем, собственно, проблема?

– Ох уж эти мужчины! – страдальчески закатила глаза Ариэлла. – А вы еще называете нас легкомысленными. У нас же нет денег!

– Упс! – покаянно развел руки ангел.

Банк открывался в восемь, но я достала из кармана сотовый и позвонила управляющему. Вполне могла позволить себе такую бестактность, ведь вклад моего семейства составлял немалую долю среди общего финансового капитала нашего небольшого городка. К моей просьбе отнеслись со всем вниманием. Дорога до крыльца банка заняла у нас минут десять. За это время господин Мориотти успел умыться, натянуть щегольский столичный костюм в полоску, делающий его похожим отнюдь не на преуспевающего финансиста, а скорее на лихого американского гангстера, и подкатить к ступенькам местного отделения «Grandi Italy».

– Дорогая синьорина дель-Васто! – он ничем не выдал изумления, вызванного моим непрезентабельным внешним видом. – Рад вас видеть! – управляющий демонстрировал безупречные манеры. – Прошу! – он услужливо распахнул стеклянную дверь, пропуская меня вперед, и почти под ручку сопровождал в свой шикарный кабинет.

Ангелы скромно устроились на диванчике, молча смакуя напитки, предложенные

господином Мориотти, и по всей видимости – не намереваясь вмешиваться в нашу сугубо деловую беседу.

– Милая Селестина! – банкир усадил меня в удобное кресло и выжидающе воззрился на мою исцарапанную физиономию.

Я постаралась напустить на себя как можно больше мечтательности и легкомыслия.

– Господин Мориотти, наша семья всегда доверяла вашему банку и вот уже не одно десятилетие предпочитает проводить все финансовые операции с помощью вашего чуткого и компетентного посредничества!

Управляющий польщено поклонился:

– Я всегда к вашим услугам, синьорина дель-Васто!

– Вы так милы! – льстиво мурлыкнула я. – Но, увы, обстоятельства складываются таким неожиданным образом, что я вынуждена срочно и, очевидно, надолго покинуть родовое гнездо...

– Но зачем? – невоспитанно перебил меня господин Мориотти, настороженно поглядывая в сторону тройки ангелов, сейчас сильно смахивавших на группу террористов, захвативших меня в плен и требующих непомерного выкупа. Ангелы ответили дружными белозубыми улыбками, натянутыми и вымученными до невозможности. Управляющий закашлялся.

Я поторопилась успокоить бдительного банкира.

– Я всего лишь планирую длительную поездку в Рим с целью... – тут мне пришлось напрячь воображение, – продолжить полученное в монастыре образование!

Оливия глухо гыкнула. Я украдкой показала ей кулак.

– Ах так, – расплылся в восхищенной улыбке финансист, – но это же совершенно меняет дело. Теперь я в полной мере понимаю причину нашей экстренной встречи и всей душой ободряю ваши планы. Учиться – это так естественно в вашем юном возрасте. А для поездки вам, конечно же, понадобится немалая сумма денег!

Я подтверждающе кивнула, про себя благословляя сообразительность и тактичность опытного банкира. Как удачно получилось – он все сказал за меня!

Я получила пластиковую карточку, дающую свободный доступ к значительной части моего фамильного состояния, чековую книжку и большую сумму наличностью. Я уже собиралась раскланяться и покинуть любезного банкира, как вдруг господин Мориотти наклонился ко мне с самым доверительным выражением ухоженного лица:

– Дорогая Селестина, вы, конечно, помните, что совсем недавно существенно поистратились, несколько сократив сумму своего счета?

– Я? – я чуть не подпрыгнула от испытанного шока. Ведь я-то отлично знала, что не покупала ничего дорогого в последние полгода.

Брови банкира недоуменно сошлись на переносице.

– Ну как же, неужели вы забыли? Покупка, совершенная в Венеции! Мы недавно обналичили чек, подписанный синьориной дель-Васто, – и он предъявил мне банковскую бумагу.

Я содрогнулась. Мне никогда еще не доводилось посещать Венецию, а подпись на чеке ничем не отличалась от моей собственной, совпадая с ней идеально – до мельчайшей черточки и загогулилки.

Банкир смотрел выжидательно. И тут до меня дошло. Я внезапно поняла, какая личность, так же называемая синьориной дель-Васто, могла снять с семейного счета столь крупную сумму. Проклятая стригойка, якобы приходящаяся мне сестрой. И эта тварь проживала в Венеции...

Я непринужденно рассмеялась:

– Ох уж эта печально знаменитая девичья память, объемом в ноль-один килобайта! Простите меня, господин Мориотти, я все вспомнила. Конечно, я совершила эту покупку. Это был, – я врала очень вдохновенно и смотрела на банкира так правдиво, – это был потрясающий антиквариат!

Финансист умиленно просиял и поцеловал мою руку:

– Удачного вам путешествия, милая Селестина!

Мы откланялись и поспешно покинули гостеприимного управляющего.

Едва за посетителями захлопнулась стеклянная, отделанная дубом входная дверь, как все показное спокойствие мигом слетело с господина Мориотти. Он загнанно перевел дух, ослабил тугой узел модного галстука и почти бегом бросился к стационарному телефону. Палец его дрожал, несколько раз промахиваясь мимо нужных клавиш, но в итоге ему все-таки удалось набрать заветный номер.

– Да! – сухо ответил грудной и властный женский голос.

Банкир почувствовал, как по его вспотевшей спине прошла тягучая судорога холода и страха:

– Не извольте волноваться, госпожа, я в точности выполнил ваше указание! – робко пролепетал он в трубку, по-собачьи преданно затаив дыхание и трепетно ожидая заслуженной похвалы.

– Про Венецию ей сказал? – отрывисто спросила женщина.

– О, да! – почти выкрикнул банкир, подобострастно и радостно. – У нее даже глаза загорелись!

– Молодец! – голос в трубке очаровывал, почти ощутимо обещая что-то упоительно сладострастное. – Я этого не забуду.

Управляющий совсем задохнулся от безумного восторга, сползая на пол и пуская слюни.

Далекая женщина догадливо хмыкнула и отключилась.

Господин Мориотти обморочно закатил глаза, свободно раскидываясь на ковре, переживая бурный эмоциональный и плотский экстаз. Магия Андреа давно сделала из него бездумного раба, до гроба преданного своей прекрасной хозяйке.

Город потихоньку просыпался. Я спустилась с высокого крыльца банка и прищурила глаза, раздраженные ярким солнечным светом. В кармане приятно шелестели денежные купюры, недавние проблемы отошли на задний план, а жизнь снова казалась чертовски привлекательной штукой. «Нужно бы купить солнцезащитные очки», – подумала я и злорадно вспомнила стригов, томящихся в черном джипе. Да нет, конечно, у них там кондиционер есть и прочие блага цивилизации, но разве можно отказать себе хотя бы в кратковременном духовном удовольствии, во всех подробностях представляя мучения злейшего врага? Да это же святое дело! А в какой-то умной книге мне недавно встретилась интересная теория о том, что тщательно взлелеянные мысли имеют свойство овеществляться. Так что от всей души желаю графу Деверо дотла сгореть в геенне огненной!

Пачка евро, зажатая в кулаке, вернула меня к реальной действительности. Пора, однако, подумать и о себе, а вернее, обо всех нас. Из кофейни напротив тянуло умопомрачительным запахом благородной арабики и ароматом только что испеченных подрумяненных круасанов. Оливия печально потянула носом и шумно сглотнула.

– Ты же на диете! – напомнила я ей, насмешливо подмигивая. «Лишь бы это не прозвучало как издевка!» – запоздало проскочило в голове.

– Приучал цыган кобылу не есть, – печально процитировала подруга, виновато опуская глаза и ковыряя асфальт носком замызганного ботинка. – Совсем было привыкла коняга к голодухе, да... – она трагически замолчала.

– Что да? – с любопытством спросил Нат.

– Да сдохла! – возмущенно рывкнула валькирия. – Жрать хочу, сил нет! Интересно, какие дураки придумали эту диету?

– Почему дураки? – не понял ангел. – Ты хотела сказать, дуры?

Ариэлла захихикала, ожидая дальнейших разборок.

– Женщины истязают себя голодовкой ради того, чтобы понравиться мужчинам! –

наставительно произнесла Оливия.

– Ничего подобного! – небрежно отмахнулся Натаниэль. – Скажу тебе по секрету, настоящие мужики вообще предпочитают пухленьких дам. Да и с чего ты взяла, что худая корова превращается в стройную лань? А заезженную легенду про худобу сочинили неудачники, подобные тебе. А все из-за того, что Уриэль...

Оливия зарычала, даже не пытаясь скрыть своего гнева.

А я в который уже раз задумалась, не понимая, что могло связывать мою воинственную подругу и самовлюбленного архангела?

– Пухлых, говоришь! – многозначительно скривилась Ариэлла. – Ну, ну...

– Черт! – огорченно выдал болтливый ангел. – Вот я и подпалился! – глаза его смеялись.

Валькирия смотрела хмуро.

– Всё, всё, – я махнула рукой, пытаюсь сдержать подкатывающий к горлу смех. – Убедили, идем спасать Оливию от нервной анорексии!

Тем времени на улице начали появляться первые прохожие, торопливо спешащие на работу или по каким-то другим, сугубо личным делам. Некоторые изумленно поглядывали на нашу колоритную компанию. Оставаться на открытом месте становилось неблагоприятно.

– Так, – серьезно произнесла я. – Отряд, слушай мою команду! Первое – не забываем прикрываться Словом Божьим, дабы никто случайно не увидел крылья Натаниэля или наше оружие. Второе, срочно дуем в бутик за новой одеждой. Вперед, шагом марш!

Мы ввалились в крупный магазин готовой одежды и разбрелись по отделам. Через полчаса в фойе состоялось настоящее дефиле мод. Совершенно не сговариваясь, Оливия и Натаниэль выбрали абсолютно одинаковые костюмы: длиннополые кожаные плащи и брюки, бледно-голубые хлопковые рубашки и остроносые ковбойские сапоги. Да и сами они походили друг на друга, как сиамские близнецы – оба высокие, белокурые, с правильными чертами безупречно красивых лиц. У Оливии волосы заплетены в две толстые косы, у Ната – свободной волной полощутся за широкими плечами. Правда, ангелу пришлось немного подпортить новый плащ, сделав на спине две прорези для крыльев. Все в комплекте смотрелось просто потрясающе – нежные, будто лебединые перья на фоне черной лаковой кожи. Я даже немного пожалела, что люди не могут увидеть это фантастическое зрелище. Но Слово Божье, дарованное Господом своим небесным сынам и прочим верным соратникам, надежно укрывало от посторонних взоров и крылья ангела, и наше многочисленное оружие, делая их невидимыми для глаз обычных смертных. А то не будь защитной ауры – вот фурор бы приключился, настоящая сенсация: ангел свободно разгуливает по городу!

Особо не изощряясь, я последовала примеру друзей и предпочла одеться в надежную и комфортную кожу. Подобрала себе ботфорты до колена на устойчивом квадратном каблуке, но обдуманно заменила плащ на курточку до талии – чтобы удобнее было носить за поясом Кото и Кайсу. И еще, идя на уступку своему якобы аристократическому вкусу, купила белую шелковую рубашку мужского покроя, отделанную кружевными воланами в стиле мадам Помпадур. Одна лишь Ариэлла остановила свой выбор на короткой юбочке, нарядившись в стильный джинсовый костюмчик и замшевые ботиночки на умопомрачительной шпильке. Влюбленная женщина – что с нее взять! Мы с удовольствием оглядели друг друга с ног до головы, обмениваясь исчерпывающими репликами, типа «класс!» и «клево!»

Затем мы отправились в ту самую кофейню, которая несколько ранее поколебала волю нашей фигуристой валькирии. Диета тут же оказалась забыта напрочь. Мы успокоились лишь после того, как перепробовали весь обширный ассортимент предлагаемой в кафе выпечки и выпили несколько литров крепкого кофе. Оливия со вздохом сытого удовлетворения расслабленно откинулась на спинку диванчика, немного покаянно рассматривая свою тарелку, усеянную крошками от съеденных пирожных. Мечта о похудании благополучно скончалась, утонув в масляном креме и взбитых сливках.

– Да сию я на диете, си-жу! – оправдывалась Оливия, украдкой пряча в карман

шоколадные конфеты. – Только иногда, это, – подпрыгиваю!

Я скромно сжевала бутерброд с сыром, потому что чревоугодие никогда не входило в число моих излюбленных грехов. Да и нужно было держать марку, соответствуя данному мне прозвищу – худобина. Уверена, упитанная Дочь Господня смотрелась бы слишком пикантно, больше смахивая на героиню пошлого комикса! Нат с Ариэллой надолго увлеклись терамису и яблочным штруделем.

– Воистину, лучший друг человека – это холодильник! – убежденно признала Оливия, ковыряясь в зубах.

– Аллилуйя! – неразборчиво поддержал Натаниэль, плотно завязнувший в солидном куске десерта.

– Поели, можно и поспать! – интимно прожурчала его милашка, привлекаясь поглядывая на ангела.

– Хм, ну не знаю, какой особый смысл вкладывает в это предложение Ариэлла, но отдохнуть бы и точно не помешало, – я действительно не возражала против нескольких часов полноценного сна. Ведь прошедшая ночь выдалась на редкость утомительной. – Покупаем билеты на поезд до Турина, падаем на полки в купе и дрыхнем без задних ног!

– А из Турина – куда дальше? – быстро спросила Оливия.

Я одарила ее недовольным взглядом:

– В Венецию, конечно!

– В Рим! – упрямо возразила подруга.

– В Венецию!

– Нет, в Рим!

Так мы препирались до тех пор, пока Нат с Ариэллой не переглянулись и поддержали меня.

– Едем в Венецию! – категорично потребовал Натаниэль.

– Ой, глядите, кто осмелел! – язвительно ощерилась Оливия. – Никак нашего красавца на подвиги потянуло. Тебе жить надоело? Ну какой резон очертя голову соваться в это стригойское гнездо?

– Мне нужна информация, – хмуро буркнула я. – Без нее я чувствую себя очень неуютно. словно смотрю невесту какую по счету серию затяжного боевика, пропустив весь первый сезон. Признаюсь – ни фиги не понимаю. А как можно принимать правильные решения, не владея необходимой информацией? Мне срочно требуется поговорить с госпитальерами и наконец увидеть эту мою сестрицу-стригойку!

– Любознательная ты больно, в ущерб себе, – хмыкнула Оливия, смиряясь с моим планом. – Гляди, как бы она тебе кровушку-то не повыпустила!

– Аллилуйя, ставлю на Селестину! – стукнул кулаком по столу Нат. – Да она этой кровососке на ходу голову открутил и клыки повышибет!

Оливия скептически хмыкнула, окидывая меня оценивающим взглядом.

– Ой, что-то я в этом сильно сомневаюсь! Не советую Сел так необдуманно рисковать здоровьем. Его уж точно потом в бутике не купишь.

– Кто не рискует, тот не пьет шампанского. Вердикт окончательный, бесповоротный и обжалованию не подлежит: едем в Венецию! – с видом третейского судьи провозгласила Ариэлла.

Ее фраза сильно смахивала на тост, поэтому мы дружно чокнулись чашками с остывшим кофе, решив остановить свой выбор на Венеции и более не спорить.

Как известно, от судьбы не уйдешь. Она в любом случае плавно подведет тебя к удобному лишь ей одной решению, соблазняя громкой славой, головокружительными приключениями и в придачу всеми чудесами мира одновременно, упакованными в обманчиво праздничную обертку возможности свободного выбора. Как же, держи карман шире – вот как раз выбора-то у тебя не будет! Однако уйти от судьбы все-таки можно и только одним способом – убегая, лавируя и надеясь на сопутствующие тебе зигзаги удачи. Но удача – добыча верткая, и далеко не каждый способен ее поймать, а тем более приручить

и удержать в своих загибающихся руках. А самонадеянность, присущая молодости, в таком щекотливом деле – отнюдь не самый надежный помощник и советчик. Жаль, тогда я этого еще не понимала. За что и поплатилась впоследствии.

Мы взяли два двухместных купе. Спрашивается, зачем нам с Оливией бестактно мешать истосковавшимся по уединению влюбленным? Меня настораживала одно – а вдруг валькирия имеет неприятную привычку храпеть по ночам? Впрочем, спать хотелось так сильно, что я в любом случае вырублюсь как мертвая раньше, чем успею головой коснуться подушки.

Я сидела на мягкой вагонной полке, мерно покачиваясь в такт плавному движению поезда, почти уже убаюканная ритмичным постукиванием колес. Из кондиционера веяло прохладой, ненавязчиво бубнило радио, через задернутые оконные занавески просачивался приглушенный свет. Возникла почти позабытая ассоциация с моей монастырской спальней, да еще с приснопамятной ночью искушения Натаниэля, положившей начало нашим приключениям.

Доставшееся нам с Оливией купе оказалось на редкость уютным. Неугомонная подруга куда-то убежала – то ли к проводнику, то ли в санузел. Жутко хотелось пить. На столике с накрахмаленной салфеткой красовались запечатанная бутылка минеральной воды «Эвиан», вазочка с рафинадом, чай в пакетиках, пачка печенья и упаковка мармелада. А вот стаканов или чашек почему-то не нашлось. Может, забыли принести? «Пойти попросить!» – мелькнуло в голове. Но лень и усталость накрепко припечатали меня к велюровой обивке сиденья. Пить хотелось все сильнее. Странно, я и сладкого-то совсем не ела! Почти не осознавая, что делаю, двигаясь как в тумане по какому-то слепому наитию, я извлекла из-за пазухи священный Грааль, освободила его от холстины, раскупорила бутылку с водой и набулькала в Чашу Христову немного пузырящейся жидкости. Вода вяло плескалась между деревянных стенок, отливая серебром. Я засмотрелась на игру пузырьков, медленно всплывающих на поверхность. Помнится, меня уже неоднократно посещали смутные видения, являющиеся то в купели со святой водой, а то и просто в оставшихся после дождя лужах. От медитативной сосредоточенности немного кружилась голова. В Граале мелькнуло нечеткое изображение полыхающего огнем распятия и заживо сгорающего на нем человеческого тела, прозрачного сосуда странной формы, а затем все заслонили настырные мужские глаза – карие, окруженные пушистыми ресницами. Потом я видела саму себя, опутанную пудовыми цепями, и вот меня поднимают в несколько когтистых рук, куда-то несут и опускают в огромный каменный гроб... От спонтанно нахлынувшего ужаса я вскрикнула и вздрогнула, чуть не расплескав крепко зажатую в руках Чашу. Видения исчезли. Я словно выплыла из обморочного сна. Вполголоса посмеиваясь над своими расшатавшими нервами, я поднесла воду к губам и жадно, в два больших глотка до дна осушила Чашу Христову...

Вода оказалась вкусной. В меру холодной, чуть сладковатой, танцующей на языке сотнями весело лопающихся пузырьков, не уступая по насыщенности и аромату лучшему шампанскому. На душе немедленно стало светло и радостно. Всю мою сонливость как рукой сняло. Я только собиралась налить себе еще, как вдруг раздвижная дверь купе бесшумно отъехала вбок. Но это оказалась не Оливия. На пороге напряженно застыл высокий худощавый мужчина средних лет со стянутыми на затылке длинными седыми волосами. Его серые холодные глаза вперились в меня с такой пронзительностью, что я сразу же ощутила себя святотатцем, неосмотрительно совершившим что-то недозволенное. Я замерла на месте, стискивая Грааль в потных пальцах...

– Испила, значит, из Чаши-то без спросу и разрешения? – сварливо осведомился мужчина, сверля меня обвиняющим взглядом.

– Кто вы такой? – сбивчиво пролепетала я. – И что вам здесь нужно?

Но загадочный незнакомец равнодушно проигнорировал мои растерянные вопросы.

– Видать, от предначертанного не уйти, как ни пытайся! – еще недовольнее буркнул он, хмурая густые брови. – Вот ведь оно как неожиданно вышло! Но подействовало ли? А это мы прямо сейчас и проверим...

– Что? Как? – успела робко пискнуть я, забиваясь в угол.

Но мужчина не обратил ни малейшего внимания на мой очевидный испуг. Он внезапно выхватил из кармана своего черного мешковатого плаща тяжелый пистолет и, не тратя времени на объяснения, выстрелил мне в висок...

Часть вторая

Глава 1

Натаниэль богохульствовал, импровизируя страшно, витиевато и весьма эмоционально. Такие ужасные слова совершенно не подобают и обычному смертному человеку, а уж в безгрешных устах крылатого сына неба кажутся и вовсе дикостью несусветной. Но ангел не стеснялся никого и ничего, не терзался угрызениями совести, не сдерживался и уж тем более не пытался подобрать более пристойные эпитеты. Да и к чему это теперь было?

– Ужас, кошмар, все кончено... – захлебывалась рыданиями Ариэлла, уткнувшись в скомканную салфетку, сдернутую со столика купе. На коленях у нее покоился Грааль, вновь надежно завернутый в холщовый лоскут. Ковровую дорожку на полу усеивали осколки посуды и обломки немилосердно растоптанного печенья. Раздавленная упаковка мармелада жалко закисло в лужице воды «Эвиан». У закрытой двери грозно высилась Оливия, пребывающая в совершенно невменяемом состоянии. Ее сильные пальцы надежно обхватили шею седоволосого незнакомца, подняв вверх и легко удерживая на весу его худощавое тело. Мужчина судорожно дергался, силясь отыскать утраченную опору, мелко перебирал ногами в добротных ботинках и сдавленно хрипел. Разговаривать он не мог. А впрочем, что могли дать эти уже никому не нужные разговоры?

– Гад! – с ненавистью шипела Оливия, приблизив пылающие гневом зрачки к побагровевшему лицу преступника и втискивая его в створку запертой двери. – Подонок! Зачем ты это сделал?

В ответ жертва засипела еще непонятнее и отчаянно замахала связанными руками.

– Ты еще чем-то недоволен? – ангелица с нескрываемым удовольствием заехала коленом в самое средоточие мужского достоинства седовласого незнакомца. Страдалец тоненько взвыл и обмяк в ее мощных руках, обморочно закатывая глаза...

– Лив, чего ты с ним возишься? – Нат выдохся, видимо, полностью исчерпав весь набор известных ему ругательств, и теперь жаждал перехода к активным действиям. – Кончать его надо. За Сел... – и он перевел затуманенный горем взор в угол велюрового дивана.

Она лежала недвижимо, свернувшись аккуратным комочком, трогательно беззащитным и невероятно хрупким. Нежная фарфоровая кукла с застывшим прозрачно-белым лицом, наполовину прикрытым рассыпавшимися рыжими волосами. Мертвая Селестина, еще носящая улыбку доверчивого удивления на алых, не успевших посинеть губах, еще не остывшая и не закостеневшая. Гибкое тело, не утратившее иллюзию жизни – мягкое, теплое и прекрасное. Длинная волнистая прядка стыдливо прикрывала аккуратную дырочку в правом виске, из которой вытекло на удивление мало крови. Всего несколько капель...

Оливия застонала от непереносимой муки, разрывающей ее преданное сердце, и перевела вопросительный взгляд на ангела, бессильно сжимающего кулаки.

– Могу его застрелить, – на удивление спокойно предложила она. – Только ведь этот мерзавец и после смерти напакостить умудрится – все купе нам кровью зальет!

– Пофигу, убивай! – настойчиво потребовал Натаниэль, злобно ухмыляясь. Сейчас его красивое лицо с криво закушенными губами казалось отталкивающе-безобразным. Оно пугало. – Шлепни его, Лив, иначе я сам ему глотку перегрызу...

– Но за что? – горестно всхлипнула Ариэлла. – За что он ее убил?

– Это я во всем виновата! – ударилась в самобичевание Оливия. – Я опять захотела есть, отлучилась за стаканами и оставила Селестину одну. А ведь я отсутствовала не более десяти минут.

Натаниэль заскрипел зубами:

– Как бы там ни было, но этот выродок должен немедленно умереть! Это самое малое, что мы можем сделать для Селестины – отомстить за нее! Аллилуйя!

Обе ангелицы согласно закивали.

Так и не отпуская едва начавшую осознавать действительность жертву, Оливия расстегнула кобуру и вытащила «Беретту». Подумала мгновение и решительно приставила дуло пистолета ко лбу злодея, злорадно замечая обильно выступившую испарину страха. Мужчина умоляюще выкатил серые глаза и протестующе засипел. Оливия ухмыльнулась.

– Гори в Аду! – ее палец лег на спусковой крючок...

– Не надо, Лив, отпусти его! – хрипло прозвучало из угла купе.

Ангелы обомлели.

Оливия рефлекторно разжала хватку, и освободившийся незнакомец, судорожно хватая воздух широко разинутым ртом, звучно шмякнулся на пол. Не доверяя собственным ушам, ангелица медленно обернулась.

Сначала она увидела белого как полотно Натаниэля, одной рукой поддерживающего лишившуюся сознания Ариэлла, а второй – безостановочно крестящегося мелкими суетливыми движениями. А потом ее панически вытаращенные глаза плавно переместились на мертвую подругу. Вернее – на ту, которая еще мгновение назад выглядела хладным и неподвижным трупом. Но сейчас Селестина эффектно восседала на упругих диванных подушках, изящно подогнув под себя обутую в сапог ногу и задумчиво склонив растрепанную голову.левой ладонью она оперлась на пребывающий в совершенном беспорядке столик, а согнутыми пальцами правой – сосредоточенно копалась в простреленном виске. Такого противоестественного зрелища не выдержали даже закаленные нервы валькирии.

– Чур меня! – сипло выдавила Оливия, ощущая странный звон в голове и неприятный комок тошноты, поднимающийся из желудка. – Изыди, Сатана!

– Лив, ты чего, пирожных до умопомрачения объелась, что ли? – недовольно спросила недавняя покойница, вытягивая из головы пулю и с облегчением бросая ее на пластиковую поверхность столика. – А это еще что за дрянь? У меня от нее мигрень началась.

Плохо сфокусированным взглядом Оливия проводила смертоносный кусочек свинца, медленно катившийся по нежно-голубой столешнице. Окружающий мир неожиданно утратил четкость, раскачиваясь все сильнее и быстро превращаясь в хаотическую мешанину разноцветных полос.

– Мамочка! – успела напоследок выдохнуть валькирия, опускаясь точно на седовласого незнакомца, и первый раз в жизни упала в глубокий обморок.

Ранняя весна уже властно заявляла о своих законных правах, к полудню наполняя мир упоительным теплом и всепроникающими потоками хрустально-чистого солнечного света. Нежные перистые облака легко скользили по голубому небу, невесомые и праздничные, будто платье для первого причастия. Сумерки тоже были теплыми и чарующими, словно созданными для предвкушения интимного ночного свидания. Но на этом границы весны заканчивались. Ночь по-прежнему принадлежала зиме, все еще неся холод и разочарование. И если день всегда олицетворял победу светлых сил, вознося возвышенный гимн добру и справедливости, то ночь неизменно оставалась верна одной себе, без остатка растворяясь в темном колдовстве inferнальных существ, составляющих единое целое с жестокостью и Тьмой. Ночь принадлежала стригоям.

Гонтор де Пюи протянул унизанную перстнями бледную руку, поднял медвяно благоухающее кленовое полено и бросил его в камин. Жадные языки пламени немедленно

вгрызлись в желанное подношение, взвиваясь узкими красными ленточками. Прищуренные глаза «Совершенного» неотступно следили за древним священнодействием, испокон веков завораживающим дух и разум человека. Огонь напоминал ему саму жизнь, безостановочно пожирающую все новые и новые людские тела, подпитывающие бесконечный процесс рождения и смерти. И магистру совсем не хотелось, чтобы этот величайший круговорот неожиданно оборвался, неразумно остановленный дерзкой женской рукой. Рукой его внучки Андреа...

«Нужно делать добро из зла», – немного пафосно напомнил себе Гонтор, откидываясь на спинку кресла и любуясь прогоревшими углями, синевато отсвечивающими сквозь тонкий слой серого пепла. Камину удалось ощутимо нагреть небольшую комнату, прогоняя из нее холод ночи. Из комнаты – но отнюдь не из сердца и души старого рыцаря. Ибо там безысходно царила многолетняя осень, не подвластная чарам наступающей весны. Осень – неоднократно уступавшая место суровой, выюжной зиме. А старый рыцарь слишком не любил зиму, чтобы послушно смириться с ее властью. Поэтому он излишне часто жег бесценные дрова своей души, пытаясь хоть немного отсрочить наступление вечных холодов. Он умел делать добро из зла, немного замедляя приближение страшных времен. Раньше это ему удавалось. Раньше, но не сейчас.

«Добро можно создавать из чего угодно, – продолжал размышлять де Пюи, пытаясь отыскать в себе каплю былой смелости. – Ведь оно существовало всегда, даже в самую темную эпоху. Нужно только научиться видеть и находить его везде, а зло – наш неизменный спутник, наша черная тень – пусть знает свое место. Я мечтал о том будущем, когда счастье станет доступным для всех, достанется нам практически даром. И тогда никто уже не уйдет обиженным. Но я просчитался – обиженные найдутся всегда. И никуда от этого не деться, ибо счастьем невозможно наградить всех без исключения. Счастье всегда возникает за счет чьей-то жизни – но многие лицемерно отворачиваются от этого факта и уходят прочь – счастливые, вечно молодые и бессмертные. Но ведь и они тоже платят за свою долю счастья, сами того не замечая – или не желая замечать. Платят способностью любить, жалеть, видеть прекрасное... Получается, что счастье никому не дается даром. Да и зачем нам такой подарок, какой от него прок? Право на счастье нужно заработать, а не высасывать вместе с чужой кровью. Его нужно взрастить в самом себе, а не украсть или купить... – Гонтор почти задохнулся от внезапно нахлынувшего осознания того, как сильно он испортил свою жизнь. – Я потерял все, ради чего стоило жить, – сказал он себе, заливаясь просветленными слезами умиротворения и облегчения, – я запутался в переплетении миражей и потерялся сам. Но теперь я прозрел...»

«Совершенный» поднялся и подошел к музыкальному центру, установленному на невысокой тумбочке и снабженному мощными колонками. Гонтор категорически не воспринимал все эти современные машины, но стереосистему терпел, преодолевая свои принципы ради одной единственной песни. Он нажал на кнопку, с удовольствием понаблюдал, – как оживает стеклянная панель, расцветиваясь россыпью красных огоньков эквалайзера. Динамики восхищенно вздохнули, словно были одушевленными, а потом из них полились чарующие переливы флейт, разбавленные серебряным эхом проникновенной арфы. Женский голос, грудной и страдающий, запел отчаянную песню любви и прощания.

Опять разлили в воздухе хрусталь,
И то ли дымка, то ли просто просинь.
Клин журавлиный улетает вдаль,
А вслед за ним тотчас приходит осень.

Тоска незримая струится между строк,
И мы с тобой любви в душе не носим,
Пора, мой друг, нам подвести итог,
А вслед за ним тотчас приходит осень.

Рябины цвет зарделся ярче губ,
Мы до весны слова любви забросим,
Последний стих как заморозок груб,
А вслед за ним тотчас приходит осень.

Ты здесь, со мной, но вроде – не со мной,
Мы расстаемся, мы тепла не просим,
Конец любви, обычной и земной,
А вслед за ним тотчас приходит осень.

Наш первый снег – как траурный покров,
Как акростих, что я пишу для друга,
Прощаясь с ним дыханьем нежных строф...
А вслед за мной тотчас приходит вьюга....

Иногда Гонтор жалел, что слова этой удивительной песни написаны не им – песни, невероятно созвучной его мечущейся, разочарованной душе. Песни, невероятно схожей с его судьбой и сущностью. Ведь он точно так же провожал птичьи стаи и ушедшую любовь, безропотно сносил расставания и потери, искал и не находил. Великий магистр слишком долго жил в вязком тумане осени, чтобы не попытаться остановить наступление беспросветной зимы. Гонтор протянул дрожащую руку, вынул из проигрывателя диск с песней и сломал его пополам. Динамики издали протяжный крик горя. Одинокая слезинка сожаления и раскаяния скатилась по впалой щеке старого стригоя. Вместе с диском «Совершенный» сломал и свою неудавшуюся жизнь, лишаясь права на отступление и сжигая за собой мосты. Теперь он готовился принять свой последний бой, пытаясь сотворить добро из того единственного, что принадлежало ему всегда – из зла и Тьмы. Магистр поднял со стола трубку сотового телефона и медленно простучал по клавишам, набирая короткое сообщение. И это тоже стало вызовом неудавшейся судьбе. Теперь де Пюи оставалось одно – ждать ее ответного жеста...

Гонтор расправил сутулые плечи, надел шляпу и вышел из комнаты быстрой уверенной походной человека, принявшего правильное решение. Время колебаний закончилось.

В начале было слово. Но, судя по тому, как события стали развиваться дальше, слово это явно носило весьма неблагоприятный характер.

– ... – похабно выдавала я, обеими руками держась за больную голову. – И что здесь такое происходит?

Представшая передо мной картинка выглядела похлеще падения вавилонской башни. Содом и Гоморра в одном флаконе. Разлитая вода, расколота посуда, растоптанные продукты, а в довершение всего – троица ангелов в отключке. Хм, так и хочется ляпнуть – так вот откуда пошло известное выражение «Бог троицу любит». Я прищурилась. Ого, надо же – угораздило мужика... Вот уж точно, не стой под работающим краном! Интересно, сколько же все-таки весит наша накачанная поборница шоколадной диеты и оздоровительного питания из пирожных и круассанов? Да явно – не мало! Из-под богатырского бедра Оливии торчала жилистая и тощая мужская нога, несексуально высывающаяся из сбившейся в гармошку штанины. Бр-р-р, терпеть не могу волосатые мужские ноги! На противоположном от меня диванчике в обморочном состоянии лежал Натаниэль, закатив под лоб голубые глаза и держа в охапке вяло обвисшую Ариэllu. Вся эта трагикомедия сопровождалась бойким перестуком колес. Типа – «мы едем, едем, едем в далекие края, веселые соседи, хорошие друзья...» Мда уж, веселенькое путешествие однако нам досталось, обрыдаться со смеху можно! И самое главное, я ничего не помню, ну ничегошеньки!

Я осторожно сползла с вагонного диванчика и, стараясь не наступить на разбросанные осколки стекла, бережно похлопала по щеке заторможенную Оливию. Подруга вздрогнула, пробурчала что-то сердитое и открыла глаза...

– А-а-а! – дикий вопль валькирии заполнил крохотное купе, отражаясь от стен. В голове у меня опять зазвенело. Я досадливо поморщилась.

– Лив, ну хватит уже орать-то! От впечатляющего диапазона твоего убойного вокала запросто помереть можно!

– Помереть? – выпучила глаза ангелица. – Что, опять?

– Не опять, а снова! – чисто из вредности вякнула я, привычно уступая своему любимому греху – упрямству. А потом я осознала смысл произнесенных подругой слов и шокировано икнула.

– Ик, чего сделать?

– Умереть! – внятно отчеканила Оливия, продолжая взирать не меня снизу вверх. Заметив мое явное недоумение, она продолжила: – Сдохнуть, отбросить лыжи, склеить лапы, сыграть в ящик, преставиться, почить, отойти в мир иной, двинуть кони...

– Стоп! – возмущенно потребовала я. – Это ты мне так крепкого здоровья желаешь? Ну, знаешь ли, дорогая, а я-то думала, что мы с тобой подружки...

– О, Господи! – нетерпеливо выдохнула валькирия. – Ты, – для пущего эффекта она ткнула пальцем мне в грудь, – и так уже умерла!

– Да ну! – как и следовало ожидать, не поверила я.

– Тпру! – передразнила подруга. – А я говорю – умерла, значит – умерла!

Я потрясенно отвела глаза от возмущенного лица ангелицы и воззрилась на себя, почти в полный рост отражающуюся в укрепленном на двери зеркале. На мертвую я не походила ничуть.

– Нет, определенно, чем дольше я смотрюсь в зеркало, тем больше верю Дарвину! – пришла к заключению я, вспомнив недавние богословские изыскания Натаниэля. – Лохматая, мятая, грязная – ну ни дать, ни взять, мартышка мартышкой! Но живая же все-таки...

– Это не грязь, – хмуро подсказала Оливия, наконец-то сползая с хорошо утрамбованного незнакомца, – это кровь!

– Кровь? – вторично не поверила я, прикасаясь к своему виску. – Но как она... – я не договорила...

Оказывается, скудные капли крови не только испачкали мой лоб, но попали и на пышное кружевное жабо недавно купленной рубашки. Но стоило мне прикоснуться рукой к голове, как капли неожиданно пришли в стремительное движение, целенаправленно скатываясь ко мне в ладонь, растекаясь по ней ровным слоем и образуя тонкую блестящую пленочку.

– О! – изумилась валькирия.

Кровавая пленка разделилась на ровные полосы, складывающиеся в слова.

– «Бог здесь!» – шепотом прочитала я. – Ничего себе! И как это понимать?

– А я знаю? – пожала плечами Оливия. – Я ничего подобного прежде не видывала!

Слова медленно блекли, впитываясь в мою кожу. Оливия осторожно откинула волосы, прикрывающие мне лоб, и провела пальцем по очистившемуся виску. От уродующей его раны не осталось и следа. Подруга негромко присвистнула.

– Ты помнишь, как вытащила пулю из своего черепа? Вон она, кстати, на столе валяется!

– Смутно, – призналась я. – Но начинаю постепенно вспоминать, как я наливала воду в Грааль и пила ее. А потом в наше купе неожиданно заглянул незнакомый человек и... – тут я замолчала, пытаюсь разобраться в собственных запутанных воспоминаниях. – Кажется, он выстрелил мне в висок...

– Угумс! – кивнула Оливия. – Когда мы тебя нашли, ты была уж очень миленьким и спокойным трупиком...

Я потрясено отвалила челюсть:

– Правда, что ли?

– Жизнь бессмысленна, так зачем потакать ее жестокости, если финал уже известен! – вдруг насмешливо проскрипело с пола.

Мы с Оливией дружно вскрикнули от неожиданности. Оказывается, это позабытый нами незнакомец уже вполне оклемался и даже силен подняться. Чисто автоматически я подхватила его под локоть, помогая встать на ноги. Он оказался высок и излишне худощав, многочисленные морщины избороздили смуглое лицо, в глубине серых глаз плескалось безумие фанатика. Но слабым или очень старым он не выглядел.

– Нет, я, конечно, понимаю, – иронично начала я, – что одних женщин хочется добиваться, а других – просто добить! Но меня-то за что?

– Не за что, а зачем! – непонятно ответил мужчина. – Я искал...

– Что искал, смысл жизни? – едко встряла Оливия. – Ну, тогда результаты поиска налицо... – она довольно оглядела многочисленные синяки и ссадины, украшающие остро торчащие скулы ее недавней жертвы. – Могу добавить для ясности, если что!

– Хватит, а то еще привыкнет, – насмешливо откликнулась я. – Мужик, колись, чем я тебе не приглянулась?

– Талант – по сути своей дар, данный одному для всех, – экзальтированно забормотал седовласый, закрывая глаза и гипнотически покачиваясь. – А когда он используется лишь для самого себя, то это уже становится грехом!

– Странный он какой-то, – опасливо отодвинулась Оливия, пренебрежительно кривясь. – Псих, наверное, да еще и буйный!

– Не похоже, – я взяла мужчину за плечи и сильно встряхнула. Он немедленно разлепил веки и уставился прямо на меня. – Спрашиваю вас в последний раз, зачем вы покушались на мою жизнь?

– Я проверял! – абсолютно честно сознался незнакомец, разглядывая меня с нескрываемым благоговением. – Я объясню. Ритуал Причастия, проводимый над молодыми экзорцистами и заключающийся в испитии воды из священного Грааля, дарует им долголетие и способность к регенерации ран, смертельных для обычного человека. Но если вы и на самом деле являетесь избранницей Божьей, то должны были не только заживить рану, но и воскреснуть из мертвых. А талант творить молитвы вам также присущ?

– А то ж! – высокомерно возвестила Оливия. – Вот ведь, Фома неверующий...

– И как – убедились в моем бессмертии? – осведомилась я.

Мужчина учтиво склонил голову.

– Ну, тогда, может, вы, в свою очередь, просветите и нас насчет вашей личности?

Седовласый горестно поник головой:

– Меня зовут Симон де Монфор! Я и есть тот самый Великий грешник, навечно лишенный смерти и успокоения в могиле и обреченный бесконечно искупать свой грех за тысячи убиенных катаров...

– Ого! – обалдели мы с Оливией. – Вот это сюрпризец так сюрпризец!

Одна из самых парадоксальных закономерностей человеческого мышления состоит в том, что мужчины чрезвычайно непоследовательны в своей логике, в отличие от женщин, которые до безобразия логичны в своей непоследовательности. Подтверждение этому Анастасио ди Баллестро получил сегодня ночью, следуя по пятам за Андреа дель-Васто, увлеченно занимающейся бесконечными покупками в большой Торговой галерее на улице Кановаччио в Венеции. Нет, Его Высокопреосвященство категорически отказывался понимать эту непредсказуемую девушку. Со стороны они наверняка производили впечатление дружной семьи, занятой будничными делами. Скажем, отца и прислушивающейся к его советам дочери, озабоченной пополнением своего изысканного гардероба. Довершая умильный образ семейной идиллии, стригойка не только нагроулила совершенно умотавшегося кардинала невообразимой грудой различных пакетов, свертков и

сверточков, так еще и ежеминутно подчеркнуто вежливо интересовалась его мнением, выбирая очередное платье, шарфик или пару умопомрачительно дорогих туфель. С губ кокетливой красавицы не сходила издевательская усмешка, не оставляющая ни малейшего сомнения в том, что она получала искреннее удовольствие, намеренно помыкая своим терпеливым спутником. А у кардинала так и не достало храбрости отказать ей в этой сумасбродной прихоти. Впрочем, сейчас он в своем роскошном твидовом костюме выглядел отнюдь не могущественным прелатом, а скорее моложавым коммерсантом с весьма импозантной внешностью. Андреа же, с распущенными длинными волосами, на высоченных каблуках и в невероятном плаще леопардовой расцветки была прелестна, как никогда, и привлекала всеобщее внимание.

Она сама позвонила синьору ди Баллестро и назначила встречу именно в этом суматошном сосредоточии мотовства, дурного вкуса и безумных женских фантазий. Огромный магазин воистину являлся земным олицетворением затаенного женского представления о том, на что должен походить обетованный рай небесный. Да конечно же, не на что иное, как на вот это ослепительное слияние бутика мод «Кавалли», витрин с безделушками от «Картье» и вызывающе гламурного обувного ряда «Ла Минолла». Здесь усиленно пели осанну плоти, эгоизму и высокомерию, совершенно забывая о Боге и душе. Андреа наслаждалась.

– Куда столько нарядов? – осмелился поинтересоваться кардинал, вытирая лоб безупречно белым носовым платком.

Стригойка иронично изогнула изящную бровь, правдоподобно разыгрывая искреннее недоумение:

– Карнавал открывается через несколько дней. Неужели Ваше Высокопреосвященство желает, чтобы я выглядела на нем замарашкой?

– Гм, – затруднился с ответом Анастасию, прозорливо полагая, что в слово «замарашка» синьорина вкладывает отнюдь не тот смысл, который первым приходит на ум любого непосвященного человека. Ведь, пожалуй, ничто так сильно не пачкает одежду, как кровь жертв Большой охоты.

Андреа негромко рассмеялась, уловив колебания кардинала. Она договорилась с ним о встрече в небольшом уютном кафе, расположенном на втором этаже Торговой галереи, но, как подозревал ди Баллестро, специально подкараулила его у входа в магазин и заставила поработать в качестве прислуги. Стригойка любила ставить на место даже тех, в чьих услугах нуждалась остро и немедленно. А в том, что он понадобился ей для чего-то чрезвычайно важного, кардинал уже не сомневался. Уж слишком Андреа нервничала, почти идеально маскируя свое волнение барской снисходительностью и театральнo-ленивой неторопливостью.

Но вот, наконец, роскошные бутики остались позади, гора покупок превысила все мыслимые и немыслимые размеры, и сообщники заняли два стилизованных под старину кресла в маленьком затемненном кафе.

– Что тебе заказать? – галантно поинтересовался ди Баллестро, раскрывая меню.

– Бифштекс с кровью второй группы! – вызывающе хмыкнула стригойка, нервно барабанила по столу длинными ухоженными ногтями.

– Твои обычные блюда тут не уместны, – покривился кардинал, останавливаясь на двух бокалах красного вина. – Как и твой черный во всех смыслах юмор!

– Ну, это до поры до времени, – самонадеянно заявила стригойка, язвительно ухмыляясь. – А ты все пьешь? Забыл, что алкоголизм является причиной многих увлекательных приключений? – и она иронично подмигнула, явно намекая на что-то, известное лишь им двоим.

Ди Баллестро едва смог сдержать горестный вздох.

– Ты умеешь беречь старые раны! Как это не по-человечески!

– Разве? – картинно удивилась Андреа. – Люди поступают точно так же. Они ничем не лучше нас.

Прелат нахмурился.

Стригойка звонко расхохоталась, привлекая к себе внимание двух богемного вида юнцов, уставившихся на нее с нескрываемым обожанием.

– Ты помнишь, что именно алкоголь и стал причиной нашего неожиданного знакомства? Ты убивал себя вином и терзаниями, разочаровавшись в Боге, пока однажды не повстречал меня, прогуливающуюся в поисках развлечений и свежей крови. Но ты показался мне столь забавным, что я решила пощадить пьяного священника и даже привлечь его на свою сторону. Скажи, разве я не явила тебе с тех пор множество чудес, значительно превышающих скудные возможности вашего Господа? Что же мешает тебе признать то, что люди – это просто низменные животные: глупые, напыщенные, бестолковые существа?

– Гордость! – тихо, но с достоинством парировал ди Баллестро, отводя взгляд.

– О-о-о, – небрежно протянула девушка, закуривая длинную черную сигарету. Над столиком поплыл одурманивающий аромат египетского жасмина. – Гордость – фикция. Хваленое желание ни перед чем не согнуть шеи – фигня. Люди забывают главное: то, что не гнется, можно сломать. Ну какой вам прок от этой дурацкой гордости, с которой вы так носитесь? Она вам уже не поможет и не отсрочит наступления эры стригоев...

Услышав последние слова стригойки, кардинал содрогнулся.

– Я читал, – едва слышно прошептал он, – и про звезду Полюнь, и про хляби небесные, и про оживающих мертвецов! А также про Дщерь Господню с ключами от Рая и Ада. Я чувствую – апокалипсис грядет...

– О да! – беззаботно подтвердила Андреа, раздраженно покачивая ногой, как шевелит хвостом рассерженная кошка. – Звезда уже показалась! А хляби, – она перевела глаза на окно, – тоже не подвели! Но это еще не все...

Ди Баллестро вслед за ней тоже устремил взор на мокрые стекла. Царившее на улице впечатляло. Под звездой Андреа подразумевала комету, в последние дни зависшую над миром. Это крупное и яркое небесное тело вызвало нескончаемые споры между астрономами всего мира, смущая и приводя в недоумение самые выдающиеся умы. Но сейчас небо затянули низкие тучи, и комету не было видно; проливной дождь, уже сутки заливающий Италию, похоже, и не собирался заканчиваться, становясь лишь сильнее и яростнее, переходя в штормовую рапсодию разбушевавшейся стихии. Все это выглядело пугающе и чертовски непонятно...

– Вот именно – чертовски! – ликующе оскалилась стригойка, услышав последние слова кардинала, неосторожно произнесенные вслух. – Темный отец выполнил свою часть уговора, посылая мне знамения и пророчества. Неясным остается одно, – тут она склонилась к поверхности стола, схватила Анастасию за лацканы пиджака и притянула к своему пышущему гневом лицу его побледневшую физиономию, – кто есть эта мешающая нам Дочь Господня? Откуда она взялась?

Прелат попытался отпрянуть, но Андреа держала крепко.

– Подумай, церковник! – с угрозой прошипела она, почти дыша ему в рот. Ди Баллестро неосознанно принюхался и испуганно охнул. Пахло необычно, терпко и вместе с тем гнилостно-сладковато... «Это отнюдь не запах вина, – понял он. – Это запах крови!»

– Ваш мир рухнет через несколько дней, – продолжала вещать стригойка, зачаровывая собеседника переливами грудного голоса и мерцающим блеском синих глаз, – его будущее предreshено. Люди уже ничем не смогут помешать планам Темного отца. Вы с Раулем бездарно провалили поимку девчонки и упустили Грааль. Теперь этим займемся мы с Конрадом. Но ты вдумайся, глупец, я милостиво дарю тебе последнюю возможность оправдаться передо мной. Я предоставляю тебе свою защиту и шанс оказаться в рядах новых владык жизни, а не среди обреченных на заклание овец. Ты же не хочешь стать нашей пищей? Скажи мне, откуда взялась Дочь Господня?

Анастасию задрожал, ощущая, как неведомая сила совершенно против его желания развязывает одеревеневший язык и изрекает слова признания:

– Я не знаю, кто она и откуда. Но в госпитале Святой Анны существует старинный

архив, а при нем проживают трое престарелых монахов-госпитальеров. Я где-то потерял свою записную книжку, где у меня значатся их имена, но уверен – они должны знать множество секретов, связанных с Ватиканом...

– Госпиталь Святой Анны! – удовлетворенно повторила стрigoйка, отпуская кардинала. – Я его знаю, я их найду. Это хорошо, – она приложила пальцы к холодному стеклу и струи дождя, словно признавая ее власть над ними, послушно окатили окно, – это же просто здорово!

Глава 2

Дождь монотонно барабанил по крыше вагона. Мы благополучно миновали Турин и уже мчались к Венеции, а стихия так и не думала успокаиваться. Солнце исчезло так внезапно, спрятавшись за завесой свинцовых туч, что это смахивало на кем-то насланное проклятие. Погода за окном начисто позабыла про свои весенние потуги, став похожей на затяжную и холодную осень. Тьма сгустилась, становясь неприятно осязаемой, густой и зловещей, раздражающе действующей на мои и так напряженные нервы. В сердце поселилась непроходящая тревога. Уж не ведаю, какими там именно органами чувств или глубинами души, но я уверенно ощущала – приближается что-то страшное, какое-то мистическое, фатальное зло способное пожрать весь мир. А уж если не пожрать, то, во всяком случае, переделать его на свой лад, перекроить саму суть привычных законов и принципов бытия, создав нечто новое, совершенно противоестественное природе человека или даже Бога. Но сильнее всего меня удивляло то, что и сам Господь словно бы заснул, убаюканный черными чарами подступающего Хаоса. Грааль у меня за пазухой уже не источал животворящего тепла, превратившись в обычную деревяшку. Творимые мною молитвы бессильно замирали на устах, упорно выскакивая из памяти, не желая приходить в этот враждебный и чужеродный добру мир. Создавалось впечатление, что Иисус просто отвернулся от нас, скрывая недовольный лик за пеленой, сотканной из дождя и равнодушия. На землю уверенно спускались мрак, смерть и разрушение. Испуганный мир вздрогнул и затаился.

Худшие мои ожидания вскоре получили неопровержимо реальное подтверждение. Совершая пересадку в сонном ночном Турине, мы наспех прогулялись по непривычно безлюдному перрону. Дул пронизывающий, секущий как лезвие ветер, с неба летела какая-то мешанина из дождя и снега. Сквозь чернильную темноту блекло просачивался свет редких фонарей, подобных последним оплотам жизни для этого утопающего в пустоте города. А в моей голове навязчиво вертелись фразы из некогда случайно услышанной песни, сильно отличающейся от избитой тематики модных ныне шлягеров. Ту песню пела женщина, обладающая почти оперным, сильным и насыщенным интонациями голосом. Помнится, там присутствовали такие строчки:

Пора, мой друг, нам подвести итог,
А вслед за ним тотчас приходит осень.

Я внезапно вздрогнула, осознав – вот оно: жизнь и впрямь занялась подведением каких-то итогов, насильственно впадая из состояния аномально ранней весны в ненормальную пору поздней осени. Песня преследовала меня так настойчиво, что мне уже начинало казаться, будто это кто-то посторонний, но лично заинтересованный во всем происходящем усиленно вдалбливает ее в мою голову, пытаясь сказать этим что-то важное и судьбоносное. Но кем он является, и что такое особенное хочет донести до меня этот неведомый друг или враг? А ведь в песне вроде бы присутствует и другая строка – о том, что вслед за осенью придет смертоносная стужа? Зима, подобная смерти... Господи, спаси своих неразумных детей от карающего гнева твоего! Неужели грядет ужасная катастрофа?..

Я плотнее запахнула полы своей щегольской курточки и подышала на озябшие пальцы.

От дыхания поднимался белесый пар, превращаясь в облачко мельчайших водяных капель, оседающих на волосах и одежде.

– Шубы надо было покупать, исходя из принципа, что жар костей не ломит! – раздраженно проворчал Натаниэль, усиленно переминаясь с ноги на ногу. – Хотя, не к лицу мужику на шубе зацикливаться, это вроде бы чисто бабская заморочка! – Его белоснежные крылья набухли от сырости и тяжело поникли, напоминая две мокрые грязно-серые тряпки. – Отвратная погода, дождь напололам со снегом. Ну, видано ли такое весной?

Рядом с ним мелко тряслась посиневшая от холода Ариэлла, озябшая и тощая, как бродячая собачонка. Одной лишь Оливии не было дела ни до неожиданного холода, ни до льющегося с неба потопа. Она сгребла с парапета подземного перехода горсть липкого снега и с нескрываемым удовольствием прикусила его крепкими зубами.

– Какая тебе шуба, балбес! Ты еще дом не построил, дерево не посадил и сына не выраст... – ангелица язвительно хмыкнула. – Ну, последнего мы от тебя вообще вряд ли дождемся! Из тебя отец, как из меня балерина...

Натаниэль сделал непроницаемое лицо, игнорируя задиристые подколки Оливии.

– А температура-то ушла в минус! – констатировала валькирия, выдыхая клубы пара. – И куда только смотрят службы прогноза погоды?

Ангел иронично хмыкнул, спеша отомстить за недавний наезд:

– А ты жалобу на них накатай. В небесную канцелярию.

– И накатаю! – набычилась несговорчивая ангелица. – Мокро и темно, хоть глаз выколи! Кто-то же должен ответить за эти безобразия!

Натаниэль оскорбительно заржал.

– Темнота – друг молодежи, в темноте не видно рожи! – выразительно продекламировал он. – А еще, как ни обидно, в ней и глупости не видно...

– Заткнись, умник! – зарычала валькирия.

«А ведь Оливия права, – неожиданно подумала я. – Виновный в нелогичном повороте погоды должен непременно существовать, и...»

– ... и наступит смутное время. Воссияет на небосклоне звезда по имени Полюнь – предвестница конца света. Разверзнутся хляби небесные, хлынут из Ада исчадия тьмы, а мертвые восстанут из могил... – вдруг кликушески заголосил ненормальный Симон де Монфор, словно хвостик таскающийся за мной везде, куда бы я ни пошла. Вот и сейчас он вышагивал по перрону, точно копируя все мои жесты и телодвижения. Глядя на него, я все больше сомневалась, в здравом ли расположении ума и духа пребывает Великий грешник?

– Господи! – ошеломленно охнула Оливия. – Еще только оживших мертвецов нам и не хватает!

– Ты что-то знаешь, Симон? – я грубо схватила де Монфора за волосы, заставляя поднять голову и смотреть мне прямо в глаза. Как и в прошлый раз, мой бестрепетный взгляд подействовал на безумца отрезвляюще.

– Это знамения, – робко залепетал он, – описанные в «Евангелии от Сатаны» и предвещающие скорое наступление конца света. Это моя вина! Не штурмуй я Монсегюр, Изабо не зачала бы от Тьмы, и ничего бы не случилось. Это мой грех!

Я недоуменно нахмурилась. Какая Изабо, какое зачатие? Ничего не понимаю!

Но Оливия, тоже расслышавшая последние слова Симона, разгневанной гарпией метнулась к несчастному злодею и пудовым кулаком мстительно врезала ему между лопаток. Мужчина покачнулся и чуть не упал ко мне на руки.

– Оливия! – укоризненно одернула я подругу.

– Убить мало этого гада! – зло шипела ангелица, судорожно хватаясь за кобуру пистолета. – Я же говорила что от него одни неприятности.

Великий грешник беззвучно заплакал, доверчиво припадая ко мне на грудь.

– Ой, ой, обидели юродивого! – презрительно хохотнула Оливия, уже отступая и остывая. – Мерзкий трус!

Успокаивающе поглаживая сотрясающиеся от рыданий плечи грешника, я напряженно

думала. Так, значит, у нас появился новая важная улика – книга, написанная самим Сатаной. В какой же адской библиотеке и по какому читательскому абонементу можно получить сей увлекательный манускрипт?

В поезде, следующем до Венеции, мы взяли два купе, в том числе большое четырехместное. Психическое здоровье Великого грешника внушало мне серьезные опасения, и поэтому я не собиралась хотя бы на минуту выпускать из поля своего зрения этого ценного свидетеля. В вагоне работало электрическое отопление, было тепло и комфортно. Влюбленная парочка давно уединилась в отдельном купе, а я решительным жестом зашторила окно, не желая наблюдать за безумством непогоды. Я попыталась помолиться за здоровье Симона, радостно замечая, как его взгляд понемногу приобретает осмысленное выражение, и печать невменяемого безумия покидает высокое чело. Сейчас он смиренно сидел рядом со мной, меланхолично перебирая, словно четки, звенья цепи, на которой висел крест из подземных катакомб сгоревшего аббатства.

Оливия забралась на верхнюю полку, жалобно заскрипевшую под ее принципиально отвергающим диету телом, и мгновенно задрыхла, выдав напоследок разумную реплику о том, что утро по любому окажется мудренее этого пасмурного вечера. Но мне не спалось. Я насмешливо покосилась на толстую белокурую косу, свешивающуюся со второго яруса. Я оказалась права, подозревая, что возможность спокойно восстановить силы мне так и не представится. Громовые раскаты храпа валькирии музыкально концентрировались под потолком, обрушиваясь на нас бравурными кантатами органных фуг.

– В здоровом теле – здоровый дух! – обреченно признала я, окончательно распрощавшись с надеждой на отдых. – Или даже не дух, а целый духовой оркестр!

– Знойная женщина – мечта поэта! – понимающе улыбнулся де Монфор, возвращая мне крест. – Храни его, это очень ценная вещь!

– Какого поэта? – устало откликнулась я, автоматически вешая реликвию себе на шею.

– Да любого, – проказливо хихикнул Симон. – Взять хотя бы знаменитого Петрарку. И почему сейчас принято считать, что его возлюбленная Беатриче отличалась крайне деликатным телосложением? Видел я эту милашку – девица вполне героических пропорций. Абсолютно в стиле нашей бравой ангелицы. А еще знаменитая Дездемона, супружница вспыльчивого венецианского мавра. Уж слишком слащаво ее романтизировал этот английский поэтишка – Вилли Шекспир. Та еще баба была, немало она крови из Отелло попила. Здоровенная, как молодой дубок, и блудливая, будто кошка весной. Да какой там платок, любовниками они оказались с этим эгоистичным хлыщом Яго...

Но я не дослушала разглагольствований де Монфора, погрузившись в ироничные размышления об умственных способностях упитанных блондинок, у которых внезапные прозрения сменяются столь же внезапными приступами дремучей глупости... В этой связи я вспомнила, как недавно мы сидели в привокзальном ресторане Турина, коротая время за сильно припозднившейся трапезой. Оливия, только что слоппавшая огромную порцию ризотто с грибами и внушительный кусок паровой телятины, равномерно распределяла свое неослабевающее внимание между тарелкой с копченой колбасой и блюдом с аппетитными эклерами. Я невольно восхитилась, заворожено наблюдая за обеими ее руками, синхронно движущимися наподобие лопастей снегоуборочной машины и загребающими пищу с умопомрачительной скоростью.

– Лив, – еле сдерживая смех, выдавила я. – А как же диета?

Ангелица снисходительно хлопнула ресницами.

– А я тут вспомнила, что читала в какой-то газетке про пользу раздельного питания. Вот, решила испытать на себе. Видишь же сама, – она горделиво указала на две тарелки, – у меня все по науке. Колбаса отдельно, и пирожные – отдельно!

Нат тихонько прыснул в миску со спагетти.

– Так в желудке то все перемешивается, – неосторожно подал реплику тощий доходяга Симон, чахнувший над вегетарианским рагу.

– Заткнись, умник! – повелительно рявкнула валькирия, чуть не подавившись восьмым по счету пирожным. – Пока толстый сохнет, тощий – сдохнет. А я подышать не собираюсь!

– Резонно, – хмыкнул совсем развеселившийся Нат. – К тому же ты сытая всегда благодушная и спокойная, что тоже фактор немаловажный. Особенно для тех, кто хочет выжить рядом с тобой! – и он лукаво подмигнул мне.

Приобретя неожиданного единомышленника в лице обычно скептически настроенного на ее счет юноши, Оливия менторским жестом воздела вверх увесистую суповую ложку и ударилась в философию:

– Вот скажи-ка мне, худобина, – обратилась она ко мне, – чего хорошего в этой твоей любимой японской кухне?

– Хм, чего, спрашиваешь... – я вяло погоняла по тарелке рисовый шарик суши, заказанного мной. – Полезная, низкокалорийная, нежирная...

– Вот, вот! – обрадовалась Оливия. – Конкретно про нежирную. То-то я замечала, что после твоего любимого суши через час опять есть хочется. Чувешь, к чему я веду?

– Не-а! – откровенно созналась я.

– А ты не задумывалась, почему все самураи такие злые, страшные и суровые?

– Не-а! – так и не догадывалась я.

– Да жрать они постоянно хотят! – с хохотом выдавил Натаниэль, утирая обильно струящиеся из глаз слезы. – Ай да Лив, всех уела на тему еды!

Я прикусила себе язык от неожиданности и замолчала. А что тут еще скажешь?

...– Так что береги этот крест и не рассказывай о нем никому! – усиленно втолковывал мне Симон. – Даже самым близким друзьям, даже этой своей упитанной блондинке. Не доверяю я что-то блондинкам! Изабо вон тоже белокурой была...

– Это ты о чем? – изумилась я, понимая, что, задумавшись, пропустила значительную часть рассуждений де Монфора.

– Да о твоём серебряном кресте, естественно! – сердито повысил голос Великий грешник, раздосадованный моим невниманием. – Не знаю, откуда ты его добыть умудрилась, но вещь это редкостная и имеющая огромную силу!

– Тише, – шикнула я, – Оливию разбудишь. Давай-ка излагай все подробно!

– А что тут еще излагать? – развел худые руки Симон. – Это знак эрайи – ангела смерти, способного общаться как с душами праведников, так и с неприкаянными душами и помогать им переправиться в лучший мир. Тому, кто владеет этой реликвией, всегда обеспечена помощь потусторонних сил. Вот только я не знаю, как им пользоваться...

Я потрясенно присвистнула:

– Ничего себе! А, может, кто-то знает о нем больше?

– Возможно и так, – согласился де Монфор. – Я тебе советую в Венеции непременно попасть в госпиталь Святой Анны и разыскать там трех престарелых монахов. Они вообще очень загадочные люди и знают много чего важного. Давай, запиши куда-нибудь адрес, а то мало ли что еще с нами случится...

– Сейчас! Мы ведь именно туда и собирались отправиться в первую очередь, – я полезла в свой маленький походный рюкзачок, надеясь отыскать там какой-нибудь завалящий обрывок бумаги и хотя бы карандаш, но моя рука неожиданно наткнулась на что-то необычное. – Упс! – я извлекла из недр рюкзака красивую записную книжку в кожаном переплете, украшенную затейливо выписанной монограммой «А и Д». – Ой, я же совсем про нее забыла!

– Откуда это у тебя? – Симон выхватил блокнот из моих рук. – Я видел его лишь однажды. Кажется, он принадлежит Его Высокопреосвященству кардиналу Туринскому, весьма уважаемому и приближенному к папе члену священной курии. Ты что, украла у него эту вещь?

– Вот еще, скажешь тоже! – возмутилась я. – Не украла, а нашла! – и я коротко пересказала де Монфору все, что знала о мерзком предателе.

Внимательно выслушав меня, Симон разволновался не на шутку.

– Нужно немедленно предупредить Его Святейшество!

Я достала сотовый, но связи не было.

– Проклятая непогода, – разочарованно пробормотал Симон. – Давай полистаем блокнот кардинала.

Записная книжка раскрылась сама собой почему-то на листочке с буквой «М». Я внимательно проглядела записи, недоуменно пожала плечами и двинулась дальше. На страничке с адресами различных медицинских учреждений мы нашли координаты госпиталя Святой Анны и три имени: брат Бенедикт, брат Лоренцо и брат Бонавентура.

– Это они, – уверенно подтвердил Великий грешник. – Береги как зеницу ока эту записную книжку – похоже, она нам еще не раз пригодится. Сердце подсказывает мне, нам нужно поторопиться...

Его прервал внезапный звонок моего телефона, прозвучавший неожиданным сигналом тревоги. Мы оба буквально подпрыгнули на месте, недоуменно уставившись на оживший аппарат. Ведь не далее как минуту назад выяснилось, что сигнал не ловится и связь заблокирована наглухо. Но сейчас экранчик сотового требовательно светился, недвусмысленно свидетельствуя о поступлении смс-сообщения. Дрожащими руками я раскрыла черную раскладушку.

– Номер отправителя не определяется! – еще больше удивилась я. – Интересно, кто же смог пробиться сквозь эту дьявольскую непогоду?

– Что пишут? – нетерпеливо спросил де Монфор.

Я нажала на клавишу «прочитать полученное сообщение».

– Всего два слова, – в горле у меня пересохло от волнения. – Первое: «Поторопись», а второе – что-то вроде подписи: «Доброжелатель».

Конрад Майер повернулся спиной к косо летящему снегу, приподнял манжет лайковой, подбитой мехом куртки и глянул на циферблат наручных часов. Два после полуночи. Он натянул пониже на брови черную, уже основательно намокшую вязаную шапочку и заколебался – может быть, стоит зайти в ближайший продуктовый магазин и купить банку пива или, лучше, выпить горячий кофе? Несмотря на теплую куртку и предусмотрительно поддетый под нее мохеровый свитер, холод пробирал до костей. Вервольфу оставалось лишь радоваться своей четко сработавшей звериной интуиции, вовремя предупредившей – начавшая неожиданно падать температура на этом не остановится, а запросто побьет декабрьские рекорды. Так и случилось. Еще сутки назад столбик термометра к полудню поднимался до плюс пятнадцати, что тоже было подозрительно многовато для середины февраля, а теперь творил диаметрально противоположное, свидетельствуя о негаданном возвращении зимы. Хорошенький же карнавал ожидается в этом году! Прохожих на улицах почти не встречалось. От Большого канала тянуло промозглым холодом, мгновенно превращавшим настроение в точную копию показаний термометра – до черта ниже нуля. «Нет, – Конрад решительно ухватился за дверную ручку и вошел внутрь маленького магазинчика, совмещенного с пиццерией, – от такой холодрыги мои мозги устраивают забастовку и впадают в непробиваемый ступор. Мне поможет большая кружка горячего «эспresso», одобренная хорошей порцией коньяка!» И он требовательно помахал рукой, подзывая симпатичную официантку...

Майер едва успел на последний рейс до Венеции, более получаса простояв в чудовищной пробке, образовавшейся на одном из римских перекрестков. В городе назревала паника. Невзирая на льющий с неба дождь со снегом, по тротуарам бродили какие-то чокнутые сектанты, облаченные в импровизированные рясы и размахивающие мокрыми, наспех намалеванными плакатами: «Покайтесь, братья и сестры, грядет конец света!» На некоторую часть бездельничающей, обколотой и экзальтированной молодежи подобные призывы действовали гипнотически. Именно троица таких вот невменяемых придурков, пьяных до изумления, и врезалась в столб на подъездной трассе к площади Сан-Джованни ин

Лютеране, значительно нарушив график движения, выработанный Майером. «Кажется, вот этого длинноволосого парня я видел в «Буше», – мрачно размышлял Конрад, нетерпеливо постукивая по рулю своего «Ягуара» и пытаясь сдержать закипающий гнев. – Допился, урод!» Залитого кровью пострадавшего грузили в фургон «скорой помощи», а он при этом еще и размахивал руками, бурно распевая какой-то религиозный гимн. «Ну, поет – значит, выживет!» – саркастически хмыкнул Майер, провожая глазами травмированного дебошира. Наконец сотрудникам транспортной службы удалось навести порядок, и рыцарь смог продолжить путь к аэропорту, надеясь все-таки успеть на самолет. Но примерно через квартал он, выпучив глаза от недоверия, наблюдал невероятное зрелище – банда подростков человек в тридцать-сорок увлеченно громила бейсбольными битами стеклянную витрину крупного магазина бытовой техники, внаглую вытаскивая телевизоры и DVD-проигрыватели. Конрад выругался. Вдалеке уже раздавались пронзительные трели полицейских сирен, спешащих к месту происшествия. Но мародеры и не думали отступать.

– О, черт! – возмутился Майер, приметив стволы, замелькавшие в руках у погромщиков. – Еще только этого мне не хватало, сейчас здесь станет по-настоящему жарко! – он плюнул на правила и проехал по тротуару, торопясь как можно скорее покинуть неблагополучный квартал. Но и в других частях города ситуация складывалась ничуть не лучше.

– Рим сошел с ума! – сквозь зубы рычал Конрад, выжимая из машины максимальную скорость. – Весь этот проклятый мир сошел с ума!

Дворники «Ягуара» уже не цспевали очищать лобовое стекло. Мокрый снег залеплял фары. Ведущее к аэропорту Леонардо да Винчи шоссе утопало во мраке, резко нарушаемом огнями неожиданно выпрыгивающих навстречу автомобилей. Машину поминутно заносило на скользком асфальте, сплошь покрытом невообразимой мешаниной из снега, воды и грязи. Вервольф едва справлялся с управлением любимого «Ягуара», прежде никогда не попадавшего в подобные переделки, и усиленно костерил самого себя, почему-то не выбравшего подходящий рейс в аэропортах Урбе или Чьямпино, расположенных значительно ближе к его дому. Ответ оказался прост. Самолет, вылетающий из «Леонардо да Винчи», стал не только ближайшим но, как выяснилось впоследствии, последним рейсом до Венеции. Конрад торопливо загнал машину на платную стоянку, подхватил сумку с теплыми вещами и заспешил к огромному, сияющему мощными прожекторами зданию аэровокзала. До вылета оставалось десять минут. Вервольф успел вовремя. Удобно устроившись в салоне первого класса, он облегченно вздохнул и учтиво познакомился с очаровательной стюардессой, попросив у нее дополнительную подушку и рюмку рома с оливками. Ему не мешало успокоить нервы, порядком потрепанные трудной дорогой до аэропорта, да и хотелось выспаться впрок. К его удивлению салон оказался практически пуст, и не очень-то перегруженная работой блондинка-стюардесса была совсем не прочь поболтать с таким симпатичным пассажиром. Она принесла Конраду рюмку «Баккарди» и завлекательно улыбулась, хлопая густо намазанными ресницами.

– Синьор, вам требуется что-то еще?

– Ваше постоянное внимание, Мария! – Майер галантно поцеловал наманикюренную ручку девушки, прочитав имя на прикрепленном к форме бейджике.

Стюардесса поощрительно зарделась.

– Это моя работа!

– Почему в аэробусе так много свободных мест? – спросил Конрад, подозрительно разглядывая почти пустой ряд кресел.

Блондинка замаялась.

– Компания не разрешает нам разбалтывать засекреченную информацию!

Майер соорудил умильное лицо, достал из бумажника крупную купюру и засунул ее в нагрудный карманчик на шегольском жилете стюардессы, заодно нежно прикоснувшись к пышной груди, туго обтянутой вишневой материей. Мария обрадованно улыбулась.

– Вы только меня не выдавайте! – кокетливо попросила она.

Майер изобразил пальцами короткий шуточный жест – удавлюсь, но не выдам.

Девушка игриво рассмеялась и склонилась к его уху.

– Все рейсы отменены! – она сделала большие глаза. – Не именно в Венецию, а вообще – все! Погода стоит нелетная. Но нашему первому пилоту потребовалось срочно попасть в Венецию, у него там жена рождает. А поскольку начальник аэропорта его тесть, то... – она насмешливо фыркнула. – Блат и родственные связи – великая сила, пусть и в нарушение всех инструкций. Приготовьтесь, потрясет нас изрядно! – и Мария пошла вдоль по проходу, вызывая вилы бедрами в расчете на внимание Конрада. Но Майеру стало не до девицы. «Повезло! – почти поверив в сопутствующую ему удачу решил он, опуская голову на подушку и устало закрывая глаза. – Не гнал бы так машину, вообще бы не успел на самолет и застрял бы в Риме до наступления конца света! – он мысленно хмыкнул, удивляясь столь странной ассоциации, пришедшей к нему невесть откуда. – Неужели эта непогода предвещает что-то страшное? – в тот же миг нос самолета провалился вниз, очевидно, попав в воздушную яму. Желудок Конрада взбунтовался, стремясь вытолкнуть из себя ром и оливки. – А точно ли мне повезло? – скептически подумал вервольф, поспешно сглатывая горькую слюну. – Ну, впрочем, это выяснится после посадки, если мы не разобьемся раньше!» – и из чистого упрямства он заказал второй бокал спиртного.

Конрад стянул с головы надоевшую мокрую шапку и приложил ладони к горячей керамической чашке с кофе. Напиток оказался обжигающим. Вервольф сначала с сомнением посмотрел на рюмку с коньяком, взвешивая – а резонно ли выливать благородный «Мартель» в крутой кипяток, и как эта процедура может отразиться на вкусовых качествах самого коньяка? Но потом он решил не возиться и практически залпом проглотил все пятьдесят граммов ароматной жидкости, имевшей приятный цвет жженого сахара. Огненный, маслянисто обволакивающий комок медленно прокатился по пищеводу и камнем ухнул в желудок, взорвавшись там праздничным фейерверком мгновенно согревающих брызг. Жуткий холод, до этого момента беспощадно терзавший все тело рыцаря, немного отступил. Конрад расслабился, вольготно закинул обутые в высокие ботинки ноги на соседний стул и с интересом осмотрелся. Ничего особенного – обычный кафетерий средней степени паршивости, а точнее – банальная забегаловка. Правда, не без знаменитого венецианского колорита – по стенам развешаны пестрые маски, изображающие обязательных участников карнавального шествия: важного Дотторе, шептунного Арлекина, красотку Коломбину, унылого Носарио и еще кого-то, чье имя вервольф давно запомнил. За столиком напротив прикорнула неопрятная, расплывшаяся личность неопределенного пола, по уши укутанная в клетчатый красный шарф и мрачно уткнувшись в полупустую пивную кружку. У стойки бара грациозно примостились две малолетние красотишки, соблазнительно поглядывающие на Конрада из-под завесы пушистых пергидролевых кудрей. Да еще хлопочет в углу официантка, передавшая на кухню заказ на облюбованную рыцарем пиццу с копченой колбасой. За окном, на улице – ни души, лишь мокрый снег лепит в стекло, да глухо ревет распоясавшийся ветер. Девицы опять искоса взглянули в сторону Конрада, сблизили крашенные головки и тихонько зашушукались. «Странно, – обеспокоенно подумал вервольф, все пристальнее вглядываясь в стройные девичьи фигурки. – Выглядят обе малышки от силы лет на шестнадцать. Таким давно уже полагается третий сон дома досматривать в обнимку с плюшевыми мишками и зайками. И о чем только думают их роди...» – и тут холодная волна интуитивного предчувствия опасности внезапно обдала его спину, разом сменив расслабленность на привычную настороженную собранность. Потому что одна из девиц неосторожно стрельнула случайным взглядом, и Майер увидел нечеловечески красный глаз, пылающий, словно раскаленный уголь. Стараясь не подавать виду, что он заметил промах твари, рыцарь медленно и незаметно вытянул из ножен острый охотничий нож и положил его рядом, за бедро. Он немного напрягся, гадая, что следует предпринять дальше, как вдруг события начали разворачиваться с невероятной скоростью, совершенно не оставляя времени на размышления...

Люди часто огорчаются, допуская смешные ошибки, но еще чаще – смеются, совершая серьезные. Смеяться Конрад любил – конечно, если для этого выдавался подходящий повод. Иногда он даже говорил, что именно не утраченное за столетия чувство юмора и помогло ему не только выжить, но и остаться человеком. Но у сидящих за стойкой тварей склонность к шуткам отсутствовала напрочь. Как и способность просчитывать ближайшую перспективу и последствия совершаемых ими поступков. Что, в принципе, оказалось весьма на руку сообразительному вервольфу.

Контролируемую до этих пор ситуацию испортил толстый краснолицый здоровяк, некстати вывернувшийся из ведущей на кухню двери. Хмурым взглядом он окинул крохотный зал кафетерия, поймал в фокус бомжеватую личность с пивом и недовольно скривился. Уперев в бока пудовые кулачищи, мужчина нарочито медленно двинулся к столику и угрожающе завис над обладателем потрепанного шарфа.

– Опять ты здесь! – сказал здоровяк, не скрывая пренебрежения. – А ведь я тебя еще три дня назад предупреждал – не смей приходить в мой магазин, не отпугивай приличных посетителей...

– Но я же заказываю пиво! – словно оправдываясь, личность подняла голову, оказавшись пожилым мужчиной с неожиданно печальным и интеллигентным лицом.

– Пиво! – насмешливо протянул хозяин магазина, выкатывая глаза, густо испещренные сеткой налитых кровью сосудов. – Да ты, никак, надо мной поиздеваться решил? Думаешь, твоя несчастная кружка меня облагодетельствует? А сидишь у меня часа по четыре, пользуешься дармовым теплом на халяву... Ах, ты, прощелыга! – правая рука здоровяка бесцеремонно сгребла неприбыльного посетителя за шиворот пиджака, а вторая грозно взлетела над его макушкой...

– Джованни, да не связывайся ты с этим стариком! – миролюбиво посоветовала официантка, вышедшая из-за прилавка с подносом, на котором красовалось большое блюдо с заказанной Конрадом румяной пищей. – Сидит и пусть себе сидит, беспокойства от него никакого.

Краснолицый Джованни грязно выругался и еще сильнее встряхнул старика, бессильно обвисшего в его мощных, по-обезьяньи кривых лапах:

– У меня здесь не ночлежка для бездомных! Сейчас выброшу его за дверь!

Старик протестующе замотал головой. Красный шарф, скрывающий его шею, неожиданно размотался и упал на пол, явив взорам присутствующих белый воротничок священника.

– Падре! – испуганно охнула женщина.

Две блондинистые твари возле барной стойки пронзительно взвыли, выщеривая огромные клыки. Старик торопливо осенил их крестным знаменем. Девицы дружно вскочили с высоких табуреток, выставя длинные черные когти.

«Стригойки!» – запоздало дошло до Конрада.

С одного взгляда здраво оценив расклад сил и обоснованно опасаясь за жизнь священника, он – понимая, что уже не успевает выхватить пистолет – вытянул ногу и зацепил ею лодыжку официантки.

– А-а-а! – истерично взвизгнула женщина, неловко взмахнув руками и грузно падая вперед.

Блюдо с пищей слетело с подноса и угодило прямехонько в лицо одной из стригоек. Конрад, не смотря на весь драматизм ситуации, не сдержался и громко расхохотался при виде гневно оскаленной морды, густо заляпанной потеками майонеза и томатной пасты. Стригойка ошарашенно сняла с носа кольцо лука, отлепила от брови ломтик сыра, рефлекторно слизнула с губы кусочек колбасы, подавилась и натужно закашлялась. Вервольф рассмеялся еще громче. Но вторая девица зарычала голодной гиеной и прыгнула к священнику, все так же бессильно висящему в руке оторопело замершего хозяина кафетерия. Ее лапа с черными когтями устремилась к его горлу. Конрад схватил спрятанный за бедром

нож и метнул его в девицу. Прекрасно сбалансированное лезвие попало точно в цель, вонзившись между голубых, отсвечивающих адским пламенем глаз. Стригойка рухнула на пол, умудрившись все ж таки чиркнуть когтями по горлу старика. Из огромной рваной раны забила струя алой артериальной крови. Конрад грязно выругался и ловко скатился под ближайший столик. Громко хлопнула входная дверь. Это пришедшие в себя хозяин и официантка выскочили на улицу и канули в темноте, оглашая тихую улицу паническими воплями.

«Плохо, как же все плохо! – подумал Конрад, извлекая из кобуры пистолет, заряженный освященными пулями. – Они вызовут полицию. Но пока-то она еще придет, учитывая, что творится на улице... Кажется, у меня есть немного времени, наверно минут пятнадцать-двадцать», – и он осторожно выглянул из-под столешницы, решив взять инициативу в собственные руки.

Старик лежал на полу, безрезультатно пытаясь зажать ладонью чудовищную рану у себя на шее. Кровь обильно просачивалась через его судорожно стиснутые пальцы. Заметив Конрада, он сделал слабый жест, подзывая его поближе. Чертыхнувшись, вервольф переполз к раненому. Едва взглянув на жутко располосованное горло священника, он сразу же понял, что рана смертельна и ни одна сила в мире не способна помочь несчастной жертве.

– Я знаю, – натужно прохрипел старик, правильно истолковав сочувственное пожатие Конрада. – Жить мне осталось недолго, но это уже неважно. Намного важнее то, что я все-таки вас дождался...

– Вы ждали меня? – удивился Конрад.

– Да, – старик требовательно ухватился за его рукав своими испачканными кровью пальцами. – Меня зовут брат Бонавентура, я – иоаннит и состою архивариусом при госпитале Святой Анны. Я и еще два моих друга исполняли функцию ватиканских наблюдателей и хронистов. Неделью назад мне во сне явился сам Спаситель наш – Иисус Христос и приказал караулить в этом кафе, ожидая появления своего рыцаря...

– Но я вовсе не воин Божий, – шокированно перебил Конрад, – Я, скорее, сын Тьмы...

Брат Бонавентура посмотрел на него укоризненно:

– Господу виднее!

Вервольф смиренно замолчал, не желая огорчать умирающего.

– Он велел передать тебе это... – слабеющая рука священника извлекла из кармана прекрасный серебряный крест, украшенный крупными рубинами. – Это знак избранного эрайи – ангела смерти. Отныне он принадлежит тебе. Ты должен отыскать второго Божьего бойца, обладающего подобной святыней. Вместе вам предстоит предотвратить наступление конца света и покончить с проклятым племенем стригоев. Но они все же в итоге выследили меня... – иоаннит захрипел. – Не допусти, чтобы мерзкая тварь сбежала и оповестила своих повелителей, – глаза священника закатились.

– Серебро! – отшатнулся вервольф.

– Оно не причинит тебе никакого вреда! – тихонько заверил монах. – Слушай меня...

Конрад пригнулся к лицу брата Бонавентуры и, напрягая слух, умудрился разобрать его последние слова:

– Первый день карнавала, Пьяцца ди Сан-Марко... будь там ровно в полночь... – легкий вздох сорвался с бледных уст старика и отлетел на небо, унося с собой его безгрешную душу.

– Прощай, брат! – тихонько промолвил вервольф, почтительно закрывая остекленевшие глаза усопшего. – Господь с тобой!

Неожиданно крупные кровавые капли, во множестве натекшие на кафельный пол, пришли в движение, стремительно утрачивая вид бесформенного пятна и складываясь в буквы и слова.

– Бог здесь! – потрясенно прочитал Конрад. – Это что, знамение? Неужели Иисус и вправду выбрал меня на роль своего защитника? Но это же просто невероятно! А как же моя сделка со стригоями, накрылась медным тазом, что ли?

И в это момент что-то тяжело просвистело рядом с его головой.

«Как же я мог забыть про вторую тварь? – попенял себе Майер, одним сильным рывком перебираясь к дубовой стенке барной стойки. – Но, похоже, теперь мне не придется мучаться угрызениями совести по поводу односторонне нарушенного договора. Они нарушили его первыми...», – он едва успел отклониться от брошенной в него тяжелой кофеварки, вдребезги разлетевшейся возле его ног. Внезапно свет в помещении погас.

«Тварь догадалась вырубить освещение! – мрачно усмехнулся Конрад. – Теперь она попытается воспользоваться темнотой и выбраться из магазина целой и невредимой, чтобы донести своей хозяйке неприятное известие о том, что я встретится с братом Бонавентурой!»

Скорее почувствовав, чем увидев смутную тень, промелькнувшую на фоне тускло отблескивающего окна, рыцарь выглянул из-за стойки и выстрелил почти не целясь. Рев раненой твари ударил по ушам. Отчаявшаяся уйти незамеченной, стригойка обрушилась на него всем своим весом, повалила навзничь и схватила за плечи, стремясь добраться до горла. Конрад сильно ударился затылком но, едва не теряя сознание, успел вогнать кулак в широко раскрытый рот противницы. Клыки твари затрещали. Стригойка сдавленно застонала от боли и попыталась освободиться, выказывая при этом совсем не девичью мощь. Несколько минут они молча боролись в крошечной тьме, перекачиваясь по скользкому кафелю, усыпанному осколками разбитой посуды. Выроненный при падении пистолет укатился куда-то далеко. У Конрада все плыло перед глазами, в голове шумело, на языке чувствовался медный привкус сукровицы. Неожиданно он ощутил что-то угловатое и массивное, врезавшееся ему в ребра. Это был серебряный крест, выскользнувший из разжавшихся пальцев мертвого брата Бонавентуры. Собрав последние силы, вервольф схватил подаренный ему раритет и вогнал один из его концов в грудь злобной твари, попав точно в сердце. Стригойка в последний раз щелкнула челюстями, захрипела и вытянулась...

Конрад пошатываясь поднялся на ноги и для подстраховки невежливо пнул распростертое на полу женское тело. Тварь даже не пошевелилась. Лицо ее посерело и странно съежилось, кожа пошла черными пятнами. Стригойка умерла.

– Тьфу, пакость какая! – брезгливо буркнул вервольф, отходя от твари. – Падаль, она и есть падаль!

Он собрал свои разбросанные вещи, отыскал закатившийся в угол пистолет, выдернул нож из лба второй девицы, ставшей похожей на обуглившуюся головешку, обтер салфеткой серебряный крест и бережно повесил его себе на шею, спрятав под джемпер.

– Вот вам и вся наглядная разница между терминами «блондинка» и «светлая голова», – насмешливо изрек он, наступая каблуком на прядь белокурых волос. Локон тут же распался серым вонючим прахом. – Послали блондинок на войну, а они, дуры, и рады стараться, – философски ухмыльнулся вервольф. – А я ведь говорил: война – отнюдь не женское дело! Хотя какие же они женщины? На такую тварь даже у меня не вста...

Ночную тишину прорезал вой приближающихся полицейских сирен.

– Явились, и году не прошло! – иронично подметил рыцарь. Он неторопливо пошарил за прилавком и бесцеремонно выбрал початую бутылку отличного шотландского виски.

– Ну, за прекрасных дам и прочих мифических персонажей! – Майер отсалютовал бутылкой двум кучкам праха, оставшимся от стригоек, и сделал несколько больших глотков. А затем вышел из разгромленного магазинчика, по-хозяйски широко распахнув входную дверь.

Глава 3

Вечерняя Венеция встретила нас отнюдь не хлебом и солью, а штормовыми порывами пронизывающего ледяного ветра и плотной завесой дождя со снегом, летящего с хмурого грязно-серого неба, затянутого низко нависшими тучами. Я сердито подняла лицо вверх, и обрадованная столь пристальным вниманием стихия не пожадничала, умыв его обильной порцией воды и снега.

– Ну и сырость, дьявол бы ее побрал, – ворчливо констатировала Оливия, собирая мокрые косы в один увесистый пучок и скручивая их на затылке. – Так и закрывать недолго!

– Пингвины не крикают! – сипло поправил ее злой как черт Натаниэль, наглядно демонстрируя начальную стадию быстро развивающегося гайморита.

– Это я-то пингвин, что ли? – мгновенно взбесилась валькирия, хватаясь за пистолет. – Да ты сам вообще – дятел по гороскопу!

– Почему дятел? – удивился сопливый ангел.

– Да потому что покоя от тебя нет ни днем, ни ночью, – категорично заявила Оливия. – Долбишь и долбишь мне мозги без передышки! Чтобы ты поскорее совсем осип!

– Ы-ы-ы, – плаксиво пожаловался Нат, – ы-ы-ы... – тут он печально замолчал и уставился на меня горестно расширенными глазами.

– А я-то чем тебе помогу? – удивленно развела руками я. – Видимо, Лив от всего сердца пожелала, вот и сбылось!

– Ну, вы сейчас наговорите, – возмутилась Ариэлла, обнимая обиженного возлюбленного. – И никакое это не проклятие, а просто простуда. Ой, да у тебя и температура поднялась! – она приложила ладонку ко лбу приболевшего ангела. – Нату нужно срочно выпить жаропонижающее и лечь в теплую постель... – она смотрела на меня умоляюще.

– Ага, и грелку во весь рост! – злорадно буркнула Оливия, разжалобить которую оказалось не так-то просто. Значительно сложнее, чем меня.

– Значит, так, – после секундного раздумья скомандовала я. – Сейчас мы найдем какую-нибудь гостиницу и устроимся на ночлег. Заодно и Натаниэля подлечим.

– А монахи-госпитальеры? – вопросительно подняла бровь Оливия.

– Ну, – немного стушевалась я, – вы четверо останетесь в гостинице, а я отправлюсь на поиски госпиталя Святой Анны.

– Фиговая идея! – протестующе набычилась валькирия. – Совсем у тебя, худобина, с головой плохо. Да в такую отвратительную погоду добрый хозяин собаку на улицу не выгонит, а ты собралась в одиночку шастать по этому странному городу, больше смахивающему на одну сплошную лужу!

– Лив! – укоризненно протянула я. – Не утрируй, пожалуйста. Венеция прекрасна даже сейчас. Это все твоё паршивое настроение виновато... – я взяла подругу за руку и увлекла в сторону. – Лив, – я заглянула в кристально-чистые и столь же холодные глаза валькирии. – Сама понимаешь, все, что творится вокруг, происходит совсем не просто так. Поход в госпиталь может оказаться чрезвычайно опасным предприятием. Ариэлла и Симон не бойцы, Нат болен. Я просто обязана укрыть их в безопасном месте, а не таскать по слякоти. И еще это, – я вынула из-за пазухи сверток с Граалем и почти насильно всунула его в ладони ангелицы. – Рисковать им мы вообще не имеем права. Мне не на кого больше положиться, кроме тебя. Вот возьми, – я отдала ей свою банковскую карточку. – На тебя сваливается огромная ответственность: устрой всех в гостиницу, накорми, вылечи, обеспечь теплой одеждой, охраняй. И главное – как зеницу ока береги священный Грааль. Я смогу совершить что-то важное, лишь будучи уверенной, что с вами все в порядке, а мои тылы надежно прикрыты. Выполнишь мою просьбу?

Валькирия недовольно засопела:

– Ты все так подробно и аргументированно разложила по полочкам, что у меня попросту не осталось выбора. Я все сделаю. Но обещай мне, что не станешь рисковать попусту?

Я кивнула.

– Чего вы там шушукаетесь? – нетерпеливо спросила озябшая Ариэлла. – Решили, куда двинем дальше, или мы так и будем мерзнуть на этой чертовой привокзальной площади?

– Решили, не стони! – хмуро буркнула Оливия. – Селестина организует нам отдых, а персонально вам, – она покосилась на совсем раскисшего Ната, – сопливый медовый месяц. Как я и ожидала, этот хвостун не боец, и грипп у него явно птичий...

– Я знала, что Селестина – добрая! – возликовала Ариэлла.

– Сердце-то у нее, может, и доброе, – с сомнением покачала головой валькирия, – но излишне мягкое, да и нервы слабоваты. Вечно ей мужиков жаль. А будь на то моя воля – я бы их всех поубивала, гадов...

Мне совсем не понравился агрессивно-феминистический настрой ангелицы, и я решила перевести беседу в более полезное русло.

– Симон! – позвала я Великого грешника, который удрученно топтался в неярком свете фонаря, засунув замерзшие руки в рукава своего легкого черного плаща. Он повернул ко мне печальное лицо с сильно покрасневшим от мороза носом. – По близости есть приличная гостиница?

– А как же! – мигом оживился де Монфор. – Сейчас мы находимся на вокзале Санта-Лючия. Буквально в квартале отсюда расположена великолепная гостиница «Звезда Венеции».

– Отлично! – я хлопнула его по плечу. – Отведи туда Оливию и Ариэлла с Натаниэлем...

– А ты? – расстроился Симон.

– А я пойду искать госпиталь Святой Анны.

– Одна?

– Не бойся, – ободряюще улыбнулась я. – Я уже большая девочка, да и в кармане у меня лежит отнюдь не пачка мятных леденцов.

– Но ты же простынешь и заболеешь!

– Зараза к заразе не прилипает! – небрежно отшутилась я. – Я девушка закаленная!

– И все равно, интуиция мне подсказывает, что отправляться туда одной – слишком опасно! – заупрямился Симон.

– Вот и я об этом же! – встряла неугомонная Оливия. – Интуиция – штука полезная, ей доверять нужно!

– Интуиция – способность головы чутать опасности, угрожающие совсем другой части тела! – сыронизировала я, стараясь выглядеть спокойной и уверенной в себе. – Лив, не сгущай краски, у меня же есть пистолет и катана, а посему лучше пожалей того глупца, который будет иметь неосторожность встать у меня на пути.

– Я обязан тебя защитить, – неожиданно бурно вмешался Нат, лихорадочно блестя подозрительно потемневшими глазами. Лицо его ненормально покраснелось, губы дрожали. – Я пойду с тобой...

– Не все то пиво, что желтое и пенится, не всяк тот храбрец – у кого автомат... – язвительно начала Оливия, но Натаниэль внезапно покачнулся и упал ей на руки.

Испуганно вскрикнула Ариэлла.

– Это обморок, вызванный высокой температурой и сопутствующей ей слабостью, – пояснила я. – Быстро тащите его в гостиницу. При многозвездочных отелях всегда есть медпункты...

Не дослушав инструкцию, друзья совместно подхватили вялого Ната и двинулись вверх по улице, руководствуясь указаниями Симона.

Уже отойдя на несколько шагов, Оливия обернулась и прощально помахала мне рукой. Я ответила коротким успокаивающим жестом, должным означать – все будет хорошо. А затем потуже затянула пояс куртки и шагнула навстречу ветру и снегу, летящему прямо в лицо. Наверное, со стороны это выглядело даже романтично – упрямая девушка, намеренно бросающая вызов Тьме, стихии и надвигающемуся Хаосу. Вернее, выглядело бы, если бы все это не было смертельно опасно и чудовищно рискованно. А впрочем, как говорит моя отважная подруга, – умирать, так с музыкой!

– Душа жаждет романтики, – в голос расхохоталась я, неожиданно поскальзываясь и болезненно приземляясь на пятую точку, – а задница просит приключений! – после этого я поднялась и, уже более уверенно борясь с порывами ветра, направилась в противоположную от вокзала сторону.

Мы приходим в этот мир слабыми и беззащитными существами, в первый год своей жизни способными погибнуть от малейшего дуновения холодного воздуха, от огня, воды, да и вообще любого иного проявления естественных колебаний окружающей нас среды. Но такой расклад вещей продолжается недолго. Мы растем, взрослеем и попутно начисто утрачиваем уважение к тому, что мешает нам проводить свою наиважнейшую жизненную политику: выживание любой ценой, причем в самых комфортных условиях. Мы усиленно перекраиваем мир под себя, приспосабливаем под свои эгоистичные потребности и желания, ничуть не считаясь с причиняемым ему вредом. Но при этом мы всегда находим для себя самые удобные оправдания – мол, за комфорт и благополучие нужно бороться, а само в руки плывет только то, что не тонет. Мы высокомерно игнорируем честь, долг, справедливость и совесть. А совершенные нами грехи неминуемо накапливаются, оправдываемые удобным нам стилем мышления, стирающим с нас последний налет человечности. Впрочем, это даже доставляет нам низменное и извращенное удовольствие. Грехи, в первый раз совершенные с колебанием и содроганием, мы впоследствии повторяем с нескрываемым удовольствием. А новые грехи отнюдь не освобождают нераскаявшуюся душу от старых. Мы становимся терпимыми к собственным недостаткам, ибо тайно склоняемся к малоприятным подозрениям в том, что другие в конце-концов тоже могут быть правы... Но правда неизбежно состоит в том, что воздаяние за грехи все равно наступит – неважно, поздно или рано.

Обо всем этом я и размышляла весьма пространно и витиевато, целеустремленно следуя узкими улочками Венеции.

Люди оказались напрямую виновны в постигшем их несчастье. Они стали жестокими и нечувствительными к страданию ближнего, замкнулись в собственном эгоистичном «я» – в сытом и уютном мирке меркантильности, искренне считая себя настолько всесильными, что даже Бог утратил для них свой исконный духовный статус, став чем-то вроде одного из ныне модных атрибутов наживы и самовозвышения. Душа тихо умерла, уступив место радостям плоти, бесконечной погоне за золотым тельцом и неприкрытой корысти. Люди разучились любить, верить, надеяться, помогать и прощать. Темные силы постепенно, исподволь завладели пустыми сердцами, неминуемо приобщая их к поклонению Хаосу и Тьме. Мы сами понемногу уподобились своим старинным врагам – кровожадным стригоям, точно так же, как и они, высасывая жизненные соки друг из друга и окружающего мира. Мы стали бледной копией стригоев. Так стоило ли удивляться тому, что чаща наших грехов переполнилась, медленно склоняясь к наступающему Концу света? Судный день близился...

Я плакала, искренне скорбя об участи неразумного человечества. Я подняла к ночному небу свое омытое дождем и слезами лицо, клянясь совершить все возможное, чтобы хоть немного помочь этому гибнущему миру и облегчить его страшную участь. Я безвозмездно и бескорыстно отдавала ему всю себя без остатка, обещая пусть ценой собственной жизни и спасения бессмертной души – но разбудить то светлое и доброе, что еще оставалось на этой страдающей земле. Разбудить веру в Бога, веру в самих себя.

Земля покрыта слоем грязи —
И отпечатками пестрит,
Сюда любой, как будто в князи,
Попасть до срока норовит.

Застлали небо тучи пыли —
Клубятся вольно на ветрах
Частицы тех, кем раньше были
Мы все. А нынче — это прах.

Вот громыхнет железо звонко —
Не подложить ли нам угля?

И поднимается заслонка
Не жизни, а лишь смерти для.

Работник ада прах мешает
И в пламя пристально глядит,
Задумался. Видать, решает,
Чьи кости нынче раздробит.

В корзины ссыплет сизый пепел —
Не удобрить ли им поля?
Удел сожженных будет светел,
Не смерти, а лишь жизни для.

Сгораем быстро, словно свечи:
Вчера — дитя, сейчас — старик.
Не затухают божьи печи
Ни на один короткий миг.

Но знаю я, что в этом мире
И лета зной, и холод стуж
Возможны, лишь когда в эфире
Летает пепел наших душ...

И все равно, Венеция оставалась божественно, неповторимо прекрасной даже среди этой жуткой вакханалии дождя, снега и ветра. Снежное одеяние, укутавшее дома, мосты и деревья, придавало ей совершенно новое, доселе невиданное очарование. Оно напоминало пышное подвенечное платье, надетое на умершую невесту, так и не дожившую до дня свадьбы. Город словно прощался с жизнью.

Холод усиливался. Легкое облачко пара курилось над моей непокрытой головой, превращая волосы в слипшиеся сосульки. Сердце натужно билось медленными, ленивыми ударами. Я замерзла, но упрямо брела к цели, сверяясь по большому глянцевого путеводителю, купленному на вокзале. До искомого госпиталя оставалось уже не так далеко. Редкие прохожие провожали меня недоуменными взглядами, безмерно дивясь и не по погоде легкой одежде, и странной одержимости, написанной на бледном и застывшем от холода лице. Меня вела одна лишь сила воли, более всего смахивающая сейчас на фанатизм.

Огни в домах не горели, очевидно, из-за перебоев с электричеством. Стены зданий покрывали серебристые налеты изморози, узкие переулки утопали в темноте. По бурой воде каналов плыли комья сбитого снега. Магазины не работали. Я пробиралась по какой-то улице, как вдруг дверь одной из лавок распахнулась и, чуть не сбив меня с ног, из нее стремительно вышел симпатичный мужчина, одетый в теплую меховую куртку. Я пошатнулась и едва не упала, но он обхватил меня сильными руками и заботливо прижал к себе. Я подняла голову и встретила сочувствующий взгляд добрых карих глаз... Глаз, которые я, кажется, где-то уже видела. Но вот где и когда — этого я так и не смогла вспомнить.

Вполне довольный собой, Конрад распахнул дверь злополучного магазина и неожиданно столкнулся с высокой худощавой девушкой, легкомысленно одетой в легкую кожаную курточку, смахивающую на короткий пиджачок. Голову припозднившейся незнакомки венчал смерзшийся колтун из длинных медно-рыжих волос. Столкновение оказалось довольно сильным, и девушка неминуемо отлетела бы в ближайший сугроб, если бы Майер не успел ловко подхватить стройное, одеревеневшее от холода тело.

— Ну, нельзя же относиться к себе так наплевательски! — сердито изрек вервольф,

крепко прижимая к груди миловидную незнакомку, шокированно таращившуюся на него огромными изумрудно-зелеными глазами. – На дворе не май месяц, а вы так легко одеты. – Конрад вдруг непонятно от чего смутился и замолчал.

– А еще несколько дней назад я бегала на утреннюю зарядку в шортах и футболке, – бездумно протянула девушка, не делая ни малейшей попытки вырваться из крепких мужских объятий.

– Вот черт, – восторженно хохотнул Майер, свободной рукой сжимая ладонь девушки и поднося ее к своему рту, чтобы согреть дыханием, – вы прямо не человек, а какая-то ледяная дева из скандинавской саги.

– Я – ангел! – совершенно серьезно заявила незнакомка, улыбаясь странной предобморочной улыбкой.

– Не исключено! – покладисто согласился Конрад, и не ожидавший более адекватной реакции от чуть ли не насмерть замерзшего человека. – А ну-ка, ангел, летаем...

Вой полицейских сирен доносился уже совсем рядом, поэтому рыцарь подхватил на руки практически невесомое тело, быстро огляделся и ногой в тяжелом ботинке пнул дверь в подъезд ближайшего жилого дома. Деревянная створка, хоть и запертая изнутри, не выдержала напора его стальных мышц и, жалобно звякнув сорванным шпингалетом, распахнулась во всю ширь. Вервольф занес девушку в подъезд, посадил на широкий подоконник и довольно потер ладони:

– Вот так-то оно лучше будет! И еще... – он снял с себя теплую куртку и надел ее на незнакомку. – Широковато и длинновато конечно, но, – он натянул капюшон на ее голову и застегнул куртку до самого верха, – это вас согреет!

Во время краткой процедуры одевания он успел ощутить какое-то громоздкое и угловатое украшение, спрятанное под рубашкой девушки, но не заострил на этом особого внимания, любуясь прелестной незнакомкой.

Девушка пошевелила согревшимися пальчиками, благодарно хватаясь за локоть Майера. На сердце у него сразу же стало непривычно светло и радостно. Нет, эта девушка не выглядела безупречной красавицей, но нежный овал ее лица, чуть порозовевшие щеки и яркие глаза под ровными дугами темных бровей произвели на Конрада неизгладимое впечатление, заставив временно отвлечься от мыслей о собственных неприятностях.

– Как же вас зовут, ангел? – спросил он, продолжая разглядывать девушку с все возрастающим интересом.

Незнакомка интригуяще улыбнулась:

– Вы не обидитесь, если я скажу, что хотела бы сохранить инкогнито? Или это вас удивит?

– Удивит? – вервольф задумчиво почесал кончик носа. – Я за истекшие сутки такого навидался, что вряд ли уже способен удивляться чему-либо еще. Хотя, – он оглядел японские клинки, профессионально закрепленные на поясе девушки и окутанные едва видимой дымкой голубоватого свечения, – вы не кажетесь мне обычным человеком! – он осторожно прикоснулся к рукояти Кото.

– Вы видите мои кэны? – поразила рыжеволосая.

Конрад кивнул.

– Мда! – неопределенно протянула девушка. – Да кто же вы такой?

– А если я отвечу, что я убийца, то как вы на это отреагируете? – иронично прищурился вервольф, наблюдая за ее подвижным и выразительным лицом.

Девушка недоверчиво прикусила губу:

– Вряд ли! – после минутного раздумья объявила она, глядя на него испытующе. – Уж поверьте, за последние несколько дней я повидала достаточно убийц. Они черствы душой и никогда не кинутся спасти какую-то замерзающую незнакомку...

Майер беззвучно рассмеялся.

– Я живу неподалеку отсюда. Может быть, вы не откажетесь посетить мою скромную холостяцкую берлогу, обсохнуть, обогреться и отдохнуть? Гарантирую – вас я не убью!

Девушка с сожалением покачала укрытой капюшоном головой:

– Увы, я не могу. Меня ждут важные дела!

– Как жаль! – непроизвольно вырвалось у вервольфа. – Послушайте, – продолжил он, – ваше лицо кажется мне подозрительно знакомым. Я мог где-то встречать вас ранее?

– Вряд ли, – повторно покачала головой незнакомка. – Но почему-то в отношении вас я испытываю совершенно аналогичное чувство.

– Странно! – вполголоса пробормотал Конрад, напрягая бунтующую память. – Очень странное совпадение...

– Мне нужно идти, – девушка прыгнула с подоконника и вопросительно посмотрела на вервольфа. – Я могу воспользоваться вашей курткой?

– Конечно! – любезно согласился Конрад. – Я же уже сказал, что живу совсем близко и спокойно доберусь до дома даже без верхней одежды.

Девушка благодарно улыбнулась и пошла к выходу из подъезда.

– Подождите! – почти выкрикнул вервольф, останавливая ее на полпути. – Я увижу вас еще?

Девушка обернулась:

– Все в руках Божьих! – на нежных губах играла мечтательная улыбка. – Прощайте, мой рыцарь! – дверная створка захлопнулась.

– Странно! – снова произнес Майер, пытаясь сквозь заиндевевшее оконное стекло рассмотреть темный девичий силуэт, быстро исчезающий за пеленой снега и дождя. – И все равно, ее лицо кажется мне таким знакомым... – Неожиданно он осекся и замолчал. А потом оперся на холодную каменную стену и во весь голос издевательски расхохотался над самим собой. Он только что допустил серьезную ошибку, вызвавшую у него отнюдь не разочарование, а столь спонтанный прилив веселья. Он все-таки вспомнил, где видел эту необычную девушку с такими запоминающимися, неповторимо таинственными зелеными глазами. Ибо именно ее отпечатанный на собственном принтере портрет он чуть более суток назад педантично укладывал в прозрачную пластиковую папку, стремясь запомнить внешность заказанного ему объекта со странным певучим именем – Селестина! Судьба тонко подшутила, сведя его с той, кого стригои называли избранной Дочерью Господней, с той – поймать которую он и обязался. Впрочем, Конрад ничуть не жалел о том, что не узнал девушку раньше и не предпринял опрометчивых действий, о которых, возможно, и сам бы впоследствии пожалел. Ведь договор со стригоями разорвался так внезапно и неожиданно, что вервольф пока еще не выбрал, на сторону каких сил он предпочтет встать в этой удивительной, непонятной и опасной игре, стремительно разворачивающейся на арене древней Венеции.

Госпиталь Святой Анны оказался старинным трехэтажным особняком, пусть немного облупленным и неухоженным, но зато поразившим меня несколькими освещенными окнами на правой стороне фасада. Очевидно, здесь имелся собственный генератор, пришедшийся очень кстати в условиях нынешнего ненастья. Окна на левом, противоположном крыле здания отпугивали черными щелястыми, крепко заколоченными ставнями, казавшимися бельмами на глазах слепца и придававшими общему облику госпиталя гротескный вид приземистой кривоглазой твари, страдающей односторонней катарактой. Над входом ненадежно завис позеленевший чеканный светильник, медленно покачивающийся под порывами шквального ветра. Уже не снег с дождем, а настоящая пурга завывала в сотню голодных глоток, грозясь поглотить все живое. Снега навалило уже по щиколотку. Знаю, совсем не по-христиански было забирать теплую куртку у того симпатичного мужчины, не иначе как ниспосланного мне Богом, но без нее я бы точно не смогла добраться до госпиталя и скорее всего уже отдала бы Богу душу в какой-нибудь припорошенной сточной канаве. От всего сердца надеюсь, что мне еще выпадет возможность увидеть его снова и чем-то отблагодарить. Я прижалась лицом к меховой опушке уютного, непроницаемого для ветра капюшона. От куртки пахло чем-то непривычным и сладко

возбуждающим – хорошим дорогим одеколоном, элитным алкоголем и совсем немного псиной. Это меня заинтриговало. Как интересно! Возможно, у незнакомца есть собака? Услужливое воображение тут же с готовностью нарисовало утрированный и клишировано-анимэшный образ огромной мохнатой твари ростом с полугодовалого теленка и с оскаленной пастью, полной острых зубов... Я хмыкнула и недовольным взмахом ресниц отогнала непрошенную ассоциацию. И все-таки, где-то я уже видела эти спокойные карие глаза, окруженные приветливыми мимическими морщинками. Выражение лица незнакомца прочно врезалось в мое сознание, очаровав аурой скрытой силы и ненаигранной уверенности в себе. Весьма неординарный мужчина, весьма...

Я отгребла ногой небольшой сугроб, наметенный под входную дверь, и требовательно забарабанила кулаком в массивную деревянную створку. В ближайшем окне мелькнуло светлое пятнышко зажженной свечи и показалось бледное женское лицо. Я поспешно откинула на плечи капюшон куртки, вовсе не желая, чтобы меня приняли за какого-нибудь громилу, чему немало способствовала великоватая и мешковато обвисающая куртка, придающая мне на редкость подозрительный вид. Но, похоже, женщину успокоили мои длинные рыжие локоны, потому что в двери немедленно приоткрылось маленькое квадратное окошечко.

– Кто вы и что вам угодно? – осведомился дрожащий голосок. – В такую страшную ночь, наверное, один лишь Сатана не спит и отваживается на прогулки.

– Мда, Сатана точно не спит... с кем попало! – ехидно усмехнулась я. – Не иначе как он справляет сегодня первую брачную ночь с самой королевой стригоев!

Из-за двери донесся сдавленный писк.

– В этом городе о стригоях ведомо только ордену госпитальеров!

– Значит, я попала по адресу! – возликовала я. – Не бойтесь меня, я ищу монахов-иоаннитов, также называемыми госпитальерами и рыцарями белого мальтийского ордена!

– Зачем? – недоверчиво спросил полудетский голосок. – Вы не похожи на монашку!

– И слава Богу! – искренне обрадовалась я, опять совершенно не к месту вспомнив красивые глаза и теплые ладони недавнего незнакомца, так ласково отогревавшего мои замерзшие пальцы. – Боюсь, обет безбрачия мне не грозит, и на роль Христовой невесты я не подхожу...

– Вы упомянули имя Господа! – облегченно вздохнули за дверью. – Значит, вы человек, а не порождение Ада!

– Хм, человек ли? – заколебалась я, сомневаясь, стоит ли безоговорочно соглашаться с определением, данным мне бдительной женщиной. – Но как бы там ни было, я, так же как и вы, славлю Спасителя нашего Иисуса Христа и ношу на шее серебряный крест!

– Это хорошо! – эхом донеслось из-за двери.

– Послушайте, – задушевно произнесла я, стараясь, чтобы мои реплики звучали как можно более убедительно и подкупающе. – Я ищу трех братьев-госпитальеров. Их имена: Бенедикт, Лоренцо и Бонавентура. Мне нужно повидаться с ними как можно скорее. Это вопрос жизни и смерти и я...

Я даже не успела закончить начатую фразу, как дверь внезапно отворилась с вымученным скрежетом, являя моему взору тоненький силуэт невысокой молоденькой девушки, закутанной в толстую пуховую шаль. В руке она держала старинный бронзовый подсвечник с почти догоревшей свечой, оплывающей неровными потеками дешевого, дурно пахнущего стеарина. Невинные голубые глаза малютки, даже не достигавшей мне до плеча, светились детским любопытством, смешанным с остатками не до конца испарившегося страха. Я поспешно расстегнула куртку и показала девушке крест с рубинами, ранее принадлежавший фра Винченце. Малышка восхищенно ахнула.

– Проходите же, синьорина, не стойте на пороге! – она уважительно посторонилась, пропуская меня вглубь холодного больничного холла. – Точно такой же крест хранится в потайном сейфе у моего дедушки! Я сразу его узнала – это священная реликвия, доступная только высшим церковным иерархам!

Теперь настала моя очередь удивляться откровенному признанию девушки:

– Существует второй такой же крест? Уж чего не подозревала, так не подозревала! Вот тебе и эксклюзив называется. И он хранится у вашего деда? Да кто он такой, благослови его святая Магдалина?

Малышка проказливо хихикнула:

– Его зовут брат Лоренцо. Пойдемте, я провожу вас во владения монахов-госпитальеров!

Сопровождаемая девушкой, косившейся на меня смущенно и восторженно, я пересекла больничную приемную, перегороженную невысокой стойкой регистратуры, плотно заставленной узкими стеллажами с бумагами. В холле наблюдались следы спонтанно возникшего смятения – валялись перевернутые диванчики и осколки двух разбитых напольных вазонов с жалкими остатками увядшего фикуса и чахлой герани.

– Вы здесь совсем одна? – жалостливо спросила я, присматриваясь к хрупкой фигурке.

Девушка доверчиво кивнула:

– Когда началось это неожиданное похолодание, врачи и медсестры спешно отправили по домам всех пациентов и разбежались сами, торопясь вернуться к семьям. Их не за что осуждать, каждый на их месте поступил бы точно так же. А совсем уж тяжелых больных у нас на этот момент не осталось. Был один безнадежный с раком крови, но он скончался сутки назад...

– А ты? – спросила я, сама не заметив, как случайно перешла на дружескую фамильярность. – Почему ты не ушла домой?

– А мне некуда идти, – скромно улыбнулась девушка. – Мой дом здесь. Монахи никогда не покидают архива, а для меня выделили маленькую комнату в заднем крыле и дали работу сиделки. Я сирота, усыновленная пожилым братом Лоренцо. Поэтому я называю его дедушкой.

Я сочувственно погладила светлые волосы малышки, замечая, что она совсем еще дитя. Вряд ли ей исполнилось больше четырнадцати лет.

Девушка мягко взяла меня за руку, приглашая последовать за ней:

– Идем, нам нужно спуститься в подвал. Ты не боишься?

Я улыбнулась и отрицательно мотнула головой:

– Нет. А ты?

– Боюсь! – честно призналась девушка. – Кстати, меня зовут Фиона. А тебя?

– Селестина!

– В подвале темно и страшно! – скороговоркой продолжила Фиона, прижимаясь ко мне своим худеньким телом, будто к старшей сестре. – Пару часов назад я подошла к лестнице и позвала деда, но он крикнул, что все происходит так, как и должно, и опасности нет.

Я нахмурилась:

– Значит, брат Лоренцо считает, что события развиваются по закономерному сценарию? Хотелось бы мне понять, на чем основана его непоколебимая уверенность.

– Скоро узнаешь, – шепотом пообещала девушка и замолчала, пальцем указывая в сторону темного провала лестничной шахты.

Я перегнулась через узкие ржавые перила, заглядывая вниз и пытаясь проникнуть взором сквозь царящую на лестнице темноту, скрывающую вход в подвал. В этом подземелье, судя по всему, и располагался нужный мне архив, служивший обиталищем престарелых монахов. Бог знает, какие древние тайны нашли прибежище в этом жутковатом месте.

– Эй, есть там кто? – крикнула я, складывая ладони рупором.

Ответом мне стала могильная тишина. Фиона испуганно ойкнула.

– Не ходи со мной, жди здесь! – приказала я непреклонным тоном, вытаскивая из ножен Кото и мелкими шажками спускаясь по осклизлым крутым ступеням, уходящим куда-то ниже уровня первого этажа. Внезапно я вздрогнула и остановилась, носом почуяв опасность. Нет, не зря, оказывается, нас учили различать малейшие нюансы и оттенки

любого, даже самого трудноощутимого запаха. Из подвала сладковато тянуло свежей человеческой кровью, гнилью быстрого разложения и еще какими-то изысканными женскими духами, имеющими совершенно неопишное амбре. Такой аромат может исходить опущенная в яд роза, благоухая обманчиво райскими фимиамами, смешанными со смрадом разверстой могилы. Меня чуть не затошнило от отвращения. Станный запах притягивал и отталкивал одновременно. О, это был дух греховного, порочно-возвышенного наслаждения. Именно так в моем понимании и должна была пахнуть она – моя проклятая сестра, повелительница стригоев!

Одним гигантским прыжком я преодолела оставшийся участок лестницы и приземлилась на ровную площадку с настежь распахнутой дверью. За обитой железом створкой начиналась обширная подвальная комната, плотно заставленная шкафами с разнообразными свитками, манускриптами и рукописями. Пол архива устилал толстый слой мелко изорванных бумаг. А поверх обрывков нелепо распростерлись два растерзанных тела, облаченных в коричневые шерстяные рясы. Я склонилась над одним из трупов, подмечая и гладко выбритую монашескую тонзуру, окруженную жидким венчиком седых волос, и рваные раны, и две аккуратные дырочки на шее, как раз над артерией. Следы укуса стригоя. Внезапно самым краем глаза я различила темную тень, метнувшуюся за моим правым плечом. Я крепко сжала рукоять Кото, обеими руками заноса его для удара, и резко обернулась, прокрутившись на пятках. Но тень и не подумала отступить, неожиданно превратившись в величественного пожилого мужчину, одетого в безукоризненно элегантный смокинг. Я онемела от изумления.

От неожиданности моя ладонь разжалась, и клинок бесшумно упал на заваленный бумагами пол. Прежде чем я успела прийти в себя и нагнуться, нарядный незнакомец одним незаметным для глаза движением преодолел разделяющее нас расстояние, поднял Кото и с любопытством повертел его в руках.

– Замечательный клинок! – он протянул мне мой кэн безупречно корректно, рукоятью вперед. – В нем чувствуется древняя и сильная энергетика, ничуть не ослабевшая за века. Светлая, кстати. Будь моя аура чуть слабее, я бы мог получить весьма чувствительный ожог... – почти бесцветные глаза незнакомца смотрели на меня по-отечески заботливо. – Я напугал тебя, девочка?

– Ну вот еще! – самоуверенно фыркнула я, вкладывая Кото в ножны и поправляя кожаный оби. Руки мои немного дрожали от волнения, но я постаралась не выказывать слабость и, наверное, даже казалась смешной, важно надувая щеки и напуская на себя вид непобедимого самурая. – Я старости не боюсь, я ее уважаю...

Мужчина иронично прищурился:

– И такую тоже? – внезапно его тонкогубый рот широко раскрылся, превращаясь в бездонную черную пасть, из которой выпирали два острых клыка.

– Матерь Божья! – с придыханием выкрикнула я, отшатываясь и осеняя себя крестным знамением. – Так вы стригой?

Незнакомец удовлетворенно оперся на отделанную инкрустацией трость, странным образом появившуюся в его морщинистых руках. Я едва удержалась от желания протереть глаза. Даю голову на отсечение, еще мгновение назад его ладони оставались абсолютно пустыми. Откуда же взялась эта шикарная палка? Не из воздуха же он ее достал?

– Это не фокус, – мужчина любовно погладил золотой набалдашник в форме волчьей головы. – Я безнадежно стар, дорогая девочка. Мои ноги давно уже стали слишком ненадежной опорой. А магия Темного отца по-прежнему со мной... Проклятая подагра! – он медленно подошел к обшарпанному креслу и с громким вздохом облегчения опустился на сиденье, обтянутое потрескавшимся дерматином. – Садись и ты, Дочь Господня, нам предстоит долгий разговор.

Я послушно плюхнулась на грубый трехногий табурет, оказавшись на уровне, сильно уступающем высоте кресла. Теперь я смотрела на незнакомца снизу вверх, смахивая на

прилежную ученицу, трепетно внимающую лекции заботливого учителя. Мужчина протянул длинные пальцы, заканчивающиеся, к моему ужасу, острыми черными, загнутыми внутрь когтями, и осторожно приподнял мой подбородок. Холодные подушечки деликатно и едва уловимо скользнули по носу, скулам, щекам... Мужчина сухо рассмеялся:

– Глаза отнюдь не являются самым надежным органом чувств! Они склонны обманывать нас и вводить в заблуждение.

– А что не обманывает никогда? – заинтересованно спросила я, будучи не в силах оторваться от созерцания его умного, благородного лица.

– Сердце! – поучительно изрек незнакомец. – Верь ему всегда. А еще интуиции, обоснованным доводам разума и воздействию энергетического поля. Вот, например, у тебя оно очень харизматично выражено, с явными задатками лидера и бойца. Яркий солнечный свет, ничем не искаженный и не запятнанный. Идеальный непроницаемый доспех для Божьего воина...

– Вы стригой – порождение Тьмы! – возмущенно перебила я. – Но так легко говорите о Боге, словно... – я замялась, тщетно пытаюсь подобрать точную формулировку для своих противоречивых эмоций, – словно он все равно присутствует в вашей душе.

– Дорогая, ты слышала о «Совершенных»? – вопросом на вопрос ответил незнакомец.

– Конечно! – всплеснула руками я. – Кто же не слышал о легендарных катарах! Их называли еретиками, преследовали и убивали, но я не считаю их виновными в чем-то предосудительном...

– Почему? – поощрил меня мужчина.

– Почему? – я ненадолго задумалась. – Они тоже верили в Господа нашего Иисуса Христа, просто утверждали, что для общения с Богом людям не нужны священники и церкви. Для этого нужны лишь искренняя вера и желание творить добро. Бог един и обитает в различных местах – в пустыне и на море, в небе и на земле, в костеле и мечети, в синагоге и храме... Он имеет десятки имен, но это не меняет ни его сущности, ни его роли. Бог обитает в нашей душе!

Мужчина откинулся на спинку кресла и рассмеялся серебристым, журчащим, будто весенний ручеек, смехом:

– Да ты же настоящая альбигойка, дорогая моя девочка! – изуродованная распухшими суставами ладонь бережно прошла по моим распущенным волосам. Я доверчиво потерлась об нее щекой, прекрасно понимая – этот странный не-человек, принадлежащий Тьме, несет бессмертный заряд тепла и света.

– Меня нужно сжечь? – провокационно спросила я, вызывая его на откровенность.

Незнакомец рассмеялся еще залиvistее:

– Если бы этот разговор состоялся лет семьсот назад, то да – твои шансы попасть на костер инквизиции были бы весьма велики. Но ведь ангелы не горят...

– И Дети Тьмы тоже? – нахально спросила я.

Мужчина хмыкнул:

– Тамплиеров причислили к сонму адских порождений и сожгли. Сотни и тысячи катаров превратились в прах. Но можно ли так просто убить, уничтожить магистра стригоев, тулузского рыцаря Гонтора де Пюи?

Я потрясенно ахнула. А впрочем, именно чего-то такого я подсознательно и ожидала. Уж слишком он не походил на обычного смертного. Он был сверхчеловечески умен, проницателен и владел темной магией...

– Я читала о вас в запрещенных книгах! – хвастливо заявила я. – Существует легенда о том, что вы, вместе с горсткой отважных соратников, пережили резню в крепости Монсегюр и спаслись!

– И твой предок тоже! – довольно улыбнулся де Пюи. – Мой верный друг и родной кузен, знаменитый лангедокский менестрель Жерар ле Руак, одновременно со мной испивший из Атонора и ставший стригоем, одним из патриархов нашего рода. Именно от него ты унаследовала и редкостный дар стихосложения, и каплю проклятой крови катаров.

Я сдавленно пискнула.

– Кстати, это я прислал сообщение на твой мобильный телефон! – совсем добил меня стригой.

Я с грохотом свалилась с неустойчивой табуретки...

Глава 4

А великий магистр продолжал неторопливо рассказывать.

– Мы понимали, что обречены. Войска Симона де Монфора плотно обложили стены Монсегюра, поклявшись не щадить никого. Немногочисленные защитники крепости готовились принять свой последний бой. Но Грааль – священная Чаша Христова не должен был попасть в запятнанные кровью руки этого чересчур ретивого католика. Мы собирались передать его истинным рыцарям веры – самоотверженным и бескорыстным тамплиерам. В те годы орден еще не ударился в ростовщичество и, пожалуй – являлся образцовым примером настоящего божьего войска, чистого и плотью и помыслами. Мы решились доверить им величайшую реликвию нашего мира. На рассвете решающего дня штурм четверо смельчаков вышли через тайный подкоп, ведущий за пределы осажденного Монсегюра, и вынесли сверток с Граалем и некоторыми другими христианскими святынями. Они направлялись в Неаполь. Среди них был и юный сын моего верного Жерара – Эмвель. Рыжеволосый Эмвель ле Руак, бард и певец, наделенный редкостным по красоте голосом, имеющий облик молодого ангела и умеющий слагать проникновенные псалмы и баллады. О, его стихи таили удивительную силу, заставляя рыдать от восхищения и умиления каждого, кто услышал их хотя бы единожды. Говорят даже, что этот несравненный дар шел от самого Господа, радующегося стойкости веры Эмвеля и его преданности нашему делу. Бард принял обеты катаров, заслужил посвящение в «Совершенные» и по праву считался сладкоголосым певцом Господним. Беглецам удалось спастись и достигнуть замка тамплиеров. Впоследствии Эмвель сам стал рыцарем Христовым, женился на итальянской девице благородного происхождения и положил начало роду дель-Васто, истинных благочестивых христиан, последним отпрыском которого оказалась ты, моя дорогая девочка. Мы же приняли уготованную нам участь и вверились Темному отцу, испив из Атонора – сосуда Тьмы. Так мы стали стригоями. Нынешняя Повелительница стригоев происходит из моей ветви, вы с ней обе несете наследие катарской крови, являясь сестрами по духу и родовым корням...

– Но, – гневно вскричала я, – для меня слишком мало узнать старинные фамильные предания и углубиться в родовую генеалогию, пусть даже столь подробно. Андреа, так же как и я, принадлежит к семейству дель-Васто и почему-то тоже носит титул последней маркизы де Салуццо. А этот парадоксальный факт не объяснишь одной лишь катарской кровью!

– Все верно, – согласился старый стригой. – Нашей искупительной жертвой Темному отцу стали душа и тело прекрасной девственницы – Изабо д’Ан Марти. Она приняла в себя его черное семя и произвела на свет Первородного сына Тьмы, антихриста – демона Себастиана. Изабо не пережила чудовищных родов, потому что демон явился из ее лона уже имея облик взрослого мужчины. Несчастная девушка погибла мучительной смертью, успев произнести ужасное пророчество о том, что когда две проклятые крови катаров соединятся в одну, то на свет появятся две сестры – Дочь Тьмы и Дочь Господня. И тогда наступит конец света... Так и произошло – в роду дель-Васто слились кровь стригоев и верных защитников святого Грааля!

Я наклонилась ближе к Гонтору, напрягая слух:

– Но как смогли воссоединиться две противоположные линии? Род стригоев и человеческая семья?

– О, – покаянно начал Гонтор, – это произошло поистине невероятным образом...

Внезапно его слова прервало странное явление. В центре комнаты неожиданно возник

сгусток темной энергии, стремительно закручивающийся в непроницаемый кокон, состоящий из холодного ветра и жирного черного пепла. Субстанция все уплотнялась, обретая форму чего-то осязаемого и материального. На меня вновь повеяло странной смесью из жуткого могильного зловония и упоительного цветочного аромата. Кокон вдруг развернулся и рассыпался в пыль, оставив перед нами тонкую фигурку ослепительно прекрасной девушки, черноволосой и синеглазой, облаченной в серебристое струящееся платье. Красавица запрокинула обворожительную головку и злорадно расхохоталась.

– Чудесно, теперь вся семейка в сборе. Кажется, я успела вовремя. Я примерно наказала этих болтливых монахов, но почувствовала присутствие бабушки и вернулась. Ну, здравствуй, Дочь Господня! Я и есть твоя сестра – Андреа дель-Васто!

Конрад готовился. Он пока еще сам точно не понимал, к чему именно, но, повинаясь неумолкающим воплям растревоженного предчувствия, тщательно почистил любимый «Вальтер», на всякий случай запасаясь обоймами как с обычными, так и с освященными патронами. Может, если попридираться, немецкие пистолеты и не относятся теперь к самым совершенным и надежным, но Майер пошел на поводу у собственного закоренелого педантизма, основательно замешанного на патриотизме и классической консервативности, всегда свойственной арийской расе. И пусть после произошедшей с ним трансформации кожа вервольфа стала чуть более смуглой, волосы потемнели, а глаза утратили столь ценный Рейхом голубой цвет – Майер всегда был и оставался стопроцентным немцем. Немцем до мозга костей, до эмали зубов и до кончиков ногтей на ногах. Он скрупулезно протер чистой замшевой тряпочкой отличный охотничий однолезвенный нож «Белый охотник» и убрал его в напоясные ножны. После недолгого колебания, все-таки отложил удобную и хорошо пристрелянную снайперскую винтовку, решив, что она способна привлечь слишком много ненужного внимания. Зато взял пару метательных кинжалов и несколько сюрикенов различной формы: шип, пряжка, гарпун, нож, сложив их в прочный, предназначенный специально для таких целей футляр. Все клинки прошли освящение в ватиканском соборе Святого Петра. Оборотни остерегаются серебра. Оно оказывает на них особое, почти мистическое действие и способно наносить глубокие, труднозаживающие раны. Этот металл обладает магическими свойствами, и изготовленное из него оружие, особенно выкованное или отлитое в полнолуние – прямая угроза для жизни любого, даже самого сильного и опытного вервольфа. Единственное в своем роде и совершенно загадочное воздействие на него оказывал лишь крест, подаренный братом Бонавентурой. Он не вызывал каких-либо неприятных ощущений, а наоборот, вселял в Майера истовую веру в торжество добра и справедливости, напивая его сладостным теплом. У самого Конрада тоже имелось несколько серебряных ножей, с которыми он обращался в высшей степени осторожно и аккуратно. Но освященного оружия бояться все твари без исключения. Запах чеснока доставляет стригоям лишь легкое неудобство и раздражение, подобное тому, какое вызывает у обычного человека жужжание назойливого комара. Единственный и надежнейший способ навечно успокоить любого кровососа – отсечь его голову клинком из добротной стали, принявшей на себя силу святой мессы и воду из церковной купели. Стопроцентная гарантия – ни один комар после этого не воскреснет. А уж стригой и подавно. Почернеет и рассыпется в прах – как те две полоумные блондинки в давешнем кафетерии. Кстати, комаров вервольф уважал намного больше, чем проклятых стригоев. А об участии убиенных девиц он не скорбел ничуть. Да и вообще, самое главное перед намечающейся дракой – это спокойствие и еще раз спокойствие. Поэтому сейчас Конрада печалило лишь одно: горячей венецианской пиццы с копченой колбасой он так и не попробовал...

Электричество в его квартире отключилось, впрочем, как и во всем городе. Зато в наличии имелся великолепный камин в комплекте с богатым запасом дров и угля. А в баре нашлась заботливо припасенная бутылочка отличного красного «Санджовезе». Такое вино, конечно, приятнее пить не в одиночку – растянувшись на пушистой овечьей шкуре, устилающей пол перед камином, а в компании какой-нибудь симпатичной во всех

отношениях молодой особы, причем – именно на шкуре.

– Хотя потом можно и в кровать перебраться! – вслух размышлялся Конрад, попивая вино и закусывая его тонко нарезанными ломтиками сыра. – И девушка подходящая у меня на примете имеется... – он грустно вздохнул, представив, что она, возможно, все еще бродит по заснеженным городским улицам, озабоченная своими тайными делами. – А ведь я ее в гости звал! – вервольф вздохнул еще разочарованнее. – Нет, я же не насильник какой, я бы даже приставать к ней не стал, – он меланхолично посмотрел на огонь сквозь хрустальный бокал, доверху наполненный благородным напитком. – Или бы все-таки стал?

Майер перевернулся на живот, положил подбородок на руки и вопросительно уставился на фотографию Селестины, прислоненную к тарелке с ветчиной, словно ожидал, что сейчас она по достоинству оценит его сугубо теоретические домогательства и выдаст остроумный ответ. Но портрет, естественно, молчал.

– Тьфу ты, черт! – сердито проворчал вервольф, обиженно отворачиваясь от фото. – Не хватало еще влюбиться! А что, возможно, любовь с первого взгляда все же существует. – Он снова обратился к портрету: – А ты, милая, что об это думаешь?

На губах Селестины играла загадочная улыбка.

– Старею! – критично подвел итог Конрад, испытывая острое желание пожалеть самого себя. – Не смог девушку очаровать, стыд и позор на мою голову! Кретин! Разрешил ей уйти. А без нее сейчас так тоскливо и одиноко – хоть волком вой! – он и в самом деле испустил короткую, душераздирающую руладу, должную означать смертную тоску несправедливо покинутого самца. – Мда! – он одним глазом заглянул в почти опустевшую бутылку. – И кто придумал умную фразу о том, что истина – на дне? Нет там ничего! Ну, если только еще пара глотков, – он поднялся, слегка покачиваясь. – Пойду-ка я баиньки. Один!

Конрад крепко прижал к груди фотографию в пластиковом пакетице, наступил в блюдо с сыром, выругался и, не раздеваясь, залез под толстое верблюжье одеяло. Любовно прикоснулся губами к нежным устам девушки на портрете, поставил фото на прикроватную тумбочку и через две минуты уже храпел вовсю, убаюканный эротическими мечтами и согретый растекающимся от камина теплом. Последней его связной мыслью стало желание увидеть ее во сне. Так оно и произошло. Но ночное видение оказалось ужасным. Конрад проснулся на рассвете, напуганный непонятным сном, в котором он ясно видел Селестину, опутанную ржавыми цепями и уложенную в массивный каменный гроб. Она звала его на помощь. А вервольф, обезумевший от горя и отчаяния, искал, но нигде не находил свою рыжеволосую возлюбленную, хоть и отчетливо слышал ее жалобные призывы...

Конрад оторвал голову от подушки и посмотрел на часы. За окном едва заметно светлело. Ночь шла на убыль. Стрелки показывали пять часов утра. Майер задумчиво почесал бритую голову и перевернулся на другой бок. Большой карнавал начинается сегодня, в девять вечера. А в такую безбожную рань встают только дураки и трудоголики!

Комнату огласили новые раскаты еще более заливистого храпа.

Я слегка согнула колени, выставила вперед правую ногу и положила левую руку на ножны Кото, указательным пальцем упираясь в цубу. Красноречивая поза, не только предвещающая извлечение кэна из ножен, но и согласно правилам кэндо – этикета воина недвусмысленно отображающая неуважительное отношение к противнику. Типа:

Враг – трепещи, ведь я с тобой
Готов начать смертельный бой!

Очень, кстати, подходящая для кодекса настоящих самураев фраза! Но, похоже, Андреа в искусстве иайдо не разбиралась совершенно и моего показного бахвальства не оценила. Она окинула меня презрительным взглядом и снисходительно улыбнулась, демонстрируя свое не вызывающее сомнения лидерство в запутанной цепочке семейной иерархии.

– Может, для начала все же поговорим по-товарищески?

– Пьемонтский волк тебе товарищ! – несговорчиво буркнула я.
– Так значит, да? – хмуро протянула стригойка. – Нарываешься, значит? И почему, спрашивается, все люди такие тупые и упрямые?

– А это ты у Дарвина спроси! – издевательски брякнула я, вспомнив теологические изыскания Натаниэля.

Стригойка удивленно расширила глаза.

– С каких это пор ты атеисткой стала? Ведь вроде бы сей ученый муж объяснял природу происхождения человека сугубо естественными процессами и причинами, начисто отрицая какое-либо участие Бога.

– Угу! – радостно кивнула я, начиная незаметно, по чуть-чуть поворачивать клинок в ножнах и смешливо опуская глаза. Можно нести любые нелепости, лишь бы временно заболтать стригойку и усыпить ее бдительность. Ибо главная заповедь сенсея Кацуо гласит: не иди наповоду у врага, начинай бой в нужный момент и на выгодных для тебя условиях. Кроме того, я уже подозревала, чем может завершиться такой противоречивый разговор, после того как у сестрицы закончатся аргументы... – А ты сама-то как думаешь?

– О-о-о, – Андреа с умным видом возвела глаза к низкому потолку подвала. – Люди такие грязные и низменные животные, что я вполне согласна с Дарвином. Стригойки, безусловно, дети Темного отца, а человек – уж точно произошел от этих хвостатых, краснозадых... – тут она заметила, что я непростительно отвлеклась, и возмутилась во весь голос: – Селестина, если ты не будешь смотреть на меня внимательно, то ни за что не сможешь представить себе, как выглядит...

– ... обезьяна! – услужливо подсказала я, ехидно подмигивая.

Из горла стригойки вырвался громоподобный рев гнева.

– Ах ты, негодная тварь! – взвыла она, прямо из воздуха материализуя длинный боевой посох, угрожающе отсвечивающий переливами тусклого серого пламени. – А ведь я хотела поступить с тобой по-хорошему!

– Ага, вижу! – не осталась в долгу я, одним мягким движением извлекая Кото из ножен и занося его невысоко над головой, прикрывая лоб клинком, а грудь – слегка разведенными локтями. – Это ты им скажи, – я кивнула в сторону безвинно убиенных монахов. – Так я тебе и поверила. К тому же, экзорцисты давно взяли на вооружение главный принцип ФБР – никаких переговоров с террористами.

– Это я-то, что ли, террористка? – пренебрежительно хмыкнула Андреа, обеими руками прокручивая перед собой светящийся посох. Нужно признаться откровенно, выглядело это весьма впечатляюще.

– Не-а, ты даже не боец, – издевательски заявила я, – хоть и корчишь из себя великого джедая. Ты просто банальная, заикленная на власти кровососка...

– А вот за соску – ответишь! – ощерилась сестрица. – Эти монахи знали слишком много, я удачно заткнула их болтливые рты.

– Ну да, я именно это и имела в виду – по ртам ты у нас спец! – с мнимой покладистостью согласилась я.

Стригойка стушевалась, не находя, что ответить.

«Ха, – насмешливо подумала я, – ты просто не проходила стажировку по подколкам и хохмам под чутким руководством Оливии и Натаниэля. А уж они-то по этой части кого угодно за пояс заткнут». Но тут нервы стригойки не выдержали, и она нанесла первый удар.

Светящийся посох с невероятной скоростью распорол воздух, сливаясь в одну размазанную полосу, почти не различимую. Она метила мне в висок, чуть наклонив оружие и вложив в движение всю инерционную силу вращательного момента. Твердо удерживая рукоять катаны правой ладонью и слегка подкручивая кэн левой, толчковой рукой, я плавно сместила Кото вбок, отражая напор посоха. Продолговатые долы на поверхности моего меча злобно и протяжно запели, озвучивая желание напиться крови врага. Соприкосновение двух противоборствующих боевых орудий породило громкий звон. Оба конца посоха заканчивались широкими обоюдоострыми лезвиями из мертвенно-бледной стали.

Посыпались искры... Андреа дико взвизгнула и, уперев свое удивительное оружие в пол – ловким прыжком взметнула себя вверх, одновременно с этим приемом выполняя мощный удар правой ногой, направленный мне в корпус...

«Ничего себе кун-фу! – успела воскликнуть я, стремительно пригибаясь и плавным перекатом через плечо, уходя в сторону. – Кажется, я ее недооценила!»

Даже не потеряв равновесия, стригойка ответила яростной мельницей, мастерски вращая посохом. Лезвия так и мелькали. Вспомнив уроки мастера Кацуо, я сначала совершила обманный выпад на уровне шеи, а потом мгновенно перехватила кэн в одну руку и ударила снизу, метя в живот. Дезориентированная моей хитростью, Андреа с опозданием вышла из мельницы и развернула посох горизонтально, прикрывая плечи и голову. Но она не успела парировать достаточно эффективно и замешкалась – смещая оружие ниже. Острый кончик Кото задел ее брюшину, распарывая красивое платье и оставляя длинный разрез. Рана оказалась серьезной, чрево девушки начало стремительно распадаться вдоль, открывая отвратительные клубки черных, ритмично сокращающихся внутренностей. Хлынула зловонная темно-багровая кровь. Стригойка покачнувшись, уронила посох и одной рукой схватилась за живот. В ее глазах зажглось неконтролируемое пламя безумия. Вторая ладонь, раскрытая и окровавленная, потянулась ко мне, наливаясь слабым свечением.

– Отходи, это магия! – предупреждая закричал Гонтор де Пюи.

– Селестина! – раздался испуганный голосок Фионы, и малышка, посмеивая все-таки послушаться моего приказа и неосторожно спустившаяся в подвал, вспугнутой птицей метнулась к нам, подкатываясь прямо под ноги раненой стригойке...

Андреа захохотала ликуя и утробно. Быстрота ее реакции изумляла. Я еще только наотмашь заносила клинок, желая отсечь направленную на меня кисть руки – и понимая, что катастрофически не успеваю, как стригойка уже смогла отнять руку от живота, практически на лету перехватывая хрупкое тельце девочки...

– Нет! – горестно взывала я.

Но Андреа одним коротким сжатием клыков прокусила беззащитное горло Фионы и мощным вдохом втянула в себя ее кровь. Буквально на наших глазах чудовищная рана, уродующая плоть Андреа, начала затягиваться. Какой же все-таки немыслимой силой обладала эта адская тварь! Ее способность к мгновенной регенерации просто поражала воображение!

– Берегись! – снова вскрикнул старый рыцарь, но было уже поздно.

С ладони стригойки сорвался протуберанец холодного черного пламени, ударивший меня в грудь и отбросивший к противоположной стене. Удар оказался чудовищным. В голове снова помутилось, перед глазами замелькали красные искры...

«Да сколько же можно!» – успела мысленно возмутиться я, в черт знает какой по счету раз утрачивая ощущение реальности...

«Если вас ударить в глаз – вы, конечно, вскрикните. Раз ударить, два ударить, а потом... привыкните!» – столь претенциозная фраза способна родиться в устах лишь одного воинствующего философа – Оливии. Но если вдуматься, то подруга права. Ибо если вас хорошенько приложили по черепу, а вы – выжили, то это, бесспорно, следует считать чистой воды везением. Ударили повторно, но вы опять оклемались – совпадением. Ударили в третий раз, а вы и после этого свежи как огурчик и бодры, будто молодой петушок – уже надежно сформировавшейся привычкой. И никакое вовсе это не чудо, как поспешил бы сказать не в меру набожный Натаниэль, добавив любимое «аллилуйя»! Вот и получается, что здравый скептицизм, да еще в сочетании с непробиваемой головой и крепкими нервами – огромная сила, ничуть не уступающая по действенности божьему дару! А если не верите мне на слово – то проверьте сами!

Придя в сознание, я первым делом широко распахнула глаза, глянула перед собой и снова их испуганно зажмурила, недоумевая – почему все самое хорошее и самое плохое в нашей жизни случается так не вовремя? Даже окончание обморока...

Они сражались яростно и беспощадно, не на жизнь, а на смерть. Стригойка против стригоя, внучка против деда, ведьма против мага. Функцию оружия выполняли посох и трость, одинаково окутанные вспышками мертвенного потустороннего света. Де Пюи держался храбро, хотя мне сразу стало заметно, что возраст и телесная немощь доставляют ему немало неудобств. Андреа напирала:

– Как неосмотрительно было отказываться от Причастия Атонора! – притворно сочувственно вздохнула она. – Силы от подобного воздержания не прибавится.

– Я отрекаюсь от темной силы! – гневно выкрикнул патриарх, с трудом отражая удар посоха Андреа. – Я искренне раскаиваюсь во всех совершенных злодеяниях и верю свою душу Господу моему Иисусу Христу. Я готов бестрепетно принять уготованную мне кару и жажду покаянного возвращения в лоно христианской церкви. Да будь ты проклят, Сатана!

Стригойка злобно расхохоталась. Лавиноподобное эхо ее голоса, многократно усиленное магическим полем, шквалом отразилось от каменных стен подвала, сотрясая шкафы и поднимая вверх тучу бумаг. Я, впечатленная поистине устрашающей демонстрацией ее мистической власти, поджала ноги и свернулась в клубок, стараясь занимать как можно меньше места и избежать прикосновения Тьмы. Я не стыдилась проявляемой мной слабости, мне с невероятной силой хотелось жить.

От потолка отделилось плотное черное облако, начавшее медленно оседать на наши головы. Лицо Гонтора приняло растерянное выражение. Он взмахнул тростью, но волшебный артефакт неожиданно переломился, будто хрупкая тростинка, и рассыпался бурой древесной пылью. Тогда де Пюи обвел помещение панически расширенными глазами, словно пытаясь отыскать что-то спасительное, способное действительно противостоять сгущающейся вокруг нас угрозе. Его лицо начало стремительно стареть, покрываясь разветвленным рисунком глубоких морщин и безобразной россыпью желтых пигментных пятен. Что-то неведомое быстро пожирало его жизненные эманации, превращая в сухую мумию. Судорога страдания прошла по телу стригоя. Он затравленно оглянулся по сторонам и вдруг заметил меня. На один краткий миг наши зрачки встретились. Старик нежно улыбнулся:

– Как же я посмел забыть о тебе, девочка! – мягко шепнули растрескавшиеся губы. – Но не бойся, мир достоин обрести еще один шанс на возрождение – в твоём лице, ангел. И он его получит, даже если эта попытка будет стоять моей никчемной, грешной души. Ты должна, ты обязана предотвратить наступление черной зимы...

Ладони Гонтора торопливо задвигались, совершая магические пассы и трепетно выплетая едва различимую серебристую энергетическую сеть, которую он заботливо накинул на мое свернувшееся в комок тело, бережно защищая от неотвратимо надвигающегося зла. Я ощутила легкое тепло, исходящее от моей нежданной брони, согревшее не только плоть, но и душу.

– Запомни, – сбивчиво зашептал стригой, наклоняясь ко мне совсем близко и совершенно игнорируя Андреа, нависавшую над нами с распростертыми руками и гипнотически полуприкрытыми веками, словно она ожидала появления чего-то всесильного. – Бог часто посылает нам испытания, призванные закалить наши бранные оболочки и возвысить наш слабый дух. Жадных он испытывает золотом, черствых – беспомощностью, наивных – глупостью, самовлюбленных – гордыней, эгоистичных – властью, сильных – слабостью. Но самые страшные испытания – это любовь, дружба и сострадание. Сумей пройти через них, девочка. Прощай, да хранит тебя Бо...

Но в этот самый момент Андреа наконец-то вышла из своего колдовского транса, взмахнула обеими руками и приоткрыла алый рот. Ее прекрасные губы немедленно сложились в некое подобие бездонного колодезного отверстия, из которого хлынула струя морозного ветра, реющего и грохочущего под сводами подвала. Словно дождавшись столь ужасного подкрепления, черное облако полыхнуло зигзагами сиреневых молний и обрушилось прямо на нас...

Мне казалось, что мир навсегда утратил свои привычные свойства, суть и форму, сменившись клокочущими переливами остервенелого холода, тут же перетекающего в непереносимую жару адского пекла, неумоимо пытающуюся пробиться сквозь окутывающую меня магическую защиту, сотканную магистром де Пюи. Смерть находилась совсем рядом, стояла всего в какой-то паре миллиметров от моего левого плеча, протягивая ко мне свои скрюченные пальцы и скаля гнилые зубы. Она пыталась кусать и жалить, но не могла и, бессильно ворча и скрежеща, отступала перед непроницаемым барьером того, что можно создать лишь любовью, светом и добром. Старый «Совершенный» преподнес мне последний бесценный подарок, вложив в него не только остаток сбереженной силы и энергии, но и самую сущность своей так и не доставшейся Дьяволу души. Он спас мою жизнь, пожертвовав своей. А потом все закончилось так же внезапно, как и началось...

Моя защита бесследно растворилась, оставив после себя несколько тонких серебристых ниточек, которые я скрытно подобрала и зажала в кулаке. Темное облако тоже исчезло, превратившись в мутное марево, медленно впитывающееся в кучи осклизлых, набухших сыростью бумаг. Андреа по-прежнему стояла в центре комнаты, сверля меня неотступным взглядом налившихся кровью глаз.

– Ты, – дико прорычала она, – девчонка! На вид – такая тощая, слабая и беззащитная. Что же есть в тебе такое, что заставило даже моего умудренного годами деда пойти против своего народа?

– Добро Бога, Свет Бога, Слово Бога! – с вызовом ответила я, поднимаясь на ноги и отвечая сестре не менее уверенным взглядом. – И знай, я не позволю тебе истребить людей, я их защищу!

– Что? – оторопело спросила Андреа, не веря собственным ушам. – Ты? С этой жалкой кучкой твоих никчемных друзей? Опомнись, глупая! Ваш монастырь разрушен, Иисус и его архангелы укрылись на небе, страшась нас и не рискуя вмешиваться в земные дела. Да они даже не слышат ваших молитв и не видят постигшей вас беды, настолько сильна магия Темного отца. Что вы можете?

– Не сдаваться! – упрямо ответила я.

Андреа недоверчиво хихикнула:

– Это так мило! Уверена, ваше сопротивление окажется забавным и незапланированным развлечением, отлично вписывающимся в программу Большого карнавала!

Стригойка огладила руками свое изрядно попорченное платье и поправила растрепавшиеся волосы. На ее губах змеилась мечтательная улыбка. Она протянула ко мне раскрытую ладонь и задумчиво поводила ею, словно пытаясь ощупать окружающий меня воздух. Потом разочарованно вздохнула и отдернула пальцы.

– Сейчас ты сильна. А я истратила много сил и ослабела. Тебя защищает архангельская аура, дарованная вашим Богом. Ты непорочна и чиста. Но поверь моему опыту, – она мерзко ухмыльнулась, – это у тебя не навсегда. Когда-нибудь ты совершишь что-то такое, что ослабит твою защиту, запятнает твою душу, тело и ввергнет в пучину греха. И тогда я тебя достану! Мне нужно просто подождать! До свидания, Дочь Господня, – в голосе стригойки прозвучала откровенная насмешка, – пока что – невинное дитя божье. Я умею ждать!

Я только хотела ответить, что, мол, фиг тебе, не дожدهшься, гадина, я не собираюсь грешить, нарушать Божьи заветы и заповеди, как вдруг тело стригойки мелко затряслось, задрожало, утратило прежние обольстительные очертания и... рассыпалось целым ворохом серых, отвратительно противных мышей, резко метнувшихся прочь – в многочисленные дыры и щели. Андреа пропала, думаю, преднамеренно выбрав столь экстравагантный способ отступления.

– Вот это магия! – вслух произнесла я, потрясенная до глубины души. – Как же можно бороться против такой силы?

От тел невинно убиенных монахов и малышки Фионы остались лишь темные пятна копоти, почти впитавшиеся в мокрую бумагу. Но рядом со мной еще лежал мертвый Гонтор

де Пюи, превратившийся в жалкий обугленный остов.

– И что мне теперь делать? – растерянно спросила я у окружающей меня тишины, опускаясь на колени и кончиком указательного пальца прикасаясь к берцовой кости погибшего стригоя. – Монахи ничего мне не рассказали, унеся с собой в могилу тщательно оберегаемые ими тайны. Вы тоже не успели закончить свое увлекательное повествование, – я виновато погладила останки великого патриарха. – Вы погибли из-за меня, и я... – но, очевидно, мое робкое касание все-таки оказалось слишком тяжелым, хрупкие обугленные кости не выдержали и начали рассыпаться. Я горестно вскрикнула. Но процесс уже стал необратимым. Ключицы, лопатки, череп невероятно правильной формы с высоким лбом и красивыми, сильными челюстями... Вскоре все это исчезло, передо мной покоилась небольшая кучка серого пепла.

– Прах к праху! – печально напутствовала я. – Секреты так и остались секретами. Надеюсь, Иисус простил тебя, храбрый Гонтор де Пюи, и принял в Рай еще одну сумевшую очиститься от скверны душу!

Внезапно пепел пришел в движение. Мельчайшие частицы плавно перемещались по полу, складываясь в буквы.

– Стол! – потрясенно прочитала я. – При чем тут стол?

Но, увы, пепел не расщедрился на еще хотя бы одну подсказку, превратившись в серебристую звездную пыль, поднявшуюся вверх и растаявшую без следа. В воздухе разлился сладкий аромат ладана и мирры, да пронеслось легкое краткое дуновение, сходное с шелестом ангельских крыльев. На моих глазах выступили крупные слезы облегчения и умиления, я уверовала – Бог сжалился над старым стригоем и принял его в свои всепрощающие объятия.

Я в последний раз проникновенно шмыгнула носом и поднялась на ноги. В помещении имелся один-единственный стол – неописуемо обшарпанный и ветхий. Я целеустремленно обшарила все ящики, не пропустив ни малейшей полочки, ни самого захламленного уголка. В столе хранилась прорва ненужных вещей – свечные огарки, медные крестики и давно засохшие, обглоданные крысами хлебные корки. Связки выцветших документов и религиозные брошюры. Но, увы, я не обнаружила ничего, способного пролить хоть каплю света на интересующие меня тайны. Впрочем, я и сама не знала, что именно ищу. Уже почти отчаявшись, я случайно провела ладонью по внутренней поверхности столешницы этой шатающейся и скрипящей мебели. Совершенно неожиданно мои пальцы наткнулись на что-то тонкое и плоское, приклеенное к столу с помощью скотча. Я осторожно высвободила бесценную находку. Это оказался компьютерный диск, предусмотрительно завернутый в толстый слой прозрачного целлофана. Я сунула его в карман короткой кожаной курточки, так и оставшейся на мне под теплой меховой «Аляской», подаренной незнакомцем.

– Ага! – возликовала я. – Похоже, мои замшелые монахи не чурались последних достижений технического прогресса и были весьма продвинутыми стариками. Спасибо вам! – я благодарно поклонилась тому месту, где совсем недавно лежали тела братьев-госпитальеров. – Вот только почему вас двое – вместо трех?

Но в подвале царила могильная тишина. Я пожала плечами и вышла из архива, более не собираясь нарушать покой, оберегающий память о погибших здесь людях. При этом я пребывала в абсолютной убежденности, что защитивший меня стригой ничуть не подходил под презрительное определение «тварь» и перед лицом смерти вел себя как самый человеческий из людей и принял неоспоримо благостную и мученическую кончину.

Обратный путь стал для меня решающим испытанием силы воли, твердости характера и выносливости духа. Меня спасла закалка, выработанная утренними пробежками. Вьюга ярилась и злобствовала, не желая выпускать из своих ледяных лап упрямо ускользающую жертву. «Зачем ты страдаешь, ведь я так нежен и мягок! – манил снег, затягивая в свои убаюкивающие объятия. – Ляг, не беги, смотри вечные сны смерти!» Но я настойчиво шла вперед, прикрывая лицо отворотами капюшона и обретая свежие силы в мечтах о кареглазом незнакомце. «Смирись, непокорная! – предательски вкрадчиво выпевал ветер, уподобясь

волшебной золотой арфе. – В этом мире уже нет никого, кроме меня!» Но я не хотела сдаваться. «Я твой друг! – завлекала и обманывала темнота. – Я дам тебе вечный покой и приют, только остановись, не беги...»

Мокрая, продрогшая, усталая и почти омертвевшая я ввалилась в вестибюль гостиницы «Звезда Венеции» и обессиленно рухнула на руки торопливо подхватившей меня Оливии. Я все-таки дошла.

Глава 5

Часам к десяти утра погода немного наладилась. Снегопад прекратился. Но взошедшее над домами солнце светило непривычно тускло, так и не сумев полностью пробиться сквозь толстый слой рыхлых дождевых облаков, со всех сторон плотно обложивших хмурое, серо-свинцовое небо. С мощеного камнями плаца перед дворцами Старой и Новой прокураций спешно выметали скрюченные тушки нескольких десятков мертвых голубей, не сумевших пережить страшную морозную ночь.

После двенадцати на дворе установился легкий бодрящий морозец. Почти готовая к выходу из дома и ждущая прихода Рауля, который должен был дать знать, когда соберется прибывшая на карнавал элита стригоев, Андреа с нескрываемым удовольствием следила за действиями слуги, расстилающего ковровые дорожки, и злорадно улыбалась. Темный отец постарался на славу! Разливающийся за окном мутный полумрак как нельзя лучше способствовал реализации ее самых дерзких планов. Странное вневременье, установившееся благодаря магии Темного покровителя и являющееся чем-то промежуточным между днем и ночью, подействовало на стригоев весьма благотворно. Ведь сегодня даже обычно беспомощные в светлое время суток морои, и те не залегли в свою привычную спячку, а проявляли невиданную доселе активность. Палаццо ла Витиччи буквально кипело жизнью, усиленно готовясь к открытию Большого карнавала, назначенному на девять часов пополудни. О нет, конечно, все официальные мероприятия начались уже давно, сразу же после обеда. Изумительный водоворот перевоплощений и мистификаций всегда предваряет торжественное шествие, охватывающее главные улицы старинного города. Площади заполняют фокусники, жонглеры, огнедышащие факиры, шпагоглотатели, всевозможные мимы и клоуны, бесстрашные акробаты, заклинатели змей и гуттаперчевые люди. А затем на Пьяцца ди Сан-Марко появится сам дож в окружении прочих сильных мира сего и разразится долгой, напыщенно-бестолковой речью... Андреа иронично ухмыльнулась. Пусть людишки порадуются напоследок! Потому что ровно в девять часов вечера колокол собора Святого Марка торжественно ударит три раза, знаменуя начало грандиозного бала, продлящегося целых десять дней! О, в этот волшебный период на улицах Венеции можно встретить кого угодно – мушкетеров и фей, эльфов и викингов, ангелов и демонов, монахов и распутниц. И никому уже нет ни малейшего дела до того, настоящие или искусственные крылья реют за спинами волшебных существ, подлинные или фальшивые клыки выпирают из ярко окрашенных кармином ртов. Город ударяется в безудержную вакханалию ничем не сдерживаемой фантазии, случайной любви и непредсказуемых авантур, переходящих в откровенную чертовщину. Извилистые улочки наводняют тысячи туристов, прибывших из самых отдаленных уголков света. Гостиницы переполнены, пансионаты забиты до отказа. И кто уж там разберется, если за эти десять дней в Венеции пропадет некая толика бестолково сгрудившегося народу... Андреа улыбнулась еще шире, не в силах сдерживать переполняющее ее ликование. Назначенный час пробил, начиналось ее время – время торжества стригоев!

Она собственноручно застегнула высокие белые сапожки и с тщеславным наслаждением накинула на плечи белую норковую шубку, кокетливо потеревшись бархатистой щекой об изысканный мех, переливающийся всеми оттенками светлого серебра. Подошла к высокому зеркалу в дорогой оправе и любовалась своей стройной фигурой, сегодня облаченной во все белое. «И какие идиоты придумали миф о том, что стригои не

отражаются в зеркалах! – насмешливо фыркнула Андреа, изящно изгибая тонкий стан и картинно запахивая полы шубки. – А впрочем, не так уж они и наврали, сегодня я и впрямь неотразима!» Опыренная чарующей властью собственной красоты, она прижалась губами к холодной поверхности зеркала и запечатлела на ней страстный поцелуй. На стекле остался безупречно четкий отпечаток накрашенных алым перламутром губ. Сейчас она выйдет из комнаты, а красующийся на равнодушном стекле рисунок ее губ сохранится надолго и будет напоминать о ней, об Андреа...

А вот от некоторых, прежде непобедимых и могущественных, не осталось ничего. Ни воспоминания, ни следа, ни славы. Только жалкая горстка разлетевшегося на ветру праха. «Как это символично! – усмехнулась стригойка. – «*Sic transit gloria mundi*» (Так проходит мирская слава), – напыщенно изрекла Андреа, мысленно потешаясь над убитым патриархом. – Вот, даже ненавистная церковная латынь пригодилась!»

Она не испытывала ни жалости, ни скорби, ни угрызений совести. Зачем? Сильный безжалостно истребил более слабого, отжившего свое. Именно таким и являлся в ее представлении извечный закон борьбы за существование. Она оказалась удачливее и корыстнее, она получила неограниченную власть над кланами и собиралась привести свой народ к невиданному прежде могуществу и тотальной власти над миром. Гонтор де Пюи бесследно исчез как со страниц истории, так и из памяти людей.

В тот момент Андреа не ведала одного – она ошибается. И ошибке этой было суждено стать роковой и уже непоправимой.

В двери вежливо постучали.

– Входи! – благосклонно пригласила Андреа, в качестве завершающего штриха обвивая шею длинной нитью крупного жемчуга, перемежающегося небольшими золотыми самородками произвольной формы. Ожерелье поражало варварским великолепием.

В комнату вошел граф Деверо в противовес своей госпоже мрачно разодетый в траурный черный бархат и настоящие кастильские кружева ручной работы. Стилизованный под эпоху возрождения вычурный костюм испанского гранда придавал его мощной фигуре легкий оттенок почти неуловимой сексуальности. Рауль замер на середине комнаты, не сводя с Андреа восхищенного взгляда. Стригойка самодовольно повела укутанными в мех плечами:

– Ну, как я тебе?

Граф галантно приложил руку к груди, словно пытаясь сдержать сердце, пылко рвущееся навстречу любимой.

– Я не способен подобрать слова, достойные описать даже сотую часть твоей бесподобной красоты. Сегодня ты похожа на ангела мщения...

Андреа польщено улыбнулась:

– О да, ты точно угадал мое настроение! Я готова излить на этот человеческий город всю мощь своего гнева и отомстить за моих погибших предков. Темный отец нас поддержит. Они прибыли?

– Да! – церемонно поклонился граф. – Представители кланов собрались во дворе и ждут твоего сигнала!

– Великолепно! – почти мурлыкнула Андреа. – Идем же, пришло время вершить новую историю этого мира!

Рауль Деверо отдернул непроницаемые гардины и распахнул балконную дверь. Андреа глубоко вдохнула, выравнивая частивший пульс и придавая лицу торжественно-безмятежное выражение. Она в последний раз поправила волосы, обрамлявших ее лицо безупречно ровными локонами, и шагнула на балкон.

Собравшаяся во дворе толпа встретила ее появление бурными криками ликования. Стригойка несколько мгновений наслаждалась этими искренними проявлениями любви и преданности своего народа, стоя с закрытыми глазами и буквально вибрируя в такт шквальной волне оваций, а потом неожиданно подняла веки и вскинула правую ладонь. Ее

направленный вниз взгляд произвел на подданных магическое действие, они враз замолчали и слитным движением опустились на одно колено, склоняя головы в преданном поклоне. Андреа обвела сияющим взором ровные шеренги стригоев, испытывая прилив гордости и ликования. Они все собрались здесь – лучшие из лучших, лидеры кланов, самые титулованные и прославившиеся. Мощные широкоплечие рыцари и стройные изящные леди, скрывающие под масками и верами белоснежные, жаждущие крови клыки, облаченные в роскошные, подобранные специально для карнавала наряды и увешанные антикварными драгоценностями, равным которым не имелось в сокровищницах Лувра и Вестминстера. Избранная элита, цвет ее народа. Здесь собрались стригои. Андреа быстро прикинула – двор ее палатки вместил около четырехсот человек, а всего в Венецию съехалось более десяти тысяч стригоев. О да, это будет поистине Великая охота, подобной в этом мире еще не видавали!

– Встаньте, дети мои! – торжественно провозгласила Андреа. – Я хочу даровать вам милость Темного отца и передать его благословение!

Толпа ответила радостными вздохами.

– Я приняла окончательное решение и отныне снимаю запрет на свободную охоту! – воодушевленно продолжила Повелительница, вкладывая в свой проникновенный голос всю доступную ей магию. – Долой лицензии! Я отдаю вам Венецию, а чуть позднее подарю и все остальные человеческие города. Этот город ваш! Ешьте его, пейте его! Начинается наша эра – эра стригоев!

Толпа заволновалась.

– Я устранила всех! – поощрительно рассмеялась Андреа. – Христианский Бог и его архангелы уснули навечно, убаюканные магией нашего Отца. Час мщения настал! Вот ты, – ее затянутый в белую лайку пальчик неожиданно указал на огромного рыжеволосого стригоя в первом ряду. – Ты, Мак-Наккер, глава клана Огненных искр, ты ведь помнишь, как англичане резали твоих детей, называя их отродьями ирландских ведьм?

Мускулистый двухметровый ирландец отозвался глухим, едва сдерживаемым рычанием.

– Я вижу, ты ничего не забыл! – удовлетворенно констатировала Андреа, наклоняясь через перила балкона и заглядывая прямо в глаза Патрика Мак-Наккера. – Этой ночью я вверю тебе всех английских туристов, прибывших в Венецию. Отомсти за своих детей!

– Как ты великодушна, повелительница! – экзальтированно завопил стригой. – Клан Огненных искр с тобой!

– А ты, прелестная Элоиза Батори, – продолжила Андреа, доверительно обращаясь к хрупкой девушке с длинными каштановыми кудрями. – Ты еще хочешь отплатить за твою родную сестру Елизавету?

– Клан Черных бабочек – твои верные слуги, госпожа! – присела в низком реверансе Элоиза.

– А вы, – во всю мощь легких закричала Андреа, обводя двор властным движением широко распахнутых ладоней, – вы – Полночные охотники и Стражи дорог, Серебряные скорпионы и Рыцари смерти, со мной ли вы все?

– С тобой, обожаемая повелительница! – дружно выдохнули стригои.

Андреа сладко зажмурилась от блаженства.

– Ну, тогда я пожелаю – доброй вам всем охоты! – тихонько мурлыкнула она, предвкушающе облизывая алые губы кончиком тонкого раздвоенного языка, похожего на змеиный.

– Доброй нам всем охоты! – эхом прокатилось по двору.

Внезапно в воздухе поплыли громкие гулкие удары огромного церковного колокола.

– Один! – открыла отсчет Андреа.

– Два! – поддержал ее Рауль Деверо.

– Три! – восторженно подхватила толпа стригоев.

Большой карнавал начался!

Конрад расслабленно полулежал перед большим телевизором. Электроснабжение наладили. Местная студия усиленно транслировала репортаж о праздничном шествии цеховых бригад, наряженных в потрясающие костюмы и изображающих различные жанровые сценки. Стеклодувы – целую орду лесных, неканонично упакованных в овчинные тулупы эльфов; кондитеры – орду чихающих и кашляющих ахейцев во главе с жутко перекачанным здоровяком Ахиллесом, синим, как бройлерный цыпленок; представители крупного торгового центра – что-то классическое, адски обмороженное, вроде бы из Данте. И прочие, и прочие. Нет, Конраду даже понравилось, хотя посиневшие от холода полуголые греческие боги смотрелись весьма пикантно. Особенно впечатлила одна фигуристая nereida, параметрами этак 120x100x120, покрытая гусяной кожей, сильно смахивающей на настоящую чешую. Истинная дочь владыки морей Посейдона! Наверное, впервые в жизни Майер пришел к неожиданному выводу, что вид обнаженного женского тела не всегда вызывает только положительные эмоции. Он пощелкал пультом, перепрыгивая с канала на канал. Везде одно и то же – нескончаемые дебаты о постигшем землю природном катаклизме. В Америке, как обычно, наводнение, толстые негры громят продуктовые магазины, запасаясь впрок «Марсами» и «Сникерсами», традиционно опасаясь главного национального несчастья – похудеть килограммов на пятьдесят. В Африке выпал трехсантиметровый слой снега – папуасы в кои-то веки напились всласть. В Голландии ураган пошибал половину ветряных мельниц, цены на электроэнергию поползли вверх, поэтому обитательницы веселого квартала отключили свои знаменитые красные фонари и объявили стоячую забастовку. В Париже перемерзла половина марокканских эмигрантов, а президент выразил семьям пострадавших искреннее соболезнование, так и не сумев стереть с рожи неприкрыто довольную улыбку. В Московском зоопарке впали в повторную спячку не только бурые и белые медведи, но и даже суровые норвежские моржи вкупе с замороженным служебными неурядицами директором. И прочее, и прочее...

Вервольф скукаясь зевнул, забросил пульт в угол и с отвращением покосился на шипящие в стакане с водой таблетки «Алко-Зельтцер». Спрашивается, и чего он вчера так напился? Голова гудела невыносимо. А во всем виновата эта рыжая Селестина, с ее прозрачными, похожими на бесценные изумруды глазами! Несомненно, мужчина очень долго остается под впечатлением, которое он произвел на женщину. А в том, что он ей понравился, Конрад был уверен на все сто процентов. Нет, даже на сто пятьдесят! Так что напился Конрад от радости, а может, и с горя, вопрос мотивации оставался спорным. Он с сомнением покачал большой головой, чертыхнулся и залпом проглотил мерзкое противопохмельное пойло. Кажется, полегчало.

– Нашу волю не сломить – пили, пьем и будем пить! – философски пообещал себе рыцарь, подбирая с полу подсохший ломтик сыра и закусывая им изрядно горячий оздоравливающий напиток. – Хоть бы виноград не померз. А то придется переходить на русскую водку, а они, говорят, ее из опилок гонят, – он с подозрением оглядел богатое содержимое бара, протянул руку, выбрал плоскую бутылку с коньяком, рывком свинтил крышку и отхлебнул прямо из горлышка. На экране укутанная в анорак корреспондентка пристрастно допрашивала каких-то сильно окоченевших беженцев, прыгая вокруг них с микрофоном и задавая банальный вопрос:

– А вы сами-то откуда будете?

– Да мы, милочка, даже из горла будем! – подмигнул subtilной блондиночке повеселевший Конрад и снова надолго приложился к коньяку. Полегчало еще значительно.

А по телевизору мусолили все ту же самую наболевшую тему – кто или что виновно в произошедших климатических аномалиях.

– Тю, – снисходительно хмыкнул Майер, опуская ополовиненную бутылку в нагрудный карман теплой куртки и зашнуровывая ботинки. – Наивные! Спорим на пузырь «Асти спуманте», что здесь не обошлось без проклятых стригоев и их чертовой магии! Первое, – он загнул палец, – Грааль они бездарно прошляпили. Второе, – вервольф загнул еще один

палец, – девчонку упустили. Третье: не смогли предотвратить моей встречи с покойным братом Бонавентурой, пусть земля ему будет пухом. Три просчета у них уже набралось, а Бог, как известно, именно троицу и любит! И как пить дать – сегодня на карнавале эти демоновы кровососы попытаются наверстать упущенное. Ведь стригои, они такие редкостные сволочи, что даже в аду черти внимательно осматривают их души, а потом безразлично возвращают владельцам и пулей мчатся мыть руки! А поэтому надо мне держать ухо востро! – и он с довольным видом тщательно собрал приготовленное с вечера снаряжение и оружие. Глядя в зеркало, надел черную шапочку и воодушевляюще подмигнул своему отображению.

– Надеюсь, сегодня на карнавале я встречу давешнюю рыжую симпатяшку. Лишь бы ее моя опухшая физиономия не напугала! – Конрад сгреб с подзеркальника упаковку мятной жвачки, забросил в рот сразу две пластинки и принялся сосредоточенно жевать.

Но в это самое мгновение до его слуха донеслись три приглушенных расстоянием колокольных удара, знаменующих наступление карнавала.

– Ваш выход, господин Майер! – решительно отчеканил вервольф, надул пузырь из жевательной резинки, вышел из квартиры и запер прочную дверь. Он интуитивно почувствовал – события начинают неотвратимо нарастать, как снежный ком, быстро переходя в свою решающую стадию.

Волглое, мутное утро, тем не менее показавшееся настоящим раем по сравнению с вьюжной и морозной ночью, началось с уже ставших привычными разборок и препирательств.

Девки по лесу ходили,
Да распятие нашли,
Целый день поклоны били,
На работу не пошли... —

во все горло сипло блажил под завязку напичканный лекарствами Натаниэль, стараясь заглушить больные укусы наложенных на спину и икры горчичников, жгучих, будто адское пламя.

– Вранье! – негодуя отбрила Оливия, неслышно вошедшая в его гостиничный номер со шприцом в руках. – В оригинале совсем не так все звучит. Спеть тебе правильно?

– Изыди, паскудница! – замученно прохрипел ангел, обессиленно трепеща крыльями и сию минуту вырваться из привязывающих его к кровати простыней. – Садисты проклятые! Мочи моей уже нет терпеть эти муки невыносимые! Аллилуйя!

– Терпи давай, гриппозник грешный! – с нескрываемым удовольствием приказала валькирия, тяжелой ладонью хлопая точно по горчичику. – А то еще спереди прилеплю, на окаянный отросток!

Нат протестующе взвыл.

Ариэлла смущенно хихикнула и подсунула любимому литровую кружку горячего чая с медом.

– И ты, Брут! – блеснул цитатой ангел. – Нет, ну ты сама подумай, малышка – я же лежу на животе, так как я пить-то смогу?

– Через соломинку! – примирительно прожурчала заботливая сиделка. – Ну, дорогой, не упрямясь же!

– Однолюб, как и сапер – ошибается один раз в жизни! – философски изрек Натаниэль, пытаясь якобы случайно уронить посудину на пол. – Чай не водка, много не выпьешь!

– Брехло ты, а не однолюб, – склочно фыркнула Оливия, бдительно подхватывая емкость с излюбленным народным средством от простуды и упорно подпихивая его назад, под нос капризного пациента. – А кто недавно к Селестине клеился, а?

– Оливия, ты не права! – вознегодовал Нат, брыкая голыми пятками. – Я не приставал,

я ей же добра желал.

– Ну-ну, – ревниво протянула Ариэлла. – Ходок блудли... э-э-э... доброхот ты наш!

Разбуженная громкими разговорами за стеной соседнего номера, я на автопилоте сползла с кровати, позевывая, натянула теплый махровый халат и отправилась на разведку. Но сначала, немного опередив меня, в комнату ангела бодро вошел опрятно одетый и чисто выбритый Симон де Монфор. Натаниэль встретил его настороженным взглядом:

– А тебе чего?

– Да вот, – замялся Великий грешник, – может, пополощешь горло чесночной настойкой? И стригоев отпугивает, и для здоровья дюже полезно!

– Вам дай волю, так вы меня своими лекарствами в гроб загоните! – капризно скривился недужный красавец. – И кто придумал этот суеверный бред о том, что кровососы якобы на дух не переносят чеснока?

– Я! – с вызовом заявила валькирия. – А кто его переносит?

– Оливия, ты не права! – вторично уперся Натаниэль.

И тут в номер вбрела я, совершенно не выспавшаяся и покачивающаяся, словно сомнамбула.

– Какого черта вы меня разбудили своими воплями? И вообще, по какому случаю толпа, что-то случилось?

– Да ничего особенного, – пожал тощими плечами Симон, – все как раз и хотели убедиться в том, что не произошло ничего экстраординарного.

– Да-а-а? Это, по-вашему, ерунда? – оскорбленно взревела валькирия. – А вот Нат утверждает, что я говорю неправду! Обманиваю, вру, брешу. Значит, я, по его мнению, кто – собака, что ли? Селестина, будь свидетелем: он меня шавкой обозвал...

– Ничего подобного! – Ариэлла решительно встала на защиту любимого. – Он так не говорил. Наглый поклеп, это ты все переиначила. Да ты какая-то рецидивистка-подстрекательница просто!

– Вот-вот, – кося под невинного паиньку и смиренно обжигаясь горячим чаем, пробурчал очаровательный виновник раздора, усиленно делая вид, будто он тут совершенно не при чем. – К твоему сведению, ангелы настолько интеллигентны, что даже на заборах пишут «стригой – козлы», а не «кровососы – пи...». И тут Натаниэль ввернул такое похабное словечко, что у меня чуть уши не появили.

– Вот и лечи сама своего матершинника! – обиделась Оливия, швыряя в Ариэлла мокрое полотенце.

– Ну и пожалуйста! – полотенце полетело обратно.

– Что тут происходит? – схватила за голову я.

– Да просто две дамы из-за одного мужчины ссорятся! – доходчиво разъяснил мне Симон, становясь между двух красавиц, того и гляди готовых превратиться в разъяренных фурий. – Одна кричит: забирай его себе. А вторая отвечает: а нафиг он мне сдался...

Натаниэль восхищенно заржал, девушки не сдержались и прыснули. Я облегченно улыбнулась:

– Мир, дружба, жвачка! Все успокоилось?

– Да ладно, чего уж там! – добродушно махнула рукой Оливия. – Ариэлла, держи его за ноги, я ему антибиотик вколю.

Ангелица с готовностью вцепилась в стройные лодыжки любимого. Нат взвыл еще гнусавее...

После того как все обязательные лечебные процедуры оказались завершены, мы плотно перекусили в ресторане гостиницы и прошлись по магазинам. До начала карнавала оставалось несколько часов. На улице царило радостное оживление, не испорченное даже непривычно холодной для этого времени года погодой. Жизнь со скрипом влезла в привычную колею, начиная течь незнамо куда, но радуя нас немудреными и доступными удовольствиями. Люди увлеченно отдавались последним приготовлениям к

приближающемуся празднику, ничуть не смущаясь надетой на них теплой одеждой, более приличествующей суровому климату Канады или дикой Сибири. По телевизору, удобно установленному на стойке ресторана, передавали сводку последних новостей. Прислушавшись к бойкой речи холеной ведущей, я помрачнела. Ну кто бы мог предположить, что сила стригоев возрастет до такого пугающего размаха, и природные катаклизмы, предшествующие наступлению конца света, приобретут столь тотальный характер. К счастью, человечество пока не догадывалось об ожидающей их страшной участи. Я же была отлично осведомлена о зловещих планах стригоев, напрямую касающихся Большого карнавала, и теперь тщетно ломала голову, пытаюсь придумать мало-мальски приемлемый план какой-нибудь спасательной операции, реализовать которую мне предстояло в самое ближайшее время. Мой отряд состоял всего-то из пяти человек, включая меня саму. Правда, трое из нас являлись ангелами. Я якобы носила архангельский чин, а Симон де Монфор и вообще воплощал в себе мистически-сумбурное смешение всех самых страшных грехов и самого разнузданного фанатизма, еще возможных в этом окончательно свихнувшемся мире. Но что могла противопоставить эта жалкая горстка отчаянных храбрецов многотысячной орде голодных и полностью уверенных в собственной безнаказанности стригоев? Ведь мы лишились даже помощи Господа! Ах, как обрадовалась бы я сейчас могучему Гавриилу, неразговорчивому Самуилу или даже эгоистичному болтуну Уриэлю. Но, увы, высшие архангелы не слышали моих истовых молитв, полностью заблокированные магией Темного отца. На чью же помощь я еще могла рассчитывать?

– Мы даже на знаменитую семерку самураев не тянем! – опечаленно признала правильно истолковавшая мое затянувшееся молчание Оливия, уныло сидевшая над давно опустошенной тарелкой. – Но бездельем проблему не решишь. Что ты надумала, худобина?

– Безделье – частный случай всемогущества! – важно изрек все еще похрипывающий Нат.

– В нашем случае – слишком частный! – невесело усмехнулся Симон.

Натаниэль нахмурился и заткнулся.

– Ясно! – категорично подвела итог валькирия. – Если план наступления не выработан, то придется действовать методом Рембо...

– Это как? – недоуменно встрял Нат.

– Элементарно: автомат в каждую руку, и мочить все, что движется! – на манер берсерка оскалила зубы Оливия. – И да хранит нас Бог!

– Хранить-то он всех хранит, – скептически хмыкнула я, – да только срок хранения у каждого разный.

– Ну, если ты со мной не согласна, то тогда я пас! – Оливия сложила руки на груди и принялась отстраненно насвистывать, показывая, что, мол, зря мы недооценили ее щедрое предложение. – А ведь я по доброте душевной предложила столь гуманный для наших врагов вариант. Умрут без излишних мучений!

Я подперла подбородок кулаком, закрыла глаза и задумалась. Сейчас я не видела ни одного разумного выхода из сложившейся ситуации.

– Мне тоже очень хочется казаться доброй и порядочной, особенно когда я начинаю понимать, что патронов на всех стригоев никогда не хватит! – я открыла глаза. – Но твоей идеей я недовольна.

– Это ты не мной, а собой недовольна! – ворчливо ответила подруга. – А знаешь, что нужно делать, если разочарование в себе не проходит?

– Что? – заинтересованно спросил Натаниэль.

– Пойти и плюнуть в зеркало! – торжественно изрекла валькирия, выразительно поигрывая бровями.

– А смысл? – невольно улыбнулась я. – Зеркало-то в чем виновато? Все равно такая неземная красота только у меня да у Вупи Голдберг...

– А что, клеевая, кстати, мысль! – немедленно воодушевился Нат. – Надо попробовать,

вдруг такое жуткое самооскорбление сработает, и тебя в отместку озарит классная идея? Вот только где бы зеркало найти?

Пытаясь хоть немного поднять себе настроение и дурашливо подыгрывая расшалившемуся ангелу, мы вывернули карманы – зеркала ни у кого не обнаружилось.

– А чем его еще можно заменить? – не желал сдаваться видимо совсем сбрендивший Натаниэль. – Полированной серебряной лопаточкой для торта, стаканом с водой, подносом из нержавеющей стали, компьютерным диском...

– Ой! – слегка запоздало прозрела я. – Ой, мамочки!

– Что? – буквально подпрыгнули все.

– Диск! – пересохшими от волнения губами шепнула я. – Как же я могла про него забыть! – я пошарилась в кармане своей кожаной куртки и вытащила завернутый в целлофан диск, найденный в подвале монахов-госпитальеров. – А я ведь на него и в правду чуть не плюнула от забывчивости, конечно – чисто фигурально! Нужно срочно его просмотреть, вдруг он содержит что-то важное, способное нам помочь? Нат, твоя идея с зеркалом сработала безотказно...

Ангел важно надул щеки, на веки вечные уверовав в собственную непогрешимую гениальность.

В гостинице нашелся весьма неплохой ноутбук, принадлежавший управляющему. Путем недолгих уговоров, в ходе которых некоторая сумма евро перекочевала из моего кошелька в карман пиджака вздорного, склочно поджимающего губы толстяка неопределенного возраста, мне удалось взять компьютер на прокат. Приплясывая от нетерпения, мы притащили трофей ко мне в номер и подключили к розетке. Экран засветился, лоток дисководов приглашающе выдвинулся. Подрагивающими от волнения руками я вставила в него бесценный диск. Ноутбук задумчиво загудел, переваривая информацию.

– Жутко тормозная машинка! – в сердцах заявила неугомонная Оливия, горящим взглядом пожирая надолго зависшее на экране изображение маленьких песочных часов. – Посесть можно, пока этот комп что-то надумает...

– Терпение и еще раз терпение! – авторитетно изрек Симон, невозмутимо закидывая ногу на ногу.

– Ну, ты еще скажи, что Бог терпел и нам велел! – рассмеялся Натаниэль. – Эту фразу очень любит Селестина.

– А что? – на полном серьезе попенял ему Великий грешник. – Все верно. Уж если сам Спаситель проявлял выдержку и хладнокровие, то нам и подавно незачем брать с него поучительный пример.

Но тут расшифровка диска закончилась, и на экране открылся текстовый файл. Мы с Оливией одновременно резко склонились над ноутбуком, шумно сталкиваясь лбами и ругаясь сквозь зубы.

– Давай лучше ты! – по-справедливости решила валькирия, отстраняясь и потирая назревающую шишку. – Ты раскрыла тайну братьев-госпитальеров – тебе и читать. Только, чур, вслух!

– Хорошо! – я передвинулась поближе к пятнадцатидюймовому экрану, глянула в текст и тихонько присвистнула.

– Ну, чего там? – с любопытством спросил вольготно разлегшийся на кровати Натаниэль. Ариэлла примостилась рядом с ним, свернувшись изящным комочком и возбужденно поблескивая огромными глазищами.

Я кашлянула, чтобы прочистить горло и начала читать:

«Меня зовут брат Лоренцо, и я тщательно веду летопись этих удивительных событий во избежание недопустимой утраты знаний, в которые и так посвящены немногие люди, оказавшиеся причастными к земным деяниям Господа нашего Иисуса Христа. Искренне надеюсь, что этот текст попадет в руки той девушки, для которой он и предназначен –

Селестины дель-Васто, также именуемой Дочерью Господней, а на самом деле являющейся незаконной дочерью покойной Маргариты дель-Васто и Збышка Мошковецкого...»

– Что? – подпрыгнул на кровати Натаниэль. – Что, там так и написано – Збышек Мошковецкий? Сел, а ты случаем ничего не перепутала?

– Не-е-ет, – меланхолично протянула я, растерянно почесывая в затылке. – Бред какой-то! Моя покойная мать носила имя Амелия, а вовсе не Маргарита...

– Ну, это еще цветочки, сейчас я тебе ягодки презентую! – многозначительно хмыкнул ангел. – А тебе известно, что этот самый Збышек Мошковецкий ранее звался просто каноником из Катовиц?

– И что? – совсем запуталась я. – По документам о рождении и церковным метрикам мои родители – совсем другие люди: Амелия и Манфред дель-Васто, маркиз де Салуццо!

– Да ты подожди, – продолжал гнуть свое Нат. – Молодой польский каноник потом стал епископом в Вероне, далее – кардиналом Миланским, а затем и...

– Его Святейшеством папой Бонифацием XIII – верховным понтификом и главой святой римско-католической церкви! – торжественно закончил за него Симон де Монфор.

– А это вам уже не хухры-мухры! – всплеснул крыльями ангел.

– Офигеть! – вульгарно прокомментировала все услышанное я, пока совершенно не врубаясь, каким запутанным образом я оказалась замешана в столь невероятной истории, больше смахивающей на байку.

Глава 6

Маргарита не отводила взгляда от потолка, выложенного ровными белыми плитками. Иногда ряд пенопластовых квадратиков внезапно обрывался, сменяясь яркими лампами дневного освещения, неприятно слепившими ей глаза, но и тогда девушка не смыкала воспаленных век, стремясь наказать себя всем, даже этой случайной и незначительной болью. Белый потолок... Когда-то она тоже носила белые, почти ангельские одеяния непорочной невесты Господней, дарованные ей после пострига в монастыре сестер-кармелиток города Вероны, легендарной родины печально знаменитых влюбленных – Ромео и Джульетты! В этом тихом, славном городке, сами улицы которого, казалось бы, навсегда пропитались вечной, неувядающей и запретной любовью. Страстью, не миновавшей и юную сестру Маргариту...

Девушку неловко тряхнуло на очередном повороте узкого коридора, боль в животе вспыхнула с новой силой, она не сдержалась и громко вскрикнула, на одно краткое мгновение вспомнив, что находится в больнице для бедных. Ее истерзанное бесконечным мучением тело лежало на неудобной никелированной каталке, которую уже целую вечность везли между холодных кремовых стен. «Наверное, меня доставят прямиком в Ад! – покаянно подумала Маргарита, сжимая в руке дешевые деревянные четки. – Господи, прости мне мои невольные прегрешения!» Острые, режущие приступы вот уже несколько часов терзавшие ее несчастное худенькое тело, то немного стихали, а то вновь накатывали огненными, беспощадными волнами, выдавливая хриплые, нечеловеческие вопли из ее пересохшего горла. Но Маргарита не решалась попросить стакан воды. Пару раз она стыдливо покосилась на дородную медсестру со смуглым неприветливым лицом, грубо толкающую каталку по неровному полу, и смутилась окончательно. В глазах всех встречающихся ей людей девушка всегда замечала одно и тоже обвиняющее выражение, навечно заклеившее отверженную, павшую грешницу. Прелюбодейку, посмевавшую опорочить белый монашеский покров. А может быть, она все это придумала сама, и на самом деле никто даже не обращал внимания на маленькую хрупкую девушку, почти девочку, обеими руками прикрывающую большой живот, в котором всю жизнь шевелилось и пиналось дитя. Ни в чем не повинный ребенок, обреченный до конца дней своих носить обидное прозвище незаконнорожденного, просился на свет божий и уже, наперекор всему, вызывал в сердце юной матери огромную волну смешанной с горем любви.

Страшная тягучая схватка опоясала потное тело роженицы, начинаясь в раздираемом судорогами тазу и спускаясь вниз, по влажным ногам, выворачивая лодыжки и ступни. Маргарита испуганно пощупала подол больничной рубашки, неожиданно ставший мокрым.

– Воды отошли, – безразличным тоном констатировала медсестра. – Сейчас доедем до операционной.

– Зачем же в операционную-то? – робко шепнула Маргарита, стараясь не кричать и до крови кусая губы.

– Доктор, который осматривал тебя в приемном покое, сказал, что ребенок идет ножками вперед, – спокойно пояснила медичка. – Наверное, придется кесарить...

Роженица сдавленно ойкнула.

Ее завезли в выложенную кафелем комнату, споро переложили на укрытый клеенкой стол и измазали живот приятно холодящим, мягким тампоном с йодом. В руку ткнулась жалящая иглолка капельницы. Маргарита безропотно сносила новые страдания, позволив незнакомым людям в белых халатах делать с ней все, что им заблагорассудится. Была ли и в этом воля Господа? Этого Маргарита не знала. Последнее, что она увидела, стали широкие скулы немолодого доктора, плотно облепленные марлевой повязкой. Темные глаза смотрели напряженно и немного обеспокоенно, оценивая сложное положение молодой матери. «Слаба, – профессионально отметил доктор, критически разглядывая тощие детские ключицы и едва наметившуюся грудь пациентки. – Слишком юна, истощена, анемична. К тому же присутствует сильно запущенный бронхит. А ребенок на удивление большой и активный, но предлежание неправильное. Как же все плохо...»

– Все будет хорошо! – наигранно бравурно пообещал врач и дружелюбно улыбнулся.

В ответ Маргарита расцвела бледной улыбкой и успокоилась. Доктор, в отличие от медсестры, ей понравился. Да еще он пообещал, что ничего плохого с ней не случится. А такому пожилому и опытному врачу, безусловно, можно – нет, даже нужно верить!

– Синьор, – благодарно зашевелила губами роженица, – с младенчиком все благополучно?

Врач непонятно шевельнул густыми бровями, но кивнул уверенно и твердо.

На лицо пациентки легла маска с наркозом. Уже засыпая, Маргарита еще раз почувствовала крестообразное прикосновение тампона к своему животу. «Это знамение! – сонно умилилась она. – Все будет хорошо! Наконец-то – после девяти месяцев угрызений совести, молитв, раскаяния, страданий и мучений. Будет, непременно будет...»

Родителей Маргарита не помнила. Они скончались слишком рано, оставив детям – брату и сестре дель-Васто, огромное денежное состояние, десяток роскошных особняков в нескольких крупных городах Италии да целую когорту опекунов – банкиров, юристов, управляющих. Впрочем, с ними юная Маргарита почти не общалась. Всем занимался ее старший брат – черноволосый и черноглазый красавец и умница, получивший великолепное образование в Оксфорде и Кембридже, Манфред дель-Васто, наследный маркиз де Салуццо. Краса и гордость всего Пьемонта. Первый жених провинции, победитель любых спортивных соревнований, лихой наездник и отменный танцор. Манфреду только что исполнился двадцать один год, и у него не нашлось бы ни одного явного или неявного недостатка. А малышка Маргарита самозабвенно любила своего прекрасного братца, так же отвечавшего ей нежной заботой и полной взаимностью. Оправившись от потери родителей, они зажили беззаботно и счастливо, напоминая двух божьих птишек, искренне радующихся каждому новому дню. Но так продолжалось недолго.

Тот страшный год, положивший начало переломным событиям, исковеркавшим жизнь сестры и брата дель-Васто, начался невинно и безоблачно. Италия справляла Рождество. Тринадцатилетняя, недавно прошедшая конфирмацию Маргарита, немного подуставшая от бесконечных раутов и приемов, решила передохнуть и осталась дома, не поехав на очередное торжество, устраиваемое мэром Салуццо в городской ратуше – кстати, только что отреставрированной на средства семьи дель-Васто. Чего уж там скрывать, щедрые брат и

сестра стали настоящими благодетелями родного городка. Впрочем, все эти сложности ничуть не трогали маленькую маркизу, валявшуюся на диване с интересной книжкой и коробкой шоколадных конфет. По телевизору показывали какой-то нудный боевик, изобиловавший так ненавистными Маргарите сценами погонь и перестрелок. Неожиданно на первом этаже громко хлопнула входная дверь. Девочка поспешно вскочила с дивана и вихрем слетела вниз по лестнице. В холле, изысканно декорированном антикварной сиенской бронзой, стояли двое людей. Первым из них, конечно же, оказался ее брат, немного подвыпивший, но ничуть не утративший своих галантных аристократичных манер. Слегка покачиваясь, он джентельменски помогал стройной молодой даме снять дорогое шиншилловое манто. Гостья гибко повернулась на высоких каблукках, и у Маргариты буквально дух захватило при виде нежного девичьего лица, невероятно прекрасного и нежного. Незнакомка мило улыбнулась и склонилась к малышке маркизе, пленяя изгибом лебединой шеи и околдовывая запахом экзотических духов. Теплые губы скользнули по щеке Маргариты, шелковистые, черные как ночь локоны упали ей на плечо.

– Меня зовут Амелия Амбруцци, – прожурчал нежный, будто серебряная флейта, голос.

Девочка почувствовала себя очарованной. Впрочем, не одна она. Манфред тоже не сводил с Амелии влюбленных глаз, горевших всепоглощающим огнем восторга и желания. Они познакомились на балу в ратуше. Амелия накануне приехала из Рима, намереваясь погостить у мэра Ринальдини, которому доводилась дальней родственницей. Весь город сразу же признал, какой на редкость красивой и гармоничной парой являются их обожаемый Манфред и божественная синьорина Амбруцци. Да, Амелия была божественно, а скорее – дьявольски хороша. Свадьба состоялась через два месяца. Синеокая римлянка стала маркизой де Салуццо. Хотя всех немного удивило, что по настоянию невесты новобрачные отказались от освященного веками и традицией обряда церковного венчания. Ох уж эта современная молодежь, сплошные атеисты!

Вскоре Маргарита начала замечать за невесткой некоторые подозрительные странности. Амелия очень мало ела, мотивируя это неусыпной заботой о фигуре, мало спала, но всегда проводила в своей спальне пару часов, совпадающих с восходом и закатом солнца. Прекрасная маркиза отличалась крайне пренебрежительным отношением к католической религии, не только совершенно игнорируя привычные для всех горожан мессы и исповеди, но даже чуть ли не за километр обходя любые церковные здания. Нательный крестик она не носила, Библию не читала. Подобное святотатство совершенно не укладывалось в набожной головке малышки Маргариты. Но жителям Салуццо было отнюдь не до чудачеств новоявленной аристократки. Город поразила странная болезнь, не только значительно подорвавшая здоровье многих граждан, но даже унесшая жизни нескольких из них. Врачи бессильно разводили руками. Да и сам цветущий маркиз Манфред заметно побледнел, осунулся и ослабел. И может, не случилось бы ничего непоправимого, если бы однажды Маргарита не зашла без стука в спальню молодоженов и не узрела окровавленные губы Амелии, медленно и нехотя отрывающиеся от шеи ее брата... Девочка пришла в ужас.

В эту же ночь двое дюжих слуг грубо, без лишних разговоров скрутили Маргариту и отвезли в строгий веронский монастырь сестер-кармелиток, чтобы там ее постригли в монахини. В принципе, истово верующая в Господа девочка, испуганная чуть ли не до заикания, да к тому же тихая и застенчивая от природы, обрела в мирной монастырской жизни спасительную пристань и особо не противилась участи безгрешной божьей невесты. При постриге, к некоторому своему удивлению, она получила то же имя – Маргарита.

Так миновало еще полгода. И если что-то и нарушало смиренную жизнь сестры Маргариты, так только волнения о судьбе брата, от которого не приходило не единой весточки. А потом девушку начали мучить видения...

Маргарита немного подросла, но с приходом регулярных и естественных девичьих недомоганий стала еще стройнее и конфузливее. Своей стыдливой красотой она напоминала нежного беззащитного ангела. Но несколько последних недель ее сильно беспокоили весьма красочные видения, повторяющиеся ночь от ночи. Во снах ей являлся могучий архангел

Гавриил, облаченный в золоченые доспехи, изрекающий пространные речи об избранности сестры Маргариты, обязанной стать матерью нового божьего воина. Выслушивая наставления господнего посланца, девушка смущалась и краснела. А архангел довольно прямолинейно пояснял, что вскоре в монастырь явится особенный священник, должный послужить делу высшего промысла и заронить в лоно Маргариты семя, дарованное самим Господом. И Маргарита невольно попала под чары этих нескромных речей, возмнив себя чуть и не новой Марией – Матерью Иисуса из Назарета.

И действительно, через пару дней в монастыре состоялась торжественная месса, на которую прибыл сам архиепископ Веронский. Следует признать по справедливости, этот уважаемый прелат уже не отличался первой молодостью, но обладал впечатляющей мужской красотой, находившейся в самом ее расцвете. Пастырь владел безмерным обаянием, был умен и начитан, умел тонко пошутить и привлекал к себе людей необычной харизмой. Юная сестра Маргарита глянула на епископа в первый раз, и сердце ее замерло. Это, бесспорно, был он, тайный супруг, обещанный ей архангелом Гавриилом.

Церковный орган гремел, наполняя собор торжественной мелодией псалма. Будоражащие душу звуки парили в лучах проникающего через витражи дневного света и свободно взлетали ввысь, под золоченый купол, словно выстраиваясь в незримую колонну веры и самопожертвования. Напевы молитв почти осязаемо поддерживали сводчатый потолок, сплошь разрисованный сценами сотворения мира. День шестой по книге Бытия – нагие Адам и Ева обмениваются первым, пока еще непорочным поцелуем... Маргарита вздрогнула и смущенно прикрыла побледневшее от волнения лицо краем белого монашеского покрывала. Среди прекрасных картин ей постоянно чудились настойчивые глаза архангела Гавриила – умоляющие, напоминающие, воодушевляющие. Девушка задыхнулась от собственных нескромных мыслей и неосторожно вдохнула слишком глубоко... Тяжелая цепь, удерживающая распятие на ее непорочной груди, предательски звякнула. Стоящий в первом ряду архиепископ Веронский сердито обернулся, менторским взглядом отыскивая нарушителя спокойствия. Из мертвенной бледности Маргариту мгновенно бросило в лихорадочный жар. Прелат обвел укоризненным взглядом прелестную стайку молодых монашенок, снисходительно улыбнулся их радующей душу свежести и робости, и уже отвел глаза, как вдруг вздрогнул всем телом и поспешно оглянулся вновь. Эти глаза – серые, огромные, чистые, будто два родника с прохладной ключевой водой. Так могла смотреть только она – напороченная суженая, посуленная епископу архангелом Гавриилом... Епископ присмотрелся внимательнее, жадно не пропуская ни зардевшихся ланит, ни беззащитной лилейной шейки, ни смиренно переплетенных на груди полупрозрачных пальчиков. «Ангел, сущий ангел! – против воли мелькнуло у него в голове. Прелат смущенно отвернулся. – Ох, грех-то какой несказанный! Искус дьявольский – плотский и сладкий, хоть и обещанный самим Господом!» Мощные грудные мышцы вздымались непокорно и бурно, сердце билось частыми безумными рывками, по упругому мужскому торсу прошел неконтролируемый трепет и многообещающе спустился в чресла – оформившись, затвердев... Епископу стало стыдно за свою бунтующую, не поддающуюся усмирению плоть. Серые девичьи глаза преследовали неотступно, затмевая и роскошь собора, и благочестивый смысл творимой его губами молитвы. Он уже почти не слушал службу, ему виделись невинные губы, пока неприступно сжатые, но такие нежные и манящие. Насупленные светлые бровки. Да еще самое дивное чудо из чудес: ее волшебные волосы, золотыми завитками выбивающиеся из-под льняного монашеского покрывала! Два крохотных бугорка, едва заметно приподнимающих грубое черное платье. И руки ее, бедра ее, чрево ее... Епископ чуть не застонал вслух от еле сдерживаемого телесного волнения, казалось бы, с помощью бичевания и постов изгнанного из помыслов уже давным-давно. Ему чудилось – он слышит даже ее легкое свежее дыхание, отдающее ладаном и миррой, овевающее его разгоряченную шею. И, перебивая слова молитвы, в сердце росло, будто приливная волна роковой страсти, одно лишь имя, затмеваящее даже божью благодать, – Маргарита,

желанная моя, возлюбленная моя!

Роза оказалась колючей. Зря Маргарита решила ее сорвать. Девушка болезненно вскрикнула, на кончике пальца повисла крупная алая капля крови.

– Позволь, я помогу тебе, дитя мое! – негромкий сочувствующий голос прозвучал над плечом Маргариты. Сильная рука протянулась и бережно обернула страдающий пальчик белым, безупречно отглаженным платком. Маргарита благодарно потупилась.

Он – высокий и широкоплечий, нависал над ее непокрытым затылком, опасаясь вспугнуть резким движением или неосторожным словом. Рядом с ним она выглядела маленькой девочкой, немного испуганной и неуверенной в себе, но уже прирученной и готовой повиноваться. Епископ улыбнулся. Он взял ее узкую ладонь и галантно поднес к своим губам:

– Збышек! – без лишних церемоний представился мужчина.

– Маргарита! – торопливо ответила она, поднимая золотистые ресницы, кажущиеся особенно прекрасными в предзакатных сумерках, окутывающих тихий монастырский сад.

– Какое чудесное имя! – искренне восхитился епископ, лукаво прищуривая глаза. – Вблизи тебя я ощущаю себя старым и неловким. Как звали того пожилого чародея-чернокнижника в книге Гете, влюбившегося в красавицу Маргариту?

– Фауст! – послушно подсказала девушка, поспешно выдергивая ладонь из его сильных пальцев. – Но тех влюбленных свел Сатана...

– Грех – в любом случае грех! – сурово кивнул епископ. – Даже если он нужен самому Господу!

Маргарита смутилась и настороженно отступила на шаг назад, готовая убежать в сей же миг. Прозрачные очи пытливо глянули из-под ресниц.

– Это означает, что мы должны послушаться Гавриила?

Красивое лицо прелата красноречиво отобразило все владевшие им колебания. Он сосредоточенно помолчал, но потом все же решился.

– Кто мы такие, чтобы нарушать волю Спасителя?

Уголки нежных девичьих губ плутовато поползли вверх.

– Аминь! – набожно шепнула она, но ее голос таил в себе все греховные соблазны мира. В малышке Маргарите проснулась женщина – влюбленная, капризная и требовательная.

Збышек глухо застонал, порывисто схватил обе ее руки и крепко сжал их.

– Дитя мое, понимаешь ли ты, что даже безвинно сотворенный грех всегда возвращается сторицей?

Выпуклый лоб Маргариты залился яркой краской гнева.

– Лучше совершить и пожалеть, чем жалеть об несовершенном! – почти выкрикнула она, отвечая ему смелым взглядом в упор. – И потом, мы же оба этого хотим, не так ли?

Теперь смутился епископ. Несколько томительно долгих минут он безуспешно боролся с собственным сердцем и вскоре сдался, в глубине души несказанно радуясь проявленной слабости. Последний луч солнца благославно позолотил кудри Маргариты, рисуя светлый нимб вокруг ее прелестной головки. И епископ не устоял:

– Моя келья находится на третьем этаже левого крыла... – не договорив, он круто развернулся и, нервно сжимая кулаки, зашагал прочь, чуть не путаясь в развевающихся полах шелковой лиловой сутаны. Маргарита очарованно смотрела ему вслед. Она уже не боялась!

Архиепископ Збышек молился – так откровенно и истово, как не разговаривал с Господом уже лет десять. Огонек свечи едва теплился, выхватывая из темноты фрагменты старинной потускневшей от времени иконы в тяжелом серебряном окладе. Слабое теплое пятнышко света металось в такт тяжелому мужскому дыханию, освещая то сухие, искривленные страданием губы Спасителя, а то полуприкрытые опухшими веками глаза – то

ли осуждающие, то ли равнодушные. Коленопреклоненный прелат все пытался встретиться взором с нарисованным образом, но Господь упорно отводил расширенные мукой зрачки, не желая брать на себя ответственность за готовящийся грех. Епископ отчаянно заскрипел зубами. Он тщетно взывал к Гавриилу, но архангел не появлялся. Збышек злился. На всех: на ангела-соблазнителя, на Бога с его далеко идущими планами, на самого себя – слабого и сознательно поддающегося искусу. Душа епископа страстно взывала к душе Маргариты, способная думать лишь об одном – только бы она пришла. Но оставшийся здоровым и непомутненным рассудок противился и кричал – нет, не приходи. Прелат измучался ожиданием, ежеминутно переходя от надежды к отчаянию и обратно. Сердце его терзалось сомнениями, металось, разрываясь на две половины. Збышек твердо знал – плодом этой ночной встречи станет дитя, столь угодное Господу – его будущий воин, защитник и охранитель. Избранный, зачатый незаконно, но призванный носить небесный чин серафима. Ведь чем ценнее дар – тем дороже плата за его обретение. Каким же он станет, этот дар божий? Может быть, таким же высоким и сильным, как потенциальный отец, с серыми глазами матери и ее золотыми волосами? А может, он унаследует ее ранимую душу, но зелень глаз и рыжину кудрей возьмет от отца? Нежная душа – не лучший подарок для будущего воина... Да и сможет ли сама Маргарита пройти через уготованные ей испытания? Незаконнорожденное дитя грешной монахини... Епископ вздрогнул от ужаса, от страха за нее – хрупкую и податливую. И тут же поклялся себе, что защитит, убережет от всех напастей свою неожиданную, но такую сладостную и прекрасную любовь. Спасет, охранит Богом данную возлюбленную, укроет ее в самом лучшем и дальнем своем поместье, и вырастит их дитя...

Молитва рождалась сама собой.

Душа изнемогает от печали,
Печали по утраченному Богу.
Нас некогда с тобой в Раю зачали,
Но мы земную выбрали дорогу.

И крылья с тихим шорохом опали;
Средь перьев белоснежной карусели,
Босыми по воде мы не ступали
И на кресте Голгофы не висели.

Нас ангелы от бед не защищали,
И печени копьем нам не пробили,
Нам благовоньями тела не умащали,
Но мы любили... Как же мы любили!

Паденьем запятнали Книгу Божью,
Ее страницы оскверняя кровью,
Мы не гнушались завистью и ложью,
Бессмысленно гоняясь за любовью.

Мы, словно крест, несем теперь по миру
Апостольскую тяжесть откровенья,
Елеем – ласку, поцелуем – мирру,
И грех земной любви прикосновенья...

В дверную створку тихонько постучались.

Он рванулся не только телом, но и всей душой, торопливо вскочил с колен, метнулся к двери и распахнул ее широко. На пороге стояла она.

Все помыслы и сомнения мигом вылетели из его головы, оставив после себя одну лишь всепожирающую, все заслоняющую радость и дерзкое мальчишеское ликование — она пришла! Ему так хотелось верить в то, что она пришла не только по воле Господа, но и по зову своего сердца. Верить, что она его любит! Он обнял ее горячо и пылко, неловко, чуть скованно целуя золотые локоны, прохладные щеки, плотно сомкнутые ресницы и два лепестка розы — ее мягкие, доверчиво подставленные губы. Он уже так давно не был с женщиной, что почти забыл, как это упоительно. Упоительно до самозабвения, до полного растворения в другом человеке... Она закинула руки ему за шею и ответила на поцелуй — с наивной, неумелой готовностью. Голова прелата закружилась, повергая их обоих в пучину греховной страсти. Мужские руки скользнули по стройному девичьему телу, словно не смея поверить в его невинную доступность. Одежды торопливо спадали на пол... Последняя предсмертная вспышка свечи неожиданно ярко озарила Маргариту, распущенными волосами и застенчиво скрещенными руками прикрывающую обнаженную грудь... Не выпуская из объятий, не отрывая губ от ее рта, он увлек девушку на призывно расстеленное ложе и поспешно накрыл своим телом, сплетая руки с ее руками, погружая напряженное мужское естество — в желанную мягкость между ее раскрывшихся бедер... Это стало наслаждением на грани боли — слаще манн небесной, торжественнее мессы и таинственнее предсмертного соборования. Она отдавалась ему беззаветно — вверяя и жизнь свою, и плоть, и помыслы. Она пьянила сильнее выдержанного церковного кагора. Он упивался ею, но все никак не мог напиться, истомленный многолетней жаждой. О, эти плечи ее, груди ее, лоно ее...

— Я хочу быть с тобой нежным! — шептал он, будто принося обет перед Богом и самим собой.

И невесомым дуновением страстного соития по келье плыло его тихое стенание — Маргарита, желанная моя, возлюбленная моя!

Предначертанное Господом свершилось. На счастье ли, на беду ли...

Это проявилось через пару месяцев. Обычные Женские недомогания так и не пришли, сменившись ежедневными приступами выматывающего головокружения и надоедливой утренней тошнотой, оставляющей после себя неприятный привкус желчи во рту и смешанный со стыдом испуг. Маргарита стала слезливой и обидчивой, принимая на свой счет любое случайно услышанное слово. Прежде тоненькая, даже худая той особой худобой юности, она начала раздаваться в талии уже на третьем месяце беременности, потому что ребенку просто не нашлось достаточного для развития места в этом легком маленьком теле. Справедливо опасаясь невозможности достаточно долгое время скрывать от всех свое щекоотливое положение, Маргарита несколько раз звонила по оставленному архиепископом номеру телефона, рассчитывая получить обещанную им помощь и защиту. Но девушке не повезло. Неизменно вежливый секретарь в безукоризненно официальных фразах отвечал, что прелат спешно отбыл в Рим для возведения в кардинальский сан. И никому не известно, когда он возвратится обратно в Верону, да и вернется ли сюда вообще.

Маргарита впала в панику. Ситуация оказалась безвыходной. Будучи уже не в силах утаивать закономерно развивающуюся беременность и опасаясь гнева со стороны строгих монахинь, она обратилась к Богу, умоляя спасти и охранить ту, которая так послушно исполнила его благую волю. Однако Иисус молчал... Немало бессонных ночей провела Маргарита в молельне, распростершись ниц перед равнодушным распятием и прижимаясь пылающим от отчаяния лбом к холодным каменным плитам. Она призывала смерть на свою неблагоразумную голову, проклиная и оставившего ее Гавриила и собственную доверчивую непредусмотрительность. Растущее в ее лоне дитя пока не вызывало в сердце юной матери никаких положительных эмоций, оказавшись не долгожданным даром — а нежеланной и обременительной обузой. Сама еще не вышедшая из детского возраста, Маргарита оказалась совершенно не готова к внезапно обрушившимся на нее тяготам грядущего материнства, растерявшись перед лицом неминуемой огласки и последующего позора. И лишь в одном

она оставалась непоколебима. Что бы ни случилось с ней самой, какие несчастья и испытания ни ожидали ее в будущем, согрешившая монахиня намеревалась любым доступным ей способом оградить от разоблачения того, кто стал невольным виновником постигших ее неприятностей. Всем жаром лишенного сострадания сердца, всем пылом так и не раскрывшейся души, всей страстью не успевшего окончательно развиться тела Маргарита полюбила мудрого и красивого архиепископа Збышка, ни на одно мгновение не допуская крамольной мысли, что он способен бросить и забыть ту, которую обнимал и целовал столь самозабвенно. Ведь, как известно, все мы веруем в первую очередь в то, во что нам хочется верить более всего.

Несчастливая девушка не ошиблась. Каждый час или день, каждую наполненную угрызениями совести ночь новоиспеченный кардинал Миланский вспоминал о своей невенчанной супруге, ныне отдаленной от него огромным расстоянием и непредвиденными обстоятельствами. Пребывая в неведении относительно многих особенностей функционирования женского организма, Его Высокопреосвященство надеялся, что еще пару месяцев Маргарита будет выглядеть как обычно, и никто не догадается о постигшей ее участи. А к тому времени он сам непременно успеет вернуться в Верону и увезет тайную возлюбленную в отдаленное имение, навечно укрывая от любопытных глаз. Но Бог рассудил иначе...

Грех, даже совершенный с благими намерениями или по неведению, всегда остается грехом, требующим раскаяния и искупления. Кардинал Миланский, остро нуждающийся в сохранении тайны и сбережении своей незапятнанной репутации, случайно задержался в папской резиденции не на пару недель, не на месяц – а на целых полгода, показавшихся ему бесконечными. Раскрытие связи с монахиней грозило ему отлучением от Церкви и попаданием под карающую юрисдикцию святой католической судебной палаты. К счастью, кардинал Збышек с честью вышел из выпавших на его долю передраг и приобрел немалый вес в рядах всемогущей папской курии. Его Высокопреосвященство ожидало блистательное будущее. Его даже прочили на папский престол, учитывая сильно пошатнувшееся здоровье престарелого папы Павла XII. Ряды сторонников кардинала Збышека множились с каждым днем, его влияние все возрастало и укреплялось. Внешне невозмутимый, неизменно располагающий к себе и обаятельно-приветливый кардинал, умело сохраняющий хорошую мину при самой плохой игре, на самом деле испытывал все муки ада, терзающие его рвущуюся в Верону душу. Збышек боялся за Маргариту.

По истечении четырех месяцев фигура Маргариты изменилась настолько, что никакие накидки и платья уже не могли скрыть от взглядов окружающих ее сильно отяжелевший и располневший стан. Почти обезумев от отчаяния и безысходности, она выкрала скромное мирское одеяние, принадлежавшее монастырской поварихе, и однажды ветреной и дождливой ночью покинула уютную обитель сестер-кармелиток, обрекая себя на жизнь лишенной крова скиталицы. Дальнейшее ее существование свелось к мучительной череде блужданий по городам и селениям, вымаливанию скудного подаяния и голодному, холодному прозябанию никому не нужного, больного и слабого человеческого создания, мало уже чем отличающегося от забитого бродячего животного. Страх за судьбу любимого мужчины гнал Маргариту подальше от Вероны, заставляя держать рот на замке. Если ей бросали кусок хлеба – значит, у нее был обед. Если ее принимали в какой-нибудь богадельне – значит, у нее был кратковременный приют. Один раз ей даже повезло прожить пару недель в странноприимном доме при монастыре братьев-бенедиктинцев, но едва преисполненные сострадания монахи начали усиленно наводить справки об ее возможной семье, как Маргарита сбежала и оттуда, опасаясь, что в ходе расспросов выплывет дорогое ее сердцу имя – Збышек. Почти утратившая веру в справедливость, оупевшая и словно бы уснувшая, она жила единственным, что еще имело над ней какую-то власть и дарило мимолетную радость воспоминаний – мечтами о волшебной ночи любви, сейчас казавшейся далекой и нереальной сказкой. Да и существовал ли вообще на самом деле он – возлюбленный с

сильными смуглыми руками, широкой грудью покрытой курчавыми седеющими волосами, на которую она так доверчиво припадала сладко кружащейся от его поцелуев головой? Иногда, раскачиваясь как сомнамбула и вперив взгляд в одну точку, она погружалась в грезы о высоком улыбчивой мужчине, в объятиях которого она поверила в возможность счастья. И тогда она роняла безмолвные слезы, отрешаясь от неугомонных биений растущего в ее лоне ребенка, повторяя словно молитву: «Господи, верни мне хотя бы на миг руки его, губы его, глаза его...»

Но Спаситель оставался глух.

Праздник Инакулана – День пречистой Девы Марии, приходящийся на восьмое декабря, в 1989 году выдался холодным и пасмурным. Запутанный, неисповедимый для самой Маргариты путь закончился в Венеции, приведя ее в базилику святого Марка, покровителя города. Именно в этом старинном храме хранится один из уникальнейших ювелирных шедевров мира – икона Пала д'Оро. Закутанная в грязные обноски Маргарита, продрогшая и мокрая, ничего не евшая уже два дня, прихрамывая взойшла по мраморным ступеням собора, пугая многочисленных туристов своим запущенным видом и отталкивающим запахом немытого тела. В минувшую ночь, после месяцев молчания и забвения, к ней наконец-то снова явился архангел Гавриил и призвал посетить Золотой алтарь, собранный из восьмидесяти девяти маленьких икон. В центре алтаря сияли изукрашенные драгоценными камнями изображения Иисуса Христа и матери его Марии, держащие на вытянутых руках Книгу жизни. Маргарита благоговейно опустила на колени, закрывая грязными руками изможденное лицо. Крупные слезы текли между пальцев и капали на пол, выложенный византийской мозаикой в серебряных прожилках. Ребенок сильно пинался в животе, торопясь поскорее войти в этот суровый и жестокий мир. И сердце Маргариты всколыхнулось от просветленного приступа внезапно вспыхнувшей материнской любви.

– Ты полюбила свое чадо – значит, час его рождения настал, ведь родительская любовь наделяет детей невиданной силой, – услышала Маргарита тихий голос архангела Гавриила. – Посмотри, вот те, кто с нетерпением ожидают появления твоего ребенка! – рука божьего вестника указала на икону. – Он зачат во грехе, но твои страдания искупили все, окружив вас обоих ореолом святости. Это чудесное дитя станет воином небесным, чадом Господним, спасет мир от гибели, найдет ключи от Рая и Ада и восстановит сожженные Сатаной страницы Книги Жизни! Ты уже в полной мере хлебнула земных горестей и достойна райских врат. Готова ли ты добровольно отдаться на справедливый суд Спасителя нашего?

– Да! – с прозрением воскликнула Маргарита, лобызая подножие иконы. – Да, вверяю Господу нашему душу свою и судьбу моего нерожденного младенца!

– Аминь! – торжественно ответил Гавриил.

Острая вспышка боли пронзила тело девушки, она вскрикнула и упала на пол. Начались роды. Кто-то из туристов сжалился над нищенкой и вызвал «скорую помощь». Маргариту погрузили в машину и отвезли в ближайшую больницу для бедных – в госпиталь Святой Анны.

Трое мужчин, облаченных в коричневые шерстяные рясы, стояли у стеклянной перегородки педиатрического отделения для новорожденных и сосредоточено рассматривали ряд пластиковых лотков со спящими в них, плотно укутанными в пеленки младенцами. Вернее, монахи смотрели на вторую справа колыбельку, в которой мирно посапывала крупная румяная девочка с необычно длинными в столь раннем возрасте, рыжими волнистыми волосами.

– Какая лапочка! – молитвенно сложил руки самый молодой из монахов, худой и жилистый, выглядевший лет на тридцать пять.

– Жалко, что это не мальчик... – разочарованно буркнул второй, невысокий и плотный. Последний из мужчин довольно усмехнулся:

– Откуда у тебя это необоснованное предубеждение по отношению к женщинам, брат Бонавентура? Ведь сказано в «Евангелии от Сатаны» – и будет она возлюбленной Дщерью Господней, владеющей силой его, добротой его, словом его...

– Ну не знаю, не знаю! – не пошел на попятную тот, кого называли Бонавентурой. – Может, к ней и благоволит даже сама пресвятая Богородица, а по мне – так воины из девиц никудышные!

Молодой монах, явно очарованный рыжекудрой малюткой, весело рассмеялся:

– Вот и прими тогда на себя тяжкий труд по упрочению воинской позиции – найди ее будущего спутника, второго эрайю, и вручи ему крест! Уж про него-то Церковь давно все знает – воин, тамплиер, рыцарь и мужчина, каких мало...

– И найду! – упрямо нахмурился Бонавентура. – Хоть он и оборотень, и кобель изрядный, но мне – по душе!

Монахи довольно заулыбались.

– А ведь похожа, – прилип носом к стеклу молодой монах, – похожа она на отца своего и в то же время на своего легендарного предка по материнской линии – Эмвеля ле Руака!

– И не говори, Лоренцо! – кивнул бритой головой третий монах. – И волосы рыжие от отца – Его Высокопреосвященства Миланского ей достались, и глаза зеленые – точь в точь. А вот упрямый подбородок, нос с горбинкой – это все как на портрете знаменитого трубадура...

– А дар, передан ли ей дар? Как ты думаешь, Бернард?

– Не бойся, Лоренцо! – успокоил товарища брат Бернард. – Чует мое сердце – сбылось все как должно. Поэтому и девочка родилась – чтобы сплести божественное умение творить молитвы с необычной любовью к мужчине...

– Как у Магдалины и Иисуса! – просиял эмоциональный Лоренцо.

Скептик Бонавентура сурово хмыкнул:

– Вот уж, придумали! Не след грешную любовь с божьей волей смешивать.

– Бог есть любовь! – перекрестился мудрый Бернард. – И никого из людей или ангелов сия доля не минует!

– Ой, – почти всхлипнул Лоренцо, – а как же мы теперь скажем кардиналу Збышеку, что его любимая не перенесла родов и скончалась?

– На все воля божья! – карающе возвестил Бонавентура. – Грех есть грех – даже случайный! Отмучалась падшая монахиня.

Но Бернард горестно вздохнул:

– Святая она, как есть святая!

Его неуступчивый оппонент желчно поджал губы, однако спорить не стал. Чего уж скрывать, умершую Маргариту жалели все.

Лоренцо неслышно вошел в бокс и нежно взял на руки так и не проснувшееся дитя.

– Его Высокопреосвященство велел назвать ее Селестиной! – он восторженно улыбнулся. – Имя то какое удивительное – «небесная»!

– Грустит кардинал, – печально признал брат Бернард, – не успел он Маргариту найти и спасти, а ведь как искал... Да все равно – опоздал...

– Да полно вам печалиться, не на похоронах чай! – перебил друзей Бонавентура. – Давайте-ка лучше исполним то, что нам кардинал велел!

– Отдать божье дитя на воспитание проклятой твари! – брат Лоренцо собственническим жестом прижал новорожденную малютку к своей груди. – Не слишком ли это жестоко?

– Не нам судить! – шикнул на него Бернард.

Лоренцо жалостливо шмыгнул носом, любовно качая сверток с малышкой.

– Бедняжка! – заботливо ворковал он. – Подкинуть небесную птаху да в гнездо к злобным стригоям... Воистину, чудны веления твои, Господи!

Глава 7

Жизнь полна несправедливости. Вернее, именно жизнь и есть самая несправедливая вещь из всех, что когда-либо создавались по воле Господа. А может, в этом и проявился его величайший, непонятный нам замысел? Сотворить то, что никогда не станет одинаково доступно для всех. Возможно, для реализации столь изощренного плана у Бога имелись весьма весомые причины, но что-то, или еще правдоподобнее – кто-то, хитроумно подправил пару пунктов этого воистину грандиозного проекта, внося значительную сумятицу и неразбериху в конечный практический результат. Но, так или иначе, а отредактированная Сатаной игра под пафосным названием «жизнь» стала штукой сложной, неоднозначной и во многом спонтанно зависимой от случайного стечения непредсказуемых обстоятельств. И далеко не всем существам в этом ментально искривленном мире воздается по реальным заслугам, гораздо чаще последствия за те или иные деяния бывают самыми непредсказуемыми.

Все мы неоднократно убеждались – мир принадлежит тем, кто не очень-то старательно коротает жизнь за одними лишь молитвами, смиренно дожидаясь проявления благодатной божьей милости, снисходящей на головы людей добрых и честных. Мир принадлежит сильным. Но, увы, проявление духовной и физической силы слишком многогранно и зачастую выражается как в корыстных, так и в добропорядочных деяниях. «На Бога надейся, а сам не плошай!» – так говорят смелые и решительные, жадно протягивающие руку навстречу капризному случаю. Лучше всех живут те, кто умеет взять от жизни все. Или урвать, кому уж как сподручнее.

Амелия – маркиза де Салуццо, прекрасная супруга несчастного Манфреда дель-Васто, в полной мере являлась выдающимся образчиком именно такой вот рискованной и нахрапистой породы людей, если, конечно, определение «человек» хотя бы немного подходило для описания потаенной сущности этой мерзкой темной твари. Да и сам термин «несчастный», примененный относительно брата брошенной в пучину испытаний Маргариты, тоже подвергся бы ярому остракизму со стороны многих обывателей. По их меркам, молодой и красивый аристократ вызывал бы скорее неумную зависть, чем жалость и сочувствие. Но таковой казалась лишь внешняя, обманчиво нарядная обертка его беспощадно загубленной жизни. На самом же деле все обстояло далеко не так.

Ослепительно прелестная Амелия Амбруцци могла составить личное счастье любого, даже самого избалованного ценителя женской красоты. Она принадлежала к старинной и благородной фамилии, нисколько не уступающей по древности и родовитости маркизам де Салуццо. И если сам Манфред и его сестренка Маргарита являлись прямыми потомками знаменитых лангедокских трубадуров – Жерара и Эмвеля ле Руак, то Амелия приходилась дальней родственницей им обоим, ведя происхождение от Влада Дракулы, мрачного наследника магистра Гонтора де Пюи. Две ветви мистической альбигойской крови, одна из которых многие века служила Тьме, а вторая – Свету, снова встретились и слились воедино.

Как и Маргарита, Амелия ждала ребенка. Но если дочь грешной монахини была зачата по воле Господа и с благословения его, то дочь стригойки стала результатом страшного ритуала, в процессе которого сам Темный отец снизошел в тело Манфреда, став источником холодного семени, давшего жизнь его долгожданному ребенку. Следует упомянуть, что настоящий супруг Амелии не пережил чудовищной мистерии и скончался вскоре после этой невероятной брачной ночи. Маркиза де Салуццо скоропостижно овдовела, но не скорбела ни дня. Стригои оказались слишком хорошо осведомлены о желанных последствиях слияния некогда разошедшихся альбигойских ветвей. Без этого акта их власть никогда не достигла бы своей закономерной вершины. Манфред выполнил возложенную на него функцию, став вместилищем адской силы, вторично породившей свое земное дитя. Подобно тому, как много столетий назад в подземелье Монсегюра появился на свет первородный Сын тьмы – демон Себастиан, так ныне через Амелию готовилось произойти в мир второе порождение Ада – будущая повелительница всех стригоев. Пророчество безумной Изабо д'Ан Марти исполнилось – две крови вновь соединились, приведя мир на грань свержения в пучину

Тьмы. И существовала одна лишь сила, способная предотвратить грядущий апокалипсис – противодействие избранного воина божьего в лице незаконной дочери падшей монахини и отступившегося от церковных обетов кардинала. Воина, называемого возлюбленной Дщерью Господней и носящего нежное имя – Селестина. Отныне судьба всего человечества, да что там – судьба всей земли находилась в состоянии неустойчивых колебаний, подобно мячику перекатываясь в руках двух сестер одного рода, первая из которых была стригойкой, а вторая – бескрылым серафимом. Воистину, Господь и Сатана затеяли странную игру, ставкой в которой являлось дальнейшее существование всего живого и разумного.

Пребывая на девятом месяце желанной и цветущей беременности, вдова дель-Васто гостила в Венеции, остановившись в сказочно богатом палаццо ла Витиччи, принадлежавшем семье ее покойного мужа Роды. Начались внезапно, на пару недель раньше срока. Амелию срочно доставили в самую элитную клинику, где, почти не страдая и не особо напрягаясь, она произвела синеокою и чернокудрую дочь, нареченную Андреа.

Больничная палата утопала в оранжевых цветах, какие только можно было достать в тот морозный зимний месяц. Очаровательная крошка Андреа родилась вчера, седьмого декабря, в День поминовения усопших, а сегодня уже переселилась в апартаменты матери, тихо почивая в по-королевски украшенной драгоценными кружевами колыбели. За полуопущенными жалюзи царил полуночный мрак, но Амелии не спалось. Ей давно осточертел этот глупый человеческий обычай – проводить во сне лучшее время суток, задуманное Темным отцом как часы страстной любви и упоительно– кровавой охоты. Но сейчас, здесь, ей поневоле приходилось соблюдать видимость приличия, искусно разыгрывая роль молодой и счастливой матери. Стригойка задумчиво возлежала на пышных подушках, вперив в темноту неподвижный взор широко распахнутых глаз. Амелия была довольна. Она безукоризненно точно исполнила волю Темного повелителя, родив ему долгожданную дочь, должную стать вторым воином Тьмы. Так сказано в «Евангелии от Сатаны». Молодая мать беззвучно зашевелила алыми губами, повторяя старательно заученные строки:

– ... и исторгнет чрево избранной матери, происходящей из древнего рода, второе дитя Тьмы, призванное отыскать своего старшего брата – Себастиана, разбить чары Грааля и привести мир к зре стригоев!

Амелия горделиво улыбнулась. Бесспорно, она свершила все предначертанное. А остальное – она ласково покосилась на виднеющуюся среди пеленок черноволосую головку – сделает ее дочь. Наследница крови старинных катарских родов – новая маркиза де Салуццо!

Ночник на тумбочке светился загадочными синими всполохами. На кушетке в углу палаты негромко похрапывала нерадивая сиделка. Стригойка брезгливо поморщилась. Люди, какой с них спрос! Они не заслуживают иной участи, кроме как быть емкостями со сладкой животворящей кровью. Но пройдет совсем немного лет, повзрослеет и наберется знаний Андреа – и все изменится. Исполнятся роковые знамения, а девятого числа, девятого месяца, две тысячи девятого года, за девять минут до полуночи, звезды наконец-то встанут в нужное положение, ознаменовав наступление лунного затмения, длящегося всего девять минут. Легендарное число – 999, на самом деле скрывающее темное значение – 666. Число Зверя. На недолгое время Зверь проснется – тайный Темный покровитель обретет видимость полной силы, пускай и всего-то на краткие девять минут. Но и этого вполне достаточно. Ибо в эти девять минут священный гримуар – «Евангелие от Сатаны», которое становится доступным для прочтения один раз в двести лет, вновь приоткроет свои страницы и поделится заветными тайнами с тем, кого стригои сочтут достойным для приобщения к их величайшей реликвии. И манускрипт подскажет, что следует делать дальше! А уж восшедшая к тому времени в пору мудрости Андреа сумеет правильно расшифровать полученную подсказку и...

Внезапно дверь в палату растворилась с едва слышным скрипом. Разгневанная нежеланным вмешательством в свои раздумья, Амелия приподнялась на подушках,

рефлекторно выпуская острые черные когти. В палату торжественно вступили трое облаченных в грубые рясы монахов, последний из которых бережно нес запеленатое, крепко спящее дитя. Почуввав присутствие божьего духа, стригойка оскалила белоснежные клыки и зашипела:

– По какому праву?

Самый старший из посетителей оборвал ее слова одним властным взмахом руки:

– Молчи, нечистая! Мы знаем, кто ты есть на самом деле, и пришли к тебе по воле Господа!

Амелия презрительно фыркнула:

– Что мне ваш назаретянин? Меня охраняет Соглашение, я – неприкосновенна!

– Оставалась таковой до недавнего времени, – холодно поправил монах, – но все изменилось. Вот здесь у меня, – он развернул скрепленный печатями свиток веленовой бумаги, – ватиканский указ, подписанный Его высокопреосвященством кардиналом-викарием Миланским, вычеркивающий тебя из списка привилегированных стригоев. Ты виновна в совершении черных обрядов, приведших к смерти молодого дворянина – Манфреда дель-Васто, ты изгнала из дома его несовершеннолетнюю сестру и насильно отправила ее в монастырь сестер-кармелиток. Твои злодеяния доказаны. Высшим тайным судом инквизиции ты приговорена к казни, равно как и твоя новорожденная дочь!

Лицо стригойки исказила гримаса дикого ужаса.

– Нет! – отчаянно выкрикнула она, вскакивая с кровати. – Дитя не отдам. Смилуйтесь!

– Адская тварь просит пощады? – саркастично усмехнулся обвинитель. – Какая дьявольская насмешка. Что можешь ты предложить нам во искупление своих преступлений?

– Все что угодно! – не задумываясь, ответила стригойка, заслоня собою колыбель.

Но молодой монах отогнал ее крестообразным движением молитвенно сложенных перстов и осторожно положил рядом со стригойским отродьем принесенный им сверток. Амелия недоуменно хлопнула ресницами.

– Смотри! – монах отвел уголок пеленки, показывая ей личико спящей малютки, тоже девочки, рыжеволосой и белокожей. – Ватикан готов помиловать тебя, женщина. Но в ответ ты должна принять в свой дом вторую дочь и дать ей благородное имя дель-Васто. Мы выправим документы и впишем в них, что ты родила двойню – Андреа и Селестину!

– Но, – вяло запротестовала стригойка, – тогда эта безродная обретет законное право на все – на титул, земли, имущество и банковские вклады...

– И хорошо! – довольно кивнули монахи. – Ведь она – родное дитя униженной и обездоленной тобой Маргариты де Салуццо, твоей золовки! Справедливость восторжествует.

Амелия некрасиво выпучила глаза от удивления.

– А ее отец, кто он?

– А вот это уже тебя совсем не касается, – сурово отчеканил старший из монахов. – Но знай, его имя достойно стоять рядом со званиями самых родовитых маркизов и графов!

– Так и быть, – нехотя согласилась стригойка, покачивая колыбель. – Отныне у меня две дочери. Обязуюсь хранить тайну и не причинить вреда вашей рыжей протеже. Я стану ей матерью.

Монахи молча поклонились и, закрыв головы капюшонами, быстро покинули комнату. Амелия с любопытством наклонилась к девочкам, сравнивая их черты.

– Похожи, – с облегчением решила она, – никто не заметит подлога и поверит в предложенную обманщиками легенду.

Тут дети разом проснулись и дружно заплакали в унисон. Мать поколебалась минуту, а затем достала из колыбели оба свертка и завернула приемыша в шелковую пеленку с фамильным гербом, подобную той, которая уже окутывала ее родную дочь. Она выпростала из кокетливой рубашки тяжелую, налитую молоком грудь и приложила Андреа к правому, а Селестину к левому соску. Дети громко зачмокали. Амелия иронично усмехнулась.

– Не надейся, – она неприязненно прикоснулась к рыжекудрой головке, – я не собираюсь тебя любить и нежить. Ты всего лишь пропуск в жизнь для моей ненаглядной

дочурки, гарантия ее безопасности! – и тут стригойку осенило. – Ну, раз уж тебя мне подкинула ненавистная католическая церковь, то пусть она за все и отвечает. Я отдам тебя на воспитание в монастырь. А из моей дорогой Андреа, – она нежно поцеловала округлый лобик черноволосой малютки, – я выращу будущую госпожу и повелительницу!

А где-то далеко, запершись в скромной келье, истово молился муж, оставшийся без невенчанной супруги, и отец, оставшийся без богоданной дочери – безутешный кардинал Миланский, душа которого истекала кровавыми слезами горя и отчаяния. И лишь одно немного успокаивало мудрого прелата – осознание того, что все произошедшее полностью соответствовало воле и прозорливому промыслу Господнему. А значит, все случившееся было не зря...

На этом текст в файле заканчивался.

Я несколько минут сидела с вытянувшимся лицом, пытаюсь уложить в голове все прочитанное. Действительно, картина вырисовывалась совершенно нереальная... Я посмотрела на напряженно замершего Натаниэля, расширенные глаза Ариэллы, отвисшую челюсть Оливии, и истерично захихикала. Жила себе не тужила, называется! Спокойненько так, смиренхонько, целых двадцать лет. Ни на чем не заморачивалась, не парилась, в ус не дула – и тут та-а-а-кое вскрывается... Обалдеть просто!

Как ни странно, первым на помощь ко мне пришел Симон.

– И как тебе легенда? – спросил он вполголоса, ухмыляясь хитрой улыбочкой закоренелого пройдохи.

Я вышла из ступора.

– Да просто жития святых великомучеников какие-то в перемешку с тайнами бургундского двора! – я поморгала, снимая напряжение с уставших от монитора глаз. – Если бы не встреча с магистром стригоев, поведавшим мне предысторию событий, описанных монахами – ни за что бы не поверила госпитальерам...

– А то ж! – мрачно вставила валькирия. – Продай этот фантастический текстик Голливуду в качестве сценария – улетный блокбастер по нему снимут!

Великий грешник натужно рассмеялся:

– Недаром в учебниках по психологии написано, что шок – естественная защитная реакция организма на всевозможные стрессы. Иначе можно запросто с катушек съехать!

– Ишь как заумно заговорил, – съязвил Нат, – а ты, оказывается, не только молитвенники читал!

Но де Монфор пропустил эту ехидную подколку мимо ушей:

– Селестина, я приставлен к вашей команде по поручению твоего отца! И моя первоочередная задача...

– Мой папа – папа! – я протянула эту необычную фразу с такими интонациями, словно пробовала на вкус странный каламбур, неожиданно оказавшийся сущей правдой. – Бред какой-то! Или, – тут меня осенила совсем безумная догадка, – он тоже ведет свой род от катаров?

– Ну, – де Монфор пристально посмотрел мне в глаза, – не совсем. Считается, что корни его семьи восходят к Карлу де Молэ, тоже рыцарю-тамплиеру и при этом младшему брату магистра ордена, сожженного на костре Еврейского острова.

– Мда, такое меткое попадание случайностью не назовешь! – восторженно прищелкнул языком Нат. – Так свести нужных людей способен лишь Господь!

– Бред! – еще упрямее констатировала я.

– Не бред! – терпеливо увещевал меня Великий грешник. – Возможно, нам не дано сразу постичь всю потаенную глубину замысла Божьего, но ты должна сейчас руководствоваться наиглавнейшей директивой – стригои накопили достаточно сил для того, чтобы начать войну за передел власти. Противостояние определилось: с их стороны твоя сестра Андреа, которой требуется найти второго воина Тьмы – демона Себастиана и пробудить его от многовекового сна. Именно он сможет отомкнуть Врата Ада и установить

на земле царство Тьмы. Ты же в свою очередь должна поскорее отыскать второго эрайю – ангела Смерти, воина Света, наделенного таким же серебряным крестом, как у тебя, и предотвратить катастрофу.

– А ты не знаешь случайно, кто он такой, этот воин Света? – жалобно спросила я. Симон бессильно пожал плечами.

– Никогда не слышал о личности, хоть немного подходящей под описание, братьев-госпитальеров. Слишком уж странное сочетание получается – воин, рыцарь, тамплиер, да еще и оборотень в добавку. Как-то ненатурально это все выглядит!

– Мда уж, – я приложила ладонь к нервно подергивающейся щеке. – Венеция сейчас смахивает на огромный стог сена, в котором необходимо найти одну-единственную экзотическую иголку. Возможно ли это?

– Придется положиться на волю случая и помощь Господа! – набожно посоветовал Симон.

Я негодуяще фыркнула, но смирилась:

– Попробую тебе поверить. Ибо пока не вижу другого приемлемого варианта своих ближайших действий. Допустим, этот неведомый воин тоже прибыл на карнавал...

– Ой, карнавал! – буквально подпрыгнул на кровати Нат. Он глянул на наручный циферблат. – Сел, до его открытия остается ровно час!

– Церковные тайны затягивают. В компании с ними время летит незаметно! – гордо сообщил Симон, принимая картинную позу.

– Ой-ой-ой! – насмешливо парировала Оливия. – От этих тайн – один вред для нервов и здоровья. Уж лучше бы мы пиво пили!

Все рассмеялись.

– Как бы там ни было, но времени у нас в обрез, – заметила я, отключая компьютер и бережно пряча обратно в карман диск с ценной информацией. – Поэтому хватит разговоров, ясности они уже не прибавят. Все экстренно готовимся идти на карнавал, сбор через пятьдесят минут в холле гостиницы.

Друзей как ветром сдуло. Последним из моего номера вышел Симон, что-то задумчиво бормочущий себе под нос.

Я свободно откинулась на спинку кресла, немного жалея о том, что так и не осознала всей прелести никотиновой зависимости. Нет, я, конечно, пробовала курить пару раз, но удовольствия от этого процесса не получила. А жаль – возможно, сейчас бы мне весьмагодились релаксационные манипуляции с сигаретой и зажигалкой. Говорят, они здорово способствуют как расслаблению, так и концентрации всех мыслительных процессов. А обмозговать предстояло многое, и я отнюдь не собиралась тратить бесценные минуты на подбор карнавального наряда. И так сойдет.

Значит, так: мне удалось выяснить, что хоть я и напрямую принадлежала к семейству дель-Васто и по праву унаследовала титул маркизы де Салуццо, но при этом никогда не являлась дочерью тех людей, которых с детства привыкла считать своими родителями. Нужно признать, псевдо-матушка Амелия скончалась настолько давно и при столь подозрительных обстоятельствах, что мне с превеликим трудом удалось воскресить в памяти образ высокой, царственно обворожительной, черноволосой леди. Уверена, Церковь все-таки приложила руку к устранению высокопоставленной стригойки. Она отдала меня в монастырь в возрасте трех лет, и после этого я видела ее от силы раз пять. О чем, впрочем, сейчас ничуть не жалела. Подумать только, меня вскормили молоком кровососки. Подобная отвратительная мысль породила во мне лишь брезгливое отвращение, переходящее в тошноту. О существовании сестрицы Андреа я не только не знала вплоть до событий последней недели, но даже и не подозревала. Острое чувство жалости вызывала трагическая судьба моей настоящей матери, но здесь я была уже бессильна и не располагала возможностью изменить хоть что-нибудь. Мы живем настоящим, не обладая властью над прошлым. Поэтому следует вести себя так, чтобы оно не оказывало сильного влияния на

объективную реальность и не портило наше будущее! «Господи, – я сильно сжала сцепленные пальцы, – дай мне силу вершить те дела, на которые я способна, и не лезть в дела, приходящиеся мне явно не по плечу. Да еще достаточно ума, чтобы отличить первые от вторых! Селестина, – серьезно сказала я самой себе, – с сегодняшнего дня прочно вдолби в свою глупую голову основное правило: не бери на себя больше, чем ты способна вынести. И никогда не забывай эту непреложную истину!»

По-видимому, текущая в моих жилах кровь древних катаров все-таки несла в себе какое-то роковое проклятие. Нам с сестрой досталась схожая судьба. Она боролась за установление на земле царства Тьмы, я же – за торжество силы Света. Она искала своего будущего спутника и соратника – и мне следовало совершить то же самое. Так кто же он такой, этот загадочный эрайя, осененный серебряным крестом? В мой озабоченный многочисленными проблемами мозг не приходила ни одна хоть мало-мальски правдоподобная версия. И почему-то, совершенно против собственного желания, я вновь вспомнила щедрого незнакомца, бескорыстно даровавшего мне свою теплую одежду. Где он сейчас находится, что делает, вспоминает ли обо мне? Еще ни один мужчина не занимал так много места в моем сердце и помыслах, даже на краю грядущего вселенского катаклизма обволакивая трепещущую душу сладкой завесой истомы и желания. Неужели меня настигла внезапная любовь? Роковая, фатальная, единственная – возникшая с первого взгляда, слова и прикосновения? Возможно ли подобное чудо? Но, так или иначе, мне хотелось думать только о нем – моем ночном рыцаре, говорить о нем, и даже молчать – о нем! Рой восторженных мыслей, порхавших, будто влекомый к губительному светильнику мотылек, упорно не давал сосредоточиться на чем-то важном, желая лишь отрешенного погружения в сладостную пучину грез и ярких мечтаний, в центре которых подобно отблескам солнца, вспыхивали мимолетные образы его смеющихся губ, прищуренных глаз, пушистых ресниц. Эти образы мгновенно затмили все с детства привычные для меня святыни, даже лик Бога. Здравый рассудок обоснованно доказывал необходимость немедленно забыть столь неподходящее для сложившейся ситуации чувство. Но глупое сердце упорно цеплялось за свои приятные заблуждения, желая любить и быть любимой. Суждено ли этому таинственному незнакомцу стать моим романтическим героем, моим идеалом, моей судьбой и счастьем? Ответа на столь сложный вопрос пока не существовало.

Прошу – о, дай мне фору, время!
Пусть обретет душа покой,
Любви несчастной скинет бремя,
В грехах раскается с лихвой,

Смиренно вновь кладет поклоны,
Сроднится с тяжестью креста,
И, глядя на оклад иконы,
Тебя не видит. Лишь Христа.

Да заживет на сердце рана,
А чувства вмиг дадут отбой,
Герой случайного романа,
А может, вовсе не герой...

А может, тоже – просто грешник,
Что сбился с верного пути,
Нас свел какой-то дух-насмешник,
Он мимо нас не дал пройти

И вот живу в сетях обмана,

Сама себе твердя порой —
Зря в строчках каждого романа
Ищу тебя я, мой герой.

Оконные стекла неожиданно мелодично звякнули и мелко завибрировали в такт глухим тяжелым ударам, плывущим над городом. Это торжественно заговорил главный набатный колокол на базилике Святого Марка. Три праздничных удара болезненно впивались в уши, отделяя мир от войны, жизнь от смерти, а вампиров от людей. Большой карнавал начался!

«Храни нас всех Иисус! – печально попросила я, собирая оружие, закрывая двери гостиничного номера и медленно спускаясь по лестнице. – Стригои вышли на охоту, их заветный час пробил. Защити же нас, Господи! Неужели наши грехи так велики, и мы заслужили подобную страшную участь?»

Люди в любой ситуации остаются всего лишь людьми. Не могучими героями, не титанами и богами, а приземленными – вечно скучающими и голодными существами, алчущими хлеба и зрелищ. Наивными восторженными детьми с трепетом ожидающими наступления очередного редкого праздника. Впрочем, праздники именно тем и хороши – что случаются редко. А горячее предвкушение сказочного действия зачастую намного приятнее и волнительнее самих торжественных мероприятий. Мы не перестаем бесконечно обманываться в ожидании чудес, но все равно продолжаем верить и надеяться. И это – главная способность живучего человеческого организма, позволяющая ему преодолевать хандру и уныние. Умение верить в чудеса!

Но вот уж что-что, а карнавал в Венеции всегда становился чем-то волшебным феерическим и неповторимым, совершенно не похожим на предыдущие празднества. А нынешние экстремальные обстоятельства ничуть не испортили долгожданного праздника, наоборот, придали ему некое непривычное, совершенно inferнальное очарование. Внезапно вернувшаяся зима каким-то невообразимым образом сумела законсервировать хрупкое очарование ранней весны, запечатлев ее во льду и инее, сиявших ярче самых редкостных бриллиантов. Быстротечные морозы цепко схватили первые распускающиеся листья и траву, превратив их в ажурные произведения искусства – филигранные, как лучшее муранское стекло, и замысловатые, как золотой кубок работы Бонвенуто Челлини. Бесспорно прекрасные, но – навсегда утратившие непрочное дыхание жизни, мертвые и искусственные. Атрибуты, вполне достойные нового мира – мира стригоев!

На куполе Дворца дождей лежали рыхлые снежные хлопья. Бронзовая статуя льва – символа Венеции поджала хвост и заметно съежилась, как бы уменьшаясь в размерах в предчувствии скорого прихода другого, куда более свирепого и кровожадного хищника. Бесследно исчезли вездесущие и наглые, безалаберно прикормленные туристами голуби. Крыша часовой башни Торе-дель-Оролого обледенела, даже на значительном расстоянии отливая пронзительно-хрустальным, слепящим глаза блеском. Впору на коньках кататься. И все-таки Венеция оставалась бесподобно хороша даже такой: слабой, побежденной, почти сдавшейся на милость черной зимы, застывшей в объятиях студеной Тьмы. И достанет ли у меня сил и смелости, чтобы спасти, обогреть ее и вдохнуть свежее пламя жизни в этот впавший в летаргический сон город? Я мало верила в благоприятный исход затеянной нами авантюры, но храбро подпитывала свою решимость словами молитвы и мечтами о любви, продолжая надеяться на лучшее. Я тоже была наивна.

Я выдохнула клубы влажного пара и натянула черные кожаные перчатки, предусмотрительно расправляя мельчайшие складочки. Температура наружного воздуха прочно застряла на минусовых отметках, поэтому перчатки оказались совсем не лишними. Теперь мои руки не замерзнут, и это очень важно, ибо чутье подсказывало мне, что без драк сегодня не обойдется, а выходить против классических рапир и шпаг желательно не с голыми ладонями, а имея соответствующую защиту – еще лучше, усиленную специальными

щитками. Но сейчас выбирать не приходится – чем богаты, тем и рады. Остается надеяться на себя да спешно припоминать уроки сенсея Кацуо.

По поводу подходящего карнавального наряда я тоже особо не заморачивалась. Оделась во все черное, не стала прятать кэны, и как финальный штрих, нарисовала на щеках два японских иероглифа, обозначающих смерть и ужас. Получилось очень даже впечатляюще – вылитый ниндзя. Точно так же поступила и Оливия, от чьей внушительной фигуры так и веяло нескрываемой угрозой. Полагаю, встретившимся с ней стригоям сегодня крупно не поздоровится! Ариэлла нарядилась в норковую шубку шоколадного оттенка, напустив на себя вид томной, рафинированной леди. Под мехами скрывался остро отточенный кинжал. Но Натаниэль затмевал всех. Он просто снял охранную молитву, являя веселящемуся городу белоснежную ширь гордо распахнутых крыльев. Да и кто там разберет – настоящие они или нет, но прохожие восторженно охали и ахали, проча ангелу первый приз на конкурсе костюмов. Натаниэль издевательски посмеивался.

Между тем вечерняя тьма, окутывающая улицы, сделалась совершенно непроницаемой. Снегопад возобновился с удвоенной силой, с каждой минутой становясь все яростнее и гуще. Праздничная иллюминация, хоть и яркая и обильная, оказалась совершенно не способна справиться с подкравшейся темнотой. Электрический свет отступал перед властью угольно-черной ночи. Но это лишь придавало еще большую пикантность порочным карнавальным развлечениям. Снег превратился в плотную молочно-белую ширму, не позволяющую видеть что-то дальше вытянутой руки и надежно скрывающую творящиеся на улицах безобразия. Повсюду гремела музыка и раздавались раскаты пьяного смеха.

«Плохо, – обеспокоенно подумала я, донельзя раздраженная настоящей какофонией звуков, впитавшей в себя все – от классики до хард-рока. – При таком шуме никто не обратит ни малейшего внимания на крики жертв, их попросту не будет слышно. Глупые люди, сами подставляющиеся под клыки стригоев...»

Рестораны и пиццерии переполняли толпы ликующего народа, безудержно предающегося веселью, обжорству, пьянству и откровенному флирту, быстро переходящему в самый разнузданный разврат. На скупо освещенных фонариками площадях и переулках танцевали нетрезвые туристы, облаченные в невообразимые костюмы и прячущие лица под фантазийными масками. Усатый испанский конкистадор, бряцающий огромной бутафорской рапирой, лихо кружил пухлую, укутанную в мантию пейзажанку. Римский легионер в овчинном тулупе поил из фляжки полуголубую, но уже не замечающую холода нимфу. Оперевшись на обклеенную афишами тумбу, пылко целовались две покачивающиеся личности неопределенного пола, обе одинаково плоские и длинноволосые.

– Содом и Гоморра! – тоном оскорбленной невинности возвестил Симон, смущенно отводя взгляд. – Этот город погряз в грехах!

– Пир во время чумы! – криво ухмыльнулась Оливия, не выпуская из рук пистолет. – Хоть тысячу убей, никто и не заметит!

Ариэлла молчала, восхищенно таращась по сторонам.

– Вот гадство, – вздохнула я. – Пойди-ка угадай, кто скрывается под этими масками? Как отличить стригоя от обычного человека?

– По запаху! – уверенно подсказал де Монфор. – Недаром вам в аббатстве чутье тренировали. От стригоев пахнет кровью!

Нат остановился под приоткрытым окном и прислушался. По его прекрасному лицу расплылась фривольная ухмылка. Из комнаты явственно доносились сладострастные постановывания...

– Эх, – бесстыдно позавидовал ангел, – не хило там кого-то жарят, видать, если им даже в такую холодрыгу жарко стало...

Ариэлла показала ему кулак. Симон целомудренно покраснел.

– Смотри! – Оливия вдруг сильно сжала мои пальцы, привлекая внимание к двум стройным девицам, остановившимся в паре метров от нас и завлекающе похихикивающим под прикрытием щедро позолоченных масок. На одной красовалось дорогое кожаное пальто,

обшитое полосками голубой шиншиллы, а вторая куталась в перелину из чернобурки. Обе усиленно заигрывали с Натаниэлем, соблазнительно улыбаясь накрашенными ртами и строя глазки. Я сделала шаг вперед и принялась, глубоко вдыхая холодный, насыщенный различными ароматами воздух. Пахло гарью взрываемых на улице петард, крепким кофе и хорошей выпивкой, сигаретами и женскими духами. Но, перебивая все второстепенные запахи, до меня мгновенно долетело особенное, ни на что не похожее амбре свежей крови – сладковатое, гниlostное и противное до омерзения. Я едва удержалась от крика, незаметно подмигивая Нату. Ангел ответил мне понимающим кивком. Он беззаботной походкой подошел к кровососкам и склонился в галантном поклоне.

– Приветствую вас, о прекрасные существа с длинными ногами...

– Так бы прямо и говорил без намеков – страусы! – брезгливо скривила губы Оливия.

Ариэлла обидно хмыкнула. Стригойки нахмурились, не понимая, где таится подвох.

– Это что, оскорбление? – удивилась первая девица, фигуристая и белокурая.

– Блондинко! – так тихо, что ее услышала только я, беспощадно заклемила валькирия.

Симон неуверенно топтался в стороне, стригойки нерешительно переглянулись, видимо, взвешивая, стоит ли с нами связываться. Тогда нетерпеливый Натаниэль решил взять инициативу в собственные руки. Он развязно подхватил девиц под локотки и засюсюкал сладким голоском:

– Девочки, а как на счет того, чтобы прогуляться в одно милое местечко и поиграть в шахматы на раздевание?

Я прикусила губу, стараясь не рассмеяться. Но стригойки счастливо просияли и, повинаясь направляющему движению ангела, повернулись к нам спиной. Удар моего клинка и выстрел Оливии слились в один короткий звук, два мертвых тела беззвучно осели в снег... Натаниэль без подсказки шустро оттащил трупы в ближайший проулок, предоставив им там медленно рассыпаться серым, смердящим прахом.

Так повторилось несколько раз. Мы уверенно продвигались вперед, к главной площади Пьяцца ди Сан-Марко, поминутно наталкиваясь на неосторожно шляющиеся пьяные компании и изредка – на бродивших в одиночку или вдвоем стригоев. Причем последние неизменно вели себя на удивление беззаботно, становясь легкой жертвой для наших пуль и клинков. Сначала я недоумевала, а потом попросту утратила бдительность, начав подозревать, что стригои на самом деле весьма тупые и ограниченные твари, начисто обделенные хитростью и изобретательностью. И как это при подобном скудоумии они осмелились претендовать на мировое господство?

Первым взбунтовался основательно заскукавший Натаниэль, ибо в методичном истреблении кровососов не обнаружилось ничего не только героического, но даже интересного.

– Да что я вам, быдлоукладчик, что ли? – привередливо возмутился взопревший от монотонной физической работы ангел, прикопавший в снегу уже то ли восьмое, то ли девятое по счету тело. – Так и пуп надорвать недолго! – он поднял за длинные волосы отрубленную голову очередной стригойской красотки и дурашливо потыкал в нее пальцем: – Не-а, не айс! – он эффектно размахнулся и забросил злополучные останки куда-то на крышу соседнего дома. – Баста, карапузики, кончились танцы, мне надоело подвизаться на вторых ролях!

– Ну, хорошо, – разрешила я, – разделимся. Так мы сможем упокоить гораздо большее количество врагов. Ты иди с Ариэлкой, Оливия будет охранять Симона, а я прогуляюсь одна.

– Благоразумно ли это? – начала Оливия, но тут из-за угла вывернулась очередная парочка самоуверенных стригойских юнцов, претенциозно наряженных в костюмы готов. Они казались такими неопытными и вместе с тем нахальными, что я развеселилась окончательно.

– Приветствую вас, о, анемичные Дети Ночи! – пафосно изрекла я.

– Чего? – шокировано перекозились клыкастые салабоны.

– Здорово, упыри! – бесцеремонно рявкнул Нат, пуская в лоб ближайшего паренька

освященную пулю.

– Скуотища! – кисло констатировала Оливия, отправляя в Ад его дружка. – Сел, я не права. Они все хронические идиоты, страдающие олигофренией в самой тяжелой степени. Я знаю, что от укуса вампира можно стать вампиром. Но этих придурков, ей богу, искушали бараны!

– Аллилуйя! – поддержал валькирию Нат.

– Уговорили, – убежденно кивнула я. – Разделимся и поохотимся на стригоев всласть. Встречаемся утром в гостинице.

Снег приятно поскрипывал под сапогами. Часы на ратуше пробили двенадцать ночи. Я избавила мир еще от парочки неповоротливых стригоев и наконец-то вышла на главную площадь Венеции где, по моему твердому убеждению, и должны были происходить сейчас самые красивые и замечательные мероприятия. Но каковым же безграничным оказалось мое удивление, когда я обнаружила, что площадь не только совершенно пуста, но и в добавку погружена в траурный полумрак. Я потрясенно покрутилась на каблуках, поводя из стороны в сторону кончиком предусмотрительно извлеченного из ножен Кото. Но ведь инстинкт бойца почему-то властно звал меня именно в это самое место. Неужели мой внутренний голос ошибся?

– Ба-а-а, – за моей спиной неожиданно что-то зашуршало и раздался негромкий, но неприкрыто издевательский смешок, – какая у нас тут кисуля нарисовалась!

Я стремительно обернулась. Передо мной стоял граф Рауль Деверо...

Глава 8

Погода изменилась ближе к полуночи. На смену обильному снегопаду пришла кристальная чистота и прозрачность воздуха, сопровождавшаяся сильным похолоданием. Небо прояснилось. На чернильно-темном ночном небе засияли крупные звезды, подобострастно окружавшие желтую, похожую на золотую монету луну. Конрад задрал голову, любуясь этой волшебной декорацией. Подходящая ночь для интриг и убийств. Надо признать, резкие температурные перепады уже изрядно ему надоели, как и сыплющийся с неба мокрый снег, поэтому он искренне радовался установившемуся затишью. Однако оно казалось ему слишком умиротворенным, лубочным и совершенно ненатуральным. Но сейчас вервольфа беспокоило еще одно серьезное обстоятельство – зря он все-таки выбросил свои измазанные кровью перчатки. При нынешних минус двадцати – а он и не сомневался в том, что верно оценил температуру, – не очень-то комфортно прикасаться к оружию непослушными замерзшими пальцами. Количество огнестрельных боеприпасов уменьшилось значительно, а запас сюрикенов и вообще почти исчерпался. А на улицах продолжало происходить черт знает что! Стригоев было много, слишком много. Натренированный глаз охотника безошибочно выискивал мерзких кровососов среди бурно веселящейся толпы. Сердце замирало от ужаса и безысходности, выхватывая все новые сцены творящегося в городе беспредела. Вот элегантно одетая парочка уединилась в тени под аркой моста, целуясь жарко и самозабвенно. И наверное, мало кто, кроме вервольфа, заметил, как девица вдруг сильно обхватила руками торс своего спутника и переместила губы ниже – на его шею, выпуская острые клыки. А на другой улице, буквально в двух шагах от злополучного моста, двое светловолосых мужчин одновременно набросились на совсем юную девушку, наигранно подхватывая ее, пьяно хохочущую, и похотливо утаскивая в темноту. Со стороны все это выглядело обычным флиртом. Конрад ощущал, как волосы на его груди встают дыбом, наэлектризованные диким приливом адреналина. Стригои не церемонились. Город вырезался организованно, грамотно и беспощадно.

Голодная ночь – таким эпитетом Конрад охарактеризовал то, невольным свидетелем чего он оказался. Может ли ночь называться голодной? О да, теперь она уже не казалась Майеру такой красивой и безобидной. Черное небо разительно напоминало бездонную

глотку, жадно распахнувшуюся в предвкушении новых жертв. А мириады звезд в его взбудораженном воображении все больше становились похожи на маниакально оскаленные зубы, только и ждущие подходящего момента, чтобы вцепиться, рвать, терзать. Лунный диск, иногда заволакиваемый легкой туманной дымкой, издевательски подмигивал, четко давая понять: аппетит приходит во время еды! Ночь безостановочно поглощала человеческие жизни, перемалывая все: кости, судьбы, души – но никак не могла насытиться. Кровь лилась рекой. Алые брызги обильно пятнали истоптанный снег, издали смахивая на лужи расточительно пролитого вина. Время вокруг Конрада то убыстряло, то замедляло ход, становясь тягучим и вязким, будто специально позволяя ему насладиться мельчайшими подробностями происходящих убийств. «Это все стрigoйская магия, – четко понимал вервольф. – Она подобно мороку отводит глаза и одурманивает людям головы. И это конец! Конец всему...»

Цвет луны постепенно менялся, из золотисто-желтого перетекая в багрово-красный оттенок сытости и довольства. Ночь продолжала без устали пить человеческую кровь – утробно икая, хлюпая вздохом, вульгарно срыгивая избытки, каждую секунду досуха опустошая десятки и сотни тел. Мир безудержно скатывался в пучину Тьмы и беззакония. Время стрigoев наступило!

Стараясь не поддаваться эмоциям, не позволяя ночи затянуть себя в водоворот безумия и желания убивать, Конрад продолжал безостановочно идти вперед, контролируя эмоции и сдерживая себя на каждом шагу. Мерзлая земля горела под его ногами. Несколько раз ему самоуверенно преграждали путь, и тогда вервольф дрался, обреченно понимая, что зря растрчивает силы и время. Минуты убегали в пустоту, замедляя его движение. Словно какие-то незримые силы сконцентрировали на Конраде все свое внимание, пытаясь любым способом не пропустить его на площадь. Туда, куда его направил умирающий брат Бонавентура – видимо, посвященный в высшую тайну, пока недоступную разуму вервольфа. И Конрад непременно должен был дойти до площади, ведь он обязался это сделать!

На всем протяжении пути Майера неотступно преследовал образ загадочной рыжеволосой незнакомки. Она так прочно запала в душу вервольфа, что он даже уже и не пытался подавить эту неожиданно возникшую любовь, быстро превратившуюся во всепожирающий огонь страсти. Все произошло так нелепо и спонтанно, что Конраду только и оставалось, что иронично посмеиваться над самим собой: надо же – спокойно прожил семь сотен лет, и ничего. А тут на тебе – влюбился по-настоящему. Причем – впервые в жизни и всего за какие-то пять минут. Чудеса! И сейчас он внимательно вглядывался в каждый темный угол, в каждую сточную канаву, боясь до нервной дрожи увидеть – не лежит ли там она, обескровленная, с разорванным горлом. Он успокаивал себя тем, что она же экзорцистка, да еще и ангел. Разве такая девушка по зубам стрigoям? Но наполненное потребностью защищать и оберегать сердце влюбленного мужчины неугомонно гнало его вперед, подстегивая и выстукивая: найди ее, спаси ее! И эта, ставшая самой важной целью затмила все прочее, наполняя жизнь Конрада прежде не ведомым ему смыслом и значением. В его жизнь вошла истинная любовь!

Переплетение узких переулков закончилось внезапно, открывая настороженному взору вервольфа заснеженную квадратную площадь. Гордые стены базилик и дворцов имели непривычно жалкий вид, бронзовая отделка пустовавших скамеек покрылась траурным налетом инея, смахивавшим на могильную плесень. Статуи казались мертвыми, оконные стекла вздулись, отливая мерзкой синевой протухших рыбьих тушек. Здесь мрамор рассыпался в сизый прах, а позолота блекла на глазах, печально сползая с колонн и карнизов зданий, будто истлевшее надгробное покрывало. Здесь заканчивалась власть Бога, уступая место Тьме, холоду и смерти. А в центре всего этого ужаса неподвижно стояли двое: рыжеволосая жертва, заказанная Конраду, и сам заказчик – зловещий граф Деверо. Фигуры противников замерли, не двигаясь с места, но весьма красноречиво угрожая друг другу лезвиями обнаженных клинков. Конрад беззвучно выругался и искусно укрылся в тени массивного гранитного постамента, приготовившись смотреть и слушать...

Я раздраженно скрипнула зубами, так сильно сжимая челюсти, что у меня даже скулы свело от напряжения. Этот проклятый кровосос посмел назвать меня кисой! А не много ли он себе позволяет? Граф рассматривал меня насмешливо прищуренными глазами, пижонисто взбивая на груди пышное кружевное жабо. Несмотря на легкий наряд, состоящий из батистовой рубашки и бархатного колета, он, кажется, совсем не страдал от холода. На его губах бродила наглая улыбка. Я почувствовала, как из глубины моей до предела возмущенной души поднимается волна безудержного гнева, смешанного с дикой злостью. Выродку стало весело? Ну, сейчас я ему устрою карнавальную ночь!

– Неуважаемый стригой, ваша нелепая манера коммуникации вызывает во мне синдром конгенитивного диссонанса, смешанный с травматическим постэффектом субъективной депрессивности, – напыщенно заявила я, окидывая графа презрительным взглядом.

Глаза Деверо удивленно округлились.

– Чего? – непонятливо спросил он. – Это ты о чем?

– Для тупых поясню: я имела в виду, что ты просто бычара обуревающий, и меня от тебя тошнит! – оскорбительно рявкнула я, наслаждаясь оторопью врага. – Я, кстати, уже заметила, что ваша порода не отличается особой сообразительностью и...

И тут граф громко расхохотался прямо мне в лицо. Его красивый рот распахнулся в безобразном оскале, бледные щеки пошли красными пятнами, дыхание сбилось, переходя на хрип. Но стригой все смеялся и смеялся, явно, будучи не в силах остановиться.

Я нахмурилась.

– Это что, истерика?

Деверо умолк, вытащил из кармана украшенный монограммой платок и промокнул выступившие на глазах слезы.

– Дорогая моя дурочка, – почти нежно произнес он, – а в твою очаровательную, но пустую головку ни разу не пришла мысль о том, что мы специально выпускали против вас самых молодых и неопытных членов кланов, усыпляя вашу бдительность и стараясь натолкнуть на идею, что нас можно взять голыми руками? Госпожа Андреа действительно очень умна! Она мудро пожертвовала несколькими для защиты многих. И вот запланированный итог – вы неосторожно разделились, тем самым ослабив свои силы. А ты, хваленая экзорцистка, избранная Дочь Господня, – в голосе графа звучало нескрываемое пренебрежение, – позволила заманить себя в ловушку, явившись под удар моей рапиры, как животное на скотобойню. И кто из нас теперь бычара? – граф провел платком по лезвию своего роскошного клинка, смахивая несколько снежинок, а потом бросил кусок вышитой ткани мне под ноги. – У нас с тобой свои, давние счеты, девчонка! Я ведь обещал тебе, что мы еще встретимся...

Я коротко рассмеялась, не прощая себе собственную глупость. О да, когда фатальная ошибка уже совершена, то остается одно – смеяться, пытаясь скрыть смертельный страх и безнадежное отчаяние. Обычно за подобные ошибки расплачиваются жизнью.

– Ты не выйдешь с этой площади, – спокойно пообещал граф, вращательным движением разминая кисть правой руки. Острие рапиры свистнуло в воздухе, описывая сверкающий круг, – она закрыта нашей магией. Но я могу оказать любезность и убить тебя почти безболезненно. Отдай мне Грааль, и в качестве благодарности я проявлю милосердие.

– А это не хочешь? – невежливо поинтересовалась я, показывая графу оскорбительно оттопыренный средний палец. – Пошел-ка ты, труп смердящий, в э-э-э... пешую эротическую прогулку! – я перебросила Кото из руки в руку, желая поскорее начать поединок.

– Почему ты используешь катану? – любопытствовал граф, откровенно любуясь моим клинком. – У вас, экзорцистов, что – пунктик на счет японского оружия? Помнится, тот лихой старик в монастыре тоже нехило махал таким же старинным мечом. Кучу народу моего положил. Пришлось его самолично из автомата шлепнуть...

В глазах у меня помутилось от неконтролируемого гнева. Так это Деверо убил моего

обожаемого учителя! Я мгновенно вспомнила свою клятву, данную над телом сенсея Кацуо.

– Молись своему черному богу, сволочь! – с рычанием посоветовала я. – Я тебя сейчас на люля-кебаб порежу!

Уголки губ стригоя печально поползли вниз.

– Люлей мне навешать попытаешься? Ты?! Мне?! Ой, ну почему для гениальности есть границы, а для идиотизма – нет? – в его словах прозвучал упрек. – Сдавайся по-хорошему, экзорцистка!

– Ага, сдамся, когда русалка ноги раздвинет! – самоуверенно нахамила я. – Что же вас всех на словоблудие-то так тянет? Нет, не нужны мне твои подачки, кровосос. Предпочитаю умереть с оружием в руках, не утрачивая уважения к себе!

– Ну, как знаешь, – поморщился граф, – наше дело предложить...

– А наше – отказаться! – выкрикнула я и, не дожидаясь его нападения, первой нанесла удар, целясь в незащищенную грудь врага.

Долы на лезвии моего кэна нетерпеливо запели свою вечную и страшную боевую песню. Кото жаждал крови.

Всевидящий Бог нередко дает людям мудрость, заключающуюся в умении не демонстрировать собственную глупость. Дает, правда, не всем. Развитый ум позволяет достоверно просчитывать последствия любых наших действий, справедливо деля их на рациональные и нерациональные, плохие и хорошие. Если все самое плохое в твоей жизни уже осталось далеко позади, то лучше пореже оглядывайся за спину и смело иди вперед. Ну, а если ты хочешь понять, что значить – жить хорошо, тогда сделай себе плохо, но потом обязательно верни то, что было раньше. Сразу почувствуешь разницу. Все это я осознала в самую ближайшую минуту. Моя ужасающая глупость заключалась в дерзком намерении выступить против бойца, за многие сотни лет своей долгой жизни отточившего приобретенные им воинские навыки до немыслимого, недостижимого для меня совершенства. И мне тут же захотелось вернуться обратно, на улицы Венеции, где так хорошо и тихо – ведь все познается в сравнении. Но отступить оказалось поздно. А я еще считала себя умной! Вот и получается, что горе от ума слишком часто сменяется опасной эйфорией от глупости. А это уже не излечимо!

Рапира графа казалась мне самостоятельным разумным существом, действующим по своим, одной ей понятным законам и правилам. Она будто бы жила и пульсировала, виртуозно танцуя в умелых руках стригоя, легко перепархивая из ладони в ладонь, попутно нанося молниеносные жалающие удары. Мне доводилось слышать о великом фехтовальщике XIX века Чезаре Бленджини, но подозреваю – Рауль Деверо превзошел даже его.

Известный французский драматург Жан-Батист Мольер дал наиболее точное определение искусства фехтования: «Бой на шпагах есть умение наносить удары, не получая их. Необходимость прикоснуться к противнику, избегая его ответных выпадов, делает искусство фехтования чрезвычайно трудным и сложным. Ибо к глазу – который видит и предупреждает, к рассудку – который оценивает и решает, к руке – которая выполняет, необходимо добавить еще точность и быстроту, дабы сообщить оружию необходимую мощь и сформировать безупречный удар».

Всеми этими качествами граф Деверо владел поистине безупречно. Его изумительная рапира являла собой идеальный образец самого совершенного оружия из всего, что создал человек, сочетая сказочную красоту пропорций и высокое качество отковки клинка. Ее длина составляла около метра, включая эфес и гарду в стиле итальянской школы, состоящую из нескольких колец разного диаметра, расположенных одно над другим наподобие корзинки.

С молодых ногтей попав под бдительную опеку сенсея Кацуо, я так и не приобрела существенных навыков владения европейским оружием, и мой опыт по части фехтования на рапирах и шпагах исчерпывался минимальными основами, нося чисто теоретический характер. Техника иайдо намного более прямолинейна и тяжеловесна по сравнению с

невесомыми, почти танцевальными движениями талантливых фехтовальщиков. Но в нашем случае коса, как говорится, нашла на камень. Граф Деверо демонстрировал безукоризненный «микс» – невероятное смешение различных приемов, заимствованных из французской, испанской и итальянской школ. Его манера ведения боя оказалась совершенно непредсказуемой. Но моя оборона, вымуштрованная старым японцем, тоже стала для стригоя полной неожиданностью.

Почти неуловимым для глаза движением я в воздухе повернула Кото от себя и нанесла графу страшный удар по диагонали, ищущий снизу вверх и призванный рассечь его грудь. Стригой легко уклонился вбок, кончиком рапиры успев перехватить чуть изогнутое лезвие моего кэна и отбросить его в сторону. Я злобно зашипела. Мало кто способен так удачно отбить поступательное движение катаны, в которое я вложила всю свою силу. Соприкосновение клинков породило сноп ярких искр, осыпавшихся в снег под нашими ногами. Граф ответил стремительной контратакой, пытаясь уколоть меня в живот. Я небрежно парировала, искусно уйдя от захватной круговерти, в которую он пытался втянуть мой меч. На лице графа отразилось легкое недоумение. Он явно не ожидал от меня подобного мастерства. После этого мы обменялись еще несколькими скользящими фруассе, прощупывая слабые и сильные стороны в обороне друг друга. Я прочно стояла на всей поверхности ступней, обеими руками сжимая рукоять Кото, и ни на миг не впуская противника в зону допустимого приближения. Внезапно стригой прикусил губу от напряжения и выдал какой-то совершенно немыслимый прием, состоящий из ложного финта и последующего выпада, в ходе коего кончик рапиры скользнул мне под локоть, готовясь нанести смертельную рану в подмышечную впадину. Я всем корпусом отклонилась назад, сменила хват рукояти на одноручный, и ладонью в перчатке поймала смертоносное лезвие. Граф потерял равновесие и начал заваливаться прямо на меня. Я встретила его сокрушительным ударом в лицо, попав цубой по зубам. Стригой покачнулся и отлетел назад, успев по-кошачьи сгруппироваться, перекатиться через плечо и встать на ноги. Из его бешено перекошенных рассеченных губ хлестала кровь. Он выплюнул выбитый клык и криво ощерился. Налет напускного благодушия бесследно исчез с этой изуродованной морды, являя мне истинный лик необузданной озверелой твари.

– Молись, дрянь, – нечетко пригрозил стригой, сглатывая слюну и сукровицу, – сейчас ты умрешь!

– Красота – это же так скучно! – дерзко поддразнивала я. – Скажи мне спасибо, кровосос. Ты у нас теперь просто прелесть, какой интересный стал – кривозубый и толстогубый! – я демонстративно наступила сапогом на выбитый клык. – Жаль только, ты теперь век из стоматологии не вылезешь, и шепелявость у логопеда исправлять будешь!

Я видела, что графа прямо-таки затрясло от злости. Он вновь сменил позицию, крутанул рапирой и затанцевал вокруг меня, изящно перемещаясь на полусогнутых ногах. Двигался он со скоростью ветра. Я банально не успевала за его порхающими подскоками и поворотами, начиная уставать и задыхаться. Мда, вот к чему приводит недосыпание, общее переохлаждение организма и пагубное увлечение крепким кофе. Если переживу эту страшную ночь, то, клянусь локонами святой Марии Магдалины, завтра же займусь физкультурой: прыжками со штангой в бассейн, отжиманиями по-армейски на мизинцах, подтягиваниями, удерживаясь зубами за перекладину турника, вращением крышки от трактора вместо обруча и... И тут мне стало не до самокритики. Граф замахнулся и чуть не отрубил мне правое ухо, я едва сумела уклониться. Обнаглев до крайности, я попыталась нахально повторить атаку в лицо, но стригой небрежно прикрылся знаменитой защитой «демисеркль», и ответил головокружительным рипостом, вынудив меня дрогнуть и отступить назад. Он намного превосходил меня уровнем реакции и нечеловеческой гибкостью, позволявшей ему крутить контр-батманы из самых невыгодных поз и положений, высоко подскакивать и исполнять выпады любой сложности. Чуть ослабив фиксацию пальцев и лучезапястного сустава, я сделала вид, будто роняю клинок, вскользь ударив стригоя по колену правой ноги и одновременно, проводя грубую подсечку. Я немного

промахнулась, попав ниже коленной чашечки. На голени графа вспух длинный кровавый порез. Он грязно выругался, качнулся, ноги его подломились, и он грузно упал на спину.

– Ага! – радостно завопила я, бросаясь вперед и горя желанием добить поверженного противника. Но неожиданно в ладони графа блеснуло лезвие тонкого стилета. Не знаю, каким чудом я умудрилась немного притормозить на скользком снегу, не налетев всем своим весом на холодную сталь кинжала. Я почти выкрутила гуттаперчевым штопором сильно утяжеленный курткой торс, резко уходя вбок. Острие стилета полоснуло меня по левому предплечью, глубоко пропарывая и толстую черную кожу, и подкладку верхней одежды. Плечо обожгло вспышкой чудовищной боли, перешедшей в ноющее онемение. Рука тут же повисла безвольной плетью, пальцы одеревенели. Я ощущала, как кровь скапливается в рукаве и обильно течет вниз, через раструб манжета капая на снег. Но моя кровь не была горячей. Она холодила, будто поцелуй черной вьюги, вызывая странную сонливость и безразличие ко всему на свете – к жизни, к смерти, и даже к любви. Я машинально опустила на колени, понимая – час моей смерти пробил...

– Ну, вот и все, – ликующе возвестил стригой, прихрамывающей походкой приближаясь ко мне и занося рапиру над моей непокрытой головой. – Не знаю, куда ты попадешь – в Рай или в Ад, но это произойдет прямо сейчас, – он широко размахнулся...

Будто в замедленной съемке, я увидела плавно опускающийся на мою голову клинок... Оцепенелое тело отказывалось повиноваться, превратившись в неподвижную статую. И тогда я обреченно зажмурилась, мысленно вознося молитву своему Создателю, прося или помочь мне, или же придать силу для того, чтобы встретить смерть без страха и сожаления. Моя скорая гибель казалась неминуемой.

Внезапно раздался негромкий звук пистолетного выстрела. Между потрясенно расширенных глаз графа появилась аккуратная дырочка, из которой выплеснулась струйка темной крови. Стригой уронил рапиру, неустойчиво покачался пару мгновений, слепо повел руками и тяжело рухнул в снег. Он был мертв.

Терпение вервольфа закончилось в тот самый критический момент, когда раненый стригой занес рапиру над головой полупарализованной Селестины. Хорошо знакомый с принципами стригойской магии, он сразу понял, что стилет графа, поразивший плечо экзорцистки, нес на себе какое-то сильное и страшное заклинание, сумевшее частично пробить даже защиту Божьего слова. Времени на промедление не оставалось. Конрад поднял пистолет, заряженный пулей – освященной в самом Ватикане, и выстрелил не раздумывая. Так бесславно завершилась многовековая жизнь великого стригойского графа, правой руки и возлюбленного повелительницы Андреа, наследницы духа Дракулы. Спонтанный поступок Конрада в миг поставил под угрозу его дальнейшее существование, сделав из него объявленного вне закона парию, на которого вскоре начнут охотиться представители всех кланов без исключения. Но он не думал об этом.

Я ползла на коленях, натужно ворочая свои непослушные, внезапно ставшие будто бы чужими плечи. Но сразивший меня паралич усиливался, охватывая тело целиком. Я все слышала, все понимала, но была не в силах вымолвить хотя бы словечко, и даже пальцем не могла пошевелить. Я ткнулась носом в снег и осталась лежать на животе, не зная, чего мне ждать дальше? Этот третий воин, неожиданно вмешавшийся в поединок, – кто он, враг или друг?

Возле моей головы проскрипели неторопливые, размеренные шаги. Сильные руки бережно обхватили меня за талию и подняли с промерзшей земли. Совсем близко я увидела губы красивого очерка, раздвинувшиеся в радостной улыбке, и темные, опущенные густыми ресницами карие глаза.

– Ай-яй-яй, – укоризненно произнес мужчина, перехватывая меня поудобнее и прижимая к своей груди. – Сладкая моя, ну что у тебя за дурная привычка попадать в передряги и связываться с извращенцами? – он мотнул головой в сторону бездыханного

стригой. – Ты уж поверь моему опыту, этот тип всем извращенцам извращенец! Причем, с жуткими сексуальными странностями, настоящая находка для Фрейда. И сколько еще раз я должен тебя спасти, чтобы ты утомилась и перестала рисковать жизнью? – непоследовательно спросил он, заботливо усаживая меня на скамейку. – Что, будем молчать и глазки строить?

Но я вовсе и не думала строить ему глазки, мне плакать хотелось от счастья. Потому что я мгновенно узнала своего неожиданного спасителя. Это оказался именно он – мой ночной рыцарь, отдавший свою теплую куртку. Тот, о ком я думала почти непрерывно – мой возлюбленный, мой герой!

– Что-то с тобой не то творится, рыженькая! – обеспокоенно подметил мужчина, наклоняясь и заглядывая мне в глаза. Он деликатно протянул руки и доверху застегнул молнию на моей куртке. Его взгляд на один краткий миг заинтересованно скользнул по туго натянувшемуся на груди свитеру:

– Да-а-а, за добро нужно стоять грудью и ничего с таким бюстом в тылу отсиживаться! – нескромно пошутил он и добавил уже намного серьезнее: – Только не следует при этом забывать, что женская грудь совсем для других, более мирных целей предназначена! Если согласна – пошевели веками...

Я старательно зажмурилась.

– Отлично, реакция есть – значит, и дети будут! – довольно хохотнул мужчина. – Кстати, меня зовут Конрад! – он легонько сжал мою неподвижную кисть. – А про тебя я и так все знаю, ты – Селестина! Ну вот и познакомились, однако!

Я недоумевала, откуда он мог меня знать?

– Ты подожди немного, – попросил Конрад, – я сейчас тут малость приберусь и пойдем домой.

Он вынул из укрепленных на поясе ножен здоровенный тесак и одним мощным ударом отрубил голову мертвого графа.

– Фу-у-у, – он поднял ее за длинные волосы, – прости, Рауль, но друзей из нас не вышло.

Голова, кувыркаясь, полетела в сугроб.

«Друзей? – мысленно ужаснулась я. – Они что, раньше общались?»

Конрад нашел мой кэн, подобрал роскошную рапиру убитого графа и хозяйским жестом повесил ее к себе на плечо.

– А нечего добру пропадать! – буркнул он, снова беря меня на руки и размашисто шагая по площади. – В буржуйском хозяйстве все сгодится. Давай-ка мы с тобой ко мне двинем, будем водку пить и безобразия хулиганить.

Он нес меня легко, будто невесомое перышко. Я слышала, как бьется его могучее сердце – ровно и ритмично, словно мотор. Мое замерзшее лицо согревалось от его теплого дыхания. И мне показалось – ни одна сила в мире не сломит этой железной воли и непоколебимой уверенности в себе, не согнет широких плеч. Рядом с ним мне стало удивительно хорошо и уютно. Конрад источал убаюкивающую ауру безопасности и надежности.

Мы пересекли открытое пространство и приблизились к жилым домам. Площадь Сан-Марко закончилась, далее начинались улицы. И тут я неожиданно вспомнила предупреждение графа Деверо, касающееся темной стригойской магии, не позволяющей мне покинуть пределы очерченной каменным бордюром территории.

– Не бойся, – словно угадав мои испуганные мысли, ласково улыбнулся Конрад. – Я все слышал! Это тебе непросто выйти из защитного поля стригоев, а мне, – мужчина иронично хмыкнул, – раз плюнуть, – и он не раздумывая вступил в ближайший переулок.

Я испытала кратковременную вспышку боли, словно в мой утомленный разум впились сотни добела раскаленных железных крючьев. Вцепились и... не смогли удержать.

– Я ведь и сам – нечисть! – спокойно признался мужчина, сжимая меня в своих спасительных объятиях. – Что мне какие-то паршивые стригои. Вот так-то, милая!

Я в упор встретила испытывающий взгляд его темных глаз.

«Нечисть? – совсем растерялась я. – Так он не человек? Помогите мне, Господи, да кто же он тогда такой на самом деле?»

И до предела вымотанная навалившейся усталостью, переживаниями, смутным страхом за свою дальнейшую судьбу и физическим истощением, я беззвучно лишилась сознания, доверчиво покаясь на руках мужчины, целеустремленно уносящего меня прочь, в запутанное переплетение темных городских улиц...

Конрада обуревали двоякие чувства. С одной стороны, и сам весьма склонный к различным неадекватным выходкам и авантюрам, он безмерно восхитился отчаянной дерзостью рыжеволосой экзорцистки, осмелившейся бросить вызов столь опытному бойцу, коим и являлся граф Деверо. О да, в былую пору их кратковременной псевдодружбы вервольфу довелось провести немало учебных схваток со стригоем, и уж кто-кто, а он-то никогда не питал наивных иллюзий относительно воинских талантов ненавистного кровососа. Но в противовес всему сказанному, Майер сильно недоумевал – неужели и вправду идеалы и убеждения способны оказаться настолько сильнее врожденного инстинкта самосохранения, чтобы толкнуть девушку на стопроцентное самоубийство? Говорят, что цель всегда оправдывает средства. Какие же цели преследовала Селестина? Конраду уже довелось испытать на собственной шкуре такое, что привело бы в трепет и содрогание любого нормального человека. И поэтому он не без основания полагал – выжить можно всегда. В Раю ли, в Аду, под крылом католической церкви и даже под гнетом власти стригоев. Другой вопрос – насколько подобное существование можно считать жизнью? В его изрядно очерствевшей душе давно уже воцарился Ад, хотя довольно-таки удобный и комфортабельный. Но она, она... И будучи пока что не в силах осознать скрытую мотивацию ее отчаянной храбрости, Конрад невольно проникся к Селестине глубоким и искренним уважением. Что, впрочем, ничуть не поуменило терзавшего его физического желания.

Но сейчас его раздирали противоречивые эмоции. Он еще там, на площади, лихорадочно наблюдая за поединком, страшно маялся от неопределенности. С одной стороны, он готов был душу отдать за эту загадочную девушку, а с другой – отлично запомнил предсмертные слова брата Бонавентуры, поручившего Майеру отыскать второго эрайю, чтобы верой и правдой послужить Господнему делу. Что же сейчас важнее для Конрада – любовь или задание монаха? По представлению вервольфа, этот второй боец непременно должен обладать могучей статью, недюжинной силой и умом гения. Наверное, по предвидению монаха-госпитальера, встреча с избранным воином и должна была состояться ровно в полночь на площади Сан-Марко, но вместо этого неисповедимые пути Божьего промысла привели в назначенное место неугомонную рыжую девчонку, умудрившуюся влезть в очередные неприятности.

Конрад мысленно усмехнулся. «Вот ведь язва какая! – умильно промелькнуло у него в голове. – И черт ее не берет даже, эту Селестину. То она Андреа дорогу перейти умудряется, то в стужу по городу носится, то Рауля на дуэль вызывает... Прелесть, что за девочка!»

И вот эту-то непредсказуемую девушку Конрад и воцелил больше всего на свете.

И вот, радостно прижимая к груди окровавленный, впавший в беспамятство приз, вервольф торопился домой, готовый до последнего вдоха защищать и укрывать от любопытных взоров ту, которая казалась ему слаще ангельского пения, дороже судьбы всего человечества и спасительнее Божьего прощения. Вервольф обрел любовь и не собирался от нее отступаться. Ведь что еще в этом мире способно успешно противостоять всепоглощающей силе слепого и самозабвенного мужского либидо? Да пожалуй – ничто!

Умей мечтать, но не становись покорным рабом собственной мечты. Но, увы, к Конраду это уже не относилось. Он буквально обезумел, лишился последних крупиц благоразумия, любясь нежными бледными девичьими устами, ее впалыми щеками, оттененными длинными черными ресницами. Его мужское естество отчаянно бунтовало,

требуя немедленного удовлетворения самого сильного природного инстинкта. Эта девушка непременно должна принадлежать Конраду – сейчас, немедленно. И даже если сразу же после желанного акта плотской любви его немедленно упекут в самые жуткие глубины Ада, то пусть так и произойдет! Сейчас даже перспектива подобного жестокого наказания оказалась уже не способна остановить его подчинившееся страсти тело. Наверное, в этот самый миг бессмертная сущность вервольфа окончательно и навсегда оттринула сторону Света, погружаясь в пучину его личного Ада.

Сколько сил и времени должен потратить мужчина, для того чтобы воспользоваться минутной слабостью женщины? Конрад внес так и не пришедшую в сознание Селестину в свою венецианскую квартиру. По комнате разливалось тепло работающего калорифера. Вервольф включил ночник и заново растопил камин. Потом он освободил девушку от верхней одежды и перенес на широкий, застеленный пушистым пледом диван. Селестина лежала прямо перед ним, такая хрупкая и беззащитная, желанная и невыразимо прекрасная. Ее раненое плечо еще кровоточило. Конрад разрезал шерстяной свитер и стянул с девушки тонкую трикотажную футболку. На шее у экзорцистки он обнаружил массивное распятие, но, занятый мыслями совсем иного свойства, он бездумно снял крест и, не глядя, отложил его на прикроватную тумбочку. Дрожащими руками он обтер ее стройное тело пропитанной антисептическим лосьоном салфеткой, умело обработал рану и наложил плотную повязку. А затем не удержался и... снял с девушки всю остальную одежду...

Затаив дыхание, едва сдерживая бурно колотящееся и рвущееся из груди сердце, вервольф жадно пожирал расширенными глазами раскинувшееся перед ним девичье тело. Она была худощавой и длинноногой, но при этом обладала упоительно-округлыми бедрами и высокой пышной грудью. Рыжие локоны рассыпались по подушке, завиваясь в причудливые спирали и отливая чистейшей медью в свете полыхающего в камине огня. Сначала он легко, почти невесомо прикоснулся своими обветрившимися на холоде и морозе губами к ее устам, так и оставшимся неподвижными. Потом осмелел, скользнул вспыхнувшей нестерпимым жаром щекой по гибкой шее, кончиками пальцев погладил ключицу и здоровое плечо. Пылко сомкнул губы на розовом бугорке соска. Селестина едва заметно вздрогнула и что-то неразборчиво простонала. И вот этот-то чувственный, почти животный стон страсти и лишил Конрада остатков самоконтроля. Он запрокинул голову и глухо, по-волчьему завыл, сбрасывая иллюзорную оболочку цивилизованности. В окно лился серебристый свет ночного светила, вошедшего в фазу полнолуния. И тогда в Майере проснулся волк – измученный затянувшимся воздержанием, а сейчас почуявший запах желанной самки.

Конрад торопливо сорвал с себя джемпер, рубашку, джинсы, белье. А после этого сразу же лег к Селестине, погружаясь в обволакивающее тепло податливого девичьего тела, целуя его, самозабвенно лаская и покусывая. Мужские пальцы поспешно прошлись по прохладному плоскому животу девушки и спустились ниже, уже не способные остановиться. Своей смуглой ногой он требовательно раздвинул ее слабые колени и с тяжелым вдохом – у ловцов жемчуга обычно предшествующим погружению на неизведанную глубину, одним рывком вошел и овладел ею, испытывая невыразимое счастье обладания, подобное которому еще никогда не случалось в его жизни.

Глава 9

Я пошевелилась и приоткрыла заспанные глаза. Сегодня ночью мне приснился странный сон – будто высокий красивый мужчина принес меня в какую-то хорошо обставленную квартиру, раздел и уложил на диван. А потом он вдруг начал бурно срывать с себя одежду, превращаясь в ужасное чудовище. По спине красавца начала растекаться полоса серой шерсти, лицо удлинилось, становясь похожим на морду животного, зубы заострились. И это чудовище вдруг набросилось на меня, насилая и лишая девственности... Бр-р-р, приснится же этакий кошмар, так и зайкой стать недолго!

Я сладко потянулась, зевнула и наощупь поискала халат, обычно висевший на спинке кровати в моем гостиничном номере. Махровая одежда не обнаружилась. Я озадаченно перевернулась на живот и скосилась вниз, рассчитывая обнаружить халат на полу. Но вместо искомого предмета, мой взгляд неожиданно натолкнулся на замысловатый орнамент дорожущего персидского ковра. Хм, насколько мне помнится, в «Звезде Венеции» подобной роскоши не водилось. Так я что, не в гостинице? И тут мой не до конца проснувшийся мозг прошила шквальная волна воспоминаний, принесшая лавину неприятных картин и образов. Я разом вспомнила все произошедшее. И диск с информацией, и карнавальную ночь, и поединок со стригоем, и непредсказуемую развязку этой битвы. Меня спас мужчина, назвавшийся Конрадом. Он нес меня на руках, а потом, потом... Я негромко застонала от отчаяния и отбросила одеяло...

Одежды на мне не было. Я, полностью обнаженная, лежала на смятой шелковой простыне, испачканной несколькими пятнышками потемневшей крови. Точно такие же давно засохшие потеки обнаружились на моих ногах и бедрах. Мой ужасный сон оказался правдой!

Вторая половина дивана пустовала. Гневно прищуренными глазами я обзрела модную меблировку обширной комнаты. Окно затенено бархатными порттьерами, мраморный камин еще чадит сизым дымком прогоревших дров, в углу – огромная панель плазменного телевизора. Пара удобных кресел и антикварный бар из дуба, заставленный множеством винных бутылок. А на столике у изголовья, опираясь на ночник с атласным абажуром, стоит и смотрит прямо на меня моя же фотография, отпечатанная на цветном принтере. Ба-а-а, вот это номер! Да ты, оказывается, не так прост, господин Конрад! Видит Бог, у тебя тоже секретов полно. Вот только где же он сам – мой насильник и погубитель?

Кроме меня в комнате не было никого. Я прислушалась. Из глубины квартиры доносился приглушенный шум льющейся воды и низковатый, но мягкий и богатый на интонации мужской голос, беззаботно напевающий арию герцога из оперы «Риголетто». Я даже разобрала начальные строки бойкой, хвастливой песенки: «Сердце красавицы склонно к измене и перемене, как ветер мая...».

«К перемене, говоришь, – мрачно подумала я. – Ах ты, гад, ублюдок развратный! А я-то тебе доверяла. Ну, сейчас я тебе устрою и измену, и перемену...»

Дверь негромко хлопнула, по полу прошлепали босые ступни. Я быстренько приняла сидячую позу и скромненько прикрылась одеялом. В дверном проеме нарисовалась высокая мужская фигура, ниже пояса благопристойно обернутая белым полотенцем. В другой ситуации я, конечно же, залюбовалась бы этим смуглым торсом с рельефной мускулатурой, тонкой талией и литыми плечами. К тому же Конрад оказался выбрит налысо, что шло ему необычайно, подчеркивая высоту умного лба и аристократическую форму черепа. Готова спорить на что угодно, в жилах этого ублюдка течет благородная кровь. Карие глаза лучились счастьем, губы изогнулись в приветливой улыбке. Мужчина картинно оперся на косяк и приосанился, явно наслаждаясь произведенным впечатлением.

– Маленькая моя... – нежно начал он.

Но в этот самый момент я отвлеклась от разглядывания умело выставленного напоказ тела и заметила серебряный крест, висящий на груди Конрада. Я присмотрелась повнимательнее и возмущенно взвыла:

– Ах ты, сволочь! Ты не только насильник, но еще и вор! Отдай немедленно...

– Э-э-э? – недоуменно выдал мужчина, растерянно разводя руками. – Что отдать-то, сладкая моя?

– Мой крест! – еще пуще завопила я, мгновенно забывая про свою наготу и выпрыгивая из кровати. – Крест! – я вцепилась в распятие и сильно дернула. Конечно же, мы не удержались на ногах, потеряли равновесие и упали. Вернее, упала я, спиной вперед обратно на диван, а Конрад удачно обрушился сверху, припечатывая к мятым простыням мое голое, откровенно распластанное тело.

– М-м-м, – восхищенно мурлыкнул он, пытаясь, не меняя выигрышной позы, стянуть

мешающее ему полотенце, – вот это темперамент! Недаром я всегда считал, что рыжеволосые женщины самые страстные! Подожди, солнышко, сейчас все будет в шоколаде... – он непонятно закопошился. В мое бедро уперлось что-то большое и твердое. Я возмущенно замолотила кулаками по его плечам, но ясно дело – будучи не в силах столкнуть с себя эту такую тяжеленную тушу, разочарованно оскалила зубы и укусила насильника за нижнюю губу. Конрад заорал и отдернулся, с грохотом сваливаясь на пол.

– Да ты что, обалдела? – неразборчиво спросил он, держась за травмированную губу. – Если хочешь есть, то так и скажи. Я тебе завтрак приготовлю, зачем же от меня-то куски откусывать? – в его карих глазах не было злости, лишь ирония и обожание.

Я свесилась с дивана и снова ухватила за удерживающее распятие цепочку.

– Отдай мою вещь, я вынесла ее из подземной гробницы. И вообще, таким бесчестным тварям, как ты, священные раритеты не идут!

Конрад недогадливо хлопнул пушистыми ресницами.

– Но это мой личный крест, мне его брат Бонаventura подарил!

– Бона... – подавилась знакомым именем я. – Так ведь это один из троих монахов-госпитальеров!

– А ты-то их откуда знаешь? – в свою очередь изумился Конрад.

– Не твое дело, плешивый! – злобно отбрила я. – Перед тем как пойти на карнавал, я надела под футболку крест, причем именно этот самый. Он висел вот здесь! – я указала пальцем на свою обнаженную грудь, впрочем, сейчас совершенно не заморачиваясь по поводу собственной наготы.

– Крест... – нахмурил брови мужчина, видимо, что-то вспоминая. – Вот черт! – он метнулся к тумбочке и через секунду подал мне вторую серебряную реликвию, ничем не отличавшуюся от первой. Мы ошарашенно уставились друг на друга...

Два голых человека сидели на диване (полотенце Конрада спало само) и рассматривали два совершенно идентичных серебряных распятия.

– На твоём отчеканено: «Великий приор Джулио Винченце», – прочитал Конрад. – А на моем: «Великий архиепископ Збышек Мошковецкий, милостью Божьей экзорцист и воин Господень!»

Я громко икнула от неожиданности.

– А ну, рассказывай, что знаешь! – строго приказал мужчина, правильно истолковав мои выпученные от удивления глаза.

И я послушно принялась рассказывать...

– Невероятно! – эмоционально отреагировал Конрад, не пропустивший ни слова. В ходе моего запутанного повествования он благоразумно поддерживал челюсть рукой, справедливо и не без основания опасаясь, что она может отпасть. – Просто невероятно! Мда-а-а... Значит, ты и есть тот небесный воин, в поисках которого я минувшей ночью пришел на площадь Сан-Марко, – и он коротко изложил свою историю.

Я задумчиво прикусила губу.

– Но я-то думал, что второй эраия непременно окажется здоровенным мужиком вроде меня! – немного виновато закончил вервольф.

– Индюк тоже думал! – язвительно процедила я. – Или, точнее говоря, прошлой ночью ты, может, и думал, но явно не головой...

Конрад слегка покраснел.

– Маленькая, ну не сердись, – принялся успокаивать меня он. – Никакой беды в этом нет. Я свободен, я тебя люблю и готов жениться хоть сегодня!

Я злобно завизжала и шарахнула непутевого женишка крестом прямо в лоб.

Конрад крикнул, помотал головой и на всякий случай отодвинулся от меня на дальний край дивана.

– Если захочешь бить тарелки, то они – на кухне! – любезно предложил он, прикладывая к наливающейся на лбу шишке прохладную плоскость своего креста. – Но

умоляю, пощади мою голову, она нам еще пригодится!

– Зачем пригодится? – с издевкой прошипела я. – Такую башку, как твоя, можно смело называть никчемной конечностью!

Конрад обиженно скривился.

– Плевать мне на твою любовь! – продолжала истерично орать я, особо даже и не вдумываясь в смысл произносимых несправедливых слов. – Ты лишил меня невинности, а ее можно отдавать лишь ангелу-хранителю! У меня что, теперь завелся оборотень-хранитель? Да это же нонсенс, курам на смех! Ты вверг меня в грех, оставил без Господней защиты и благосклонности. Да меня теперь любой стригой убить способен...

– Не убьет! – горячо запротестовал вервольф. – Я не позволю!

– Тоже мне, защитничек нашелся! – пренебрежительно фыркнула я. – А то, что все произошло без моего согласия, тебя не беспокоит? Тебя совесть не мучает?

– Ну, со своей совестью я как-нибудь договорюсь! – небрежно отмахнулся Конрад. – Она у меня гибкая.

– Да уж, она у тебя настолько чистая и прозрачная, что ее практически не видно! – я продолжала изощряться в подколах.

– Ты же меня совсем не знаешь! – защищался вервольф.

– Это я-то не знаю? Между прочим, я тебя сразу раскусила, ты – негодяй и сволочь! – безразлично заклемила я. – Ты, поди, уже с не одной сотней женщин переспал и немало народу загубил?

– И что? – побледнел Майер. – А ты прибавь к ним еще графа Деверо, который хотел тебя убить.

– А я и не просила меня спасти! – запальчиво выкрикнула я. – Кстати, такой напарник, как ты, мне совсем не нужен, без тебя обойдусь, убирайся...

– Любимая, опомнись! – воззвал к моему благоразумию вервольф. – Мы ведь теперь на всю оставшуюся жизнь связаны. Думается мне, нас с тобой сам Господь друг для друга предназначил!

Но я не могла так быстро простить произведенного надо мной акта насилия. В глубине души я четко осознавала, что и сама страстно влюблена в Конрада – живу лишь им одним и мечтаю только о нем. Но проклятая гордость оказалась сильнее меня!

– Я тебя ненавижу! – холодно отчеканила я, пристально глядя в его печальные глаза. – Ты мне отвратителен. Никакого удовольствия с тобой я не испытала. Да я лягу под кого угодно, лишь бы причинить тебе боль и не принадлежать такому подонку!

По лицу Конрада прошла судорога страдания. Он взбешенно сжал зубы, из последних сил стараясь не вспылить.

– Ой, что-то мне не верится! Я отчетливо слышал сладострастный девичий стон, быстро переходящий в женский крик. Немецкое порно отдыхало! Тебе явно было приятно!

– Я кричала от отвращения к тебе! – заявила я, стараясь, чтобы мое вранье как можно больше походило на правду. – Я – ангел, избранная Дочь Господня. Да я просто звезда по сравнению с тобой. А ты – волчара поганый, зверюга блохастая...

Конрад гневно сжал кулаки. Он спешно поднялся на ноги, прикрываясь полотенцем:

– Да уж, про звезду ты точно подметила. В постели ты настоящая звезда – ляжешь, руки ноги раскинешь и... спишь! Может, ты вообще – фригидная?

Я зашипела и выставила острые ногти. Вервольф обидно заржал.

– Все бабы – неисправимые дуры! – припечатал он. – Черт бы побрал и вас, и эту проклятую любовь!

– Все, ухожу! – я вскочила, стягивая с дивана замурзанную простыню и заворачиваясь в нее наподобие сари. – Глаза бы мои тебя не видели...

– Тебе их выколоть? – мило предложил свою помощь вервольф.

Я высокомерно задрала подбородок, величественно развернулась, демонстрируя полное пренебрежение к его идиотским шуточкам, наступила на край простыни и нелепо шлепнулась на пол.

– Куда ты пойдешь, растяпа? – хмыкнул Конрад. – Уйду я. А ты, – он посмотрел на меня просительно, – не глупи уж совсем-то. На улицах небезопасно. Я схожу, разведу обстановку, да спокойно подумаю, что нам делать дальше. Нас, наверное, сейчас все стригои ищут. Так что сиди здесь тихо как мышка и даже носа наружу не высовывай!

Вервольф спешно оделся и жалобно взглянул на меня, надеясь, что я успокоюсь и одумаюсь. Но я оставалась непреклонной. Широкие плечи Конрада уныло обвисли. Он бросил в мою сторону прощальный взгляд и вышел из квартиры.

Между тем Конрад и не собирался уходить излишне далеко. Всего-то до ближайшей пиццерии. Он пребывал в самом пасмурном расположении духа. Время обеда уже миновало, и он, справедливо рассудив, что голодный желудок – плохой советчик для разбитого сердца, заказал бутылку темного рома и мясную лазанью. Объективная реальность есть не что иное, как бред, вызванный недостатком алкоголя в крови. Поэтому, дожидаясь горячего, он бессмысленно таращился в окно, опрокидывая в рот рюмку за рюмкой. Доказано, все события в судьбе среднестатистического мужчины закономерно взаимосвязаны между собой: живешь – хочется выпить, выпьешь – хочется жить. Но сегодня этот принцип дал сбой. Или, что более вероятно, Конрад оказался не такой уж стандартной личностью.

Унылая погода полностью соответствовала царящему в душе унынию. Снегопад, изрядно смешанный с дождем, возобновился. Серое, какое-то мокрое небо, сильно смахивающее на куски рыхлого, безнадежно отсыревшего картона, без устали сыпало крупными холодными каплями, ассоциировавшимися в воображении Майера с унижительными плевками проклятых стригоев. «Будто все хляби небесные разверзлись, ополчившись на бренную землю! – выпренно подумал вервольф, скатываясь в пьяную философию. – Или, может, это Бог нас оплакивает...» Залитое в пустой желудок спиртное подействовало на него, точно удар обухом по голове, замечательно прояснив мысли, но полностью обездвижив ноги. Раньше алкоголь влиял на Майера совсем по-другому. Обычно опьянение приносило с собой безудержную тягу к авантюрам и самым разухабистым выходкам, начисто отключая способность к любым, даже примитивным мыслительным процессам. О пикантных подробностях часто затягивающейся на несколько дней гулянки вервольф нередко узнавал лишь после ее окончания, выслушивая воспевающие его безбашенность комментарии друзей, да замечая явную панику в глазах барменов и официантов. Но сегодня все сложилось иначе.

Водка всегда оказывает весьма благотворное воздействие на мужской организм, особенно если выпита она женщиной. Но сейчас Конрад пил один. У спиртных напитков имеется еще одно особо ценное качество – она способна лучше любого визажиста и косметолога повышать женскую привлекательность в глазах мужчины. Но, как назло, произошло обратное: ароматный ром не только не только не повысил рейтинг Селестины в закосевших глазах Конрада, а наоборот, грубо сбросил ее с ранее занимаемого пьедестала. Вервольф разозлился.

«Да что она о себе возомнила? – риторически вопрошал отвергнутый рыцарь, обращаясь к стремительно пустеющей бутылке. – Тоже мне, нашлась цаца, уж и пальцем ее не тронь! А я, между прочим, многих до нее трогал, и ничего – все рады были!» – и он на некоторое время погрузился в путаные воспоминания, пытаясь сосчитать всех своих бывших подружек. В итоге Конрад пришел к выводу, что хоть женщин у него и вправду было много, но такие, как Селестина, ему еще не попадались. Каждому из нас жизнь дает единственный шанс обрести свою настоящую, неповторимую и большую любовь, но мы торопимся и глупо размениваем ее на множество маленьких. Осознавший эту истину вервольф уже отверг свою прошлую привычку мелочиться, постановив с истинно мужской прямолинейностью – отныне все или ничего! Или Селестина или... геройская смерть от стригойских клыков! На меньшее он не согласен. При этом он как воочию увидел душесипательную картину: вон он сам – храбрейший из храбрых и обиженный из обиженных возлежит в шикарном гробу, а рядом горестно рыдает строптивая рыжая экзорцистка, лишь после его гибели осознавшая,

какого бесподобного рыцаря она лишилась! При этом Селестина заламывает свои белые руки и отчаянно голосит: «Ой, прости меня, дуру безмозглую!» Но тут, конечно, по принципу: «Привезли его домой, оказался он живой», Конрад восстает из гроба – живет и красивее прежнего, благодушно раскрывает объятия и с возгласом: «Я добрый, я всех прощаю!», принимает на свою грудь раскаявшуюся и зареванную возлюбленную... Конрад даже пьяно прослезился от столь умильной картинки. Но мечта оставалась мечтой...

Объевшийся райских яблок ворованного наслаждения, вервольф сейчас испытывал адские муки совести, которая, несмотря на все его бравурные заверения, все же оказалась не настолько гибкой, чтобы сбросить со счетов справедливость упреков Селестины. Конрад был не прав. Ну да, не сдержался – поторопился, накосячил. К тому же его сильно беспокоили вскользь оброненные девушкой слова о снижении ее защиты, вызванной потерей невинности. Но с другой стороны, в пьяной голове Майера прочно засела одна глобальная, невеста где вычитанная фраза, гласящая: «Все, что ни делается – все к лучшему!»

На этой финальной ноте Конрад эффектно упал лицом в давно остывшую лазанью и огласил полупустую пиццерию раскатами громкого, победного храпа.

«Все, что к лучшему, то не делается! – мрачно размышляла я, облачившись в рубашку Конрада и бездеятельно слоняясь по его просторной квартире. – И где этого балбеса черти носят?»

Красивые напольные часы в холле пробили шесть вечера. Я буквально озверела от затянувшегося отсутствия своего любимого насильника и столь же затянувшегося ожидания. Я сварила себе кофейник крепкого мокко и влила в него рюмку коньяка, а в холодильнике нашлись сыр и ветчина. Сидя за круглым кухонным столом, я меланхолично жевала бутерброды, чутко прислушиваясь, не хлопнет ли входная дверь? За истекшее время я так много раз мысленно переходила от самой страстной любви к самой закоренелой ненависти, что уже перестала понимать саму себя и запуталась окончательно. Конрад был не прав. Но, наверное, и я сама тоже излишне перегнула палку, обличая его поступок так яростно и приравнивая его к самому ужасному злодеянию. Ведь если уж быть предельно откровенной с самой собой, то после произошедшего ночью сближения моя любовь к безалаберному вервольфу только усилилась, приобретя характер всепожирающей страсти. Возможно, это странное ощущение дано понять лишь женщине. Это почти животное, инстинктивное чувство принадлежности овладевшему тобой мужчине, ставшему для тебя всем на свете. Истосковавшись по покинувшему меня возлюбленному, я вполне созрела для прощения и самого нежного примирения, невзирая на все пагубные последствия столь явного плотского греха. Греха, от которого – будто предвидя его возможность – меня издевательски предостерегала Андреа. Но Конрад не возвращался.

Женская психика всегда считается явлением непредсказуемым, сумбурным и не подчиняющимся законам обычной, прямолинейной причинно-следственной логики. Этакая неевклидова геометрия ментального пространства. «Что имеем – не храним, потерявши – плачем». Именно эта парадоксальная фраза как нельзя лучше характеризует все странности женского мышления. Обидев Конрада и лишившись его общества, я в полной мере оценила всю силу охватившей меня любви. Да и разве это не самое что ни на есть женское качество – умение любить без оглядки, прощать, утешать и проявлять милосердие? Ибо если ты больше думаешь о предмете своего увлечения до сладостного мига свидания – то это влюбленность, во время свидания – страсть, после свидания – любовь! А я любила Конрада – любила душой и телом...

Но уже через полчаса я вновь пылала негодованием и захлебывалась ненавистью. Да ведь он мной попользовался! Нагло, скабрезно и развратно. Снасильничал в свое удовольствие и ушел, бросил! Значит, не так уж много я для него и значу. Да еще велел – сиди здесь! А кто его знает, что там сейчас на улице творится? Мой телефон разрядился и не работает. Друзья меня наверняка потеряли и пребывают в беспокойстве. Да и живы ли они вообще? Оставляя меня здесь, Конрад не понимал главного: мой удел – отнюдь не любовь!

Мое высшее предназначение – служить делу Господа и охранить мир от власти злобных стригоев. Хотя на этой стезе я пока особенно не преуспела. Но именно ради этого преждевременно скончалась моя мать, а отец принял на душу неискупимую тяжесть смертного греха. И как я могла теперь не оправдать их чаяния, предать идеалы и постулаты веры? Допустить воцарение власти Тьмы и гибель всего человечества. О, если плотская земная любовь идет в разрез с моими принципами, то я выжгу эту любовь из своего слабого сердца и предам ее вечному забвению...

Я сбросила рубашку Конрада и метнулась в ванную комнату. Встала под горячий душ, радостно принимая тугие струи воды, ударившие мне в спину и плечи – струи, очищающие тело и врачующие израненную душу. И как я посмела забыть – стригои начали войну, жестокую и кровавую битву за выживание своего рода. Но кто же выступит на стороне людей? Время ли сейчас для любви? Любовь – это грех неискупимый, это Ад и соблазн дьявольский. Гнать ее из сердца нужно, гнать... «Не верь Конраду, Селестина! Он обманщик, лицемер и насильник. Он – оборотень! Какое тебе дело до сумасбродного мужчины с гибкой психикой, более озабоченного личными переживаниями, чем волей Господа, понадеявшегося на него», – внушала я себе. Вода звонко стучала по кафельным плиткам, диктуя ритм и слова:

Истекает сердце кровью,
Не найдя в душе ответ.
Я в погоне за любовью
Растоптала правды свет.

Я в надежде на сближение
Слепо вверилась тебе,
Потеряла уважение
К людям и к самой себе.

Ты игривый как мальчишка,
Что тебе моя слеза?
Та короткая интрижка
Не смутит твои глаза

Ты обмолвился с улыбкой:
«Согрешить я не боюсь!
С совестью своею гибкой
Как-нибудь договорюсь!»

Я же в муках погибаю,
Очернившись навсегда,
Растекаюсь, пропадаю,
Будто вешняя вода.

Прибегаю к пустословью,
По ночам пишу стихи,
Распаленная любовью,
Славлю прежние грехи.

Наклонившись к изголовью,
Плачет ангел-сирота.
Не гоняйтесь за любовью —
В Ад ведут ее врата.

Я вышла из душевой кабинки и приблизила свое бледное, удрученное раскаянием и терзаниями нечистой совести лицо к зеркалу над белой фаянсовой раковиной. В стекле отразились взволнованно расширенные зрачки и решительно сжатый рот. Я приняла решение. Разве не ради этого я спасала Грааль и шла через ночной, окутанный вьюгой город к госпиталю Святой Анны, разве не ради этого обнажила клинок против графа Деверо? Господь поверил в меня, и я не имела права подвести его, оказаться слабой и трусливой!

– Боже, помоги! – тихонько шепнула я. – Укажи дальнейший путь, даруй подсказку.

Неожиданно на запотевшей поверхности зеркала возникла четкая линия, словно проведенная невидимым пальцем. Я ошеломленно замерла. А линии все прибавлялись и прибавлялись, складываясь в слова и буквы.

«Бог здесь!» – гласила чудесная надпись.

– Спасибо, Господи! – возликовала я, мысленно посмеиваясь: «Ну почему, по версии обывателей, если мы говорим с Богом – то это молитва, а если Бог с нами – шизофрения!»

Внезапно раздавшийся телефонный зуммер вывел меня из состояния религиозного экстаза. Это дребезжал мой сотовый, который я неведомо зачем притащила с собой в ванную комнату. На экранчике появился текст сообщения:

«Иди на кладбище. Поторопись. Доброжелатель».

Адрес отправителя не определялся.

«Кто бы это мог быть? – размышляла я, закрывая раскладушку. – Помнится, подобное сообщение мне присылал Гонтор де Пюи. Но ведь сейчас он мертв. Впрочем, чего я раздумываю? Прошлая эсмэска не причинила мне вреда! А мне сейчас практически неважно, с чего начинать. Своих-то идей у меня нет...»

Даже не задумываясь о том, что стану делать в столь мрачном месте, да еще с учетом надвигающейся ночи, я пулей вылетела из ванной. Собрала разбросанное по квартире оружие, нашла теплую водолазку Конрада, оказавшуюся мне чересчур длинной и широкой. Но, за неимением лучшего, я напялила на себя эту балахонистую одежду, натянула свои заботливо высушенные оборотнем брюки, обулась и застегнула порванную на рукаве куртку. В прихожей мне бросилась в глаза фотография задорно хохочущего вервольфа, снятого на фоне какой-то роскошной машины с хищно-обтекаемыми очертаниями корпуса.

«А ведь он велел сидеть здесь и не высовываться», – запоздало мелькнуло в голове.

– Ага, как же, жди! – язвительно фыркнула я, щелчком пальцев сбивая фотографию на пол. – Еще не хватало слушаться какого-то бобика блохастого! – я злорадно запнула фотографию под шкаф и вышла из квартиры, мстительно захлопнув дверь у себя за спиной.

Даже самые умные и проницательные женщины нередко под влиянием эмоций и обиды склонны совершать неоправданно глупые поступки. Сейчас мной руководило наиважнейшее чувство, затмевающее все и вся – желание отомстить своему легкомысленному обидчику. «Вот пойду да суну голову в пасть к стригоям, и пусть всем будет плохо!» – эгоистично ликовала я, прыгая через ступеньку вниз по лестнице. При этом под многозначительным словом «всем», подразумевался в первую очередь, конечно же, он – Конрад. О возможных плачевных последствиях своей лихой выходки я в тот момент как-то не задумывалась, изрядно подстегнутая так удачно подвернувшейся возможностью досадить любимому, а также открыто высказанной Божьей поддержкой, идеально совпавшей с моим порывом. Увлечшись, я начисто забыла первое правило экзорциста: на Бога надейся, а сам не плошай! Впрочем, большинство мужчин вообще отказывают женскому полу в наличии хотя бы малейших задатков умственных способностей. Но ведь если бы все женщины рождались на свет одинаково уравновешенными, педантичными и предсказуемыми то, наверное, это было бы так скучно!

В мире существует невообразимое множество омерзительнейших хищных тварей, весьма охочих до горячей человеческой крови. Список подобных существ можно продолжать бесконечно – начав с обычных волков и закончив пресловутыми стригоями. Но,

пожалуй, самым главным и жестоким охотником за брэнной плотью и бессмертной душой человека является сама жизнь. Именно она ненасытно и неразборчиво, ежедневно и еженощно без усталости перемалывает груды испуганно трепещущего человеческого материала, поддерживая ровное пламя в бездонной топке бытия. И эта страшная безликая машина не знает передышки, не признает праздников, не соблюдает выходных. В дело идет все: вещественное – кости и мышцы, ногти и волосы, а вместе с ними и невещественное – поступки и помыслы, подвиги и преступления, песни и стихи. Жизнь не брезгует ни молодыми, ни старыми; не делает исключения для красивых или безобразных. Иногда размеренный аппетит Молоха разыгрывается, и в мир приходят эпидемии, войны и катаклизмы, до предела переполняя жерло чудовищной печи. Но, как и при работе любого механизма или организма, в процессе функционирования жизнь исторгает массу плохопереработанных отходов, нуждающихся в быстрой утилизации. И людям пришлось взять на себя скорбную обязанность добровольных уборщиков, предавая земле, воде или огню то, что не смогла переварить прожорливая машина жизни. Так возникли кладбища, существующие повсюду, где живут и умирают люди.

Венеция, понятно, не стала исключением из этого печального правила. В ней насчитывалось целых пять кладбищ, три из которых, спешно созданные во времена ужасающего разгула бубонной чумы, в настоящее время не использовались, а стояли забытыми и заброшенными. Это считалось обоснованно благоразумным деянием, ведь одному Богу известно, какую страшную заразу можно по неосторожности выкопать в тех мрачных, полуразрушенных склепах. Но самым пышным и обширным в Венеции считалось огромное кладбище Святого Христофора, занимающее один из множества маленьких островков, образующих этот удивительный город, – остров Сан-Микеле.

Водный транспорт не работал, видимо, не доверяя отвратительной погоде, выражающейся в чередовании дождя и снега. На все корки костер черную стригойскую магию, я дошла до ближайшего причала и хмуро уставилась на плавающие в воде льдины. Вечер давно уже вступил в свои законные права, старательно сливая чернильную тьму грозового неба со столь же беспросветной гущей Большого канала. Я приуныла. В условиях ощутимо надвигающегося шторма путешествие по воде превращалось в весьма рискованное предприятие.

Мои ноги, обутое в зимние ботинки на меху, успели замерзнуть, а прищуренные глаза, которыми я напряженно всматривалась вдаль, покраснели и слезились. Я неоднократно пожалела, что не прихватила с собой одну из бутылок со спиртным, во множестве заполняющих бар в квартире вервольфа. Плюс ко всему, я где-то посеяла свои отличные перчатки. Одеревеневшие на ледяном ветру пальцы посинели и утратили чувствительность. И я совсем уже намеревалась засунуть их в рукава куртки, как вдруг заметила бледное пятнышко света, медленно плывущее по беспокойно волнующейся воде. Клянусь слезами Богородицы, это была гондола.

– Эй, там, на борту! – отчаянно закричала я, размахивая руками и подпрыгивая на угрожающе затрепавших досках хлипкого пирса. – Гребите сюда!

Скрип, издаваемый веслом, плавно ходящим в железной уключине, становился все громче, приближаясь к берегу. И вскоре я уже смогла рассмотреть старое, латанное-перелатанное суденышко, кое-где еще сохранившее следы синей, лохмотьями слезающей с бортов краски. На кормовом настиле этого дряхлого раритета стоял не менее изношенный лодочник, сгорбленный и седобородый. Гондола плавно причалила к моим ногам, стукнувшись о пирс.

– И чего же ты тут делаешь, дочка? – на меня глянули выцветшие голубые глаза, лучившиеся приветливостью и оптимизмом. – Что понадобилось такой красивой девушке на этом захудалом причале, да еще в ночь, когда все веселятся на карнавале?

– И тебе доброго здравия отец! – с облегчением рассмеялась я. – Не иначе, мне тебя Иисус послал!

– Да нет, вряд ли! – непонятно хмыкнул старик, опираясь на весло и задумчиво забирая

в кулак свою длинную окладистую бороду. – Помнится, его самого ходить по воде учить пришлось...

Я почувствовала, как мои волосы суеверно зашевелились на голове, вздыбленные ужасной догадкой.

– Отец, – испуганно проблеяла я, – а тебя как зовут, не святым ли Павлом случайно?

Старик хитро усмехнулся:

– Ну, святой, не святой – об том не нам с тобой судить, дочка. А родители и впрямь Павлушей кликали...

Я невольно отшатнулась назад:

– Отец, а не ты ли мертвых людей через Огненную пропасть переводишь, которая отделяет Рай и Ад от нашего мира?

– Эко ты, дочка, умно завернула! – неожиданно басовито рассмеялся старик. – Чистилищем ту пропасть называют. Бывает, кого и переведу, а случается, – тут он выразительно похлопал по веслу, – и перевезу.

Я потрясенно сглотнула, не смея вымолвить более ни слова, и окончательно убедившись, что за мной пожаловал сам Великий поводырь умерших душ.

– Ну, решайся же, дочка! – Павел приглашающе протянул раскрытую ладонь, предлагая мне подняться на борт углого суденышка. – Ночь близится, да и непогода не на шутку разыгралась. Если уж отплывать, то только сейчас, а то глядишь – через несколько минут уже поздно станет. Решайся!

– А Господь мне поможет? – выразила надежду я.

– Хм, – откровенно засомневался Павел, – а не пора ли взрослой да самостоятельной стать? Самой решать – зачем жить и ради чего умирать стоит? На Бога надейся, а сам не плошай.

– Ой, если я с вами поплыву, то, значит, я умру? – робко спросила я, одну ногу несмело занеся на нос гондолы, но другой – продолжая прочно стоять на причале.

Павел сердито всплеснул руками.

– Бог с тобой, дочка! И как это только у тебя язык подобное сказать повернулся? Я ни в Рай, ни Ад никого насильно не заманиваю.

– А как же тогда? – недогадливо спросила я, все еще колеблясь.

– А вот так! – посерьезнел лодочник. – Это уж как каждому из нас на роду написано. Одним – и на земле Рай, а другие и в Аду достойными людьми остаются. Это уж как ты повернешь, так оно и сложится.

– А потом я смогу вернуться к прежней жизни? – с надеждой спросила я, пристально заглядывая в блеклые глаза собеседника и стараясь почитать в них желанный ответ.

Но Павел торопливо отвернул голову.

– Э, нет, дочка, – печально промолвил он. – Это тебе не детские шалости. Ты сама понимать должна – коли принято решение, то обратного пути уже нет.

– Не жизнь и не смерть? – содрогнулась я.

Старик неопределенно пожал плечами:

– А что есть смерть?

Я молчала.

– А жизнь? – повысил голос Павел.

И опять у меня не нашлось ответа.

Святой лодочник разочарованно всплеснул ладонями и начал отчаливать, оставляя меня на пирсе. Его лицо отражало хмурое разочарование.

– А любовь, отец? – крикнула я с рыданиями в голосе. – Разве любовь ничего не значит?

– О-о-о, – нахмуренное чело Павла мгновенно прояснилось. – Она-то, дочка, посильнее жизни и смерти будет! И уж подавно сильнее проклятых кровососов!

– Значит, ее и спасать стану! А то я свою богоданную любовь совсем загубила! – я сильно взмахнула руками и прыгнула прямо в гондолу, не без труда преодолев полосу

темной воды, успевшей отделить лодку от причала. Павел легко поймал меня за талию и усадил на обитую сукном скамейку в центре лодки.

– А вот это мудрое решение! – морщинистые губы благословляющим жестом коснулись моего влажного лба. – Ну, с Богом, значит!

Маленькая гондола птицей летела по извилистому руслу Большого канала.

Глава 10

– Ой, мороз, мороз, не морозь меня, не морозь меня-а-а, моего коня! – со всей дури горланил Натаниэль, зябко приплясывая вокруг вычурного мраморного надгробия. – У меня жена, ой, красавица... – он игриво пихнул под ребра кутающуюся в шубу Ариэлла. Ангелица скуксилась.

– У меня жена, ой, ревнивая... – воодушевленно продолжил Нат, нежно обнимая и лобызая отлитого из бронзы дога, величиной ничуть не уступавшего знаменитому заморенному казакскому коню.

Ариэлла громко чихнула, подтверждая правоту этого высказывания.

– У меня жена, ой, сопливая! – издевательски закончила Оливия, прикладываясь к почти опустевшей бутылке с русской водкой, а затем передавая ее Симону де Монфору. Получив в руки литровую стеклянную тару, Великий грешник заметно оживился и надолго припал к узкому горлышку, натужно держа тощим кадыком.

– Много пить – вредно! – наставительно предупредила Ариэлла.

– Мало – тоже, – неразборчиво буркнул Симон, держась за бутылку, как утопающий за соломинку.

– Все, что есть хорошего в жизни, – либо греховно, либо аморально, либо ведет к ожирению! – посетовала Оливия, протягивая руку к вожделенному напитку и отбирая остатки водки у не на шутку увлекшегося де Монфора. – Не желаю умирать здоровой, святой и тощей!

– А я читал, что водку рекомендуют с соком смешивать! – с видом знатока сообщил грешник.

– Так ведь мы и смешиваем... с желудочным, – лукаво ухмыльнулась Оливия.

– И все равно, она и без всего – хороша! – Симон рукавом смахнул выступившие на глазах слезы и запихал в рот огрызок бутерброда с замороженной копченой колбасой и квелыми маринованными помидорами. – Как это все-таки здорово, что у русских есть благородная традиция оставлять на могилах своих близких выпивку и закуску...

– Это точно! – согласно поддержала его валькирия, допивая бутылку и пряча утратившую актуальность тару в сугроб. – Иначе мы, дожидаясь Селестину, давно бы тут до смерти замерзли.

Раскрасневшаяся от спиртного Ариэлла молча кивнула обмотанной шалью головой. Не смотря на свои ханжеские сентенции, она тоже отведала вредного напитка, решив из двух зол – водка и обморожение, предпочесть первое.

– Я вспомнил, у русских еще одна привычка имеется! – пьяно прищурился Симон. – Кто допил последний глоток, тому и идти за новой порцией. И называется этот человек – засланец.

– Кто засланец? Это я-то засланец? – обиделась плохо расслышавшая финальное слово Оливия. – Ты, старый хрыч, ври да не завирайся. А то я из тебя такого засранца сделаю, век не отмоешься. Вон, пусть теперь Нат идет – бутылку ищет. А то он так совсем извращенцем заделается – уже минут десять с этой железной псиной взасос целуется. Он у нас теперь кто – зоо-бронзо-некрофил, что ли?

– М-м-м, – возмущенно промычал Нат, не оборачиваясь к пылающей гневом валькирии.

– Ты мне еще помычи, телок! – подбоченилась Оливия. – Совсем без Селестины оборзел и распоясался. Вот вернется худобина, она тебе... – валькирия осеклась и шаткой

рысцой бросилась к ангелу, попеременно то охая, то давясь язвительным смехом.

Ангел смотрел на нее ошалело вытаращенными, полными отчаяния глазами. Его мокрые губы намертво прилипли к холодной морде бронзовой собаки.

– Доцеловался! – возмущенно констатировала ангелица, недовольно морща лоб. – И что мне теперь с тобой делать прикажешь, любвеобильный ты наш?

– Смотрится он просто шикарно! Давай оставим его здесь, – предложил Симон, складывая пальцы окошечком и через полученный объектив, с видом ценителя любуясь необычной художественной экспозицией. – Да он же настоящий секс-символ! Геракл, Адонис, Купидон. Самсон, разрывающий пасть догу!

– Молчи лучше, юродивый, а то я тебе самому пасть порву! – схватилась за голову растерянная Оливия. – Не отряд, а стадо идиотов!

Ариэлла рыдала в голос, уткнувшись в плечо плененного возлюбленного.

– И все равно, нужно его как-то отодрать! – пришла к однозначному выводу валькирия, критически разглядывая невезучего ангела и облекая свое решение в столь двусмысленную форму.

Натаниэль изобразил руками беспомощный, возмущенно-протестующий жест. Но Оливия продолжала командовать.

– А ну, все дружно, – требовательно приказала находчивая валькирия, – дышим на место слипания, тьфу – соития, нет – соединения Ната и дога. Авось он отгадает!

– Кто, дог? – изумился пошатывающийся Симон, но ангелица настойчиво тянула его за рукав.

Через некоторое время жаркое, перенасыщенное водочными парами дыхание троих друзей все-таки привело к ожидаемому результату. Натаниэль со страдальческим стоном повалился в снег, оставляя на морде дога ошметки кожи со своих истерзанных губ. Оливия возвышалась над ним в роли наставницы и спасительницы, насупив брови и скорчив зверское лицо.

– Может, пойдем отсюда? – жалобно попросил разом протрезвевший ангел. – А то холодно тут, темно и страшно. А вдруг Селестина и не придет вовсе?

– Придет! – уверенно пообещала валькирия, вытаскивая из кармана куртки сотовый телефон. – Ты же сам видел, она мне сообщение прислала, – девушка простучала по кнопкам, выводя на дисплей текст эсмээски. – Вот! – она ткнула трубку под нос Натаниэлю.

– «Ждите меня на кладбище. Принесите Грааль. Селестина», – наверное, в сотый раз прочитал ангел. – Да помню я, помню. Но ты уверена, что это пришло именно от нее?

– Уверена, – нахмурилась ангелица. – Хоть номер телефона отправителя и не высветился, но я знаю – писала она. Я эту симкарту совсем недавно купила и номер никому, кроме худобины, не сообщила. Так что это точно она!

Натаниэль вздохнул. Они прибыли на кладбище Святого Христофора около двух часов назад, ведомые Оливией, безоговорочно убежденной в собственной правоте. За истекшее время они успели замерзнуть чуть ли не до полусмерти, выжив только благодаря найденной валькирией бутылке водки и несколькими зачерстевшим бутербродам. Они не отходили далеко от ворот, боясь разминуться с рыжей экзорцисткой. Но Селестина все не появлялась.

– А может, нам поискать что-нибудь деревянное? – робко предложила скромница Ариэлла. – Все равно здесь нет никого, кроме нас. Разожжем костер и погреемся.

– Ух ты, – уже оправившийся от потрясения Натаниэль заговорщицки подмигнул Симону де Монфору, – оказывается, мужики не единственные разумные существа во Вселенной!

– А кто еще? – не дошло до грешника сразу.

– Еще и бабы! – хохотнул ангел. – А ведь моя милая разумную идею подала!

– Ну ладно, – позволила уговорить себя Оливия, – поищем топливо для костра. Но чур, далеко от центральной аллеи не разбредаться.

– Аллилуйя! – с готовностью всплеснул крыльями Нат.

– У кого-нибудь фонарик есть? – поинтересовалась валькирия. – А то что-то совсем

стемнело.

Карманные фонарики нашлись только у нее и Натаниэля. Четверо друзей сбились в плотную кучку и побрели вперед по аллее, освещая дорогу двумя слабыми лучами бледного света.

Старинное кладбище навевало мистический ужас. Почти животный страх, самой природой заложенный в душу каждого живого и призванный отвратить людей от слишком частого посещения чертогов смерти. О, смерть надежно охраняла свои секреты, не желая делиться ими с непосвященными. Скучный электрический свет ничуть не разгонял сгустившийся мрак, наоборот, придавая окружающим предметам еще более зловещий и мрачный вид. Преломляясь на изгибах мраморных статуй, он искажал формы и очертания, нанося на траурные надгробия налет гротескной уродливости. Выточенная из алебаstra фигурка маленькой девочки превратилась в злобную карлицу, угрожающе выставившую скрюченные пальцы. А торжественное лицо пожилого дворянина, изваянного из черного гранита, казалось мордой тощего упыря, скалившего острые клыки.

– Мама-а-а, – жалобно проблеяла Ариэлла, трупно бледнея и пытаясь упасть в обморок, – мне страшно!

– Тьфу на вас, трусы! – с деланной бравадой пыжилась валькирия. – Живых нужно бояться, а трупы лежат себе спокойно и никого не трогают...

– А ты уверена, что лежат? – прошептала Ариэлла, повисая у нее на локте.

– На все сто! – бодро отрапортовала отважная ангелица, незаметно для других держа пальцы на рукояти пистолета. – Мертвые вообще – самый тихий, смирный и безобидный народ на свете.

Но Натаниэль расслаблением нервов не страдал, а потому развлекался вовсю. Он то и дело отбегал в сторону, склонялся над могилами и, гогоча как больной гусак, вслух читал выбитые на них эпитафии.

– Нет, это просто шедевр, а не надпись! – восторженно орал он, беспардонно нарушая священную кладбищенскую тишину. – Сейчас я вам его оглашу в моем вольном переводе, я же все языки знаю! – он прокашлялся и пафосно продекламировал:

Под спудом тяжким, грешный аз,
Ты божью милость получил,
Дыханьем смерти излечил
И геморрой и псориаз.

Оливия громко фыркнула.

– А еще можно? – попросил заинтересованный заупокойной лирикой Симон.

Нат побродил между могил и нашел еще более пикантную надпись:

Ты ушла навсегда. Все серьезно!
Будь покойна на свете на том,
И прости мне, что утром морозным
Бегал я за тобой с топором.

– Не верю! – взхлеб хохотала Оливия. – Ты нас просто разыгрываешь! На могилах такую белиберду не пишут!

Ангел лукаво ухмылялся:

– Может, и не пишут, зато у вас от моих шуток весь страх как ветром сдуло, – похвалился он. – Да еще обнаружилось что я – совсем неплохой психотерапевт. Вот послушай еще... – он нагнулся к следующему надгробию:

Спи, мой друг, глубоким сном,
Спят покойнички кругом,

Будь же умницей, бай-бай,
Из могилки не вставай.

Оливия уже икала от смеха. Тихонько хихикал Симон. И даже трусиха Ариэлла слегка порозовела и начала улыбаться.

– Благодать-то какая вокруг! – ангел бесцеремонно погладил тяжелый резной крест. – Никакого ущерба экологии, тишина, красота. Все спят, и вставать из могил никто не собирает... – его слова внезапно оборвал громкий зловещий треск.

– Что это? – попавшей в мышеловку мышкой пискнула Ариэлла.

Оливия выпучила глаза.

Плита на ближайшей к ним могиле медленно развалилась надвое. Из свежего пролома высунулась костлявая рука, прикрытая лохмотьями полусопревшего савана. Черный, гнилой ноготь указал прямо на ангела, застывшего от ужаса и не способного сдвинуться с места. Ариэлла дико завизжала. С грохотом обрушилась изящная белая статуя, стоящая возле аллеи и из земли начала неловко выкарабкиваться изъеденная червями дама, облаченная в смердящие остатки некогда роскошного платья. Траурные надгробия лопались одно за другим, выпуская наружу своих зловещих обитателей. От одних давно уже остались только источенные временем кости, другие – совсем свежие, внушали отвращение видом своих пожелтевших, раздувшихся тел.

– Господи! – шокировано выдохнула Оливия. – Неужели настал конец света?

Симон эпилептически затрясся, глаза его закатились:

– ... и наступит смутное время. Воссияет на небосклоне звезда по имени Полюнь – предвестница конца света. Разверзнутся хляби небесные, хлынут из Ада исчадия тьмы, а мертвые восстанут из могил... – начал кликушествовать он.

Ариэлла визжала не переставая, кулем повиснув на шее Оливии.

Первым пришел в себя Натаниэль. Он перепрыгнул через яму в земле, оттолкнул шаткий скелет, от души угостил хлесткой оплеухой облепленную червями красотку, пнул ногой дряблого зомби и схватил за плечо впавшую в ступор валькирию.

– Бежим! – гаркнул он ей прямо в лицо. – Лив, да приди же ты в себя!

Оливия моргнула, отгоняя страшный морок.

– Я в норме! – четко отрапортовала она. – Бежим!

Ангел поднял на руки обморочно постанывающую Ариэлла, Оливия потащила за собой не сопротивляющегося Симона, и они стремглав помчались по аллее, уворачиваясь от бродящих и копошащихся вокруг оживших мертвецов.

– А Оливия говорила, что они самый тихий, смирный и безобидный народ на свете... – чуть слышно сетовала Ариэлла, прижимаясь к широкой груди ангела и мелко вздрагивая.

Как известно, люди являются существами чрезвычайно изворотливыми, находчивыми и славятся умением отыскивать выход из самых трудных ситуаций. Но еще лучше они умеют находить вход, ведущий в подобные щекотливые ситуации. С такой мыслью я шагнула на кладбищенский причал, с хмурым выражением лица рассматривая высокую стену из красного кирпича, тянущуюся, насколько хватало моего взора. Метель усилилась, завывая, будто сотня голодных демонов. Над краем ограды смутно виднелся позолоченный купол базилики Святого Христофора. Заходить на территорию могильного комплекса мне не хотелось категорически. Мучили нехорошие предчувствия, так сказать. Но ведь выбор был уже сделан, и путей к отступлению не предусматривалось. Я дала слово... Можно, конечно, скорчить непробиваемую мину и нахально изречь: «Слово-то – мое. Хочу – даю, хочу – забираю!» Но это выглядело бы уж совсем бесчестно. Возможно, мне предоставили единственную возможность реабилитироваться после невольно совершенного греха. Хотя, в результате неоднозначного разговора со святым лодочником, на Божью помощь и прощение я рассчитывала менее всего. Ничего хорошего я пока не сделала, а вот изрядно накосячить – успела. За все, как и полагается, нужно платить. И возможно, за нечаянные грехи плата

оказывается еще большей. Как там в детской бормоталочке говорится – «за нечаянно – бьют отчаянно»? Вот-вот, оно самое и есть. Грех – он в любом случае грех, какие оправдания ты для себя ни придумывай, как совесть ни успокаивай. Так что теперь у меня одна дорога – вперед, на кладбище. Бр-р-р, причем как в буквальном, так и в переносном смысле. В конце концов, все дороги в итоге ведут на кладбище: и короткие – прямые, и длинные – объездные. Остается утешать себя не шибко приятной фразой – что, мол, обходя разложенные грабли мы лишаемся драгоценного опыта. Эх, опыт, сын ошибок трудных и синяков больночух друг...

Я затравленно оглянулась. Маленькая гондола давно уже отошла от причала, тая в ночном сумраке. На краткий миг мне показалось, что я сумела рассмотреть руку Павла, вскинутую в жесте прощания и одобрения. Я философски хмыкнула. Скорее всего, меня ждет неминуемая гибель. Должна же Тьма взять реванш за поражение на поединке с графом Деверо! Но что такое смерть по сравнению с вечностью? С вечностью боли, мрака и отчаяния, в которую будет ввергнут мир, если я срочно не изобрету что-нибудь действенное, способное противостоять силе стригоев. Да рядом с подобными бедами вселенского масштаба моя гибель – так, мелкая неприятность, незаметная ерунда – плюнуть, растереть, и никто обо мне и не заплачет. Я уже опрометчиво отвергла свою неожиданную любовь, но вполне могу потерять ее еще раз – навсегда, если стригои захватят власть над миром. Потому что, по моему мнению – никто, даже закаленный испытаниями вервольф не способен выжить под гнетом кровососов. Тем более Конрад, убивший графа Деверо. А значит, мне придется бороться. За всех нас – за него, за себя и за моих друзей-ангелов. За людей, за свет, за добро, за веру. Ведь разве меня избрали на роль божьего воина для чего-то другого? И вряд ли мне кто-то поможет. Я уже имела повод убедиться – Господь не любит слабых, да и в поддавки играть не склонен...

Кладбищенские ворота высились прямо передо мной. Черные, торжественные, похожие на ажурные, откованные из чугуна кружева. Я уперлась в них обеими ладонями и решительно толкнула от себя. Створки беззвучно разошлись, являя засыпанную снегом аллею, с обеих сторон окаймленную ровными рядами мраморных надгробий. Казалось бы, здесь должны были царить тишина и благодать, но... Ничего не понимающими, расширенными от удивления глазами я наблюдала развертывающуюся на погосте картину нереального ужаса. Между покосившихся, переломанных статуй, крестов и памятников бродила толпа странных существ, совершенно не похожих на нормальных людей. Трясущиеся и спотыкающиеся, облаченные в лохмотья, покрытые плесенью – они напомнили мне... зловещих зомби из хорошо снятого фильма ужасов. Ближайшая тварь протянула ко мне гниющую длань, сплошь усыпанную белыми тельцами жирных червей и утробно взывала... И тут мои и так перегруженные впечатлениями нервы не выдержали. Я выхватила из ножен оба кэна и, злобно рыча – ничуть не хуже какого-нибудь ожившего умертвия, врезалась в кучу мерзких созданий.

Меня убеждали: время излечивает любые раны – как телесные, так и душевные. Но много ли правды содержится в этом спорном утверждении? Ведь если время является лучшим лекарем, то почему тогда прожитые годы уносят молодость, красоту и здоровье? Извините, но это как-то негуманно, не по-медицински! Нет, самый надежный врачеватель – это песнь рассекающей плоть стали, эйфория боя и сладость победы, дарующая немислимый выплеск адреналина. Битва дает реальную возможность ощутить себя властителем над жизнью и смертью, над жестокостью и милосердием. В схватке даже время замедляется, приобретая совсем другие свойства и значение. Не зря Оливия любит повторять к месту и не к месту: «Вся жизнь – война, а мы на ней – солдаты»!

Я упивалась накалом схватки. Древние клинки, осененные милостью солнечной богини Амаэрасу, легко разрубали прогнившую плоть, отделяя от торсов головы и конечности. С победоносным воплем: «Не трогайте меня, я – психическая!» – я просто шла по центральной аллее, окруженная бесформенным месивом суматошно мелькающих и бестолково полосующих воздух когтей, оскаленных, до пеньков сточенных зубов и полувытекших глаз.

Это была моя битва!

Внезапно где-то возле базилики раздались громкие панические крики. Я узнала голоса своих друзей. «А они-то как здесь очутились?» – изумилась я. Выложенная каменными плитами дорожка привела меня на небольшую круглую площадь, опоясанную невысоким парапетом колумбария. В нишах с урнами для праха лежали жутковатого вида увядшие и заиндевелые букеты цветов, наводившие на скорбные размышления о бренности бытия. В центре площади стояла мраморная базилика, красиво подсвеченная электрическими лампами в плафонах из разноцветного стекла. В простенке между окнами помещался мозаичный образ Святого Христофора, считающегося покровителем заблудших душ. Взглянув на строгий лик Христофора, смиренно сложившего на груди скрещенные ладони и опустившего долу жгучие испанские очи, я не сдержалась и рассмеялась в голос. Потому что именно под иконой и расположилась взъерошенная четверка самых что ни на есть заблудших душ, состоящая из моих друзей. Бледный как полотно Симон де Монфор спиной прижался к стене базилики, бережно поддерживая лишившуюся чувств Ариэллу. А перед ними напряженно застыли боевые ангелы – Оливия и Натаниэль, ошестинившиеся стволами пистолетов и готовые разорвать любого, кто осмелился бы к ним приблизиться. Но подобных камикадзе не нашлось. Умертвия образовали ровное кольцо оцепления вокруг базилики, не осмеливаясь подойти к ней ближе. Видимо, сила освященных стен оказалась для них непреодолимым препятствием. На лице Ната читалась ленивая, даже пренебрежительная усмешка, идущая от уверенности в собственной неприкосновенности. Ну не верил наш бравый ангел, что его многовековую жизнь способны оборвать какие-то дурно пахнущие тупые трупы. Оливия же, всегда остающаяся реалисткой, отнюдь не питала наивных иллюзий относительно длительности блокады. Ведь зомби, в отличие от нас, могли ждать вечно...

Я последним усилием прорубилась через авангард мертвецов и с размаху свалилась под ноги бдительной подруги.

– Стой, кто идет, стрелять буду! – нервно рявкнула валькирия, направляя на меня дуло «Беретты».

– Стою! – улыбнулась я, не поднимаясь с четверенек и взирая на Оливию снизу вверх.

– Стреляю..., – на автомате начала ангелица, вспомнив одну из заезженных монастырских шуточек. – Тьфу, это же ты, худобина! А мы уж не чаяли тебя дожидаться!

– Вы меня ждали? – я не верила собственным ушам. – Но зачем и почему?

– Ну, как же? – в свою очередь озадачилась подруга. – Я же получила от тебя сообщение на сотовый!

– Покажи! – потребовала я, преисполненная нехороших подозрений.

Оливия достала из кармана серебристую трубку. Я прочитала эсмэску.

– Мда-а-а, – только и смогла невразумительно выдать я. – Кто-то нас мастерски обвел вокруг пальца, подбив рисковать Граалем. И кажется, я догадываюсь, кто именно способен придумать такой удачный план – не иначе как сестрица Андреа.

Валькирия смотрела на меня расширенными глазами.

– Грааль отдай! – я упрятала сверток с Божьей чашей себе за пазуху и почесала в затылке. Как назло, в голову не приходило ни одной конструктивной идеи.

– Жизнь прекрасна, – Нат расслабленно сложил руки на груди и дерзко ухмыльнулся. – И плевать, что это неправда! Что, сильно мы влипли на этот раз?

– Да уж сильнее некуда, – честно призналась я. – И все это из-за меня!

– Аллилуйя, – ненатурально обрадовался ангел, – я так и знал, что глупые женщины – вторая ошибка Бога!

– А первая тогда кто? – с любопытством спросила Оливия.

– Глупые мужчины! – визгливо хохотнула я, становясь похожей на хроническую неврастеничку. – Ей-богу, ненормально это все. Ситуация самая что ни на есть безвыходная, а мы тут стоим и шуточками обмениваемся.

– Худобина, колись немедленно, чего ты еще натворить успела! – не на шутку испугалась валькирия, правильно истолковав природу моего черного юмора. – Я ведь не

забыла, что Симон говорил про защитную реакцию организма на стресс.

– Влюбилась! – коротко доложила я. – Вот только я раньше не понимала, что не все люди – мужчины, а не все мужчины – люди! – Мне самой понравился этот корявый каламбур, намекавший, что Конрад не только не человек в прямом смысле этого слова, но и просто озабоченный самец.

Лицо Оливии потемнело.

– Я так и знала! – патетично возопила она. – А он, конечно же, воспользовался тобой и бросил, как и... меня, – тихонько закончила она.

Я громко присвистнула. «Неужели Уриэль и Оливия... – вихрем пронеслось у меня в голове. – Ну и ну! Вот тебе и банальная разгадка страшной тайны».

Нат насмешливо фыркнул. Зря он это сделал! Оливия оскалила зубы и зарычала голодной пантерой:

– Чего ты ржешь, козел! Все мужчины одинаковы!

– Ой-ой, – притворно вздохнул ангел. – Откуда тебе это известно? Учебник по анатомии купила?

Оливия взбешенно прыгнула на него и вцепилась в длинные, распущенные по плечам волосы красавца.

– Совсем сдурели! – заорала я. – Надоели мне ваши закидоны. Нашли время отношения выяснять. Враги кругом, а сами мы находимся на церковной земле, где сосредоточены умиротворение и любовь... – неожиданно я осеклась, чуть не прикусив себе язык. На меня снизошло озарение. – Придумала! – сосредоточенным шепотом выдала я.

Оливия и Нат мигом утихомирились, выжидаяще глядя на меня.

– Любовь! – радостно заявила я. – Любовь сильнее всего. Так и Павел говорит.

Валькирия скептически поморщилась:

– Не верь мужчинам, Сел.

– Не верь Оливии, Сел! – немедленно встрял Нат. – Среди нас попадаются и надежные, – и он показал ангелице издевательскую комбинацию из трех пальцев.

– Не зли меня, а то заболеешь! – нехорошим тоном предупредила ангелица.

– Чем? – удивился Натаниэль.

– Переломом челюсти и сотрясением мозга, – нежно пообещала валькирия.

Но я их уже не слушала, давно сжившись с мыслью, что перебранки ангелов – это неизбежное зло, и к нему нужно относиться с философским безразличием. Я думала о своем.

«Значит, по мнению лодочника, победить и смерть и стригоев может только любовь, – размышляла я. – Почему же это погребальное место ассоциируется у меня именно с великой жертвенной любовью? Святой Христофор, покровитель заблудших душ, и записная книжка кардинала ди Баллестро – как они связаны? Ну конечно!» – я выхватила из кармана блокнот, подобранный в аббатском флигеле, и торопливо зашелестела страницами. Помнится, еще в поезде мне бросился в глаза листочек на букву «М». Тогда я этого не понимала, а сейчас все сошлось идеально. На нужной мне странице значилось имя Маргарита, дата рождения, дата смерти и имелась многозначительная приписка – «Похоронена в правом нефе базилики Святого Христофора».

– Логично! – вслух обрадовалась я.

– Что? – дружно встрепнулись ангелы.

– Отец любил Маргариту, – начала объяснять я. – Он обязан был отдать последний долг заботы и почтения своей преждевременно скончавшейся возлюбленной, похоронив согласно высокому титулу нашей семьи и вверив ее посмертный покой защитнику заблудших душ. Поэтому гроб с телом моей матери поместили именно в эту базилику. Стригои заманили нас на кладбище, рассчитывая запугать, заставить врасплох и отобрать Грааль. Но они не учли одного важного факта – кладбище на самом деле является единственным местом, где мы можем найти помощь.

– У кого? – ошеломленно спросила Оливия. – Не у этих же? – она брезгливо указала в сторону шеренги умертвий.

– Нет, – спокойно ответила я, – у духов!

– Аллилуйя! – шокировано брякнул Нат. – Ничего бредовее я в жизни не слышал! – и он демонстративно повертел пальцем у виска, недвусмысленно намекая на мое внезапное умственное расстройство.

Дверь базилики оказалась не заперта. Мы смиренно вошли внутрь, усадили на скамью пребывающего в сильнейшей духовной прострации Симона и заторможено-сонную Ариэllu. У девушки явно просматривались признаки тяжелого нервного потрясения. Но сейчас мне было не до нее, нашлись дела поважнее.

Помещение базилики не впечатляло размерами. Десять скамеек в два ряда, аналой со статуей Божьей Матери – чрезвычайно изящной, видимо, флорентийской работы – и несколько надгробных плит, вмурованных прямо в пол. Я перешла на правую сторону, наклонилась и почтала надпись, выбитую на красивой табличке из драгоценного розового мрамора: «Маргарита дель-Васто. Покойся с миром, любимая». Несомненно, я обнаружила как раз то, что искала. Последнее «прости» моего отца, адресованное матери. Но что мне следовало делать дальше – я не знала...

Я подняла взгляд на статую Богородицы. Она изображала юную девушку, почти ребенка, трогательно хрупкую и беззащитную. Голова покрыта скромным покровом кающейся грешницы, в руках – резной кипарисовый крест, на губах – легкая улыбка любви и прощения. И внезапно я поняла – ну конечно, эта удивительная, отлитая из серебра фигура, поставлена здесь не случайно. Уж слишком сильно отличается она от привычного канонического изображения матери Иисуса. Поэтому что сделана она по заказу моего отца и воплощает образ юной Маргариты, принявшей мученическую смерть ради любви и рождения избранного чада. На моих глазах выступили слезы сочувствия. Несмотря на всю свою осведомленность, я только сейчас до конца осознала, какие нечеловеческие страдания пришлось выдержать этой нежной девочке. Гонтор де Пюи предупреждал, что мне придется пройти через испытания любовью, дружбой и состраданием. Любовь – это Конрад, дружба – это ангелы, обманом завлеченные на кладбище, а сострадание – вот оно... Но ведь именно через них прошла и моя мать. У каждого из нас своя Голгофа, свой тяжкий крест. Маргарита познала жертвенную любовь, ставшую для нее и религией, и высшим смыслом существования. Страдания очищают. И я уже не сомневалась, что душа матери попала в Рай, став одним из ангелов Божьих. Я почувствовала внезапный прилив вдохновения, смешанный с неудержимым желанием выразить умершей матери свою благодарность и восхищение силой ее невероятной любви к недостижимому мужчине. Я разделила ее горе по утраченному возлюбленному, как никто иной понимая испытанное Маргаритой чувство. Случается порой, что короткие встречи ведут к большим потерям, а мимолетный час любви предшествует расставанию навсегда.

Конечно же, мне доводилось слышать о «Вольто Санто», чудесном платке из белого шелка, хранящемся в храме Святого Николая, расположенном в Манопелло. Эту удивительную реликвию еще называют истинной иконой и почитают как одну из величайших святынь, наравне со знаменитой Туринской плащаницей. Согласно легенде, добрая женщина Вероника пожалела приговоренного к казни Иисуса, изнемогающего под тяжестью креста, влекомого им к месту распятия. Она подала ему свой платок, дабы мученик утер окровавленное лицо. Господь поблагодарил женщину и вернул ей испачканный платок со словами: «Пусть он напоминает обо мне». На платке отпечатался лик Христа со сломанным от истязаний носом, исцарапанным лбом и опухшей от удара бичом щекой. Но наша память ничуть не отличается от такого же платка, бережно сохраняя воспоминания о душе и облике любимых, ушедших от нас безвозвратно. И подчас эти воспоминания становятся самым страшным испытанием. У меня пересеклось дыхание, голос дрожал от слез, но идея молитвы возникла в глубине моего страдающего сердца, облекаясь в слова и обретая силу.

Я молюсь на стыке трех дорог,
У простого, древнего креста,
Чтобы Бог ко мне был чаще строг,
И не стала жизнь моя проста.

Возложи на плечи тяжкий груз,
Да слезами пыль с колен омой,
Но позволь мне выдержать искус,
На Голгофу дай взойти с тобой.

Здесь земная слава не при чем,
Не к лицу и ангельский мне чин,
Подпереть позволь тебя плечом,
Состраданье – слаще всех причин.

Только боль, как близости залог,
Бьется в сердце, память вороша.
Принял ты из рук моих платок,
Кровь из ран обтер им не спеша

И ушел, мне слова не сказал,
Отмеряя вечности виток,
Лишь любовь свою мне доказал,
Возвращая благостный платок.

Может, я отныне не чиста,
Что с тобою участь не делю,
Не дано лежать мне у креста,
У любви ушедшей на краю.

Но струится эхо вдалеке,
Ароматом ладана дыша:
«Тот платок всегда в твоей руке,
Ну а в нем живет моя душа...»

– Селестина! – ангельский шепот звенел благозвучнее хрустального колокольчика. – Не грусти так, дочка! Ведь любовь достойна любой жертвы, – прозрачная, светлая тень отделилась от статуи Богородицы и подплыла ко мне, источая упоительный аромат цветущих роз.

– Это кто, привидение? – с легкой паникой в голосе поинтересовалась Оливия у меня за спиной. – Друзья, а вам не кажется, что этот день по насыщенности мистическими явлениями уже зашкаливает все разумные пределы?

– И не страшно ничуть, – с заиканием бормотал Натаниэль, намертво вцепившись конвульсивно скрюченными пальцами в спинку скамейки, – подумаешь, полтергейст обыкновенный!

– Мама! – я протянула руки ей навстречу, купаясь в исходящем от тени Маргариты тепле и свете. – Как ты там, мама?

– О, мне там хорошо! – радостно прожурчал девичий голосок. – Я рада видеть, какой умницей и красавицей ты стала!

– Мама, – осторожно напомнила я, – отец страдает...

– И зря, – печально ответила Маргарита. – Передай ему – все произошло так, как и должно было. Его вины в том нет, он сделал меня счастливой. И когда-нибудь мы снова

встретимся.

– Помоги мне, – с нажимом в интонациях попросила я, – укрой Грааль!

– С радостью, – серебристо рассмеялся призрак. – В наш мир стригои не вхожи. У нас Чаша Господня сохранится в безопасности. До нужного времени...

– А когда оно настанет, это время? – взволнованно спросила я. – Как я об этом узнаю?

– О, ты все поймешь сама, дочка! – Грааль невесомо выплыл из моих рук и исчез в луче золотистого света, исходящего от статуи. – Прощай. Прими дарованные тебе испытания, и путь твой определится... – прозрачная тень матери растаяла в воздухе, оставляя после себя светлую грусть и некоторую боязнь предстоящего.

– Уф, – с облегчением выдохнула Оливия, последние десять минут не сходявшая с одного места и сейчас осторожно разминающая затекшие ноги, – присутствовала я как-то на спиритическом сеансе, так вот – то мероприятие выглядело настоящим фуфлом по сравнению с явлением призрака твоей матушки, художина!

Нат согласно кивнул головой, всецело разделяя мнение валькирии, отлепляясь от скамейки и вполголоса бубня что-то классическое, вроде бы из Шекспира: «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам...».

Я развернулась на каблуках и молча пошла по проходу между деревянными сиденьями, к выходу из базилики. Мне предстояло мужественно принять дарованные свыше испытания. И первое из них уже близилось, потому что я отлично знала, кто поджидает меня снаружи.

Она стояла возле стены колумбария, обратив к базилике искаженное бешенством лицо. Свежая алая кровь густо пятнала светлый мех роскошной норковой шубки и запеклась в уголке яркого, капризно изогнутого рта. Черные спутанные локоны извивались будто ядовитые змеи. Завороженные темной магией умертвия немного отступили, пропуская вперед многочисленных, до зубов вооруженных воинов. Да, нужно отдать должное моей весьма неглупой сестрице – в мужчинах она разбиралась не плохо! Личная гвардия Андреа состояла из хорошо натренированных бойцов, уровнем подготовки не уступающих какому-нибудь элитному подразделению спецназа. В руках у стригойки туманно отсвечивал уже знакомый мне волшебный посох. Рядом со мной потрясенно присвистнул Натаниэль, мгновенно попавший под воздействие демонической красоты стригойской повелительницы. Оливия злобно выругалась, по достоинству оценив напряженные позы противников.

– Лучше старенький «ТТ», чем дзюдо и каратэ! – нахально продекламировала она, извлекая из кобуры свою неразлучную «Беретту».

Нат удивленно изогнул изящную бровь:

– Оливия, какая муза тебя укусила?

Валькирия радостно осклабилась.

Шутки неугомонных ангелов, отважно веселящихся даже перед лицом превосходящих сил противника, вернули мне отличное настроение, наполняя душу бесшабашным отчаянием. Я понимала – сейчас нас начнут убивать, причем самым жестоким и изощренным способом! Но мне было наплевать. В конце концов, в мире существует немало вещей, куда более важных, чем жизнь – любовь, вера, дружба. И теперь меня мучило лишь одно – чувство вины перед друзьями, которых я утянула с собой в самую пучину Тьмы и страдания. Я обернулась к своим спутникам и, без слов поняв выражение моих глаз, они поддержали меня крепкими рукопожатиями.

– Ну, не убивайся ты так, Сел! Это ведь только начало всего! – лихо подмигнул Нат, спокойно подбрасывая на ладони здоровенный штурмовой тесак. – А убить нас не так-то просто.

– Да ты, с твоим-то характером, и в Аду чертям всю плешь проешь! – насмешливо поддержала валькирия.

– Спасибо тем, кто меня любит – вы делаете меня лучше! – я ласково улыбнулась верным ангелам. – Спасибо тем, кто меня ненавидит, – я послала сестрице воздушный поцелуй, – вы делаете меня сильнее. Спасибо тем, кому я пофигу, – я отвесила стригоям

шутовской поклон, – вы нужны мне для массовки.

Андреа раздраженно заскрипела зубами, да так громко, что это услышали даже мы.

– Нечего кривляться, дурочка! Ты проиграла. Вы повелись на мою выдумку с телефонными сообщениями, и сами отдались в наши руки. А кроме того, уж не знаю, какую еще глупость ты совершила, но я четко ощущаю – твоя ранее нерушимая защита пала. На тебе больше нет Божьего Слова, ты уже не избранная Дочь Господня! Теперь ты ничто. Отдай мне Грааль, и обещаю – все вы умрете быстрой смертью.

Я вызывающе усмехнулась ей в лицо.

– Даже ты, повелительница, не способна предусмотреть и просчитать все. Чаша Господня сейчас находится там, куда тебе нет хода. Так что обломайся, великая!

Андреа глухо взвыла:

– Я выблюю из тебя признание о тайном укрытии Грааля. Я выжгу все в твоей душе – любовь, веру, дружбу...

– А вот фиг тебе, завистница! – с непонятной для стригойки горечью ответила я. – Вижу, ты сама сейчас маешься без любви. Что, не сладко тебе приходится без прекрасного графа Деверо?

Сестрица судорожно сжала кулаки, тщетно пытаясь побороть боль невосполнимой утраты.

– Да-а-а, – риторически разглагольствовала я, ни к кому конкретно не обращаясь, – ничто так не украшает женщину, как удачно подобранный мужчина. А своего ты потеряла, сестричка!

Я точно не уверена, произошло ли это наяву, или же мне только померещилось – но в синих глазах Андреа мелькнули две крупных прозрачных слезинки. Я озадачилась. Неужели в душе кровососки все-таки сохранилось что-то человеческое, и она любила Рауля по-настоящему? Но в следующий же миг Андреа горделиво выпрямилась.

– Подожди, строптивая сестрица, до твоего дружка-вервольфа я тоже доберусь! – мрачно пообещала она. – И тогда...

– Сдохни, мерзкая тварь! – внезапно раздавшийся, полный ненависти вопль резко нарушил нашу семейную беседу, слившись с негромким хлопком выстрела. На рукаве стригойки расцвело темное кровавое пятно...

В дверях базилики появился растрепанный Симон де Монфор, натужно выпучивший совершенно безумные глаза и сжимающий в руке пистолет. Он промахнулся, сумев лишь ранить проклятую стригойку.

Андреа удивленно прикоснулась к ране, явно не способная допустить и мысль о том, чтобы какой-то несчастный грешник посмел покуситься на ее неприкосновенность. Ее лицо медленно исказилось, принимая вид ужасной маски безумия и одержимости жаждой мщения. Магический посох взметнулся вверх.

– Взять их! – царственно приказала стригойка, жестко поджимая губы. – Они нужны мне живыми!

Этот бой стал яростным, но обидно неравным и коротким. Мои клинки всласть напились стригойской крови. На снегу валялись изуродованные тела врагов. Но патроны закончились, а руки устали рубить и колоть. Нас задавили количеством, связали и бросили к ногам торжествующей Андреа. Стригойка презрительно приподняла стройное колено и поставила остроносый сапожок на насильно согнутую шею Симона де Монфора.

– Ты, – прошипела она, – ты истребил слишком много моих родичей. Ты сжег их на костре, святоша. Час отмщения настал. Прими же столь любимую тобой кару!

Стригой принесли столб, вкопали его в землю, обложили хворостом и щедро полили бензином. К столбу привязали Великого грешника, по моему мнению – уже мало понимающего, что с ним происходит. О, как он горел! Боюсь, пронзительные вопли этого нераскаявшегося охотника за катарами я не смогу забыть до конца своих дней. Но когда Симона провели мимо меня, спеша водрузить на костер, он вдруг рванулся с силой,

неожиданной в таком немощем теле, наклонился к моему уху и торопливо прошептал несколько слов...

Внимательно вслушавшись в его сбивчивый лепет, я недоверчиво покачала головой, испытывая состояние, близкое к шоку...

Не стану скрывать, тогда я была почти уверена в том, что тайна, поведенная мне Симоном, изжила себя уже давным-давно, превратившись в страшную, неправдоподобную сказку.

Или же время, подходящее для раскрытия этой тайны, еще не пришло.

Эпилог

Они пытали и мучили меня трое суток без перерыва. Сначала для того, чтобы выбить признание о спрятанном Граале. А потом, убедившись в недейственности боли, угроз и унижений, просто из желания убить, разрушить мою физическую, столь ненавистную стригоям оболочку. На первый взгляд – такую хрупкую и ранимую. Но раны на моем теле затягивались почти мгновенно, не оставляя даже рубцов. Я не горела в огне – странным образом восстанавливая ткани, обугленные до костей. Я не тонула в воде и не разбивалась от падения с неимоверной высоты. Перепробовав на мне дыбу и «испанский сапог», удушение и «стальную деву», представляющую собой металлический шкаф, сплошь утыканный острыми лезвиями, стригои с удивлением убеждались, что я оживаю после самых смертоносных истязаний. С хрипом выплевываю воду пополам с кровью, открываю глаза и начинаю дышать. Переношу нечеловеческую боль, стиснув зубы так, что они начинают крошиться друг о друга. Нагло смеюсь и напеваю похабные песенки. Опять и опять, раз за разом. И тогда, до дна исчерпав свою черную фантазию, изверги наконец-то отступились.

Они завязали мне глаза, опутали избитое тело ржавыми цепями и уложили в огромный каменный гроб. Презирая оружие божьего воина, даже не потрудились отобрать мои заветные кэны. Клинки солнечной богини Ама́тэрасу оказались не нужны Детям Тьмы – их небрежно бросили поверх меня. Я почувствовала, что гроб куда-то несут, потом опускают вниз и, по-видимому, засыпают землей, комья которой глухо стучали по каменной крышке. А потом все звуки исчезли. Я покоилась посреди могильной тишины и холода, скованная так крепко, что мышцы сначала налились жгучей болью, а потом онемели, полностью утрачивая чувствительность. Несгибаемую экзорцистку погребли заживо, навечно оторгнув от мира Света, но так и не предав миру Тьмы. Можно ли придумать более ужасное наказание?

Я сотни раз умирала от недостатка воздуха, но лишь для того, чтобы тут же воскреснуть и опять начать задыхаться. Мои страдания давно превысили порог терпимости, рецепторы зашкаливали. Голова гудела будто колокол, легкие разрывались от чудовищной муки, от которой не находилось спасения, глаза налились кровью. Мой путь на Голгофу длился бесконечно. Ждать помощи было неоткуда. Я металась в бреду, то выплывая из мрака захлестнувшего меня отчаяния, то вновь погружаясь в темные омуты помешательства. Какие там испытания пророчил мне Гонтор де Пюи? Вранье, все это оказалось враньем... Поддавшись сиюминутным эмоциям, я неразумно забыла в квартире вервольфа свой серебряный крест и тем самым утратила последнюю Божью защиту. Я утратила умение сострадать – потому что сама страдала под пытками, похожими на терзания Христа. Я утратила дружбу – потому что не знала, какая участь постигла моих верных товарищей-ангелов. Я утратила любовь – потому что сама задушила ее слабые ростки. Я вспоминала всю свою жизнь, оставшуюся в прошлом: монастырь, учебу, ночь нападения стригоев, кардинала ди Баллестро, ставшего новым предателем Иудой. Но, многократно пройдя по замкнутому кругу безысходности, мои мысли снова и снова возвращались к тому возвышенному чувству, которого не досталось ни мне с Конрадом, ни моим родителям – к чувству любви так и не ставшей настоящей. И невольно я начала повторять строки из апокрифического «Евангелия от Марии Магдалины», признанного еретическим и так и не

вошедшего в Библию, перефразируя их на свой лад:

Дали в руки рубанок грубый,
Говорили: «Строгай сильно!»
Крест ты мой – из святого дуба,
А мне до лжно бы – из осины.

Поливать бы водой из лужи,
А полили водой из пруда,
Только совесть кричит натужно:
«Нет прощенья тебе, Иуда!»

Ведь предательство, эго диво,
Будет впредь всем другим наука,
Что кидается пес шелудивый
Откусить кормящую руку.

Что же корчишься пред распятым?
Отчего так на сердце плохо?
Что ты плачешь над ним, запятнанным
Поцелуев твоих Голгофой.

Где ладони твои пробитые?
Что ж ему помогала мало?
Когда шел под крестом, избитый,
Ты плечо ему не подставляла.

Ты сияла на солнце, рыжая,
И в кудрях твоих лента ала...
Как ты смела любить, бесстыжая?
Ты, распутница из Магдала.

Он тебе не дарил обещание,
О любви не сказал ни слова,
Лишь взглянул на тебя, на прощание,
И в душе – вдруг не стало крова.

А я Библию правлю кровью,
Словно тело – алтарь. Прикроватно.
То, что стать бы могло любовью,
То дороже любви. Стократно.

«А может быть, то, что дается нам с кровью и покаянием, и есть самое дорогое, самое важное? – горячечно подумала я. – И последний шанс наново переписать историю земного бытия еще не потерян? Еще можно спасти мир и изгнать стригоев. Еще можно воскресить любовь. Еще можно снять с креста себя и других страдальцев. Еще можно избежать наступления черной зимы и начать все с начала. А для этого ведь и нужно-то всего ничего – только поверить, простить и позвать...»

Как и предрекал Павел, я не получила ни смерти, ни жизни. Зависла где-то между ними. Но у меня пока еще оставалась надежда вернуть любовь. Я верила – любовь подобна птице феникс, возрождающейся из праха и горя, обиды и несправедливости. Любовь сильнее стригоев, сильнее жизни и даже смерти. Любовь правит миром. Ведь сам Бог – это тоже

любовь. Я внезапно вспомнила, чьи карие глаза являлись мне в купели со святой водой... И тогда, преодолевая боль, срывая голосовые связки и сжигая остатки кислорода, я закричала – вкладывая в произносимый мною призыв всю силу своей последней, полумертвой, почти нереальной веры. Веры в единственного мужчину, которого я когда-либо любила:

– Конрад! Где же ты? Спаси меня, Конрад!